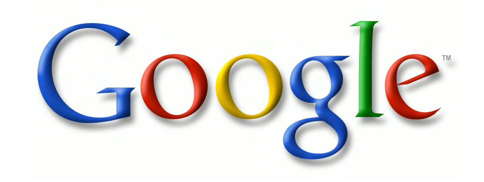
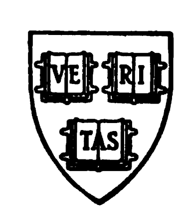

VE
RI
TAS

ОТЧЕТЫ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1852—1865 г.

ОТЧЕТЫ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1852—1865 Г.

ОТЧЕТЫ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1852—1865 ГОДЫ,

СОСТАВЛЕННЫЕ

ПО ОПРЕДѢЛЕНІЮ ОТДѢЛЕНІЯ

АКАДЕМИКАМИ:

П. А. Плетневымъ, И. И. Давыдовымъ, А. В. Никитенко и
Я. К. Гротомъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)
1866.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1866 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Въ 1852 году покойный П. А. Плетневъ издалъ собраніе составленныхъ имъ Отчетовъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе существованія этого учрежденія. Нынѣ, по опредѣленію Отдѣленія, издаются такимъ же образомъ писанные разными членами его Отчеты за 1852—1865 годы. Къ концу тома приложенъ Хронологическій списокъ всѣхъ членовъ Отдѣленія, начиная со времени образованія его, составленный по образцу такого же перечня, помѣщеннаго въ Ученыхъ Запискахъ Отдѣленія (кн. II.).

1852.

ОТЧЕТЪ ЗА 1852 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРН. АКАДЕМИКОМЪ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Читанъ имъ въ торжественномъ собраніи Академіи
29 декабря 1852 года.

I.

Истекающимъ нынѣ 1852-мъ годомъ опредѣлилось начало трудовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности во второмъ десятилѣтіи со времени его основанія. Одинъ періодъ сдѣлался достояніемъ исторіи, другой только развернулъ свою программу. Въ прошедшемъ году Отдѣленіе, изданіемъ Отчетовъ своихъ за первое десятилѣтіе въ одной книгѣ, сообщило ученому свѣту матеріалы своей исторіи. Оно считаетъ себя вправѣ выразить одно убѣжденіе, что въ трудахъ своихъ неуклонно стремилось сообразоваться съ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ, для него предначертаннымъ. Оконченныя имъ изданія составляли прямую и первую его обязанность.

Удовлетворивши начальными трудами своими главнѣйшей общей потребности, Отдѣленіе съ 1852 года увеличило число предметовъ, на которыхъ должна обнаружиться его дѣятельность. Тѣмъ не менѣе оно не вышло за предѣлы отечествен-

наго языка и его словесности, двухъ идей, выражающихъ тему трудовъ его. Кому не извѣстно, что эта задача, въ самомъ естественномъ раздробленіи своемъ, представляетъ неисчерпаемый источникъ ученой дѣятельности? Теорія, критика и исторія, въ приложеніи къ предметамъ нашихъ занятій, образуютъ изъ нихъ обширнѣйшую область знаній, обработываемыхъ людьми специальными, изъ которыхъ каждое лицо можетъ и должно посвятить долгіе годы избранной имъ части. Въ этомъ убѣжденіи Отдѣленіе русскаго языка и словесности постепенно разширяетъ программу годичныхъ трудовъ своихъ.

Особы, внимательно слѣдовавшія за изданіями нашихъ занятій, конечно не могли пропустить безъ замѣчанія того обстоятельства, что въ 1852 году Отдѣленіе вызвало на филологическую и литературную дѣятельность много дарованій, обогащенныхъ наукою, много усердныхъ сподвижниковъ, оставшихся внѣ академической сферы. Это обстоятельство есть плодъ того же убѣжденія, что полное и удовлетворительное разрѣшеніе нашей задачи только и совмѣстно съ дѣятельностію разностороннею и общею. Притомъ же Отдѣленіе полагаетъ, что въ достиженіи цѣли его гораздо выше окончательный успѣхъ, нежели личная его заслуга, что его составомъ, какъ бы онъ ни былъ обширенъ и счастливъ, никогда не будетъ обнять весь кругъ достойныхъ дѣйствователей на этомъ поприщѣ, и что наконецъ, въ точномъ значеніи своемъ, оно образовано въ такой же степени для собственной дѣятельности, какъ и для ея возбужденія въ другихъ. Тѣмъ понятнѣе эти соображенія, и тѣмъ естественнѣе вѣрованіе въ нихъ, что мы обработываемъ предметъ, ближайшій къ сердцу каждаго изъ насъ: въ отечественномъ языкѣ и его словесности заключены умъ народа, его исторія, завѣты церкви, преданія предковъ, картины

жизни дѣйствительной и украшенной воображеніемъ, однимъ словомъ — здѣсь все, что отъ народа одно остается неисчезающимъ.

Сообразно усиленной дѣятельности Отдѣленія, настояла необходимость въ частыхъ его собраніяхъ, и потому въ теченіе всего года засѣданія происходили по два раза въ недѣлю, такъ, что въ годъ, за исключеніемъ вакаціоннаго мѣсяца, ихъ было 83. Постоянныя и многочисленныя сношенія съ разными мѣстами и лицами не могли не увеличить значительно, въ сравненіи съ прежними годами, оффиціальныхъ дѣлъ Отдѣленія, которыхъ число восходитъ до 1097 нумеровъ.

II.

Изъ общихъ трудовъ членовъ Отдѣленія, въ 1852 году, первое мѣсто занимаетъ окончаніе «Опыта областнаго великорусскаго Словаря». Его послѣдніе пять листовъ, дополненные и исправленные въ засѣданіяхъ, были заключительною работою предпріятія, о которомъ первая мысль возникла у насъ за шесть лѣтъ. Отдѣленіе не безъ удовольствія увидѣло, что появленіе въ печати этого Словаря вызвало много ученыхъ и для общаго дѣла полезныхъ сужденій и замѣчаній литераторовъ нашихъ. На самыя основательныя и справедливыя изъ нихъ удовлетворительнѣйшимъ отвѣтомъ служитъ исторія составленія Словаря. Предположивши заняться первымъ опытомъ этого изданія, Отдѣленіе поручило собраніе областныхъ словъ на мѣстѣ лицамъ, по своей должности ближайшимъ къ дѣлу. За полноту и правильность собиранія словъ они сдѣлались отвѣтчиками. Критика Отдѣленія могла касаться однѣхъ явныхъ несообразностей объясненія, правописанія и т. под. Главнѣйшая цѣль его состояла въ общемъ возбужденіи идеи разграниченія словъ,

принадлежащихъ языку всего народа, и словъ, составляющихъ исключительную собственность опредѣленнаго мѣста, или края. Не нужно большàго вниманія, чтобы убѣдиться, съ какими сопряжено затрудненіями это одно разграниченіе. Между тѣмъ сколько явилось важныхъ результатовъ отъ этого предпріятія! Законы измѣненія буквъ въ выговорѣ, словопроизводство, правописаніе, отношеніе древняго значенія словъ къ новому, переходъ ихъ изъ одного соплеменнаго нарѣчія въ другое — все подверглось новымъ изысканіямъ, и повлекло за собою новыя разрѣшенія. Существенная польза столь многосложнаго филологическаго возбужденія еще впереди. Оно должно привести насъ къ новому воззрѣнію на самую грамматику.

Въ настоящее время, Отдѣленіе, пользуясь собственнымъ трудомъ, озаботилось не только пополненіемъ его, но и этимологіею любопытнѣйшей въ немъ части, именно тѣхъ словъ, которыя остались въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи крѣпкими памятниками старыхъ судебъ ея. Иностранныя слова, вошедшія къ намъ въ языкъ съ незапамятныхъ временъ, такъ обрусѣли въ устахъ народа, что надобно было вызвать спеціально ученыхъ людей для каждой примѣси. Къ счастію, не только сама Академія, но и всѣ русскіе университеты могли представить отдѣленію достойныхъ сотрудниковъ по всѣмъ частямъ филологіи восточной, скандинавской и славянской. Эта совершенно у насъ новая работа, обѣщающая драгоцѣнные плоды для языкознанія, началась такъ усердно и такъ счастливо, что нѣтъ надобности и распространяться о ней. Чѣмъ разнообразнѣе будутъ продолжаться объясненія, тѣмъ легче со временемъ откроется истина. Соединивши въ одно цѣлое дополненія Словаря съ тѣми выводами, которые окажутся за несомнѣнные по предположеніямъ стольких филологовъ, Отдѣленіе получитъ возможность въ но-

вомъ изданіи сообщить Словарю окончательныя совершенства. Но прежде всего оно позаботится напечатать «Дополненіе къ Опыту областнаго великорусскаго Словаря».

III.

Печатаніе «Словаря западно-русскаго нарѣчія», котораго редакторомъ избранъ былъ Отдѣленіемъ, членъ археографической коммиссіи протоіерей І. Григоровичь, продолжалось до 1-го ноября. Къ общему сожалѣнію, достойный сотрудникъ нашъ скончался, успѣвши кончить только десять листовъ изданія.

Отдѣленіе немедленно приступило къ замѣщенію редактора новымъ лицемъ, которое бы, уже представивъ ученому свѣту ручательства своихъ знаній, какъ по славянской филологіи вообще, такъ и въ особенности по западно-русскому нарѣчію, могло быть призвано на продолженіе труда, требующаго тонкихъ изслѣдованій. Уроженецъ тамошняго края, довершившій образованіе свое въ императорскомъ московскомъ университетѣ, С. П. Микуцкій, сообщилъ въ Отдѣленіе столько опытовъ спеціальныхъ трудовъ своихъ, именно по той части, которой редакція остается безъ дѣйствователя, что Отдѣленіе охотно обратилось къ нему съ предложеніемъ. Когда приведены будутъ къ окончанію всѣ условія по этому дѣлу, для самыхъ успѣховъ его необходимыя, можно съ увѣренностію сказать, что изданіе Словаря получитъ движеніе безостановочное и вполнѣ для общей пользы удовлетворительное.

IV.

Особенное вниманіе обращено было Отдѣленіемъ на обработаніе плана новаго изданія «Словаря русскаго языка».

Въ первомъ изданіи, Словарь отдѣленія соединилъ въ себѣ сокровища нарѣчій церковно-славянскаго, стараго русскаго и новаго русскаго, такъ, что онъ служилъ пособіемъ для литературъ церковной, старинной и современной. Признавая важнѣйшею обязанностію своею постоянное совершенствованіе этого Словаря, Отдѣленіе никогда не упускало изъ вида пріобрѣтенія дополненій къ нему и улучшенія прочихъ принадлежностей лексикографіи. При этихъ соображеніяхъ естественно возникъ вопросъ: настоитъ ли надобность соединять въ одномъ Словарѣ два языка — остающійся только въ книгахъ, и обращающійся въ устахъ и литературѣ современниковъ? По большинству голосовъ въ Отдѣленіи, подкрѣпленному письменными отзывами множества извѣстныхъ писателей, наконецъ рѣшено отдѣлить для новаго изданія Словаря словà живаго языка, не смѣшивая съ ними языка уже мертваго.

Это основное правило, какъ оно ни кажется просто и опредѣлительно, потребовало много изслѣдованій въ своемъ примѣненіи къ дѣлу. И дѣйствительно: на чемъ безошибочно утвердиться, что одно, или другое слово безвозвратно выбыло изъ современнаго языка? Въ продолженіе столѣтія не является оно у писателей? Но для изображенія какого нибудь предмета, въ извѣстную эпоху и на извѣстномъ мѣстѣ, можетъ быть, только этимъ словомъ и надобно воспользоваться. Такого рода недоумѣнія, возникающія во время сужденій о каждомъ изъ новыхъ правилъ, начертанныхъ предварительно для изданія Словаря, служили поводомъ ко множеству основательныхъ и полезныхъ изслѣдованій Отдѣленія. Они были дополняемы мнѣніями литераторовъ, принявшихъ живое участіе въ дѣлѣ, для всѣхъ равно близкомъ и занимательномъ. Чуждое всякаго пристрастія и свободное отъ малѣйшаго ощущенія личности, Отдѣленіе охотно при-

нимало всѣ измѣненія въ своихъ правилахъ и въ самомъ планѣ изданія, если что находило болѣе твердымъ и прямѣе приводящимъ къ главной цѣли.

Между тѣмъ, чтобы теоретическимъ улучшеніямъ доставить практическое оправданіе, академики, принявшіе на себя обязанность редакторовъ новаго изданія, вносили на разсмотрѣніе Отдѣленія пробные листы Словаря въ томъ видѣ, въ какомъ предполагалось напечатать ихъ вполнѣ. Ихъ чтеніе наиболѣе способствовало къ соглашенію разныхъ взглядовъ и мыслей. Послѣдовавшее окончаніе предварительныхъ работъ представляетъ самый утѣшительный результатъ для Отдѣленія по изданію Словаря. Съ этимъ окончаніемъ тѣсно связано общее и безостановочное движеніе столь важнаго и въ точномъ смыслѣ новаго предпріятія.

V.

Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1852 года оканчивалось печатаніе «Опыта общесравнительной Грамматики русскаго языка», изданнаго Отдѣленіемъ. До какой степени повсюду нуждались у насъ въ правильномъ изложеніи этой науки, можно судить потому, что, спустя два мѣсяца послѣ выхода книги, Отдѣленіе нашлось въ необходимости приступить ко второму ея изданію, которое нынѣ приведено къ окончанію. Г. министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастіе представить Его Императорскому Величеству оба оконченные труда Отдѣленія: «Областной Словарь» и «Общесравнительную Грамматику», за совершеніе которыхъ, 3 апрѣля, г. предсѣдательствующему и прочимъ академикамъ, участвовавшимъ въ составленіи означенныхъ книгъ, объявлено Высочайшее благоволеніе.

Второе изданіе «Грамматики» представляетъ улучшенія во

всѣхъ ея частяхъ. Ея авторъ воспользовался не только новыми своими соображеніями и замѣчаніями членовъ Отдѣленія, но не оставилъ безъ вниманія и примѣненія къ труду своему ни одного изъ тѣхъ разборовъ, которые, при появленіи въ свѣтъ сочиненія его, были напечатаны опытными педагогами, или доставлены въ Отдѣленіе извѣстными литераторами. Наука языка, котораго устное нарѣчіе такъ рѣзко отдѣляется отъ книжнаго, не вдругъ и не легко можетъ быть приведена въ полную, стройную и на всѣ вопросы отвѣчающую систему.

VI.

Въ продолженіе 1852 года, новымъ занятіемъ Отдѣленія было разсматриваніе «Памятниковъ и Образцевъ народнаго языка и словесности». Здѣсь, какъ было сказано въ программѣ, которою Отдѣленіе приглашало къ участію всѣхъ любителей и знатоковъ отечественной словесности, разумѣются образцы мѣстныхъ нарѣчій, образцы народной словесности и образцы мѣстной словесности письменной. Эта обширная отрасль народной литературы, равно служащая къ обогащенію отечественной исторіи и отечественной словесности, нашла въ Отдѣленіи свое законное и достойное мѣсто. До сихъ поръ она оставалась безъ вѣрнаго пристанища, разсѣянная по частнымъ кабинетамъ, или просто въ устныхъ преданіяхъ, подвергаясь всѣмъ случайностямъ зыбкаго существованія. Если и занимались ею нѣкоторые чтители древностей, то все же не было въ обработываніи ея ни единства, ни постоянства, ни полныхъ способовъ. Здѣсь же, изъ ея совокупности, не только Отдѣленію, но и всѣмъ знатокамъ и любителямъ отечественнаго слова, постепенно будетъ образоваться ясная мысль, видимый образъ, твердый

составъ цѣлаго, которое въ послѣдствіи времени само укажетъ на истинные законы, на сокровенную логику народнаго ума, вкуса и фантазіи.

Опытъ перваго года былъ такъ счастливъ, что предположенія наши не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вызовъ Отдѣленія повсемѣстно принятъ былъ съ явнымъ сочувствіемъ. Въ каждомъ засѣданіи его были прочитываемы вновь доставляемые матеріалы «Памятниковъ и Образцевъ народнаго языка и словесности». Словари и Грамматика, обработываемые Отдѣленіемъ, постепенно будутъ совершенствоваться въ новыхъ изданіяхъ своихъ, по мѣрѣ этихъ счастливыхъ пріобрѣтеній. Такъ называемая «изящная словесность» не останется безъ обогащенія. Извѣстно, что ей придаютъ лучшее достоинство точныя выраженія и вѣрныя краски, которыхъ источникъ таится въ языкѣ и воображеніи народа. Вдохновеніе ничего не творитъ по прихоти, а только глубже способно вникать въ сокровенныя области жизни, которыя передъ нимъ озаряются свѣтлымъ созданіемъ народнаго ума, часто даже однимъ счастливымъ словомъ. На поприщѣ филологіи и литературы едва замѣтныя явленія служатъ степенями, по которымъ наука подымается на высоту лѣстницы. Здѣсь нельзя ничего пропустить безъ вниманія, ежели желаешь сохранить ходъ правильный, твердый и несомнѣнно приближающій къ цѣли.

VII.

Независимо отъ этихъ пяти предметовъ, которые составляли кругъ общихъ занятій Отдѣленія, члены его вносили въ засѣданія «особенныя чтенія», болѣе или менѣе соприкосновенныя съ содержаніемъ ихъ обязательныхъ трудовъ. При всемъ разнообразіи формъ своихъ и самыхъ предме-

товъ, излагавшихся въ нихъ, чтенія преимущественно состояли изъ разборовъ, такъ, что ихъ можно раздѣлить на ученыя записки и собственно называемую критику. Нельзя не сказать утвердительно, что выборомъ этихъ трудовъ Отдѣленіе значительно будетъ содѣйствовать правильному направленію и успѣхамъ какъ ученой, такъ и изящной современной у насъ словесности. До сихъ поръ этотъ родъ русской литературы поддерживали только частныя лица въ періодическихъ своихъ изданіяхъ. Не говоря уже о томъ, что ученое общество разсматриваетъ всякій предметъ обстоятельнѣе и съ бóльшихъ сторонъ, никогда голосъ частнаго мнѣнія, сколько бы оно ни было безпристрастно и основательно, не произведетъ полнаго своего дѣйствія на всѣхъ читателей. Еще медленнѣе и слабѣе будутъ распространяться высказываемыя имъ истины, когда въ источникѣ ихъ откроется пристрастіе и личность, несовмѣстныя съ дѣятельностію совокупною и законно направленною къ общественной пользѣ.

Ежели въ общемъ значеніи уже такъ замѣтно расходится дѣятельность критики частной и совокупной, то на какомъ разстояніи должны быть представлены мнѣнія ихъ при нынѣшнемъ направленіи вкуса, не у насъ только, но и во всей европейской литературѣ! Явные парадоксы, стремленіе ко всему изысканному и обремененному ложными украшеніями, жажда однихъ рѣзкихъ и грубо потрясающихъ душу впечатлѣній, отверженіе законовъ истины и чистой красоты, презрѣніе тѣхъ образцевъ, которымъ неизмѣнная въ прелести своей природа служила основаніемъ и вдохновеніемъ, ложь и клевета на благороднѣйшія качества безсмертной души человѣка, словомъ — этотъ явный переворотъ въ понятіяхъ объ эстетикѣ, объ изящныхъ искусствахъ и особенно о произведеніяхъ литературы давно вызывалъ на попри-

ще критики судъ просвѣщенный, безпристрастный и достойный довѣрія общаго.

VIII.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе 1852 года постоянно представляло публикѣ плоды своихъ трудовъ въ издаваемыхъ имъ «Извѣстіяхъ». Послѣ появленія перваго ихъ выпуска, оно не могло не почувствовать, что это предпріятіе гораздо болѣе удовлетворяло современной потребности, нежели сколько можно было ожидать, судя по направленію его, исключительно ученому. До отпечатанія втораго выпуска потребовалось повторить изданіе перваго. Естественно, что общественный вызовъ на труды усилилъ дѣятельность Отдѣленія, которое, начиная со втораго выпуска «Извѣстій», значительно увеличило число сочиненій, предназначаемыхъ для каждаго изъ нихъ.

Не было надобности въ особенныхъ усиліяхъ, чтобы изданію Отдѣленія придать замѣтное разнообразіе. Оно само собою проистекало изъ широкаго круга тѣхъ занятій, которыя Отдѣленіе себѣ предназначило. Вниманіе членовъ его обращено было исключительно на достоинство вопросовъ, на отношеніе ихъ къ современному состоянію наукъ, на полезные результаты изслѣдованій и на твердость истинъ, которыя принимаемы были въ основаніе сужденій. Выше всего поставляя исполненіе обязанностей, непосредственно возложенныхъ на него, отдѣленіе постоянно подвергало разсмотрѣнію своему всѣ части филологіи нарѣчій, соплеменныхъ съ отечественнымъ, и такимъ образомъ успѣло приготовить въ одинъ годъ довольно матеріаловъ для окончательной обработки науки славянскихъ языковъ.

IX.

Наравнѣ съ «Извѣстіями» Отдѣленіе напечатало часть «Памятниковъ и Образцевъ народнаго языка и словесности», собранныхъ въ нынѣшнемъ году, что представляетъ какъ бы основаніе той любопытной библіотеки, которая въ продолженіе извѣстныхъ лѣтъ должна образоваться при нашихъ «Извѣстіяхъ». Особенно два отдѣла должны остановить на себѣ вниманіе изучающихъ нарѣчія славянскія въ лучшемъ ихъ источникѣ: это народныя пословицы и народныя пѣсни — философія и поэзія народа. Кромѣ памятниковъ отечественной старины, тутъ же находятся образцы народной словесности соплеменниковъ нашихъ: Болгаръ, Карпатскихъ горцевъ, Кашебовъ и Хорутанъ. Изданныя съ филологическими и историческими примѣчаніями, эти любопытныя произведенія становятся доступными любознательности каждаго читателя.

Не входя въ изложеніе эпохъ и мѣстностей произведеній разсматриваемаго отдѣла, напечатанныхъ въ 1852 году, нельзя однакоже не упомянуть о драгоцѣнной находкѣ, доставленной въ Отдѣленіе академикомъ І. X. Гамелемъ. Она неожиданно встрѣтилась ему въ оксфордской библіотекѣ и живо представляетъ намъ незабвенную для русскаго сердца эпоху прибытія изъ Польши въ родную Москву патріарха Филарета Никитича, родителя перваго Государя нашего изъ благословеннаго Дома Романовыхъ. Въ пѣсняхъ историческаго содержанія часто открывается болѣе любопытнаго и назидательнаго, нежели въ длинной лѣтописи.

X.

Въ то время, какъ печатаніе «Извѣстій» и «Памятниковъ народной словесности» получило устройство и движеніе, но-

вое предпріятіе оказалось необходимымъ для отдѣленія. Литераторы и ученые, по любви къ филологіи вступившіе въ сотрудничество съ членами Отдѣленія, высказали, въ сообщенныхъ ими лексикографическихъ мнѣніяхъ, столько замѣчательнаго, что, не смотря на разногласіе ихъ убѣжденій, надобно было передать публикѣ ихъ голоса. Отдѣленіе не замедлило печатать ихъ въ особомъ изданіи, подъ заглавіемъ «Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій». Оно тогда же довело до общаго свѣдѣнія, что «всѣ эти матеріалы печатаются въ томъ видѣ, въ какомъ доставлены, т. е., «съ сохраненіемъ убѣжденій, высказываемыхъ авторами, ихъ «доставившими»; что «мнѣнія могутъ быть во многомъ отличны одно отъ другаго, но Отдѣленіе не входитъ въ оцѣнку ихъ, предоставляя каждому автору быть лично защитникомъ мнѣнія, которое онъ считаетъ справедливымъ — и, «отлагая въ сторону свое рѣшеніе, передаетъ пока на судъ «общій только эти частныя мнѣнія, какъ пособія, или указанія дальнѣйшаго разбора дѣла»; что, наконецъ, «оно желаетъ пока одного—передать читателямъ какъ можно больше количество полезныхъ замѣчаній и тѣмъ возбудить сочувствіе къ дѣлу, столько же важному, сколько и трудному, требующему соучастія многихъ умовъ».

Такимъ образомъ началась эта лексикографическая лѣтопись, хранилище болѣе или менѣе счастливыхъ покушеній къ истолкованію того, что до сихъ поръ принималось и передавалось въ языкѣ почти безсознательно. Подобная лѣтопись должна принести несомнѣнную пользу не только читателямъ, остающимся внѣ поприща дѣйствователей, но и каждой сторонѣ состязующихся: съ помощію гласности, частное мнѣніе займетъ вниманіе самыхъ противниковъ его и незамѣтно приблизитъ всѣхъ къ одной цѣли, т. е. къ при-

знанію истины. Для подтвержденія этихъ словъ, достаточно указать на то, что въ изданныхъ нами «Матеріалахъ» пятью лицами, изъ которыхъ каждое въ правѣ быть представителемъ своей части, сравнены русскія слова со словами восточныхъ языковъ.

XI.

Послѣднее предположеніе касательно трудовъ общихъ, утвержденное Отдѣленіемъ, заключается въ печатаніи «Ученыхъ Записокъ». Онѣ явятся въ свѣтъ съ наступающимъ 1853 годомъ. Подобно тому, какъ I-ое и III-іе Отдѣленіе Академіи издаетъ подъ этимъ же названіемъ сочиненія академиковъ, по особенности содержанія своего, или по самому объему, неудобныя для помѣщенія ихъ въ «Извѣстіяхъ», II-ое Отдѣленіе въ своихъ «Ученыхъ Запискахъ» будетъ постоянно представлять публикѣ изслѣдованія членовъ своихъ о разныхъ предметахъ, не только относящихся къ русскому языку и его словесности, но и вообще входящихъ въ обширную область нравственно-историческихъ и словесныхъ наукъ.

Исчисленіе годичныхъ занятій Отдѣленія можетъ показать только обширность ихъ круга и самое содержаніе. Ближайшее и болѣе подробное изученіе ихъ предоставляется любовѣдѣнію каждаго изъ просвѣщенныхъ слушателей нашихъ. Все, что было предметомъ сужденій Отдѣленія въ его засѣданіяхъ (кромѣ «Ученыхъ Записокъ»), уже вышло въ свѣтъ и сдѣлалось общимъ достояніемъ.

При мысли, что ни одно предпріятіе наше, на пользу общую возникающее, еще не встрѣтилось съ какимъ-нибудь затрудненіемъ въ осуществленіи своемъ, чувство живѣйшей, глубокой благодарности всегда стремится къ вѣнценосному Покровителю благаго просвѣщенія въ отечествѣ, который,

неизмѣнно поощряя вѣрноподданническое усердіе и скромные, но съ добрымъ намѣреніемъ подъемлемые труды, ущедрилъ Академію всѣми способами для прекрасной ея дѣятельности. Ближайшій истолкователь священной воли Монарха, министръ народнаго просвѣщенія, и непосредственный руководитель Академіи, президентъ ея, направили труды каждаго Отдѣленія къ лучшей его цѣли. Отсюда незыблемыя начàла; отсюда стройное движеніе.

XII.

Частная дѣятельность академиковъ II-го Отдѣленія находится въ соразмѣрности съ количествомъ свободнаго времени, которое остается каждому изъ нихъ отъ ближайшихъ, прямыхъ обязанностей ихъ по службѣ. Нѣкоторые изъ членовъ Отдѣленія его поставлены даже внѣ всякой возможности дѣлить академическіе труды.

Г. предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, ординарный академикъ, И. И. Давыдовъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ», a) Начертаніе занятій II-го Отдѣленія, b) Мнѣніе о новомъ изданіи Русскаго Словаря, c) Записку касательно чтеній въ Отдѣленіи о современной литературѣ, d) Памяти ординарнаго академика В. А. Жуковскаго, и e) Значеніе Гоголя въ русской словесности. Въ «Начертаніи занятій Отдѣленія» г. предсѣдательствующій разсмотрѣлъ конченные труды его и перешелъ къ обозрѣнію тѣхъ, на которые, по Высочайше утвержденному Положенію, должна быть обращена дѣятельность академиковъ. Онъ раздѣлилъ ихъ на три главные рода, а именно: на труды теоретическіе, историческіе и критическіе. Подъ именемъ теоретическихъ онъ разумѣетъ: 1) лексикологическое и грамматическое познаніе отечественнаго языка, 2) общую и сравнительную грамматику,

3) словарь сравнительный, 4) сравнительную грамматику языковъ славянскихъ, и 5) теорію поэзіи и краснорѣчія. Къ изслѣдованіямъ историческимъ, по начертанію г. предсѣдательствующаго, относятся: 1) общая исторія литературы, 2) исторія отечественнаго языка и соплеменныхъ славянскихъ языковъ, 3) исторія русской литературы съ лѣтописью современной отечественной письменности, и 4) собраніе областныхъ словъ и народныхъ поговорокъ, пѣсень, сказокъ и другихъ преданій. Критика, по идеѣ автора, должна быть: 1) филологическая, разсматривающая внѣшнюю сторону словесныхъ изящныхъ произведеній, 2) эстетическая, проникающая во внутреннее ихъ изящество, и 3) основанная на изученіи совершеннѣйшихъ образцевъ, что связано съ потребностію переводовъ писателей классическихъ, древнихъ и новыхъ.

«Мнѣніе о новомъ изданіи Русскаго Словаря» г. предсѣдательствующій раздѣлилъ на три части: 1) о значеніи вновь издаваемаго Словаря, 2) о содержаніи и формѣ его, и 3) о образцахъ и источникахъ. При изслѣдованіи перваго предмета, онъ между прочимъ говоритъ: «Полный Словарь оте«чественнаго языка, по примѣру Словарей просвѣщенныхъ «народовъ, упредившихъ насъ въ литературномъ отношеніи, «по моему мнѣнію, долженъ совмѣщать въ себѣ идею и об«щаго Словаря, и литературнаго, и филологическаго». Далѣе прибавлено къ этому: «Въ Словарѣ отечественнаго язы«ка мы ищемъ объясненія понятій, выражаемыхъ словами, «развитія ихъ, и перехода понятій общихъ къ единичнымъ, «и наоборотъ, значенія и тоже перехода понятій конкрет«ныхъ къ отвлеченнымъ; желаемъ узнать корни, или перво«образныя реченія для производныхъ, не исключая и соб«ственныхъ именъ, значенія реченій иностранныхъ, опре«дѣленій грамматическихъ, примѣровъ изъ рѣчи народной

«и писателей». Представляя значеніе Словаря въ такомъ обширномъ видѣ, авторъ «Мнѣнія», въ тоже время, совершенно не соглашается, будто въ Словарѣ должны получить мѣсто всѣ слова, какія только съ первыхъ временъ существованія народа входили въ его рѣчь и литературу. Онъ убѣжденъ, что одни слова современнаго языка составляютъ настоящее достояніе Словаря. «Понятія народа, говоритъ онъ, «который идетъ на поприщѣ наукъ, расширяются; новыя «мысли требуютъ новыхъ формъ — и языкъ непремѣнно «измѣняется силою времени и самыхъ понятій. Употребленіе «современнаго общества указываетъ, съ чѣмъ должно раз«статься изъ наслѣдія прежнихъ временъ, и чѣмъ можно «воспользоваться». На этомъ основаніи, въ новомъ изданіи Словаря, г. предсѣдательствующій предполагаетъ изъ церковно-славянскаго языка и стариннаго русскаго помѣщать не всѣ слова, а только сохранившіяся въ общемъ употребленіи современниковъ и въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей нашихъ. Переходя къ опредѣленію содержанія Словаря, авторъ «Мнѣнія» разсматриваетъ сперва идею полноты его, а послѣ идею точности. Въ отношеніи къ первой, онъ такъ выражается: «Мы должны въ новомъ изданіи стѣ«снить предѣлы Словаря въ отношеніи къ языку церковно«славянскому — и вмѣстѣ съ тѣмъ распространить и увели«чить внутреннее его содержаніе. Ограничась только совре«меннымъ русскимъ языкомъ, не различая языка разговор«наго и книжнаго, внося въ Словарь всѣ заимствованія изъ «другихъ языковъ старославянскаго, греческаго, латинскаго «и новыхъ иностранныхъ, мы дадимъ этому современному «языку бóльшій объемъ, въ замѣнъ многихъ реченій, не«употребительныхъ въ наше время». Такъ какъ въ Отдѣленіи, передъ составленіемъ Словаря въ первый разъ, были приняты строгія правила, которыхъ обязаны были держать-

ся редакторы, то авторъ «Мнѣнія» разсматриваетъ ихъ и нѣкоторыя признаетъ полезными для новаго изданія, а другихъ не принимаетъ безусловно. Вотъ главнѣйшія изъ допускаемыхъ имъ: а) «Помѣщать въ Словарѣ современнаго «русскаго языка слова современнаго нашего общества, со«временной нашей жизни — семейной, общественной и ум«ственной; а слова церковно-славянскаго языка, нынѣ неупо«требительныя, отнесемъ къ другому, особому Словарю; b) въ «Словарѣ не могутъ имѣть мѣста слова техническія, какъ «принадлежность особой какой либо науки, или особаго искус«ства; но общія реченія всѣхъ родовъ знаній, составляю«щихъ *народную энциклопедію*, или *умъ народный*, должны «быть въ Словарѣ; с) по особенной способности русскаго «языка къ составленію сложныхъ словъ, многія такія слова «безотчетно введены въ разное время въ нашу словесность; «при помѣщеніи въ Словарь надлежитъ подвергать ихъ пред«варительно тщательному разбору съ большòю строгостію; «d) отвергать иностранныя слова, иногда безъ всякой надоб«ности и притомъ немногими употребляемыя; но реченія, «заимствованныя по необходимости вмѣстѣ съ новыми поня«тіями изъ иностранныхъ языковъ, вносить въ Словарь; «е) рачительно собирать слова, пропущенныя въ прежнемъ «Словарѣ; наконецъ, дополненіемъ къ прежнему Словарю «(говоритъ авторъ «Мнѣнія») почитаю включеніе въ наше «изданіе *собственныхъ именъ*, изъ которыхъ иныя выража«ютъ особенности русскаго языка». Объясненіе точности г. предсѣдательствующій ограничиваетъ преимущественно логическою вѣрностію въ изображеніи предметовъ и краткостію, чтò слѣдуетъ наблюдать какъ въ опредѣленіи словъ, такъ и въ послѣдовательности ихъ отъ одного значенія къ другому. О выборѣ примѣровъ онъ говоритъ: «Для новаго «изданія мы изберемъ по разнымъ родамъ сочиненій и пред-

«метовъ писателей, которыхъ выраженіями постараемся обо-«гатить Словарь. Притомъ слово и выраженіе, взятыя изъ «писателя, теряютъ свой смыслъ, какъ минералы, оторван-«ные отъ лона горъ, не имѣютъ значенія: нужно указать «мѣсто заимствованія изъ писателя. Но всѣ ли слова нужда-«ются въ примѣрахъ? Большая часть предметовъ физиче-«скихъ не имѣютъ въ нихъ никакой надобности; полезнѣе «показать происхожденіе ихъ названія, привести объясненіе «посредствомъ подобнозначащихъ словъ, или противополож-«ныхъ, и наконецъ показать ихъ управленіе». Что касается до формы, какую выгоднѣе принять для объясненія словъ въ новомъ изданіи Словаря, г. предсѣдательствующій сперва упоминаетъ о грамматическихъ опредѣленіяхъ, а послѣ о правописаніи. Въ отличіе отъ прежняго Словаря, онъ полезнымъ находитъ при глаголахъ показывать не одно неокончательное наклоненіе, а также 1 и 2 лице единственнаго и 3 лице множественнаго, настоящаго времени, изъявительнаго накл. и причастіе прошедшее страдательнаго залога. Для правописанія оставлено главнѣйшее правило прежняго изданія. Послѣдняя часть «Мнѣнія», касающаяся «образцевъ и источниковъ» первоначально обращена на Словари Линде и Юнгмана, послѣ разбора которыхъ авторъ заключаетъ: «Эти творенія служатъ подтвержденіемъ мысли, выше вы-«сказанной мною, что Словари могутъ относиться къ извѣ-«стному только періоду народной жизни, языка и словесно-«сти. Съ этой смотря точки на трудъ свой, мы опредѣлимъ «*циклъ* писателей, на которыхъ можемъ мы ссылаться при «опредѣленіяхъ словъ. Ограничиваясь лишь современнымъ «языкомъ, мы должны будемъ многіе изъ тѣхъ источниковъ, «изъ которыхъ почерпались объясненія и примѣры для преж-«няго Словаря, замѣнить другими».

«Записка касательно чтеній въ Отдѣленіи о современной

литературѣ» заключаетъ въ себѣ изложеніе побудительныхъ причинъ, по которымъ академики приняли это новое занятіе въ число своихъ ближайшихъ трудовъ.

Посвящая академическую бесѣду «Памяти ординарнаго академика В. А. Жуковскаго» отъ имени Втораго Отдѣленія, г. предсѣдательствующій взялъ въ основаніе всего этого сочиненія ту мысль, что «Жуковскій былъ образователемъ художественно-поэтическаго русскаго языка и художественно-народной словесности». Авторъ, со второй половины XVIII столѣтія и до нашего времени, видитъ въ отечественной литературѣ три періода, которыхъ отличіе опредѣляетъ онъ слѣдующимъ образомъ: «На первой степени «развитія и совершенствованія языка и словесности книж«ный русскій языкъ отдѣляется отъ церковно-славянскаго; «на второй — книжный языкъ сливается съ русскимъ народ«нымъ языкомъ, и появляется художественная словесность; «на третьей — образуются и языкъ и словесность художе«ственно-народные. Представителями этихъ трехъ степеней «всѣ русскіе признаютъ Ломоносова, Карамзина и Жу«ковскаго». Послѣ краткой характеристики первыхъ двухъ писателей, авторъ подробнѣе разсматриваетъ Жуковскаго. «Въ совершенствѣ изучивъ (говоритъ онъ между про«чимъ) нѣмецкую литературу, Жуковскій остался навсегда «вѣрнымъ этому новому направленію, этой поэзіи, которую «называютъ *философіею сердца*. Такъ какъ эта поэзія (при«бавляетъ авторъ) сродна каждому человѣку и каждому на«роду въ его юности, то она произвела сильное вліяніе на «нашу словесность: она воспитала все новое поколѣніе».

«Значеніе Гоголя въ русской словесности» изображаетъ г. предсѣдательствующій слѣдующими между прочимъ чертами: «*Юмористическое изображеніе пошлости жизни* со«ставляетъ характеръ произведеній Гоголя. Особымъ *юмо-*

«ромъ отличается онъ отъ другихъ писателей, сходныхъ съ «нимъ по направленію и равныхъ по таланту. Въ немъ глу-«бокое чувство и самая своенравная фантазія подчиняются «въ высшей степени аналитическому уму, который всѣмъ «образамъ сообщаетъ необыкновенное спокойствіе и вѣр-«ность въ очертаніяхъ. У него дѣйствіе проходитъ въ гла-«захъ нашихъ такъ же естественно и просто, какъ бываетъ «оно въ жизни. Гоголь забываетъ самого себя, и пересе-«ляется фантазіею въ міръ внѣшній. Отъ того въ его изо-«браженіяхъ и характерахъ удивительная ясность, опредѣ-«ленность, личность. Въ нихъ совершенное *согласіе дѣйстви-«тельности съ идеальностію* — цѣль изящнаго искусства. «Этимъ (продолжаетъ авторъ) и ограничиваются литератур-«ныя заслуги Гоголя. Избранный имъ родъ поэтическаго «творчества, выражаясь его же словами, *тина мелочей*, *опу-«тавшихъ нашу жизнь*, занимая насъ, не дѣйствуетъ одна-«ко на душу животворно, не увлекаетъ за собою, не соби-«раетъ около себя послѣдователей. Забавныя шутки и ка-«рикатуры не потрясаютъ насъ столько, какъ послѣдова-«тельное развитіе возвышеннаго предмета. Художественное «произведеніе во всѣхъ искусствахъ, какъ живой организмъ, «тогда является истиннымъ творчествомъ, когда части цѣ-«лаго представляютъ развитіе изъ одного начала, и когда «поэтъ и художникъ, проникнутые и одушевленные идеею «предмета, не искажаютъ ея излишними околичностями. Кро-«мѣ свойства самаго рода творчества, который, какъ все «*отрицающее*, не животворитъ и не влечетъ за собою, Го-«голю недостаетъ совершенства и безукоризненности выра-«женія; а совершенное выраженіе для писателя — стихъ и «рѣчь живописно-мелодическая». Г. предсѣдательствующій, опредѣляя сущность сочиненій Гоголя, вообще рѣшилъ три вопроса: 1) Сохранена ли въ произведеніяхъ его идеальная

вѣрность лицъ и характеровъ? 2) Въ чемъ состоитъ особый его способъ изображенія жизни? и 3) Какое значеніе Гоголя въ словесности отечественной?

XIII.

Ординарный академикъ высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій, въ исходѣ прошлаго и въ теченіе 1852 года много произнесъ краснорѣчивоназидательныхъ проповѣдей и бесѣдъ, которыми такъ украшается духовная литература наша. Онѣ представляютъ истинную сокровищницу глубокихъ, возвышенныхъ мыслей и лучшіе примѣры русскаго языка. Здѣсь приводятся онѣ по заглавіямъ, какъ образцы общаго изученія. 1) Слово на освященіе храма Св. Великаго Князя Александра Невскаго, при домѣ московской коммерческой академіи, о преимуществѣ церковной молитвы предъ домашнею, и о потребности усердной и внимательной молитвы. 2) Слово въ день Успенія Богородицы, о значеніи слова *успеніе*, и о томъ, почему въ священномъ писаніи и преданіяхъ церкви смерть называется сномъ. 3) Слово въ день Святителя Николая и тезоименитства Государя Императора, о вѣрѣ, какъ основѣ нравственности и благосостояніи гражданскаго общества. 4) Слово въ Недѣлю Сыропустную и на память Святителя Алексія, о пагубныхъ послѣдствіяхъ не управляемаго разумомъ плотоугодія. 5) Слово въ день Благовѣщенія Богородицы, о томъ, что благочестивыя размышленія и благомысліе должны быть всегдашними спутниками человѣка въ жизни духовной. 6) Слово въ день рожденія Государя Императора, о томъ, что приближеніе къ Богу помышленіями нераздѣльно съ богоугоднымъ направленіемъ нашей земной дѣятельности. 7) Слово на освященіе храма Покрова Пресвятой

Богородицы въ московскомъ тюремномъ за́мкѣ, объ удовлетвореніи духовной жажды, или стремленія къ истинѣ, правдѣ, любви и блаженству, посредствомъ приближенія ко Христу. 8) Слово въ день обрѣтенія мощей Преподобнаго Сергія, о томъ, что памятованіе о Богѣ есть источникъ человѣческихъ добродѣтелей и блаженства. 9) Бесѣда въ геѳсиманскомъ скитѣ, на праздникъ Успенія и въ третій день явленія Богоматери апостоламъ, о томъ, что наслѣдіе, оставленное въ пресвятомъ Успеніи Матерію Божіею, состоитъ для праведниковъ въ благодатномъ Ея покровительствѣ, а для грѣшниковъ въ покаяніи и исправленіи жизни. 10) Бесѣда на освященіе храма Св. Апостола Филиппа, на іерусалимскомъ въ Москвѣ подворьѣ, о единствѣ и общеніи церквей, составляющихъ святую православную каѳолическую церковь, и о судьбѣ россійской церкви быть защитницею православія, источникомъ утѣшенія и помощи для церквей востока, бѣдствующихъ подъ игомъ невѣрныхъ. 11) Слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора, о совмѣстномъ и неразрывномъ смыслѣ заповѣди, завѣщанной Христомъ послѣдователямъ его: «Воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови».

Ординарный академикъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій, и въ 1852 году не прекращалъ духовно-литературныхъ занятій своихъ, которыхъ плодами онъ уже обогатилъ русскую словесность. При богослуженіи онъ произносилъ краткія изустныя поученія; въ свободное время занимался пересмотромъ прежде напечатанныхъ сочиненій своихъ, чтобы приготовить новое полное изданіе ихъ, и наконецъ онъ собиралъ и готовилъ къ печатанію матеріалы для историко-статистическаго описанія херсонской епархіи.

XIV.

Ординарный академикъ А. С. Норовъ нѣсколько разъ присутствовалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія, при чемъ принималъ живое участіе въ сужденіяхъ о планѣ новаго изданія Академическаго Словаря и о прочихъ предметахъ, входящихъ въ общія занятія академиковъ. Сверхъ того онъ приступилъ къ обширному труду — къ пересмотру всѣхъ прежнихъ сочиненій своихъ для приготовленія ихъ къ новому полному изданію.

Ординарный академикъ П. Г. Бутковъ постоянно присутствовалъ въ собраніяхъ Отдѣленія, и участіемъ въ общихъ его занятіяхъ способствовалъ успѣхамъ предпринимаемыхъ имъ трудовъ.

Ординарный академикъ А. Х. Востоковъ, какъ знатокъ старославянскаго языка, болѣе всего занимался, по порученію Отдѣленія, разборомъ новыхъ сочиненій по предмету славянской филологіи. Въ этомъ отношеніи ученые труды его принесли несомнѣнную пользу не только русскимъ читателямъ, но и въ прочихъ славянскихъ земляхъ. Сужденія его, всегда точныя, вѣрныя и не оставляющія ни малѣйшаго недоразумѣнія, служатъ указаніями для всѣхъ изыскателей древностей славянскихъ. Профессоръ вѣнскаго университета Миклошичь составилъ для своихъ слушателей и напечаталъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ замѣчанія свои «О старославянскомъ языкѣ въ отношеніи къ звукамъ и системѣ склоненій его и спряженій». Академикъ Востоковъ со всегдашнею своею наблюдательностію разсмотрѣлъ эти сочиненія и снабдилъ ихъ полезными для успѣховъ науки замѣчаніями. Профессоръ казанскаго университета В. И. Григоровичь доставилъ въ Отдѣленіе записку «О древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ до XIV столѣтія». Онъ раз-

дѣлилъ ихъ на глаголитскіе и кирилловскіе. Послѣднія у него подраздѣлены на шесть разрядовъ, при чемъ означено, на какомъ основаніи принято это распредѣленіе. Изъ семи памятниковъ глаголитской письменности, древнѣйшими, по мнѣнію автора записки, надобно признать «Листки графа Клоца», заключающіе въ себѣ два Слова Св. Іоанна Златоустаго и одно Св. Епифанія. Изъ двѣнадцати же памятниковъ кирилловской письменности, древнѣйшимъ почитаетъ онъ «Остромирово Евангеліе 1057 года». Критикъ нашъ не упустилъ изъ вида ни одного обстоятельства, чтобы открыть читателю, какими должно руководствоваться соображеніями въ окончательномъ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Съ этою же осторожностію академикъ Востоковъ изложилъ мысли свои и указалъ на ясное заключеніе при разсмотрѣніи «Хорватской лѣтописи XII вѣка», напечатанной Иваномъ Кукулевичемъ Сакцинскимъ въ «Архивѣ юго-славянской исторіи». Ученые труды этого рода, сообщая новыя силы современному направленію любителей славянской письменности, ведутъ его путемъ критики благоразумной и необходимой для успѣховъ науки, чего нельзя не почувствовать, прочитавши въ нынѣшнемъ же году напечатанныя замѣчанія академика на сочиненіе молодаго славяниста П. Лавровскаго «О Реймскомъ Евангеліи», на «Грамматику старославянскаго языка» г. Перевлѣсскаго и мн. др.

Ординарный академикъ М. П. Погодинъ, котораго древлехранилище, единственное въ Россіи по разнообразію предметовъ и важности ихъ въ историческомъ отношеніи, Государю Императору благоугодно было принять въ казенное вѣдѣніе для общественной пользы, занимался составленіемъ реестровъ собранія своего. Въ нынѣшнемъ году онъ еще пріобрѣлъ новый, очень древній списокъ Несторовой, кіевской и волынской лѣтописей. Печатаніе «Изслѣдованій

о древней русской исторіи» академика Погодина не останавливалось и должно кончиться въ началѣ будущаго года. Высочайше назначенный членомъ коммиссіи для изслѣдованій мѣста погребенія князя Пожарскаго, онъ участвовалъ въ трудахъ ея, и любопытные результаты своихъ разысканій напечаталъ во второмъ выпускѣ «Ученыхъ Записокъ Академіи». Сверхъ того ему удалось собрать множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній о знаменитомъ русскомъ механикѣ Кулибинѣ, что со временемъ онъ надѣется представить публикѣ. Наконецъ, продолжая издавать учено-литературный журналъ «Москвитянинъ», онъ вмѣстѣ съ важными матеріалами для русской исторіи постоянно печаталъ разборы современныхъ сочиненій по этой части, а въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія» помѣстилъ записку «Объ Іаковѣ Мнихѣ, русскомъ писателѣ XI вѣка».

Ординарный академикъ, протоіерей І. С. Кочетовъ постоянно посѣщалъ какъ общія собранія Академіи, такъ и частныя засѣданія Отдѣленія. Въ послѣднихъ, сверхъ участія въ общихъ сужденіяхъ по всѣмъ занятіямъ членовъ, онъ читалъ опредѣленныя имъ слова на букву Г., приготовляемыя для новаго изданія Академическаго Словаря. По порученію Отдѣленія, академикъ Кочетовъ разсматривалъ старинную рукопись духовнаго содержанія, полученную въ Отдѣленіи отъ профессора казанскаго университета Григоровича, а другую отъ г. Мельникова, и внесъ въ собраніе Отдѣленія свой объ нихъ отзывъ. Сверхъ того онъ приготовляетъ къ новому изданію книгу свою: «Начертаніе христіанскихъ обязанностей». Наконецъ онъ приготовилъ къ печати новое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Опытъ ученія о душѣ человѣческой».

Ординарный академикъ Я. И. Бередниковъ продолжалъ приготовлять къ изданію шестой томъ «Полнаго собранія

русскихъ лѣтописей», и участвовалъ въ печатаніи пятаго тома «Дополненій къ актамъ историческимъ». Въ означенномъ томѣ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей» содержатся: продолженіе софійской первой лѣтописи, прибавленія къ ней и софійская вторая лѣтопись. Сверхъ того академикъ Бередниковъ, по порученіямъ министерства народнаго просвѣщенія, занимался, въ качествѣ члена археографической коммиссіи, разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ древнихъ рукописей и разрѣшеніемъ вопросовъ, относящихся къ исторіи и древностямъ русскимъ. Въ «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности» онъ помѣстилъ записку «О сочиненіи А. Шафонскаго», напечатанномъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе, съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малыя Россіи, 1786 года». Подробно изложивъ планъ, содержаніе и достоинства сочиненія, критикъ въ заключеніи Записки своей говоритъ: «Сочиненіе Шафонска-«го о Малороссіи могло быть написано только человѣкомъ, «глубоко знавшимъ свою родину, усвоившимъ себѣ преданія «и свыкшимся съ ея учрежденіями, бытомъ и нравами. При «томъ Шафонскій (прибавляетъ академикъ) былъ чело-«вѣкъ ученый, соединившій съ обширными знаніями служеб-«ную опытность. Кто со вниманіемъ прочтетъ его сочиненіе, «тотъ достаточно убѣдится, какихъ усилій стоило автору со-«брать столь богатый запасъ матеріаловъ и съ какимъ зна-«ніемъ дѣла, трудолюбіемъ и любовію къ истинѣ онъ умѣлъ «имъ воспользоваться. Книга Шафонскаго такъ уважа-«лась въ Малороссіи, что, до появленія въ печати, она хо-«дила по рукамъ въ спискахъ. Вмѣстѣ съ сочиненіемъ Ри-«гельмана, Конисскаго и немногими другими, сочиненіе «Шафонскаго останется навсегда въ числѣ необходимыхъ «пособій для изученія исторіи Малой Россіи и однимъ изъ

«замѣчательныхъ историческихъ трудовъ царствованія Ека-«терины II».

Ординарный академикъ П. М. Строевъ, не смотря на многосложные труды свои по составленію «Алфавитнаго указателя къ полному собранію русскихъ лѣтописей», издаваемому археографическою коммиссіею, принялъ участіе въ одномъ изъ главнѣйшихъ занятій Отдѣленія: онъ вызвался пересмотрѣть, исправить опредѣленія и по мѣрѣ надобности дополнить всѣ слова на букву К., чтобы приготовить ихъ къ новому изданію Академическаго Словаря. Что касается до упомянутаго «Указателя», его печатаніе должно начаться по выходѣ въ свѣтъ шестаго тома «Собранія лѣтописей».

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, принимая въ уваженіе постоянные и полезные труды экстраординарнаго академика С. П. Шевырева на поприщѣ отечественной литературы, и признавая отличные успѣхи его въ качествѣ академика, профессора и писателя, опредѣлило войти съ представленіемъ въ общее собраніе Академіи о возведеніи его въ званіе ординарнаго академика. По избраніи въ немъ представленнаго академика, г. министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастіе довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о ходатайствѣ Академіи. Въ истекающемъ 1852 году академикъ Шевыревъ, исполняя порученіе, возложенное на него начальствомъ московскаго университета, открылъ чтенія по каѳедрѣ педагогіи. Лекціи его по этому предмету составятъ отдѣльное сочиненіе отъ прежняго его курса чтеній. Въ нихъ съ особенною подробностію обработана антропологическая часть науки. «Вступленіе въ педагогію», заключающее въ себѣ двѣ первыя лекціи, и третья лекція «О цѣли воспитанія» были напечатаны въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». По смер-

ти Гоголя, академикъ нашъ разбиралъ бумаги его, которыхъ изданіе поручено ему родственниками покойнаго. Въ числѣ этихъ бумагъ найдены три сочиненія, весьма важныя по содержанію: 1) Размышленія о Божественной литургіи, 2) Авторская исповѣдь, и 3) Пять главъ втораго тома «Мертвыхъ душъ», сохранившихся случайно послѣ извѣстнаго сожженія набѣло переписанной рукописи, въ черновыхъ тетрадяхъ, вѣроятно, позабытыхъ авторомъ. Въ особенной статьѣ академикъ Шевыревъ надѣется вскорѣ дать болѣе подробный отчетъ Академіи о томъ, что осталось послѣ Гоголя. Текстъ всѣхъ трехъ главныхъ сочиненій приготовленъ уже къ изданію и нашъ почтенный сочленъ ожидаетъ только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы приступить къ нему. Прошедшимъ лѣтомъ онъ совершилъ поѣздку въ Малороссію, и собралъ въ семействѣ Гоголя многіе матеріалы для его біографіи, Отдѣленіемъ нашимъ порученной академику Шевыреву. Эти матеріалы состоятъ преимущественно въ письмахъ Гоголя, начинающихся съ самаго дѣтства его. Отрывки изъ нихъ приготовлены также къ изданію. Въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности» Академикъ Шевыревъ напечаталъ «Замѣчанія на планъ приготовляемаго къ новому изданію Академическаго Словаря». Въ послѣдніе мѣсяцы нынѣшняго года онъ занятъ былъ сочиненіемъ рѣчи для будущаго университетскаго акта: «О значеніи Жуковскаго въ русской поэзіи».

Экстраординарный академикъ М. А. Коркуновъ продолжалъ печатаніе пятаго тома «Дополненій къ актамъ историческимъ». Въ немъ содержится много новыхъ матеріаловъ для исторіи царствованія Алексія Михаиловича. Въ напечатанныхъ нынѣ листахъ помѣщены документы 1665—1667 годовъ. Кромѣ Патріаршихъ выходовъ и актовъ о рудныхъ

пріискахъ, они заключаютъ въ себѣ: Дѣло о постройкѣ корабля въ селѣ Дѣдиловѣ и о сплавѣ его рѣками Окою и Волгою въ Каспійское море; Акты, относящіеся къ исторіи регулярныхъ войскъ, огнестрѣльныхъ орудій и солдатскихъ поселеній, и Документы о желѣзныхъ заводахъ въ малоярославскомъ и оболенскомъ уѣздахъ. Въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія» академикъ Коркуновъ напечаталъ: О грамотѣ начальника земской думы, князя Д. М. Пожарскаго, къ римскому императору, съ 24 подписями и печатями, видѣнной въ Прагѣ у гонца Еремѣя Еремѣева, и будто бы содержавшей въ себѣ предложеніе русскаго престола брату императора. Изложивъ, по современнымъ актамъ, разговоръ князя Пожарскаго съ подданнымъ римскаго императора, Юсуфомъ Грегоровичемъ, касательно избранія на московскій престолъ кесарева брата Максимиліана, академикъ нашъ объясняетъ, что о содержаніи грамоты, къ римскому императору съ гонцомъ Еремѣемъ Еремѣевымъ, знали при дворѣ царя Михаила Ѳеодоровича, и что въ ней написано было только о «неправдахъ» польскаго короля Сигизмунда и о денежномъ вспомоществованіи. Эта грамота найдена въ вѣнскомъ императорскомъ архивѣ, и въ 1851 году напечатана въ «Славянской библіотекѣ» Миклошича. Въ существованіи же другой грамоты съ 24 подписями и печатями, будто бы заключавшей въ себѣ предложеніе русскаго престола эрцъ-герцогу Максимиліану, академикъ сомнѣвается. Вотъ что говоритъ онъ о ней: «Если она дѣйствительно существовала, то могла содержать въ себѣ полномочіе земской думы гонцу Еремѣю Еремѣеву, которому поручено было просить императора не о приглашеніи брата его на царство, а о денежномъ вспомоществованіи». Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» академикъ Коркуновъ напечаталъ разборъ книги мѣщанина Борисова,

подъ заглавіемъ: «Описаніе города Шуи и его окрестностей». Эта книга примѣчательна въ томъ отношеніи, что почти всѣ историческія данныя, помѣщенныя въ ней, извлечены не изъ печатныхъ источниковъ, но изъ актовъ, хранящихся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и въ монастырскихъ библіотекахъ. Изложивъ содержаніе книги Борисова и указавъ на нѣкоторые недостатки ея и погрѣшности, критикъ говоритъ, что «главное достоинство этой монографіи «состоитъ въ выпискахъ изъ подлинныхъ документовъ и въ «старинныхъ актахъ, собранныхъ и напечатанныхъ Бори-«совымъ вполнѣ». Прошедшимъ лѣтомъ академикъ Коркуновъ посѣтилъ Новгородъ, чтобы ближе ознакомиться съ его мѣстностію и древностями. Эта поѣздка была небезполезна для его занятій русскими древностями.

Экстраординарный академикъ И. И. Срезневскій принималъ живое участіе въ трудахъ Отдѣленія, во первыхъ, приготовляя матеріалы для новаго изданія «Академическаго Словаря» и, во вторыхъ, завѣдывая редакціею «Извѣстій» и «Прибавленій» къ нимъ. Издавна собирая матеріалы для Словаря по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, въ томъ видѣ, какъ они представляются въ народѣ и какъ были въ древности, онъ и для «Академическаго Словаря» подготовлялъ почти исключительно тѣ слова, которыхъ подлинный смыслъ сохраняется не только въ употребленіи книжномъ, сколько въ народѣ, и которыхъ образованіе можно объяснить помощію сравненія данныхъ, представляемыхъ соплеменными нарѣчіями и языками, или же памятниками древней письменности. Что касается до редакціи «Извѣстій», то, сообразно съ предположеніемъ Отдѣленія, имѣя въ виду читателей, не только посвятившихъ себя исключительно славяно-русской филологіи, но и начинающихъ трудиться на ея поприщѣ и нуждающихся въ указаніяхъ и въ пособіяхъ для тру-

да, академикъ Срезневскій обращалъ постоянно вниманіе на нужды сихъ послѣднихъ, и потому давалъ мѣсто замѣчаніямъ о дѣятельности ученыхъ западно-славянскихъ, извѣстной у насъ вообще еще очень мало, и о дѣятельности прочихъ иностранныхъ ученыхъ, которой плоды могутъ облегчать наши домашніе труды. Въ сборникѣ «Памятниковъ и образцевъ народной словесности», для котораго по программѣ, имъ составленной по порученію Отдѣленія, количество матеріаловъ все болѣе возрастаетъ, имъ представляются преимущественно тѣ роды произведеній народныхъ, которые, по своему филологическому или историческому значенію, менѣе другихъ извѣстны, а потому редакторъ выбираетъ ихъ не только изъ того запаса, который хранится въ Отдѣленіи, но и изъ собственныхъ собраній. Гдѣ нужно и возможно, онъ прибавляетъ къ этому свои объяснительныя примѣчанія, руководствуясь тѣмъ же правиломъ, какъ и при редакціи «Извѣстій».

Продолжая заниматься разработкой данныхъ для древней исторіи русскаго языка, академикъ Срезневскій приготовляетъ къ изданію «Чтенія древнихъ памятниковъ русскаго языка» съ указателями и объясненіями темныхъ мѣстъ. Только вслѣдствіе такого частнаго пересмотра каждаго изъ древнихъ памятниковъ возможно приступить къ общимъ изслѣдованіямъ о составѣ и строѣ древняго русскаго языка, о вліяніи на него языковъ иностранныхъ и т. д.

Съ изслѣдованіемъ древностей языка соединено неразрывно и изслѣдованіе древняго быта народа, особенно быта языческаго. Академикъ Срезневскій уже прежде издалъ нѣсколько разысканій касательно языческихъ вѣрованій и обрядовъ Славянъ. Въ прошедшемъ году число ихъ увеличилось еще двумя. Поводъ къ одному изъ нихъ подалъ разборъ древнихъ поученій, въ которыхъ встрѣчаются при-

поминанія объ языческихъ суевѣріяхъ. Такихъ поученій теперь у него двѣнадцать. Они всѣ, хотя вѣроятно и изъ разныхъ періодовъ, для археолога равно важны, представляя или новые факты, или поясненія извѣстныхъ уже прежде. Недостаточность явныхъ фактовъ заставляетъ археолога входить въ область сравненій и соображеній. Такъ, напримѣръ, ему нельзя было обойтися безъ помощи данныхъ объ язычествѣ соплеменныхъ народовъ при разсмотрѣніи вопроса о значеніи *рода* и *роженицъ*, составляющемъ другой археологическій опытъ нашего сочлена. Сравненія и соображенія наконецъ убѣдили его, что съ именемъ *роженицъ* язычники-Славяне соединяли туже идею, какую Римляне съ именемъ Павкъ а Греки съ именемъ Миръ и вообще Генетюллидъ.

XV.

Собственными трудами членовъ Отдѣленіе не ограничиваетъ полезнаго вліянія на совершенствованіе предметовъ, которые подлежатъ ученымъ его изслѣдованіямъ. Возбужденіе общей дѣятельности за чертою круга его, но на его же поприщѣ, оно считаетъ важнѣйшею своею заслугою, потому что, какъ выше было сказано, Отдѣленіе предпочитаетъ успѣхъ науки успѣху того, или другого лица. До какой степени, въ теченіе одного года, это возбужденіе обнаружилось во всѣхъ краяхъ Россіи, и даже за ея предѣлами, просвѣщенные любители отечественнаго слова не могли не замѣтить въ протоколахъ Отдѣленія нашего, напечатанныхъ въ «Извѣстіяхъ». Члены академіи наукъ изъ другихъ Отдѣленій, профессоры всѣхъ университетовъ имперіи, ученые иностранцы изъ славянскихъ земель, соотечественники наши, принадлежащіе къ духовному сословію и многимъ между сословіями свѣтскими — однимъ словомъ, всѣ знатоки, чтите-

ли слова русскаго охотно и радостно отозвались на дружескій призывъ Отдѣленія.

Каждый изъ предметовъ занятій нашихъ совокупныхъ привлекъ къ себѣ вниманіе и участіе представителей его. Не считая себя въ правѣ и находя даже неумѣстнымъ обременять благосклонныхъ посѣтителей нашихъ подробнымъ исчисленіемъ всѣхъ лицъ и трудовъ ихъ, Отдѣленію уже извѣстныхъ, оно въ нынѣшній разъ не можетъ не обратить выраженія признательности своей по крайней мѣрѣ на то, что сдѣлалось общимъ достояніемъ, занявши мѣсто въ нашихъ «Извѣстіяхъ».

Академикъ І. Х. Гамель, кромѣ старинной пѣсни на въѣздъ патріарха Филарета въ Москву, доставилъ въ Отдѣленіе слѣдующіе драгоцѣнные памятники народной русской поэзіи, современные упомянутому сочиненію: 1) на смерть князя М. В. Скопина-Шуйскаго, 2 и 3) на постриженіе царевны Ксеніи Борисовны Годуновой, 4) на весновую службу и 5) къ набѣгу Татаръ.

Академикъ А. М. Шегренъ, пересмотрѣвши съ любовію и вниманіемъ знатока «Опытъ великорусскаго областнаго Словаря», подвергнулъ строгому разбору всѣ въ немъ слова, которыя почелъ происходящими или отъ сѣверныхъ, или отъ восточныхъ языковъ. Алфавитный списокъ ихъ, помѣщенный въ нашихъ «Матеріалахъ», можетъ служить образцемъ подобный работы.

Корреспонденты академіи по Отдѣленію русскаго языка и словесности: Н. И. Гречь, В. И. Даль, П. П. Шафарикъ, В. И. Григоровичь и В. С. Караджичь, показали живое сочувствіе къ главнѣйшему изъ нынѣшнихъ предпріятій Отдѣленія, т. е. къ новому изданію «Академическаго Словаря». Замѣчанія двухъ первыхъ, вызванныя «Мнѣніемъ»

г. предсѣдательствующаго, ясно свидѣтельствуютъ, въ какія подробности общаго дѣла входили они, и какъ усердно помогаютъ его совершенствованію. Изслѣдованія Шафарика, равно какъ и профессора Григоровича, касаются древностей славянской письменности, которой памятники такъ важны не только для филологіи, но и для исторіи распространенія христіанства между Славянами. Письмо Караджича, заключающее въ себѣ изложеніе системы его составленія «Сербскаго Словаря», и разсказъ, доведенный до любопытнѣйшихъ мелочей, о способѣ его собиранія народныхъ словъ, наводитъ на множество новыхъ мыслей и новыхъ соображеній касательно предстоящаго намъ труда.

XVI.

Въ числѣ профессоровъ университетовъ нашихъ неутомимѣе и ревностнѣе всѣхъ содѣйствовалъ исполненію разныхъ предпріятій Отдѣленія Я. К. Гротъ, профессоръ александровскаго университета. Его изумительныя лингвистическія свѣдѣнія даютъ ему средства къ самымъ многостороннимъ и новымъ сравненіямъ, соображеніямъ и выводамъ по части филологіи, не одной славянской, но обще-европейской. Обладая этимъ важнымъ преимуществомъ, онъ соединяетъ съ нимъ рѣдкое безпристрастіе къ предмету изученія своего, не слѣдуя примѣру другихъ ученыхъ, часто насильственно разрѣшающихъ всѣ вопросы изъ отрасли избранной ими части. «Въ Опытѣ великорусскаго областнаго Словаря (говоритъ профессоръ Гротъ) найдено мною довольно много «словъ, болѣе, или менѣе явно сродныхъ съ словами языковъ скандинавскихъ. Не во всѣхъ, однакоже, случаяхъ «можно утвердительно сказать, что русское слово было заимствовано изъ иноплеменнаго языка; часто надобно ограни-

«читься только признаніемъ общаго происхожденія словъ «славянской породы съ словами скандинавскаго (или вообще «германскаго) семейства языковъ». Профессоръ Гротъ сообщилъ Отдѣленію два показанія: какія изъ нашихъ областныхъ словъ произошли отъ корней языковъ скандинавскихъ, и какія отъ корней финскаго языка. Показанія его не представляютъ сухой этимологіи: они снабжены замѣчаніями этнографическими, историческими и т. п., такъ, что ихъ чтеніе удовлетворяетъ разнородныхъ читателей. Точно въ такомъ же отношеніи занимателенъ и любопытенъ его разборъ вообще «Областнаго Словаря» Отдѣленія.

Сравненіе корней областныхъ русскихъ словъ съ корнями языковъ восточныхъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ произведено профессорами: санктпетербургскаго университета мирзою А. К. Казембекомъ, казанскаго И. Н. Березинымъ и московскаго П. Я. Петровымъ. Первый въ своей «Запискѣ» предварительно изложилъ мысли свои о различіи образованія языковъ, раздѣливъ ихъ на самобытные и подчиненные. Поставивъ русской, наравнѣ съ латинскимъ и нѣмецкимъ, по способу его образованія въ числѣ самобытныхъ, онъ представляетъ любопытные переходы словъ изъ одного языка въ другой — и на этомъ основаніи приводитъ сравненіе словъ, перешедшихъ изъ языковъ восточныхъ въ русской. Въ равной степени занимательны ученыя изысканія по той же части профессоровъ Березина и Петрова.

Статскій совѣтникъ В. В. Григорьевъ, какъ оріенталистъ, получившій образованіе въ санктпетербургскомъ университетѣ, и нѣсколько лѣтъ службы посвятившій профессорской должности, принялъ участіе въ нашемъ дѣлѣ наравнѣ съ упомянутыми выше профессорами. Отдѣленіе чув-

ствуетъ, что совокупный трудъ столькихъ лицъ, почерпающихъ указанія свои въ самомъ источникѣ предмета, подлежащаго изслѣдованію, долженъ привести его къ окончанію законному и всѣми желаемому.

Появленіе въ свѣтъ «Опыта областнаго великорусскаго Словаря» и предположеніе о новомъ изданіи «Словаря Академическаго» встрѣчены были многими профессорами съ благородною готовностію къ участію. Профессоры московскаго университета: Ѳ. И. Буслаевъ и С. И. Соловьевъ представили въ Отдѣленіе свои записки, достойныя всеобщаго вниманія. Одинъ изъ нихъ, какъ отличный знатокъ русской филологіи, а другой, какъ извѣстный изыскатель по части русской исторіи, вошли въ изслѣдованія самыя близкія къ дѣлу и отличающіяся глубокомысліемъ и остроуміемъ. Профессоръ главнаго педагогическаго института П. П. Дубровскій въ одной «Запискѣ» указалъ на наши областныя слова, сходныя по ихъ корнямъ съ польскими, а въ другой, желая содѣйствовать успѣху собиранія матеріаловъ для «Сравнительнаго и объяснительнаго Словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій», подробно разобралъ одинъ памятникъ польской письменности XIV вѣка — «Псалтырь королевы Маргариты» — и показалъ, какъ много нынѣ утрачено славянскихъ словъ, бывшихъ тогда въ употребленіи, и какъ нѣкоторыя изъ нихъ совершенно измѣнились.

XVII.

Особы духовнаго сана, съ необыкновенною ревностію приступившія къ содѣйствію нашимъ предпріятіямъ въ нынѣшнемъ году, были почетный членъ Отдѣленія, преосвященный Григорій, архіепископъ казанскій, протоіерей Г. П. Павскій и священники: Іоаннъ Базаровъ, С. К.

Сабининъ и Е. Фаворскій. Его преосвященство предложилъ казанской консисторіи избрать по одному, или по два человѣка изъ священниковъ, или протоіереевъ во всѣхъ уѣздахъ казанской епархіи, и поручить имъ собрать для насъ употребляемыя простымъ народомъ русскія слова и выраженія съ надлежащими объясненіями. Плодами этого распоряженія Отдѣленіе уже воспользовалось. Записка протоіерея Павскаго, касающаяся новаго изданія «Академическаго Словаря», до такой степени составлена основательно и близко къ тому дѣлу, въ которомъ авторъ у насъ былъ, говоря безъ иперболы, Колумбомъ, что Отдѣленіе не могло не согласиться со многими изъ его положеній. Священникъ Базаровъ, котораго краснорѣчивое перо такъ трогательно и умилительно изобразило послѣдніе дни жизни академика Жуковскаго, по вызову Отдѣленія изъявилъ согласіе на доставленіе ему подобныхъ извѣстій о литературныхъ трудахъ авторской жизни въ послѣдніе годы незабвеннаго поэта. Священникъ Сабининъ доставилъ основательныя замѣчанія на «Общесравнительную Грамматику русскаго языка». Священнику Фаворскому мы обязаны двумя собраніями «Старинныхъ великорусскихъ пѣсенъ», очень важныхъ по историческому ихъ характеру, съ отличною тщательностію записанныхъ въ селѣ Павловѣ Нижегородской губерніи.

Между другими учеными, немедленно приступившими съ нами къ разработкѣ предметовъ, столь общихъ и равно важныхъ для всего обширнаго нашего племени, первое мѣсто по справедливости долженъ занять трудолюбивый и обогащенный знаніями С. П. Микуцкій, котораго «Сравненіе языковъ нѣмецкаго и славянскаго» и «Сравненіе словъ санкритскихъ со славянскими» представляютъ обильные для нашей филологіи выводы.

Секретарь московскаго общества исторіи и русскихъ древ-

ностей И. Д. Бѣляевъ доставилъ въ Отдѣленіе напечатанную въ «Извѣстіяхъ» нашихъ записку «О договорахъ князя Олега съ Греками». Это изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ три важныхъ отдѣленія: 1) общія замѣчанія объ языкѣ договора 911 года, 2) чтеніе и переводъ договора, съ частными замѣчаніями о выраженіяхъ договора, и 3) заключительныя разсужденія о договорѣ какъ памятникѣ русскаго быта X вѣка.

Надворный совѣтникъ И. Носовичь, тщательно изучившій нарѣчіе того края, въ которомъ живетъ, сообщилъ для напечатанія въ изданіяхъ нашихъ изслѣдованіе свое объ отличительныхъ свойствахъ бѣлорусскаго края и два замѣчательныхъ собранія: одно бѣлорусскихъ пословицъ, съ поясненіемъ случаевъ, при которыхъ онѣ употребительны, а другое бѣлорусскихъ словъ.

Штатный смотритель яренскихъ училищъ А. Протопоповъ составилъ «Сборникъ словъ» выбравъ ихъ изъ архивныхъ яренскихъ столбцевъ XV—XVII вѣка. Кромѣ полнаго объясненія, въ какомъ смыслѣ каждое слово употребляется въ томъ краю, онъ обстоятельно показалъ, есть ли которое изъ нихъ въ Словаряхъ, изданныхъ Отдѣленіемъ, или оно туда не внесено.

Самое разнообразіе изысканій, представленныхъ здѣсь и невполнѣ исчисленныхъ сравнительно съ помѣщенными въ изданіяхъ Отдѣленія, можетъ приблизительно показать въ какой мѣрѣ всѣ предначертанія наши возбуждаютъ умственную и ученую дѣятельность людей, связанныхъ между собою племеннымъ, или гражданскимъ единствомъ. Опытъ перваго года не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ будущаго. Движеніе всѣхъ частей, изъ которыхъ образовалась сфера нынѣшнихъ занятій Отдѣленія, не должно и не

можетъ остановиться. Силы, его поддерживающія, неистощимы, судя по обширности круга, ихъ вмѣщающаго, а за крѣпость средоточія ихъ удовлетворительно отвѣчаютъ одиннадцать предшествовавшихъ лѣтъ — періодъ равномѣрной дѣятельности членовъ Отдѣленія.

XVIII.

Въ нынѣшнемъ году, изъ числа нашихъ членовъ, не стало — дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ: Дмитрія Семеновича Чижова и Михаила Николаевича Загоскина, и генералъ-маіора горныхъ инженеровъ Дмитрія Ивановича Соколова.

Д. С. Чижовъ получилъ образованіе въ бывшемъ педагогическомъ институтѣ, откуда онъ отправленъ за границу для усовершенствованія познаній своихъ въ математикѣ. Возвратившись въ институтъ, онъ получилъ въ немъ каѳедру, которая за нимъ же осталась послѣ преобразованія института въ нынѣшній санктпетербургскій университетъ. Всей ученой службы его по министерству народнаго просвѣщенія было тридцать пять лѣтъ. Его можно назвать однимъ изъ первыхъ распространителей у насъ въ столицѣ ясныхъ, вѣрныхъ и твердыхъ началъ науки. Соединяя съ самыми основательными знаніями необыкновенную скромность, прямодушіе и благородство правилъ жизни, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Въ 1823 году онъ составилъ и издалъ книгу: «Записки о приложеніи началъ механики къ объясненію и вычисленію дѣйствія машинъ, наиболѣе употребительныхъ». Академія наукъ, въ 1826 г., почтила профессора Чижова избраніемъ его въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ по физико-математическому отдѣленію. Отечественнымъ языкомъ онъ владѣлъ съ выразительностію и точ-

ностію, что и побудило бывшую россійскую академію принять его въ 1832 году въ дѣйствительные свои члены, а съ 1841 года онъ состоялъ почетнымъ членомъ нашего Отдѣленія. Оставивъ университетъ съ званіемъ заслуженнаго профессора, онъ въ институтѣ корпуса путей сообщенія не покидалъ службы своей до кончины, которая послѣдовала въ нынѣшнемъ году 27 мая.

М. Н. Загоскинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ изъ писателей, которые пользуются всеобщею извѣстностію. Онъ получилъ отъ природы самый счастливый для авторскаго поприща талантъ — соединеніе повѣствованія съ драматическимъ движеніемъ. Отъ того не было у насъ писателя, который бы болѣе Загоскина дѣйствовалъ на большинство читателей. Разскащикъ живой, веселый, увлекательный, онъ вноситъ въ свои сочиненія пріемы, языкъ и всѣ привычки каждаго лица изъ выводимыхъ имъ въ романѣ, или комедіи. Въ первые годы авторской жизни своей онъ болѣе писалъ для театра. Всѣ его пьесы (которыхъ число простирается до пятнадцати), въ стихахъ и прозѣ, не остались безъ успѣха на сценѣ. Страстно любя театръ, онъ изучилъ до тонкости малѣйшія требованія его. Такимъ образомъ каждая комедія у него шла съ возрастающею занимательностію и вызывала невольное участіе зрителей. Когда геніальный шотландецъ завладѣлъ умами европейцевъ, заставивъ ихъ учиться исторіи по своимъ романамъ, тогда и Загоскинъ обратилъ всю дѣятельность гибкаго дарованія своего на эту отрасль литературы, которая и признала его у насъ своимъ родоначальникомъ. Первое созданіе его въ новомъ родѣ было самое удачное, и до сихъ поръ осталось самымъ любимымъ публикою. Не считая множества повѣстей, онъ написалъ восемь собственно называемыхъ романовъ. Во всякомъ изъ нихъ есть неотъемлемыя красоты или въ описаніи нра-

вовъ, или въ чертахъ историческихъ характеровъ, или въ заманчивости расположенія событія, или въ краскахъ мѣстности; но «Юрій Милославскій» вышелъ изъ этой группы ничѣмъ и никѣмъ не побѣжденный. Надобно сознаться, что, кромѣ свѣжести, естественнаго украшенія первенцевъ воображенія и таланта, этотъ романъ отличается отъ всѣхъ счастливѣйшимъ выборомъ эпохи, мѣстности и характеровъ — трехъ принадлежностей, которыхъ неудача въ состояніи затемнить и обезсилить самыя геніальныя напряженія. Тутъ событіе въ такомъ отъ насъ разстояніи, что его поэзія пріобрѣтаетъ уже видъ дѣйствительности, а исторія того времени обогащена достаточно красками, чтобы снабдить автора живостію изображеній. Направленіе всѣхъ сочиненій Загоскина было чистое, благородное и достойное подражанія. Онъ былъ, въ лучшемъ значеніи слова, русскій патріотъ. Нигдѣ не пропускалъ онъ случая, чтобы не открыть прекрасной стороны наслѣдственной любви нашей къ отечественному языку, къ обычаямъ родины, къ нашимъ нравамъ, повѣрьямъ и образу жизни. Святыня православія вездѣ является предметомъ благоговѣнія его. Законы самодержавія, преданность престолу, честь и слава отечества выставлены у него въ своемъ истинномъ прекрасномъ свѣтѣ. Его несомнѣнный талантъ и блестящіе литературные успѣхи были причиною, что въ 1833 году онъ былъ принятъ какъ дѣйствительный членъ въ бывшую россійскую академію, а, по присоединеніи ея къ академіи наукъ, въ почетные члены Отдѣленія русскаго языка и словесности. Его вліяніе на отечественную литературу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на распространеніе благотворныхъ истинъ въ обществѣ, могло бы еще оставаться дѣйствительнымъ; потому что онъ нисколько не утратилъ ни любви къ авторству, ни силы въ

своихъ произведеніяхъ. Кончина постигла его въ Москвѣ на 63 году, 23 іюня.

Д. И. Соколовъ посвятилъ цѣлую жизнь институту корпуса горныхъ инженеровъ, гдѣ получилъ и образованіе свое. Онъ обладалъ обширными свѣдѣніями по части геогнозіи и минералогіи. По неизмѣнной любознательности онъ ни въ молодости, ни въ старости не оставлялъ безъ полнаго изученія тѣхъ успѣховъ и перемѣнъ, которыми въ нашъ вѣкъ отличаются преимущественно науки естествовѣдѣнія. Въ лучшіе годы свои онъ пользовался здѣсь въ столицѣ всеобщею извѣстностію и уваженіемъ не только какъ знатокъ изучаемой имъ науки, но и какъ блестящій преподаватель. Съ 1822 г., въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, онъ былъ профессоромъ въ санктпетербургскомъ университетѣ. При институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ, еще въ 1819 году, онъ читалъ для публики лекціи, которыя тогда сдѣлались предметомъ участія и похвалъ. Подобныя чтенія онъ послѣ того открывалъ еще два раза: въ 1830 и 1836 годахъ. Блестящими своими успѣхами онъ обязанъ былъ единственно трудолюбію своему и дарованіямъ. Не имѣвши случая воспользоваться путешествіемъ за границу, гдѣ конечно любознательность его многое могла бы обратить въ свою пользу, онъ дошелъ до несомнѣнныхъ совершенствъ по своей части, извлекая все изъ лучшихъ книгъ и восполняя эти пріобрѣтенія собственными опытами и размышленіемъ. Въ способѣ изложенія мыслей его нельзя было не замѣтить точности, силы языка и истиннаго краснорѣчія. При составленіи Отдѣленіемъ «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка», Соколовъ принималъ самое живое и постоянное участіе въ трудахъ дѣйствительныхъ членовъ. Онъ одинъ обработалъ въ Словарѣ всю его часть заключающую терминологію горныхъ наукъ. Это тѣмъ болѣе доказываетъ неизмѣнную любовь его

къ наукѣ, что онъ былъ, особенно въ послѣдніе годы, здоровья слабаго и разстроеннаго. Его кончина послѣдовала 19 ноября.

XIX.

Русской литературѣ въ нынѣшнемъ году суждена была утрата самая чувствительная и, должно сказать, невознаградимая: мы лишились одного изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ нашихъ — Василія Андреевича Жуковскаго. Онъ скончался въ Баденъ-Баденѣ 12 (24) апрѣля. Отдѣленіе потеряло въ немъ украшеніе свое, а Россія лучшаго провозвѣстника своей славы. Кто не знаетъ безсмертнаго пѣвца 1812 года? Съ этой зари славы своей до заката жизни онъ ни въ чемъ не измѣнилъ надеждамъ нашимъ. Государю, отечеству и поэзіи посвятилъ онъ умъ, сердце и дарованія свои съ примѣрною ревностію и чистотою. Проходя мысленно все поприще жизни его, убѣждаешься, какое поучительное зрѣлище представляетъ человѣкъ на высотѣ истиннаго образованія! Никакія обстоятельства въ жизни, никакія перемѣны судьбы не отвлекли Жуковскаго отъ главнаго его призванія, которое чувствовалъ онъ въ душѣ своей: съ первыхъ лѣтъ молодости до конца дней своихъ онъ остался поэтомъ. Въ поэзіи выразилъ онъ все, что только есть прекраснаго и высокаго въ природѣ и въ человѣкѣ. Внушенія чистой вѣры и свѣтлой мысли были его вдохновеніемъ. Призванный священною волею Монарха въ наставники къ его первенцу, онъ принесъ всѣ сокровища возвышенной души своей и весь пламень преданнаго сердца на достойное совершеніе великой обязанности. Наконецъ судьба указала ему мирное семейное счастіе — и онъ явился лучшимъ семьяниномъ, какого только вообразить можно. Подобная жизнь, во всѣхъ ея прояв-

леніяхъ, достойна исторіи. Но нетлѣнныя страницы ея уже начертаны имъ самимъ: онѣ сохранятся въ его стихотвореніяхъ, въ этихъ картинахъ внутренней его жизни.

Каждый великій поэтъ обыкновенно творитъ и свой языкъ. Это мы видѣли въ Державинѣ, Крыловѣ и Пушкинѣ. Жуковскому суждено было тоже. Безполезно и даже странно подражать имъ. Ихъ надобно только изучать, чтобы постигнуть тѣ пути, которыми высшій умъ приводитъ насъ къ новымъ истинамъ. Изъ этого разнообразія выводятся общіе законы слова. И вотъ въ какомъ отношеніи великіе писатели становятся образователями языка. Жуковскій, не участвовавъ лично въ общихъ трудахъ нашихъ, не переставалъ быть для насъ руководителемъ. По счастливому характеру своего дарованія, онъ больше всѣхъ русскихъ поэтовъ раскрылъ передъ нами богатство нашего языка и разнообразіе формъ его. Удивительное и даже безпримѣрное сочувствіе съ поэтами разныхъ эпохъ и странъ дало ему возможность усвоить отечественной поэзіи лучшія ихъ произведенія. Такимъ образомъ онъ сдѣлался въ одно и тоже время вѣрнымъ отголоскомъ разнообразнѣйшихъ созданій поэзіи и неисчерпаемымъ источникомъ видоизмѣненій языка.

Ежели мы къ Жуковскому отнесемъ извѣстныя слова Пушкина, что «стихи поэта суть уже дѣла его», то увидимъ, что въ этомъ сочетаніи лучшій вѣнецъ его славы. Дѣла Жуковскаго, стихи Жуковскаго — равно чисты и высоконазидательны. Онъ, какъ человѣкъ, какъ гражданинъ, какъ христіанинъ, прошелъ свое поприще съ полнымъ достоинствомъ и въ духѣ безукоризненнаго смиренія. Рѣдкое соединеніе наилучшихъ качествъ души! Эта жизнь, эта поэзія ожидаютъ не минутныхъ похвалъ, безплодно умолкающихъ. Въ явленіяхъ такого рода ниспосылаются для мысля-

щей части человѣчества благіе уроки здравомыслія, добродѣтели и благочестія. И ихъ пойметъ, ихъ выставитъ свѣту въ поученіе тотъ счастливый умъ, который, согрѣтъ будучи любовію къ истинѣ, свыше получитъ благодать и человѣколюбія и смиренномудрія.

1853.

4

ОТЧЕТЪ ЗА 1853 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРН. АКАДЕМИКОМЪ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Читанъ имъ въ торжественномъ собраніи Академіи
29 декабря 1853 года.

I.

5 мая нынѣшняго года скончался министръ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ князь Платонъ Александровичь Ширинскій-Шихматовъ. Въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, со времени основанія его, онъ былъ предсѣдательствующимъ въ теченіе первыхъ осьми лѣтъ. Навсегда останется памятникомъ неутомимой дѣятельности его въ этомъ званіи «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка», составленный Отдѣленіемъ и оконченный печатаніемъ въ шесть лѣтъ. Задолго до ученыхъ трудовъ по Отдѣленію, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ пріобрѣлъ свѣдѣнія во всѣхъ видоизмѣненіяхъ русскаго языка, предсѣдательствуя въ археографической коммиссіи, которой изданія обогатили отечественную исторію драгоцѣнными сокровищами. Но еще ранѣе, и, можно сказать, съ первыхъ дней своего сознанія, онъ началъ изучать красоты и совершенства языка нашего въ его первообразѣ, въ основаніи силы его — языкѣ церковно-славянскомъ. Благопріятство-

вавшія къ тому обстоятельства связаны съ первоначальнымъ его воспитаніемъ.

Описывая дѣтство брата своего, князя Сергія Александровича Шихматова, въ монашествѣ Аникиты, онъ разсказываетъ многое, что несомнѣнно должно быть отнесено и къ нему самому, потому что въ ихъ возрастѣ только семь лѣтъ было разности. «Родители его (говоритъ онъ), служа «живымъ примѣромъ благочестія и супружескаго согласія, «внушили сыну смиреніе и страхъ Божій съ ранняго дѣт-«ства. Наученный грамотѣ, слѣдуя обычаю нашихъ пред-«ковъ, по часослову и псалтырю, отрокъ Сергій, съ самыхъ «юныхъ ногтей, употребляемъ былъ къ чтенію псалмовъ и «молитвъ на всенощныхъ бдѣніяхъ, которыя предъ всякимъ «праздничнымъ днемъ постоянно совершались въ дому роди-«тельскомъ, и такимъ образомъ, съ одной стороны, навы-«калъ въ славословіи Всевышнему, а съ другой — непри-«мѣтно знакомился съ неподражаемыми красотами нашихъ «священныхъ и церковныхъ книгъ, выраженныхъ сильнымъ «и благозвучнымъ языкомъ славянскимъ» *). Изъ этого одного показанія все становится яснымъ, что̀ составляло отличительность ума, сердца, дѣйствій и всей жизни князя П. А. Ширинскаго-Шихматова. Благочестіе, смиреніе и правдолюбіе хранилъ онъ неизмѣнно въ душѣ своей какъ наслѣдственныя блага. Въ простотѣ жизни и нравовъ, какою окружено было его дѣтство, онъ видѣлъ лучшее украшеніе дома. Ничто не могло отвлечь его отъ строгаго исполненія обязанностей православной вѣры. Языкъ и исторія отечества составляли любимые предметы его изслѣдованій: это было какъ бы священнымъ долгомъ его гражданскаго вѣ-

*) О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя Сергія Александровича Шихматова. Читано въ Императорской россійской академіи 29 Окт. 1838 г. Стран. 2 и 3.

рованія. Такіе созрѣли плоды отъ патріархальнаго воспитанія въ семействѣ, гдѣ Господь благословилъ родителей девятью сыновьями и тремя дочерьми.

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ родился въ 1790 г. Смоленской губерніи Вяземскаго уѣзда, въ сельцѣ Дерновѣ. Четырнадцати лѣтъ поступилъ онъ въ морской кадетской корпусъ гардемариномъ. Въ назидательномъ разсказѣ своемъ, приведенномъ выше, онъ упоминаетъ о сосѣдственномъ семействѣ, которому князь Сергій Александровичь много обязанъ былъ въ умственномъ развитіи, а слѣдовательно и онъ самъ. Это — семейство Дарьи Ивановны Уваровой, матери нынѣшняго президента академіи нашей. Не безъ любопытства, не безъ участія останавливается вниманіе на безвѣстномъ уголкѣ, въ которомъ, посреди дѣтскихъ игръ, началось образованіе двухъ министровъ народнаго просвѣщенія, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ. Надобно предположить, что князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, прежде поступленія въ корпусъ, успѣлъ запастися нѣкоторыми основательными знаніями, такъ какъ черезъ три года произвели его въ мичманы, удостоивъ особенной награды за успѣхи въ наукахъ. Въ 1816 году онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ морской службы, въ которой между тѣмъ успѣлъ оказать, во время осады Данцига, въ 1812 и 1818 годахъ, замѣчательную храбрость, распорядительность и необходимыя знанія. Какъ ни былъ коротокъ этотъ періодъ его жизни, но въ немъ положено было начало многому въ его будущей судьбѣ. Молодой человѣкъ съ прекрасными началами нравственности, съ правильнымъ образованіемъ, съ горячею любовью ко всему отечественному, обратилъ на себя особенное вниманіе президента россійской академіи А. С. Шишкова, который покровительствовалъ уже князя Сергія Александровича, члена россійской академіи. На

этихъ отношеніяхъ основалось постоянство въ умственныхъ занятіяхъ, въ образованіи вкуса, въ направленіи мыслей и обработкѣ слога — связь, въ послѣдствіи сильнѣе укрѣпившаяся.

Въ 1820 году князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ снова вступилъ въ службу: его назначили начальникомъ отдѣленія въ инженерномъ департаментѣ. Четыре года провелъ онъ въ новой своей должности. А. С. Шишковъ, высочайше призванный, въ 1824 году, къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія, назначилъ его въ директоры казанскаго университета, должность, въ послѣдствіи отмѣненная въ университетахъ. Въ концѣ того же 1824 года, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ опредѣленъ въ директоры канцеляріи министра народнаго просвѣщенія. Это было для него началомъ подробнаго практическаго изученія постановленій и администраціи того министерства, въ которомъ онъ остался уже на всѣ послѣдніе годы жизни своей. Желая доставить ему высшія занятія въ своемъ вѣдомствѣ, въ 1827 году А. С. Шишковъ исходатайствовалъ для него званіе члена главнаго правленія училищъ. Отсюда, при князѣ А. К. Ливенѣ, въ 1830 году онъ поступилъ въ предсѣдатели комитета цензуры иностранной. Прежде окончанія трехъ лѣтъ послѣдовалъ именной высочайшій указъ, которымъ всемилостивѣйше повелѣно возложить на него управленіе департаментомъ народнаго просвѣщенія. Въ началѣ 1842 года онъ облеченъ былъ въ званіе товарища министра народнаго просвѣщенія. Наконецъ, по истеченіи осьми лѣтъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было князя П. А. Ширинскаго-Шихматова утвердить министромъ народнаго просвѣщенія. И такъ почти тридцать лѣтъ гражданской службы своей онъ посвятилъ одному нашему министерству. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ это время ни

одно дѣло по министерству, ни одно предположеніе, ни одна перемѣна, ни одно постановленіе не совершилось безъ его непосредственнаго участія. Неутомимая дѣятельность, вниманіе, спокойствіе, опытность, примѣрная любовь къ труду, все соединено было въ немъ для изслѣдованія, совѣщанія и исполненія.

Многотрудныя обязанности, которыхъ ревностное исполненіе требовало постоянныхъ усилій и сосредоточенности занятій, немогли отклонить князя П. А. Ширинскаго-Шихматова отъ другихъ трудовъ, составлявшихъ потребность христіански настроенной души его. Съ 1831 года до конца жизни своей, мыслію и дѣломъ онъ принадлежалъ Императорскому человѣколюбивому обществу. Первыя двѣнадцать лѣтъ онъ находился въ немъ какъ членъ комитета по ученой части. Съ 1843 года на него возложены обязанности дѣйствительнаго члена совѣта. Въ отсутствіе помощника главнаго попечителя общества онъ избранъ къ исполненію его должности, которая въ 1846 году утверждена за нимъ какъ постоянная его обязанность. Во время болѣзни главнаго попечителя общества высочайше ему повелѣно назначать собранія совѣта. Только въ 1850 году, когда должность министра не оставляла уже ему нисколько свободнаго времени, онъ испросилъ увольненіе отъ званія помощника главнаго попечителя совѣта, сохранивъ однакоже за собою пріятную для него обязанность дѣйствительнаго члена общества.

Если мы ко всѣмъ этимъ обязанностямъ присоединимъ труды, какихъ требуетъ званіе сенатора и предсѣдательствующаго въ различныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ, то временно учреждаемыхъ, то постоянно занимающихся отдѣльными предметами по министерству, конечно сдѣлается понятнымъ, отъ чего князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ

не могъ вполнѣ предаться учено-литературнымъ занятіямъ. Впрочемъ, судя но тому, что̀ онъ успѣлъ издать въ свѣтъ изъ своихъ произведеній, нельзя не согласиться, что онъ достигнулъ строгой точности выраженій, правильности и ясности оборотовъ, даже особеннаго рода убѣдительности рѣчи. Въ молодости онъ испытывалъ свой талантъ въ сочиненіяхъ стихотворныхъ, постоянно обработывая предметы, преимущественно занимавшіе нравственно-религіозную его душу. Одно изъ первыхъ его стихотвореній было напечатано въ 1822 году, подъ заглавіемъ: «Единоборство Челубея и Пересвѣта». На слѣдующій годъ явилась его «Ода на честолюбіе». Отъ 1824 года остались два его произведенія: «Кораблекрушеніе (подражаніе первой пѣсни английской поэмы — Море)» и «Измѣненія природы, или слѣдствія паденія человѣка». Въ 1825 году, бывши директоромъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, по высочайшему повелѣнію, сообщенному генераломъ отъ артиллеріи, графомъ Аракчеевымъ, онъ перевелъ съ французскаго языка сочиненіе профессора эрлангенскаго университета, доктора Гарля, подъ названіемъ: «Общее предначертаніе опеки для бѣдныхъ». Также въ 1828 году напечатаны его «Опыты духовныхъ стихотвореній». Въ то время, какъ отъ Императорской россійской академіи выходило «Повременное изданіе», князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, помѣстилъ въ немъ много своихъ произведеній, какъ то: «Оду на кончину князя М. Л. Кутузова-Смоленскаго», два отрывка, прозою переведенные изъ «Ночей Юнга», «Преложеніе XII-го псалма», стихотвореніе «Суета», «На смерть дочери», «На миръ съ оттоманскою портою въ 1829 году», «На всерадостное рожденіе Е. И. В. великаго князя Михаила Николаевича», и нѣкоторыя другія. Два его сочиненія въ прозѣ обработаны съ

особеннымъ тщаніемъ: «Похвальное слово Императору Александру Благословенному», за которое въ 1831 году россійская академія поднесла ему золотую медаль въ 50 червонныхъ, съ надписью: «Приносящему пользу россійскому слову» и «Похвальное слово Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ». За экземпляръ послѣдняго, всеподданнѣйше поднесенный Государю Императору, авторъ удостоился получить высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе. Изъ академическихъ чтеній его напечатаны два: въ 1838 году «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя Сергія Александровича Шихматова», и въ 1841 «Смерть преосвященнаго Іосифа, митрополита Астраханскаго и Терскаго». Къ числу важнѣйшихъ учено-литературныхъ трудовъ его надобно по справедливости отнести, какъ уже упомянуто было, самое дѣятельное его участіе въ составленіи «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка» и также «Опыты областнаго великорусскаго Словаря». Безъ его окончательнаго взгляда ни одинъ листъ не предавался печатанію.

Въ продолженіе тридцатилѣтней службы своей по министерству народнаго просвѣщенія, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ постоянно и конечно съ истиннымъ удовольствіемъ видѣлъ, какъ ежегодно болѣе и болѣе выражалось къ нему и неотъемлемымъ его заслугамъ уваженіе высшихъ ученыхъ мѣстъ и учрежденій. Императорская академія наукъ и всѣ русскіе университеты присоединили его къ числу своихъ почетныхъ членовъ. Въ Императорской россійской академіи, съ 1828 года, онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ. Кіевская духовная академія и санктпетербургская медико-хирургическая равнымъ образомъ внесли имя его въ списки почетныхъ членовъ своихъ. Сверхъ того ему присланы были дипломы на это самое званіе отъ вольнаго экономическаго

общества, отъ московскаго и рижскаго обществъ испытателей природы, отъ обществъ исторіи и древностей московскаго, одесскаго и остзейскихъ губерній, отъ высочайше утвержденнаго санктпетербургскаго, курляндскаго и казанскаго обществъ любителей отечественной словесности, отъ Императорской публичной библіотеки и археологическаго общества. Наконецъ онъ избранъ въ почетные члены иностранными обществами: мюнхенскимъ естественныхъ наукъ, аѳинскимъ изящныхъ искусствъ и копенгагенскимъ сѣверныхъ антикваріевъ.

Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, какъ мы видѣли, управлялъ министерствомъ народнаго просвѣщенія три года и восемь мѣсяцевъ. Первые четыре мѣсяца онъ носилъ званіе товарища министра, управляющаго министерствомъ, а остальное время — министра. Два обозрѣнія различныхъ учебныхъ округовъ и университетовъ, совершенныя имъ сперва по сѣверо-восточной, а потомъ по юго-западной полосѣ Россіи, принадлежатъ къ числу примѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ трудовъ его по службѣ. Онъ не оставилъ безъ вниманія ни одной части многосложнаго и разнороднаго устройства учебныхъ заведеній въ своемъ вѣдомствѣ. Въ послѣдніе два года замѣтно стало измѣнять ему здоровье, на которое онъ привыкъ, можетъ быть, слишкомъ полагаться. Не смотря на видимый упадокъ силъ тѣлесныхъ, онъ до конца жизни не покидалъ своихъ занятій — и только въ послѣдній мѣсяцъ испросилъ у Его Императорскаго Величества дозволеніе отправиться за границу для поправленія здоровья, чѣмъ, ко всеобщему сожалѣнію, не успѣлъ воспользоваться. Кончина его, какъ и вся жизнь, была истинно христіанская. Не обольщаясь ничѣмъ земнымъ, онъ давно готовъ былъ къ переселенію въ вѣчность.

II.

Въ нынѣшнемъ же году, Отдѣленіе русскаго языка и словесности лишилось одного изъ почетныхъ членовъ своихъ. 23 мая, въ деревнѣ своей, въ Костромской губерніи, на 61 году жизни, скончался Павелъ Александровичъ Катенинъ, отставной генералъ-маіоръ. Онъ родился 11 декабря 1792 года. Отъ природы получилъ онъ много блестящихъ даровъ, которые съ его молодости привлекли къ нему вниманіе замѣчательнѣйшихъ его современниковъ. Онъ обладалъ самою счастливою памятью, живымъ воображеніемъ, тонкимъ и острымъ умомъ, врожденнымъ вкусомъ и твердымъ, благороднымъ характеромъ. Любовь къ просвѣщенію и постоянство въ изученіи всего прекраснаго обогатили душу его разнородными познаніями, придавшими необыкновенное движеніе и силу умственнымъ его способностямъ. Онъ былъ поэтъ не только въ стихахъ, но и въ разговорѣ и дѣйствіяхъ. Въ числѣ немногихъ изъ писателей нашихъ онъ рано почувствовалъ необходимость пользоваться въ русскомъ языкѣ тѣми разнообразными красками, которыя сообщаются ему искуснымъ сліяніемъ нарѣчій стариннаго и новаго, книжнаго и устнаго. Эта свобода ловко управляться съ понятіями и оборотами въ сочиненіяхъ равнялась только съ непринужденнымъ и мѣткимъ его разговоромъ. Изъ иностранныхъ языковъ онъ вполнѣ владѣлъ не только французскимъ и нѣмецкимъ, но и итальянскимъ, испанскимъ, даже латинскимъ. Понятно, какими сокровищами они обогащали умъ и воображеніе жаднаго къ дѣятельности поэта.

П. А. Катенинъ рано поступилъ на службу. До осьмнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а въ 1810 году перешелъ портупей-прапорщикомъ въ преображенскій полкъ. Черезъ десять

лѣтъ его пожаловали въ полковники. Блистательною эпохой службы его была война 1812 года. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ. Храбрость была такимъ же врожденнымъ его качествомъ, какъ и быстрота умственная въ дѣлахъ литературныхъ. Время, проведенное имъ въ Петербургѣ до первой отставки, исключительно посвящено было поэзіи. Жуковскій, Пушкинъ и другіе писатели этого славнаго періода составляли общество его, участвуя въ его занятіяхъ. Къ драматической поэзіи онъ чувствовалъ особенное влеченіе. На здѣшнемъ театрѣ онъ еще засталъ въ полномъ блескѣ Семенову и Яковлева, которые разыгрывали трагедію «Эсѳирь», переведенную имъ александрійскими стихами изъ Расина. Изъ него же онъ перевелъ «Баязета». Важнѣйшая заслуга его драматическому въ Россіи искусству состояла въ образованіи знаменитаго Каратыгина, съ которымъ онъ во всю жизнь оставался въ дружескихъ сношеніяхъ. Изъ собственныхъ его сочиненій для театра извѣстны: «Андромаха», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и «Пиръ у Іоанна Безземельнаго», прологъ, написанный для драмы князя А. А. Шаховскаго «Ивангой» (въ 1821 году этотъ прологъ былъ здѣсь на театрѣ представленъ вмѣстѣ съ драмою). Изъ Корнеля онъ перевелъ «Сида» и четвертое дѣйствіе «Гораціевъ». Еще болѣе трудился онъ для комической сцены. Имъ переведены: «Les fausses confidences» Мариво, подъ заглавіемъ «Обманъ въ пользу любви», «Le Méchant» Грессета, подъ названіемъ «Сплетни», и еще слѣдующія три комедіи: «Недовѣрчивый», «Говорить правду — потерять дружбу» и «Нечаянный Закладъ».

Десять лѣтъ П. А. Катенинъ прожилъ у себя въ деревнѣ. Въ одиночествѣ сосредоточиваются мысли, и умъ созрѣваетъ. Но прелесть и очарованіе искусства, особенно дра-

матическаго, нигдѣ такъ не ощутительны, какъ въ столицѣ. Поэтъ нашъ задумалъ было дописать тамъ начатую здѣсь комедію, подъ названіемъ: «Вражда и любовь», но не могъ, и напечатавъ только отрывокъ изъ нея, вотъ что самъ сказалъ: «въ драматической поэзіи вообще нельзя упражняться «съ усердіемъ и успѣхомъ иначе, какъ въ присутствіи театра «и публики, всего менѣе въ комическомъ родѣ». Въ замѣнъ того, глубоко и художнически вдумывался онъ, какъ критикъ и какъ поэтъ, въ правила и въ исторію литературы. Его «Размышленія и Разборы», въ которыхъ замѣчательная начитанность и остроумныя соображенія безпрестанно наводятъ читателя на новыя мысли, могутъ служить образцами критики. Они помѣщены въ «Литературной газетѣ» барона Дельвига, издававшейся въ 1830 году. Авторъ, въ теченіе одного года, изложилъ замѣчанія свои о слѣдующихъ предметахъ: 1) объ изящныхъ искусствахъ, о поэзіи вообще и о поэзіи европейской, 2) о поэзіи греческой, 3) о поэзіи латинской, 4) о поэзіи новой сначала, 5) о поэзіи итальянской, 6) о поэзіи испанской и португальской и 7) о театрѣ.

Въ 1832 году П. А. Катенинъ былъ опять въ Петербургѣ. Въ это время явилось собраніе «Сочиненій и переводовъ» его въ двухъ частяхъ, изданное Николаемъ Ивановичемъ Бахтинымъ, который въ небольшое предисловіе свое внесъ много тонкихъ и основательныхъ замѣчаній объ авторѣ. Нельзя не пожалѣть, что въ это собраніе не вошло все, написанное поэтомъ. Изъ драматическихъ его произведеній помѣщены здѣсь: 1) Пиръ Іоанна Безземельнаго, 2) Отрывокъ изъ комедіи «Вражда и любовь», 3) Два четвертыхъ дѣйствія «Горацiевъ» и «Медеи», разсказъ Терамени изъ «Федры» и три отрывка изъ «Гоѳоліи»: первое явленіе, сонъ ея и хоръ четвертаго дѣйствія. Прочихъ пе-

реводовъ и собственныхъ его трагедій, отдѣльно прежде изданныхъ, здѣсь нѣтъ. Особенно надобно сожалѣть, что сюда не внесена проза. Въ слѣдующемъ году Императорская россійская академія избрала П. А. Катенина въ число дѣйствительныхъ своихъ членовъ, и онъ вскорѣ отправился на Кавказъ, поступивъ въ эриванскій карабинерный полкъ. Въ 1836 году его назначали комендантомъ въ крѣпость Кизляръ. Черезъ два года онъ, въ чинѣ генералъ-маіора, вышелъ снова въ отставку, переѣхалъ опять въ свою деревню, гдѣ и провелъ остатокъ жизни своей. Все, что только можно было собрать лучшаго на новѣйшихъ европейскихъ языкахъ, и что оставилъ въ наслѣдство каждому истинно образованному человѣку древній классическій міръ, все было соединено въ его библіотекѣ. Такимъ образомъ не удивительно, что въ этой бесѣдѣ съ нѣмыми, но краснорѣчивыми друзьями, поэтъ не хотѣлъ снова оторваться отъ своего уединенія.

III.

Изъ числа корреспондентовъ своихъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ нынѣшнемъ году утратило инженеръ-полковника Модеста Дмитріевича Резваго, вице-директора строительнаго департамента морскаго министерства. Онъ скончался 7-го сентября, на сорокъ седьмомъ году отъ рожденія. Образованіе свое получилъ онъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, и въ концѣ 1825 года опредѣленъ на службу въ здѣшнюю инженерную команду. На слѣдующій же годъ ему поручено было преподаваніе исторіи въ верхнихъ классахъ того училища, откуда онъ такъ недавно вышелъ. Въ 1833 году М. Д. Резвой, по высочайшей волѣ, командированъ къ хронометрической экспедиціи, отправленной въ Балтійское море подъ начальствомъ генерала

Шуберта. Съ 1837 до 1849 года онъ состоялъ, какъ чиновникъ гражданской службы, въ инженерномъ департаментѣ, и въ 1846 году, съ высочайшаго соизволенія, былъ командированъ въ крѣпость Нарву для обозрѣнія на мѣстѣ существующихъ тамъ зданій, примѣчательныхъ своею древностію, и для содѣйствія при составленіи полнаго проекта на исправленіе происшедшихъ въ нихъ поврежденій. За три года до кончины своей онъ былъ переименованъ въ полковники по корпусу инженеровъ морской строительной части.

Науки точныя, на обработываніе которыхъ онъ преимущественно посвящалъ ученые труды непродолжительной жизни своей, не воспрепятствовали ему внимательно и съ любовію изучать изящныя искусства. Особенно глубокія свѣдѣнія пріобрѣлъ онъ въ музыкѣ, какъ съ практической, такъ и съ теоретической стороны. Его естетическія способности обратили на него еще въ 1839 году вниманіе Императорской академіи художествъ, которою онъ тогда избранъ въ почетные вольные общники. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, приступивши въ 1842 году къ составленію «Словаря русскаго и церковно-славянскаго языка», поручило М. Д. Резвому обработку всѣхъ словъ, относящихся къ музыкѣ. Въ отчетѣ Отдѣленія за 1843 годъ, объ этомъ предметѣ находимъ слѣдующее извѣстіе: «М. Д. Резвой со всѣмъ усердіемъ принялся за полезное и столь новое у насъ дѣло. Сравнивая объясненія музыкальныхъ терминовъ, помѣщенныхъ въ Словарѣ французской академіи, съ нынѣшнимъ состояніемъ теоріи музыки, онъ увидѣлъ, до какой степени было бы недостаточно это пособіе для добросовѣстнаго исполненія дѣла. Итакъ онъ рѣшился, вмѣсто перерабoтыванія статей, внесенныхъ въ корректурные листы нашего Словаря, постепенно составлять отдѣльный Словарь музыки, который, къ большому удовольствію Отдѣленія и

къ общей пользѣ русскихъ литераторовъ, онъ уже успѣлъ кончить и представить въ Отдѣленіе.

Ученый трудъ М. Д. Резваго заслуживаетъ справедливое одобреніе Отдѣленія, которое тогда же избрало автора въ число своихъ корреспондентовъ. Соображенія сочинителя и самыя основанія, на которыхъ онъ утвердилъ составленіе своего Словаря, изложены имъ въ письмѣ къ предсѣдательствующему. Теперь конечно самый приличный случай повторить подлинныя слова составителя: «По всѣмъ отраслямъ просвѣщенія — говоритъ онъ — во 1-хъ — существуютъ, въ бо̀льшемъ или мѐньшемъ изобиліи, на русскомъ языкѣ теоретическія сочиненія. По одной только музыкѣ, какъ въ художественномъ, такъ и въ ученомъ отношеніи, языкъ нашъ не имѣетъ почти никакихъ прочныхъ основаній. То, что до сихъ поръ было издаваемо по этой части, содѣйствовало, можетъ быть, къ водворенію и распространенію понятій о музыкальномъ искусствѣ въ нашемъ отечествѣ; но русская терминологія музыки, подавляемая выраженіями и формами, заимствованными безъ разбора у Французовъ, Итальянцевъ и Нѣмцевъ, нерѣдко вовсе несвойственными духу нашего языка и здравому смыслу, получила какое то чудовищное безобразіе и неопредѣлительность. Два весьма хорошіе музыканта могутъ по-русски говорить о музыкальномъ предметѣ, имъ обоимъ совершенно знакомомъ, и не понимать другъ друга, единственно по несходству терминологій, которымъ каждый изъ нихъ слѣдуетъ. Во 2-хъ — продолжаетъ авторъ — по отвлеченности музыкальныхъ понятій, такъ какъ они относятся къ искусству самому идеальному, оказывается иногда затруднительнымъ сдѣлать краткое опредѣленіе какого либо слова по части музыки безъ нѣкотораго описательнаго дополненія или объясненія. Въ 3-хъ, Русскіе имѣютъ большую наклонность, можно

даже сказать — врожденную страсть къ музыкѣ; но, по недостатку словъ, не всегда могутъ выразить на родномъ языкѣ то, что они чувствуютъ. Вотъ причины (прибавляетъ въ заключеніе сочинитель), по которымъ мнѣ казалось простительнымъ и даже нужнымъ допустить въ русскомъ Словарѣ нѣсколько, хотя и весьма незначительно, бо̀льшую подробность при обдѣлкѣ словъ, относящихся къ музыкѣ. Впрочемъ я искалъ по возможности избѣгать изложенія энциклопедическаго и всѣхъ вообще подробностей. Для устраненія нѣкоторыхъ повтореній, безъ пользы увеличивающихъ объемъ сочиненія, я старался, гдѣ оказывалось удобнымъ, совокуплять въ одну статью все то, что можно было къ ней отнести, не раздробляя напрасно предмета, ограничиваясь потомъ, въ своемъ мѣстѣ, одними ссылками на ту статью». Такимъ образомъ вышло, что всѣ объясненія терминовъ по части музыки, заключающіяся въ изданномъ Отдѣленіемъ «Словарѣ русскаго и церковно-славянскаго языка», принадлежатъ нынѣ утраченному нами корреспонденту Д. М. Резвому.

IV.

Академическія занятія членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, въ теченіе 1853 года, продолжались въ томъ же порядкѣ и въ томъ же объемѣ, какъ были они начаты въ прошедшемъ году по предначертанію г. предсѣдательствующаго.

Второе изданіе «Опыта общесравнительной Грамматики», дополненное новыми указаніями на различные предметы науки и ея правила, принято было публикою съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ и первое. По истеченіи первыхъ двухъ мѣсяцевъ нынѣшняго года, г. предсѣдательствующій объявилъ Отдѣленію, что малое число экземпляровъ «Грамматики»,

остающихся послѣ распродажи втораго изданія, заставляетъ приступить къ третьему, которое и должно явиться въ наступающемъ году. Отдѣленіе, пользуясь указаніями опыта и внимательныхъ къ тому дѣлу судей, считаетъ своею обязанностію употребить новыя усилія, чтобы труду своему придать новыя улучшенія. Въ «Извѣстіяхъ» было уже напечатано мнѣніе профессора александровскаго лицея Я. К. Грота о новой системѣ спряженія русскихъ глаголовъ, достойной общаго вниманія, и профессора александровскаго университета С. И. Барановскаго «О видахъ русскаго глагола».

«Словарь русскаго языка» составляетъ нынѣ главное занятіе Отдѣленія, и много лѣтъ должны употребить мы на строгое и вѣрное исполненіе предначертаній по изданію столь отвѣтственнаго и важнаго труда. Никто не сомнѣвается, что, при разграниченіи трехъ стихій, изъ которыхъ образовался нынѣшній языкъ нашъ, и которыя, по своимъ формамъ и даже нерѣдко по своему образованію, будучи отдѣльными языками, столько вѣковъ употреблялись вмѣстѣ, почти безразлично, затрудненія должны встрѣчаться на каждомъ шагу. Вотъ почему одно составленіе правилъ въ руководство редакторамъ новаго Словаря требовало многихъ соглашеній и перемѣнъ. Только въ апрѣлѣ г. предсѣдательствующій представилъ ихъ въ Отдѣленіе окончательно отпечатанными и роздалъ ихъ академикамъ. Тогда же опредѣлено сообщить по экземпляру этихъ правилъ отсутствующимъ редакторамъ нашего «Словаря». Между тѣмъ чтеніе словъ, приготовляемыхъ для него по новому плану, въ собраніяхъ Отдѣленія не прерывалось. Г. предсѣдательствующій и академики І. С. Кочетовъ и И. И. Срезневскій, по мѣрѣ обработки, вносили труды свои на разсмотрѣніе и сужденіе членовъ Отдѣленія.

Въ составъ матеріаловъ для «Словаря русскаго языка» вошли объясненія специальныхъ терминовъ, представленныя разными лицами, изъявившими готовность участвовать въ общеполезномъ дѣлѣ. Прежде, нежели поступили они по принадлежности къ редакторамъ, Отдѣленіе постоянно занималось ихъ чтеніемъ и разборомъ для соображенія, въ какой мѣрѣ доставляемыя объясненія соотвѣтствуютъ общему плану изданія. Оно съ признательностію видѣло прекрасное начало ученыхъ трудовъ по терминологіи юридической профессора санктпетербургскаго университета К. А. Неволина, по ботаникѣ профессора того же университета И. О. Шиховскаго, по минералогіи профессора московскаго университета Г. Е. Щуровскаго, и по военнымъ наукамъ полковника Д. А. Милютина. Сверхъ того разсмотрѣно въ Отдѣленіи нѣсколько объясненій словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго языка, присланныхъ профессоромъ лазаревскаго института А. З. Зиновьевымъ, по части богословія г. Островскимъ, по хронологіи статскимъ (нынѣ дѣйствительнымъ) совѣтникомъ П. В. Хавскимъ, по анатоміи прозекторомъ казанскаго университета Н. В. Барминскимъ, по терминологіи музыки А. Ѳ. Тюринымъ. Въ дополненіе «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка» чѣмъ Отдѣленіе по усмотрѣнію своему можетъ воспользоваться, доставили нѣкоторыя пропущенныя въ первомъ изданіи слова: бывшій учитель нѣмецкаго языка, А. А. Лейбрехтъ, маіоръ В. А. Васильевъ, профессоръ ришельевскаго лицея К. П. Зеленецкій, учители: михайловскаго воронежскаго кадетскаго корпуса г. Хованскій и сувалькской гимназіи г. Кравченко, магистръ К. С. Аксаковъ и штатный смотритель рыльскаго уѣзднаго училища г. Дмитрюковъ. Послѣдній присоединилъ къ тому выборъ словъ изъ рукописей XVII и половины XVIII столѣтія. Членъ-корреспондентъ Отдѣленія, директоръ

5*

пражскаго музея В. В. Ганка, принимая живое участіе въ новомъ изданіи «Словаря русскаго языка», сообщилъ Отдѣленію свои мысли касательно этого труда, важнаго и для прочихъ славянскихъ племенъ. По его мнѣнію, чѣмъ обширнѣе будетъ рама предпринимаемаго изданія, тѣмъ болѣе принесетъ оно пользы. Кандидатъ санктпетербургскаго университета г. Чернышевскій представилъ «Опытъ словаря изъ Ипатіевской Лѣтописи» — трудъ полезный и замѣчательный. Принявши къ соображенію своему всѣ эти голоса сочувствія къ отечественному слову, Отдѣленіе приготовляетъ имъ законное мѣсто въ изданіи.

«Опытъ областнаго великорусскаго Словаря» еще болѣе привлекъ къ себѣ сотрудничество ученыхъ изслѣдователей народной рѣчи. Со всѣхъ концевъ Россіи Отдѣленіе получало дополненія къ своему первому «Опыту». Изъ среды академиковъ, Я. И. Бередниковъ представилъ значительное количество областныхъ словъ Тихвинскаго уѣзда, а И. И. Срезневскій — свои дополненія и объясненія. При новомъ изданіи «Опыта» они послужатъ полезнымъ для него обогащеніемъ. Отдѣленіе разсмотрѣло и въ томъ же предположеніи сохранитъ областныя слова, какія прислали постороннія лица: изъ Юхнова учитель фельдшерской школы при московскомъ воспитательномъ домѣ г. Бѣлецкій; изъ Вытегры учитель уѣзднаго училища г. Тимоѳѣевъ; изъ Казанской губерніи протоіереи: Михаилъ Воецкій и Александръ Высоцкій, священники: Дмитрій Пеньковскій, Александръ Пальмовъ и Павелъ Фанагорійскій, и врачь больницы приказа общественнаго призрѣнія г. Толмачевъ; изъ Туринска и Острогожска учители уѣзднаго училища: г. Костя и г. Крамскій; изъ Воронежской губерніи священникъ Ѳедоръ Никоновъ; изъ Пензенской губерніи студентъ московскаго университета И. П. Яровъ; изъ Саратовской и Воронеж-

ской губеній учитель михайловскаго воронежскаго кадетскаго корпуса г. Хованскій; изъ Борисоглѣбска помѣщикъ г. Козловъ; изъ Сибири, съ присоединеніемъ словъ, употребляемыхъ въ Кяхтѣ, титулярный совѣтникъ г. Черепановъ; изъ Суджи учитель уѣзднаго училища г. Николаевъ; изъ Владиміра учитель гимназіи г. Бодровъ; изъ Херсонской губерніи г. Негрескулъ, и изъ Боброва отставной капитанъ А. И. фонъ Кремеръ. Не менѣе полезны будутъ при новой обработкѣ «Областнаго великорусскаго Словаря» разсмотрѣнные Отдѣленіемъ образцы мѣстныхъ памятниковъ народной рѣчи и замѣчанія о нихъ, сообщенныя собирателями. Въ Казанской губерніи священникъ Политовъ собралъ свадебныя поговорки; учитель новгородской гимназіи, г. Купріановъ, и штатный смотритель рыльскаго уѣзднаго училища, г. Дмитрюковъ, изложили свои соображенія объ особенностяхъ выговора въ языкѣ, каждый своей мѣстности; членъ корреспондентъ Отдѣленія, профессоръ казанскаго университета, И. Н. Березинъ, окончилъ объясненія восточныхъ словъ, помѣщенныхъ въ «Областномъ Словарѣ».

Редакція «Словаря западно-русскаго нарѣчія», какъ предположено еще было въ прошломъ году, перешла въ завѣдываніе специалиста по этой части, кандидата московскаго университета, С. П. Микуцкаго. Отдѣленіе доставило ему средства наилучшимъ образомъ совершить возлагаемую на него обязанность. Онъ отправленъ въ путешествіе по тому краю, котораго языкъ отнынѣ составляетъ главную его задачу. Ничѣмъ нельзя вѣрнѣе изобразить сферы ученыхъ стремленій нашего путешественника, какъ приведя собственныя слова его изъ письма къ академику И. И. Срезневскому. «Главную цѣль (говоритъ онъ) всѣхъ моихъ трудовъ и занятій я полагалъ и полагаю въ томъ, чтобы раскрыть и пояснить понятія о Богѣ, человѣкѣ и природѣ у древнихъ

Славянъ (по преимуществу русскихъ) и проистекающій оттуда бытъ домашній и общественный, а также показать, что слова прекраснаго, богатаго и благозвучнаго русскаго языка должны быть для насъ не пустыми знаками понятій, но тѣмъ, чѣмъ они суть дѣйствительно — живымъ и мѣткимъ выраженіемъ того, что означаютъ. Съ этою цѣлію, на пространствѣ отъ Чудскаго озера до Пинскихъ болотъ, и отъ Балтійскаго моря до Днѣпра, я желалъ бы посѣтить по преимуществу тѣ мѣста, куда слабо проникло ново-европейская образованность, то есть, тѣ мѣста, въ коихъ наиболѣе сохранилось старинныхъ преданій, повѣрій и обрядовъ; мѣста, отличающіяся чѣмъ нибудь замѣчательнымъ въ говорѣ, или въ обычаѣ жителей» и проч. Въ теченіе нынѣшняго года, еще до путешествія, онъ сообщилъ нѣсколько матеріаловъ для обогащенія работъ Отдѣленія. Онъ составилъ значительный сборникъ простонародныхъ словъ, употребляемыхъ въ Москвѣ и Ярославлѣ. Другой содержитъ въ себѣ бѣлорусскія слова, подслушанныя имъ въ устахъ старцевъ-нищихъ. Еще доставилъ онъ сборникъ охотничьихъ словъ.

Къ этимъ матеріаламъ непосредственно должны быть отнесены труды надворнаго совѣтника Носовича, который занимается собираніемъ областныхъ бѣлорусскихъ словъ. Отдѣленіе по этому поводу предположило обратить вниманіе составителя преимущественно на слова бѣлорусскаго нарѣчія, сохраняющіяся въ древнихъ актахъ того края.

Изъ предначертанія годичныхъ занятій членовъ Отдѣленія, которое въ началѣ 1848 года внесено г. предсѣдательствующимъ на соображеніе академиковъ, видно, что по случаю разбора областныхъ словъ, присланныхъ въ редакцію «Областнаго Словаря» изъ Полтавы, Отдѣленіе обсуживало вопросъ объ изданіи «Малороссійскаго Словаря». Но такъ какъ печатаніе другихъ трудовъ, уже бывшихъ въ

ходу, не оставляло намъ свободнаго времени на исполненіе предпріятія новаго, то оно и было отложено до болѣе удобнаго случая. Въ теченіе нынѣшняго года вопросъ объ этомъ предметѣ востановленъ былъ снова. Такъ какъ Отдѣленіе, кончивъ изданіе самыхъ отвѣтственныхъ для себя трудовъ, ежегодно расширяетъ кругъ своей дѣятельности; то не удивительно, что въ эту новую сферу вошли достойные участники и для занятій «Малороссійскимъ Словаремъ».

Губернскій секретарь А. С. Аѳанасьевъ доставилъ въ Отдѣленіе замѣчательный свой трудъ по этой части. Разсмотрѣніе его собранія малороссійскихъ словъ и пословицъ поручено было академику И. И. Срезневскому, который отозвался о немъ съ похвалою, и въ заключеніе разбора своего сказалъ, что одна часть Словаря г. Аѳанасьева, болѣе любопытная по новости или подробности объясненій, можетъ занять мѣсто въ «Матеріялахъ для объяснительнаго и сравнительнаго Словаря», другая же часть, содержащая объясненіе словъ, употребляющихся и въ русскомъ языкѣ, полезна будетъ при составленіи «Общаго русскаго Словаря». Чрезъ нѣсколько времени, инспекторъ лицея князя Безбородко, Ф. С. Морачевскій, препроводилъ на разсмотрѣніе Отдѣленія начало составляемаго имъ тоже «Словаря малороссійскаго языка», по полтавскому нарѣчію, какъ онъ прибавляетъ. Въ собраніи своемъ онъ помѣстилъ всѣ употребительныя слова, не исключая иностранныхъ и русскихъ, когда они усвоены народомъ; значеніе же чисто малороссійскихъ словъ онъ подкрѣпляетъ выраженіями, заимствованными изъ древнихъ и новыхъ памятниковъ народной поэзіи, изъ сочиненій Котляревскаго, Основьяненка, Гулака-Артемовскаго и изъ живой народной рѣчи. Этотъ переводъ словъ изъ одной области рѣчи въ другую доставилъ случай академику И. И. Срезневскому развить очень справедливую мысль,

которая, въ отношеніи къ областнымъ нарѣчіямъ, давно нуждается въ гласности и распространіи. Собраніе областныхъ словъ, каковы малороссійскія, не есть языкъ въ собственномъ значеніи. Это одно изъ простонародныхъ нарѣчій. Тутъ нѣтъ словъ для выраженія многихъ самыхъ обыкновенныхъ понятій. Малороссіянинъ, напримѣръ, говоря по-своему, безпрестанно долженъ вставлять въ рѣчь свою то слова общаго русскаго языка, то иностранныя. Хотя заимствованныя такимъ образомъ слова и будутъ выговариваемы по-малороссійски, но изъ этого не слѣдуетъ, что они составляютъ органическую часть малороссійскаго нарѣчія: имъ нѣтъ мѣста въ Словарѣ собственно малороссійскомъ. «Съ другой стороны (прибавляетъ академикъ), авторитетъ писателей, упражнявшихъ свое искусство владѣть нарѣчіемъ малороссійскимъ, не можетъ въ малороссійскомъ Словарѣ имѣть той силы, какая обыкновенно дается авторитету писателей въ Словаряхъ того или другаго литературнаго языка. Единственный источникъ Словаря простонароднаго нарѣчія есть самъ народъ. Писатель же, измѣняющій смыслъ словъ народныхъ, не авторитетъ, но образецъ искаженія народнаго говора; а неизмѣняющій его не даетъ Словарю ничего того, что не можетъ быть въ немъ безъ его помощи. Ни слова, извѣстныя только изъ писателей, ни выраженія писателей не необходимы въ областномъ Словарѣ» Эти замѣчанія сообщены г. Морачевскому.

V.

«Извѣстія», печатаемыя Отдѣленіемъ въ продолженіе 1853 года, сохранили характеръ свой и свое разнообразіе, отъ которыхъ зависѣлъ ихъ успѣхъ въ предшествовавшемъ году. Не отступая отъ принятаго правила, по которому От-

дѣленіе поставило своею обязанностію сосредоточивать въ кругу ученой дѣятельности своей труды всѣхъ русскихъ литераторовъ, оно внесло въ свои «Извѣстія» значительное число изысканій постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подвергнуть разсмотрѣнію Отдѣленія ученые свои труды. Историческія, филологическія и критическія изслѣдованія о старославянской литературѣ, о русскомъ языкѣ и словесности его, о литературѣ современной, библіографическія записки о замѣчательныхъ явленіяхъ въ области славяно-русской филологіи, указанія на новыя книги, содержаніемъ своимъ обращающія на себя вниманіе Отдѣленія, разнаго рода рецензіи, мнѣнія о системахъ лексикографіи и грамматики, особенныя записки по предметамъ, нечуждымъ трудовъ Отдѣленія — таково было содержаніе «Извѣстій». Редакція ихъ по прежнему была трудомъ академика И. И. Срезневскаго. Ему же принадлежатъ и многія изъ изслѣдованій, въ нихъ помѣщенныхъ.

Двое изъ членовъ корреспондентовъ нашихъ, профессоръ казанскаго университета В. И. Григоровичъ и профессоръ (нынѣ) александровскаго лицея Я. К. Гротъ, представили ученыя записки, свидѣтельствующія о точности ихъ изслѣдованій и любви къ наукѣ. Преосвященный Макарій, епископъ Винницкій, въ своемъ розысканіи объ Іаковѣ, древнѣйшемъ изъ духовныхъ писателей нашихъ, котораго время житія уже опредѣляли академики П. Г. Бутковъ и М. П. Погодинъ, показалъ прекрасный образецъ ученой критики. Священникъ І. Базаровъ, по вызову Отдѣленія, сообщилъ новыя, въ высокой степени занимательныя подробности о покойномъ академикѣ В. А. Жуковскомъ касательно его характера, семейной жизни и ученыхъ убѣжденій. Историко-критическія изслѣдованія о митрополитѣ Іоаннѣ II и объ архіепископѣ Вассіанѣ, изъ которыхъ первое принадлежитъ

профессору санктпетербургскаго университета К. А. Неволину, а второе адъюнкту того же университета М. И. Сухомлинову, сообщають читателямъ множество точныхъ и съ примѣрною полнотою собранныхъ указаній на малоизвѣстные памятники нашей древней письменности. Мысли А. Н. Аөанасьева «О соотношеніи языка съ народными повѣрьями» подтверждены столь обильными, столь поэтическими и разнородными свидѣтельствами изъ нашей рѣчи, изъ нашихъ обыкновеній и древнѣйшихъ повѣрій, что невольно соглашаешься съ авторомъ. Историческія и топографическія показанія С. Н. Палаузова, въ которыхъ такъ ясно представлена Болгарія XII и XIII столѣтія, должны быть признаны заслугою наукѣ славянскаго міра. Адъюнктъ харьковскаго университета П. А. Лавровскій и кандидатъ с.-петербургскаго К. Д. Петковичъ равнымъ образомъ внесли въ изученіе славянскихъ древностей и филологіи достойные общаго вниманія матеріалы, одинъ своими замѣчаніями объ особенностяхъ словообразованія и значенія словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ, другой извѣстіями о рукописяхъ зографскаго святогорскаго монастыря.

Въ самомъ началѣ печатанія при «Извѣстіяхъ» особаго отдѣла, подъ названіемъ «Памятниковъ и образцевъ народнаго языка и словесности», Отдѣленіе выразилось, что это собраніе можетъ составить нѣкогда любопытную библіотеку, въ которой соединены будутъ разрозненныя нынѣ и большею частію неизвѣстныя произведенія народной мысли и фантазіи. Успѣхъ втораго года въ этомъ предпріятіи вполнѣ оправдалъ надежды наши. Конечно можно было бы расширить раму этихъ живыхъ, свѣтлыхъ и выразительныхъ картинъ; но главная цѣль сборника состоитъ не столько въ его увеличеніи, сколько въ поддержаніи истиннаго его достоинства и соединенной съ тѣмъ общей пользы. Отдѣленіе

подвергаетъ строгому разбору доставляемые ему матеріалы и даетъ мѣсто въ своемъ изданіи одному тому, что прямо служитъ, по новости своей, или по оригинальности, къ несомнѣнному изученію духа народнаго, умственныхъ его силъ, эстетическихъ способностей и своеобразнаго во всемъ характера. Такого рода чертами отличаются «Историческія былины и народныя пѣсни», доставленныя въ Отдѣленіе С. Н. Гуляевымъ, «Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ» г. Шпилевскаго, «Закамскія хороводныя пѣсни», записанныя А. А. Пафнутьевымъ, и особенно исполненныя красокъ мѣстности, эпохи и быта «Малороссійскія думы», присланныя А. С. Аѳанасьевымъ.

«Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій» болѣе всего убѣдили Отдѣленіе, какую силу ученой дѣятельности сообщить можетъ сосредоточенность трудовъ. Отдѣленіе продолжало со всевозможнымъ вниманіемъ всматриваться въ характеръ, сферу и ученое достоинство произведеній, предназначаемыхъ для пополненія разныхъ отдѣловъ науки. Во время своихъ засѣданій академики неуклонно взвѣшивали и сравнивали самыя разнородныя предположенія, сколько для открытія истины, столько же и для вызова къ новымъ трудамъ неутомимыхъ ея изыскателей, какими постоянно являлись: профессоры санктпетербургскаго университета А. К. Казембекъ, казанскаго І. М. Ковалевскій и И. Н. Березинъ, александровскаго лицея Я. К. Гротъ, казанской духовной академіи А. Бобровниковъ, редакторъ ученыхъ трудовъ Императорской публичной библіотеки К. А. Коссовичъ, и многія другія лица. Въ нынѣшнемъ году, посреди этихъ «Матеріаловъ» явилась систематическая, съ новой точки зрѣнія обдуманная работа молодаго ученаго. Это «Сравненіе языка славянскаго съ санскритскимъ», Я. Ѳ. Гильфер-

динга. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывается о немъ одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ знатоковъ санскритскаго языка, К. А. Коссовичъ: «Путь, избранный г. Гильфердингомъ, совершенно отличенъ отъ пути, по которому слѣдовали всѣ его предшественники, да и объемъ труда его гораздо полнѣе и оконченнѣе. Г. Гильфердингъ поставилъ себѣ на первый разъ задачею опредѣлить, во всей подробности, отношенія звуковъ языка санскритскаго къ славянскимъ, не входя въ сравненія корней, формъ словъ и построенія рѣчи. Очевидно, что сторона лингвистическихъ сравненій, избранная г. Гильфердингомъ, самая важная и значительная; ибо звуки составляютъ первую основу какъ корней, такъ и формъ. Но, чтобы отыскать дѣйствительное сходство въ звукахъ, для этого мало было г. Гильфердингу изучить его предшественниковъ. Нѣтъ, трудъ его — первый изъ подобныхъ трудовъ, появившійся доселѣ въ нашей филологіи: кромѣ того, что онъ не чуждъ спеціальнаго изслѣдованія, онъ представляетъ добросовѣстнѣйшій результатъ тщательнаго изученія основныхъ европейскихъ источниковъ санскритскаго корнесловія, независимо отъ изученія сравнительнаго — я разумѣю въ особенности труды Вильсона и Бенфея — источниковъ, къ которымъ до сего времени только слегка покушалась прикасаться наша филологія». Такимъ образомъ, по вызову Отдѣленія, съ нынѣшняго года, открывается новый рядъ изслѣдованій, которыя, совокупно съ предшествовавшими имъ, сообщатъ филологіи въ Россіи высокое значеніе какъ науки, и высшее какъ важнаго пособія для всемірной исторіи.

Въ заключеніе обзора общихъ годичныхъ трудовъ Отдѣленія остается присовокупить, что первая книга «Ученыхъ Записокъ» въ непродолжительномъ времени должна выйти.

VI.

Переходя къ частной дѣятельности академиковъ, Отдѣленіе не считаетъ себя въ правѣ умолчать о литературныхъ трудахъ господина управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра, Авраама Сергѣевича Норова, который состоитъ въ числѣ ординарныхъ академиковъ нашего Отдѣленія. Его вниманіе къ ученымъ занятіямъ Отдѣленія не ограничивалось обозрѣніемъ однихъ протоколовъ засѣданій нашихъ: онъ находилъ время присутствовать здѣсь, чтобы лично содѣйствовать успѣхамъ разныхъ предпріятій, особенно важнѣйшаго изъ нихъ, т. е. изданія «Словаря русскаго языка». Въ теченіе нынѣшняго года производилось печатаніе «Полнаго собранія сочиненій» его. Для первой книги «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія А. С. Норовъ предоставилъ одно изъ своихъ сочиненій въ прозѣ, а именно: «Историко-географическія изслѣдованія свои объ Атлантидѣ».

Господинъ предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, ординарный академикъ, И. И. Давыдовъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ» Записку о кругѣ дѣтельности Втораго Отдѣленія академіи въ 1853 году, и дополнительную Записку къ его «Отчету» за 1852 годъ; разсмотрѣлъ нѣсколько статей, присланныхъ въ Отдѣленіе по части грамматики и по предмету новаго изданія «Словаря русскаго языка»; написалъ предисловіе къ «Ученымъ Запискамъ», въ которомъ изложилъ исторически весь ходъ ученыхъ трудовъ бывшей Императорской россійской академіи; читалъ въ Отдѣленіи объясненія словъ на букву *Д* для новаго Словаря, уже поступившаго въ печать; составилъ выборъ словъ изъ сочиненій поэта Д. В. Давыдова въ дополненіе предпринятаго

изданія «Словаря русскаго языка» и наконецъ приступилъ къ третьему изданію «Опыта общесравнительной Грамматики русскаго языка».

Ординарный академикъ, высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій, обогатилъ сокровищницу духовнаго краснорѣчія многими вновь сочиненными имъ проповѣдями. Онѣ произнесены были при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ то: 1) Бесѣда на обновленіе храма святыхъ апостоловъ Петра и Павла, при первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, о томъ, что церковь есть жилище святыни и благодати Божіей, и что укрѣпленіе себя молитвою и духовнымъ ученіемъ предпочтительнѣе любви къ суетнымъ забавамъ и чувственнымъ наслажденіямъ; 2) Слово въ день тезоименитства Государя Императора, говоренное 6 декабря 1852 года, о значеніи притчи о впавшемъ въ разбойники и милосердовавшемъ о немъ самарянинѣ, и о томъ, въ чемъ состоитъ истинное милосердіе къ ближнимъ; 3) Бесѣда въ день совершившагося пятидесятилѣтія отъ учрежденія екатерининскаго училища благородныхъ дѣвицъ, 10 февраля 1853 года, о словахъ Соломона, изображающихъ доблестную жену, о царственныхъ подвигахъ въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны по управленію воспитанія и образованія благородныхъ дѣвицъ, и о томъ, какими свойствами женскихъ доблестей могутъ онѣ оправдать царскія о себѣ попеченія; 4) Слово на память святителя Алексія, о необходимости покаянной скорби и слезъ для достиженія вѣчнаго блаженства, и о средствахъ соединить сокрушеніе о грѣхахъ съ ежедневными занятіями нашей жизни; 5) Слово въ день обрѣтенія мощей святителя Алексія, о средствахъ приближенія и прикосновенія ко Христу для воспріятія отъ Него спасительной силы къ просвѣщенію ума и уврачеванію души и тѣла; 6) Бесѣда въ

недѣлю седьмую по Пасхѣ, по освященіи храма въ покровскомъ хотьковѣ монастырѣ, о воскресеніи Христовомъ, какъ сильнѣйшемъ удостовѣреніи, что Господь Іисусъ есть истинный Богъ и Спаситель міра, и что оно есть непреложное свидѣтельство собственнаго нашего воскресенія, для принятія воздаянія по дѣламъ нашимъ въ будущей жизни; 7) Слово въ день рожденія Государя Императора, говоренное 25 іюня 1853 года, о томъ, почему цари и царицы названы въ священномъ писаніи кормителями и кормительницами церкви Христовой; 8) Слово въ день вѣнчанія и помазанія на царство Государя Императора, о вѣрности въ служеніи Христу, состоящей въ дѣятельномъ исполненіи христіанскихъ обязанностей; 9) Рѣчь, произнесенная въ московскомъ успенскомъ соборѣ, при врученіи пастырскаго жезла новопосвященному викарію московской епархіи, епископу Дмитровскому Алексію.

Ординарный академикъ, преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій, также не переставалъ способствовать успѣхамъ духовной изящной литературы многократнымъ проповѣдываніемъ Слова Божія съ церковной каѳедры.

Ординарный академикъ К. И. Арсеньевъ приготовилъ для первой книги «Ученыхъ Записокъ» Втораго Отдѣленія «Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи до XIX столѣтія».

Ординарный академикъ П. Г. Бутковъ составилъ для «Извѣстій» Отдѣленія историко-критическую записку, въ которой онъ касается любопытнаго и въ отношеніи къ древностямъ Россіи столь важнаго сочиненія профессора санктпетербургскаго университета К. А. Неволина «О пятинахъ и погостахъ новогородскихъ» и другую для «Ученыхъ Записокъ», гдѣ разбираетъ сочиненіе, помѣщенное въ Antiquités

russes, подъ заглавіемъ: «Договоры Швеціи и Норвегіи съ Россіею о границахъ сопредѣльныхъ земель».

Ординарный академикъ А. Х. Востоковъ занимался составленіемъ разборовъ разнаго рода статей, поступавшихъ въ Отдѣленіе, касательно правилъ русской Грамматики и Словаря русскаго языка. Сверхъ того онъ постоянно завѣдываетъ всѣми матеріалами, поступающими въ видѣ дополненій къ «Словарю областнаго великорусскаго языка», приготовляя ихъ для чтенія въ засѣданіяхъ Отдѣленія, когда оно приступитъ къ новому изданію своего «Опыта».

Ординарный академикъ князь П. А. Вяземскій, оставаясь за границею для поправленія растроеннаго своего здоровья, не переставалъ, по мѣрѣ возможности, возвращаться къ любимымъ имъ литературнымъ занятіямъ, что болѣе всего видно по тѣмъ стихотвореніямъ, которыя, въ теченіе 1853 года, были печатаемы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ русскихъ.

Ординарный академикъ М. П. Погодинъ кончилъ печатаніемъ три тома своихъ «Изслѣдованій о древней русской исторіи», V, VI и VII, обнимающіе удѣльный періодъ до покоренія Россіи Монголами. Во время поѣздки прошлымъ лѣтомъ за границу, онъ, послѣ курса водъ на Рейнѣ, воспользовался свободнымъ временемъ и совершилъ путешествіе въ Нормандію для обозрѣнія нормандскихъ древнихъ остатковъ. За границею же онъ составилъ собраніе живописныхъ таблицъ по всѣмъ отраслямъ знаній, сколько ихъ издано въ послѣднее время въ Германіи и Франціи для пособія при воспитаніи. Возвратившись изъ путешествія, академикъ М. П. Погодинъ началъ продолжать изданіе учено-литературнаго журнала своего: «Москвитянинъ», гдѣ преимущественно обращаетъ вниманіе на помѣщеніе матеріаловъ для исторіи русской словесности и московскаго университета.

Ординарный академикъ, протоіерей І. С. Кочетовъ, въ засѣданіяхъ Отдѣленія, читалъ составленныя имъ опредѣленія и объясненія словъ на букву *Г*, для помѣщенія ихъ въ новомъ изданіи «Словаря русскаго языка». Отдѣленіе, имѣя въ виду болѣе точное опредѣленіе словъ, входящихъ въ психологію, поручило академику І. С. Кочетову заняться этимъ важнымъ предметомъ, который принадлежитъ къ числу спеціальныхъ его ученыхъ занятій, что уже доставило нѣсколько занимательныхъ чтеній въ засѣданіяхъ членовъ Отдѣленія. Ему же передаваемы были въ теченіе года всѣ присылаемыя съ объясненіями слова, касающіяся предметовъ церкви, или богословія. Сверхъ того онъ разсмотрѣлъ и составилъ отзывы о нѣкоторыхъ руководствахъ нравственныхъ наукъ.

Ординарный академикъ Я. И. Бередниковъ, по званію главнаго редактора археографической коммиссіи, окончилъ печатаніемъ шестой томъ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей» и приготовилъ къ изданію седьмой томъ означеннаго собранія, въ которомъ будетъ помѣщена Воскресенская Лѣтопись. Этотъ кодексъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая напечатана академіею наукъ въ 1793 и 1794 годахъ по принадлежащему ей списку, а вторая оставалась доселѣ въ рукописяхъ. Въ предстоящемъ изданіи продолженіе этой Лѣтописи будетъ напечатано по тремъ спискамъ: синодальному, архивскому, который извѣстенъ былъ Карамзину подъ именемъ Ростовской Лѣтописи, и Карамзинскому, предоставленному покойною его супругой для употребленія археографической коммиссіи. Сверхъ того, въ «Извѣстіяхъ Втораго Отдѣленія» помѣщены слѣдующія сочиненія академика Я. И. Бередникова: 1) О сокращенныхъ хронологическихъ таблицахъ, составленныхъ П. В. Хавскимъ; 2) Замѣчанія о новомъ изданіи «Словаря русскаго

языка», и 3) Объ участіи Бакмейстера въ составленіи столь извѣстнаго «Сравнительнаго Словаря», въ изданіи котораго непосредственное принимала участіе Императрица Екатерина II. Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» академикъ Я. И. Бередниковъ напечаталъ «О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ».

Ординарный академикъ С. П. Шевыревъ, въ торжественномъ годичномъ собраніи московскаго университета, бывшемъ 12 января 1853 года, читалъ рѣчь: «О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи». Она была перепечатана во 2-й книжкѣ «Москвитянина» 1853 года. Академикъ С. П. Шевыревъ приготовилъ къ изданію и представилъ на просмотръ цензурнаго комитета три еще не бывшихъ въ печати сочиненія покойнаго Н. В. Гоголя: 1) Размышленія о Божественной литургіи, 2) Авторскую исповѣдь, и 3) Пять главъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ». Отъ лица московскаго университета, по назначенію начальства, академикъ П. С. Шевыревъ участвовалъ въ торжествованіи пятидесятилѣтняго юбилея ярославскаго демидовскаго лицея и сказалъ на актѣ рѣчь, которая напечатана въ московскихъ вѣдомостяхъ 1853 года. Все время, свободное отъ исполненія служебныхъ обязанностей, онъ теперь посвящаетъ приготовительнымъ занятіямъ къ празднованію наступающаго столѣтняго торжества въ московскомъ университетѣ.

Экстраординарный академикъ М. А. Коркуновъ занимался, съ главнымъ редакторомъ археографической коммиссіи, Я. И. Бередниковымъ, изданіемъ V тома «Дополненій къ актамъ историческимъ», вышедшаго въ свѣтъ въ настоящемъ году, и приготовленіемъ матеріаловъ для VI тома тѣхъ же «Дополненій», въ которомъ предполагается помѣстить

документы послѣднихъ годовъ царствованія Алексія Михайловича, 1670—1676 гг. По Отдѣленію русскаго языка и словесности, академикъ М. А. Коркуновъ, кромѣ участія во всѣхъ общихъ занятіяхъ академиковъ во время ихъ собраній, приготовлялъ корреспонденцію по сношеніямъ г. предсѣдательствующаго съ разными мѣстами и лицами, а равно и редакцію протоколовъ засѣданій Отдѣленія.

Экстраординарный академикъ И. И. Срезневскій, постоянно принимая участіе въ новомъ изданіи «Словаря русскаго языка» и въ составленіи дополненій для «Областнаго великорусскаго Словаря», вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности редактора «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія, «Памятниковъ и образцевъ народнаго языка и словесности» и «Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики». Въ «Извѣстіяхъ» помѣщаемо имъ было постоянно обозрѣніе всѣхъ новыхъ явленій историко-филологической литературы, важныхъ для русскаго филолога. Въ засѣданіяхъ Отдѣленія имъ читаны разборы слѣдующихъ древнихъ памятниковъ русской литературы: 1) Древнихъ жизнеописаній русскихъ князей X—XI вѣка, 2) Новгородскихъ лѣтописей въ ихъ первобытномъ составѣ и послѣдующихъ измѣненіяхъ, 3) нашихъ старинныхъ энциклопедическихъ словарей, 4) трудовъ митрополита Ѳеодосія, и 5) Путевыхъ записокъ стариннаго путешественника Никитина. Дѣятельно участвуя въ трудахъ географическаго и археологическаго обществъ, академикъ И. И. Срезневскій читалъ въ ихъ засѣданіяхъ свои записки: въ первомъ — о давнемъ знакомствѣ русскихъ съ южной Азіей, а во второмъ — о збручскомъ истуканѣ краковскаго музея, который принимаютъ нѣкоторые за русское изображеніе Святовида. «Памятники и прежде открытые, и вновь открываемые, всего болѣе помогаютъ къ освѣтленію образа быта и

образованности нашихъ предковъ; но правдивость взгляда на нашу древность и старину тогда только будетъ упрочена, когда каждый памятникъ, по мѣрѣ своей важности, будетъ разсмотрѣнъ подробно и сколько можно безпристрастно, когда ничто частное не будетъ служить преградой къ уразумѣнію цѣлаго»; руководствуясь этою мыслію, нашъ академикъ изучаетъ постепенно одни памятники за другими, стараясь отмѣтить въ каждомъ то, что важно для уразумѣнія языка, быта и образованности предковъ.

VII.

Совокупные и частные труды членовъ Отдѣленія и въ нынѣшнемъ году удостоены всемилостивѣйшаго вниманія Вѣнценоснаго Покровителя академіи. Господинъ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастіе поднести Государю Императору первый томъ «Извѣстій» и второе изданіе «Опыта общесравнительной русской Грамматики». Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть за эти изданія объявить Отдѣленію свое монаршее благоволеніе.

Въ слѣдствіе избранія и представленія господиномъ президентомъ академіи, на основаніи положенія объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, господинъ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія утвердилъ на слѣдующее двухлѣтіе предсѣдательствующимъ Отдѣленія ординарнаго академика И. И. Давыдова.

Академикъ С. П. Шевыревъ, по представленію Втораго Отдѣленія, удостоенный общимъ собраніемъ академіи возведенія изъ экстраординарныхъ академиковъ въ ординарные при открывшейся вакансіи по кончинѣ академика В. А. Жуковскаго, высочайше утвержденъ въ этомъ званіи.

Отдѣленіе, по предложенію господина предсѣдательствующаго, для подробнѣйшаго разсмотрѣнія вопросовъ, какіе могутъ возникнуть при третьемъ изданіи «Опыта общесравнительной русской Грамматики», образовало изъ среды своей комитетъ, въ которомъ, совокупно съ господиномъ предсѣдательствующимъ, занимаются академики: П. А. Плетневъ, И. И. Срезневскій и завѣдывающій дѣлами Отдѣленія академикъ М. А. Коркуновъ.

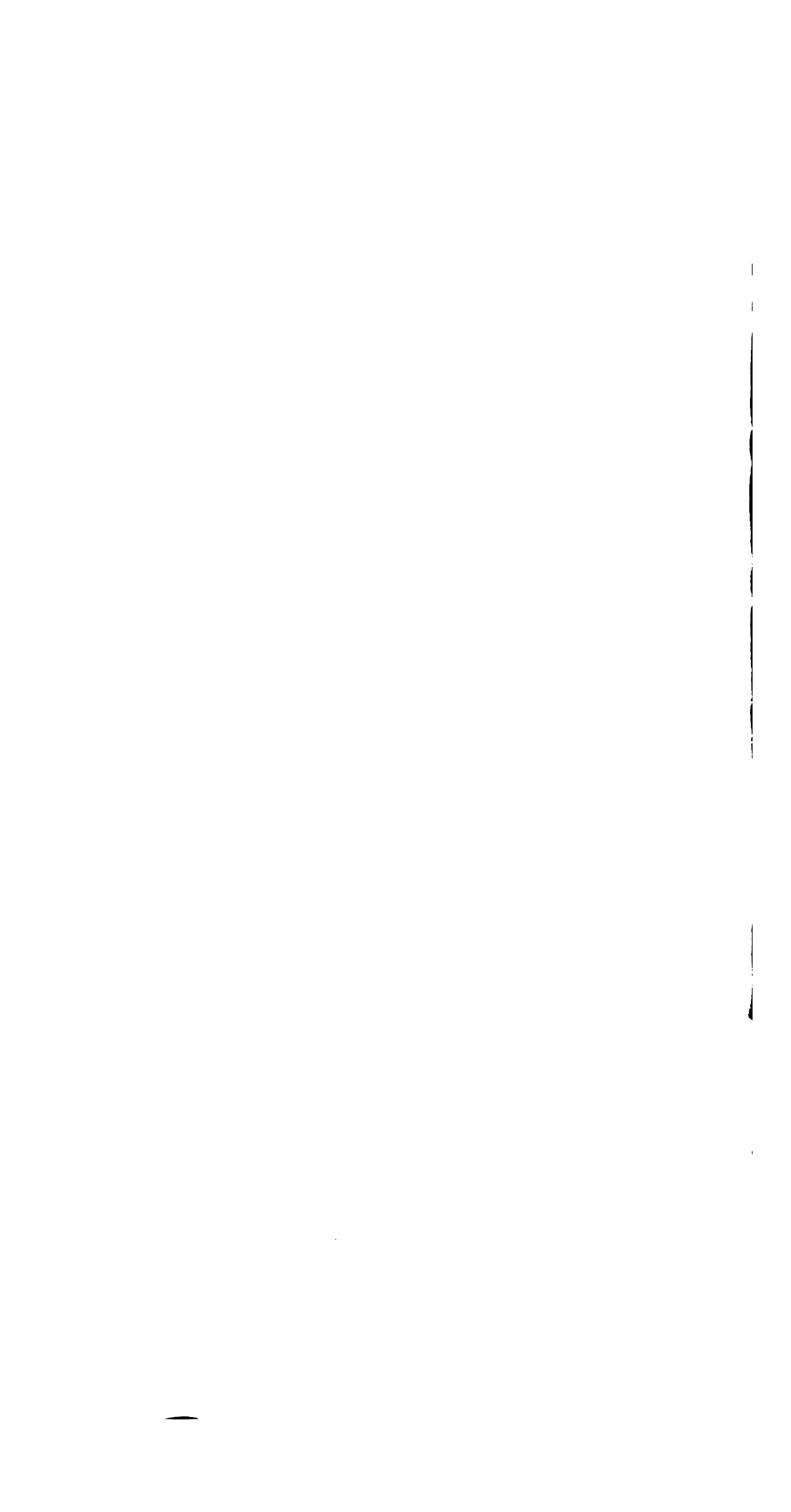
Самый бѣглый взглядъ на годичную дѣятельность академиковъ Втораго Отдѣленія и другихъ лицъ, въ ней участвовавшихъ, указываетъ на преобладаніе того направленія современной литературы, которое надобно назвать историко-критическимъ. Оно легко можетъ показаться одностороннимъ, хотя прямо истекаетъ сколько изъ главнаго назначенія академическихъ занятій, столько и изъ общей потребности современнаго умонаправленія. Всѣ въ свѣтѣ академіи съ любовію и понятною гордостію принимаютъ въ среду свою геніальныхъ писателей; но не онѣ созидаютъ ихъ. Обширныя и глубокія спеціальныя познанія, страсть къ постепенному обработыванію избраннаго предмета — вотъ чѣмъ начинается первый шагъ въ академію. Въ ней все, предварительно пріобрѣтенное, совершенствуется отъ трудовъ совокупныхъ и разносторонникъ мнѣній. И такъ какъ историко-критическія изслѣдованія по преимуществу подлежатъ большинству показаній и многосторонней обработкѣ, то естественно, что въ академіи болѣе, нежели гдѣ нибудь, эта обширная область знаній вызываетъ труды ученыхъ.

Съ другой стороны самый ходъ литературы привелъ насъ наконецъ къ занятіямъ, привлекающимъ къ себѣ вниманіе большей части европейскихъ ученыхъ. Въ концѣ

XVIII и въ первой части XIX столѣтія всѣ просвѣщенные народы видѣли у себя столько великихъ писателей, которые силою своего творчества изумили современниковъ, что историко-критическое изученіе прошлаго обратилось въ нашу обязанность. Безотчетный пріемъ этихъ сокровищъ можетъ привести ихъ въ забвеніе и лишить потомство самыхъ назидательныхъ уроковъ. У насъ же въ Россіи тѣмъ ощутительнѣе потребность въ историко-критическомъ направленіи литературы, что до сихъ поръ его почти не было. Мы принуждены взять началомъ трудовъ своихъ первые начатки письменности и языка ея.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, во всѣхъ частяхъ изслѣдованій своихъ, желаетъ идти соединенно съ другими Отдѣленіями академіи, которыхъ начало современно эпохѣ Петра Великаго. Это и было побудительною причиною, что Отдѣленіе въ нѣдрѣ своемъ образовало средоточіе дѣятельности всѣхъ благомыслящихъ литераторовъ русскихъ, достойныхъ споспѣшествовать успѣху общаго дѣла.

1854.

ОТЧЕТЪ ЗА 1854 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРН. АКАДЕМИКОМЪ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Читанъ имъ въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1854 года.

I.

11-го апрѣля нынѣшняго года, ординарному академику Втораго Отдѣленія, сенатору, тайному совѣтнику Авраамy Сергѣевичу Норову, высочайше повелѣно быть министромъ народнаго просвѣщенія. Представляя отчетъ годичной дѣятельности своей, Отдѣленіе находитъ всего приличнѣе начать его исчисленіемъ ученыхъ трудовъ академика, которому Его Императорское Величество соизволилъ ввѣрить управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія въ отечествѣ.

Ординарный академикъ А. С. Норовъ въ 1854 году издалъ въ свѣтъ пять томовъ путешествій своихъ по Египту и Нубіи, по Святой Землѣ и къ Семи Церквамъ, упоминаемымъ въ апокалипсисѣ. Судя по современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, въ какихъ находятся всѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря, авторъ не могъ внести лучшаго вклада въ нашу литературу. Съ другой стороны, давно знатоки и любители изящныхъ твореній, проникнутыхъ классическою ученостію, чувствовали потребность въ

новомъ изданіи этихъ путешествій, которыя такъ назидательны въ религіозномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніи.

Путешествіе по Египту и Нубіи предпринято было авторомъ въ 1834 году, а напечатано въ первый разъ только въ 1840 году. Оно служило вступленіемъ къ путешествію по Святой Землѣ, явившемуся въ печати ранѣе его. Картина страны, которую изучилъ путешественникъ во всѣхъ отношеніяхъ, начертана истинно художнически. Не разъединяя цѣлаго, онъ успѣлъ вмѣстить въ ней топографію, исторію, древности, примѣчательности естественныя и политическія, памятники художествъ и рѣзкія черты нынѣшнихъ нравовъ. И въ лучшую эпоху литературы такое сочиненіе было бы принято въ ученомъ свѣтѣ съ признательностію. Нынѣ же второе изданіе его защищаетъ современниковъ отъ справедливаго упрека въ отсутствіи общеполезной ученой дѣятельности.

Путешествіе по Святой Землѣ, которое совершено было въ 1835 году, въ первый разъ издано въ 1838. О достоинствѣ его можно отчасти судить уже и по тому, что авторъ вызванъ былъ въ непродолжительномъ времени приступить ко второму изданію. И такъ явившееся нынѣ есть третье. Его превосходство предъ прежними заключается въ томъ, что многія мѣста сочиненія дополнены новыми разысканіями, о которыхъ авторъ говоритъ: «Мнѣ пріятно было видѣть, что новѣйшія изслѣдованія ученыхъ путешественниковъ, Робинсона и Смита, вполнѣ достойныя того вниманія, которое обратили на нихъ Англія и Германія, подтвердили сдѣланныя мною изысканія библейскихъ мѣстъ; но я не могъ согласиться въ иныхъ случаяхъ со скептицизмомъ этихъ ученыхъ, оспаривавшихъ нѣкоторыя важныя преданія Палестинскія». Изъ этого можно видѣть, съ какимъ тщаніемъ

и осторожностью обработана русская книга сравнительно съ иноземными о томъ же предметѣ. Еще любопытнѣе и поучительнѣе слова автора объ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, котораго содержаніе касается также Палестины, и который не былъ достойно обработанъ критикою. Вотъ это замѣчательное показаніе.

«География и топографія Палестины, въ примѣненіи къ тексту священнаго писанія, были доселѣ мало объяснены очевидцами. Я имѣлъ отчасти цѣлію облегчить въ этомъ отношеніи чтеніе многихъ мѣстъ ветхаго и новаго завѣтовъ. Реландъ, Розенмюллеръ и Раумеръ, а изъ очевидцевъ (собственно для Палестины) Кварезмій, Маундрель, Бурхардъ, Букингамъ, Зетценъ, Робинсонъ, Смитъ и Соси оказали наибольшія услуги по сему важному предмету. Изъ русскихъ хотя одинъ только игуменъ Даніилъ представляетъ намъ источникъ для изысканій; но этотъ источникъ болѣе обиленъ, чѣмъ бы можно было предполагать по краткости разсказа Даніила, и чрезвычайно важенъ по своей древности. Я прочелъ Даніила уже послѣ перваго изданія моей книги. Не смотря на все стараніе, употребленное г. Сахаровымъ въ сличеніи текстовъ Даніила при изданіи этого древняго памятника русской словесности, за что мы не можемъ не быть ему признательны, я нѣсколько разъ отказывался читать разсказъ Даніила, находя въ немъ самыя грубыя географическія и мѣстныя несообразности; но, увѣрясь въ несомнѣнности путешествія Даніила и проникнутый важностію столь древняго памятника, я, съ помощію моего собственнаго путешествія, воспоминаній и нѣкоторыхъ древнихъ источниковъ, имѣлъ наконецъ утѣшеніе объяснить такія ошибки, вкравшіяся въ книгу Даніила отъ невѣжественныхъ переписчиковъ и даже *приписчиковъ*, какъ уже то замѣтилъ самъ г. Сахаровъ. Я сочту себя вполнѣ награжденнымъ, если доставлю чрезъ то

случай издать эту книгу въ настоящемъ ея видѣ, и конечно она обратитъ особенное вниманіе ученыхъ по своей пользѣ для опредѣленія многихъ мѣстъ Палестины».

Независимо отъ новости и достовѣрности тѣхъ изслѣдованій, которыми столько положительныхъ совершенствъ придалъ авторъ своему сочиненію, оно навсегда останется самымъ увлекательнымъ чтеніемъ для каждаго человѣка по умилительнымъ описаніямъ и трогательнымъ разсказамъ святыхъ явленій, сопровождающихъ путешественника въ этомъ дивномъ краю, гдѣ совершалось искупленіе рода человѣческаго. При нынѣшнемъ изданіи, кромѣ возстановленія текста путешествія игумена Даніила, приложены: карта Палестины, планъ Іерусалима съ указаніемъ всѣхъ историческихъ замѣчательностей, и чертежи храма гроба Господня въ Іерусалимѣ, погребальной пещеры Пресвятой Богоматери въ Геѳсиманіи, храма Рождества Христова въ Виѳлеемѣ и темницы св. Іоанна Крестителя въ Самаріи.

Путешествіе къ Семи Церквамъ, упоминаемымъ въ апокалипсисѣ, являющееся также вторымъ изданіемъ, составляетъ заключеніе путешествія по Святой Землѣ. Изъ Бейрута нашъ новый паломникъ перевезенъ былъ въ Кипръ, откуда, по морю Памфилійскому, достигнулъ берега Малой Азіи, этого историческаго полуострова, гдѣ просвѣщенный путешественникъ, ступая по грудамъ мраморныхъ развалинъ, видитъ въ своемъ воображеніи процвѣтавшіе здѣсь нѣкогда города. Здѣсь-то находились тѣ семь церквей, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ таинственномъ апокалипсисѣ боговдохновенный заточникъ Патмоса. Ими красовались и святились города; Лаодикія, Филадельфія, Сардисъ, Ѳіатира, Пергамъ, Смирна и Ефесъ. Кромѣ Ѳіатирской и Ефесской, всѣ онѣ основаны были самимъ Іоанномъ Богословомъ. Разсказы автора въ высшей степени заниматель-

ны, разнообразны по характерамъ предметовъ и исполнены подробныхъ изслѣдованій. Читатель на каждой мѣстности знакомится съ ея исторіею и другими примѣчательностями. Три періода вѣковъ: язычества, христіанства и исламизма, ярко отдѣлены одинъ отъ другого и нарисованы живыми красками.

Разсматриваемая послѣдняя часть путешествій оканчивается особымъ сочиненіемъ автора, которое носитъ названіе «Изслѣдованій объ Атлантидѣ». Въ предисловіи къ нему сказано: «Помѣщаемыя здѣсь изслѣдованія объ Атлантидѣ составляли вторую главу моего путешествія къ Семи Церквамъ. Всѣ соображенія мои объ этомъ предметѣ были мною сдѣланы во время моего плаванія отъ Бейрута до берега Малой Азіи. Новыя разысканія дали этимъ изслѣдованіямъ обширнѣйшій объемъ; поэтому они не могли уже остаться на прежнемъ мѣстѣ, и представляютъ теперь отдѣльную статью».

Въ числѣ вопросовъ, не рѣшенныхъ окончательно историческою критикою, можетъ быть, ни одного нѣтъ столь затруднительнаго для разысканій по сбивчивымъ и часто противорѣчивымъ показаніямъ писателей разныхъ вѣковъ и народовъ, какъ вопросъ о томъ, что въ глубокой древности называли геркулесовыми столпами, Гесперіею и Атлантидой. Всѣми принятое нынѣ и давно утвердившееся названіе Атлантическаго океана постоянно обращало вниманіе ученыхъ, приступавшихъ къ рѣшенію этого вопроса, на западный конецъ Средиземнаго моря и омываемыхъ имъ береговъ Европы и Африки. Внимательный путешественникъ нашъ, во всей подробности изучившій библейскую географію, принялъ на себя трудъ, основавшись на свидѣтельствѣ древнѣйшаго и никакому сомнѣнію не подверженнаго бытописанія, собрать и пояснить всѣ мѣста разныхъ сочинителей, упоми-

навшихъ о томъ же предметѣ. Исчисленіе лицъ и книгъ. приводимыхъ имъ, заставляетъ удивляться, въ какое безграничное изслѣдованіе можетъ завлечь ученаго одна идея, взлелѣянная въ сердцѣ. Заключительное мнѣніе, выведенное авторомъ изъ разбора многихъ мѣстъ библіи и указанія на разныхъ писателей греческихъ, латинскихъ, арабскихъ и почти всѣхъ новѣйшихъ народовъ, изложено въ слѣдующихъ словахъ: «Атлантида, по нашему предположенію, занимала все пространство Средиземнаго моря отъ Кипра до Сициліи, возлѣ которой на сѣверъ было Тирренское море и Тирренія. Это пространство совершенно соотвѣтствуетъ тому, которое Платонъ опредѣляетъ для Атлантиды, а именно: 3,000 стадій въ длину и 2,000 въ ширину. Бальи сравниваетъ его съ пространствомъ Франціи, 150 миль въ длину и 100 въ ширину». «Изслѣдованія объ Атлантидѣ», вскорѣ послѣ выхода своего въ свѣтъ, переведены на нѣмецкій языкъ и приняты германскими учеными съ полнымъ уваженіемъ. Къ послѣднему тому своихъ путешествій, для удобнѣйшаго обозрѣнія Малой Азіи и Атлантиды, авторъ приложилъ особую карту. Сверхъ того, при каждомъ томѣ, которымъ оканчивается отдѣльное путешествіе, находится алфавитный указатель собственныхъ именъ, названій мѣстъ и другихъ примѣчательностей. Такимъ образомъ новое изданіе путешествій А. С. Норова можно назвать критическимъ сводомъ всѣхъ разысканій о Святой Землѣ и смежныхъ съ нею странъ, приведеннымъ въ систему, которая представляетъ предметъ въ истинномъ и ясномъ видѣ, въ полнотѣ и гармоніи.

II.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи, ординарный академикъ И. И. Давыдовъ, имѣя попеченіе объ успѣхахъ заня-

тій всего Отдѣленія, напечаталъ записку о занятіяхъ онаго въ нынѣшнемъ 1854 году, объ ученыхъ и литературныхъ трудахъ епископа винницкаго Макарія и академика И. И. Срезневскаго, разсматривалъ статьи, присылаемыя въ Отдѣленіе по части грамматики, читалъ изъ предпринятаго имъ изслѣдованія объ исторіи государства россійскаго, Карамзина, какъ о художественномъ словесномъ произведеніи, часть историческую и теоретическую, и наконецъ преимущественно занимался третьимъ изданіемъ «Опыта общесравнительной Грамматики русскаго языка».

Со времени изданія грамматики Ломоносова, преобразователя русскаго языка и творца русской грамматики, мы находимъ три различныя направленія въ изученіи отечественнаго языка: учебное, критическое и ученое. Въ грамматикахъ перваго рода излагаются грамматическія правила безъ изслѣдованія происхожденія формъ; онѣ ограничиваются показаніемъ употребленія ихъ въ рѣчи. Второй родъ грамматикъ представляетъ критическое и подробное перечисленіе правилъ русскаго языка; но многія изъ этихъ правилъ излишни для русскихъ, нѣкоторыя полезны только преподавателямъ грамматики, и всѣ нуждаются въ основаніяхъ логическихъ и историческихъ.

Къ третьему роду принадлежатъ грамматическія сочиненія, опирающіяся на начала общей грамматики и на сравненіе съ соплеменными языками. Къ этому роду относится «Опытъ общесравнительной Грамматики русскаго языка». Если, сверхъ того, отечественная филологія въ будущемъ ожидаетъ грамматики исторической, въ которой русскій языкъ долженъ быть проведенъ по всѣмъ нарѣчіямъ, съ показаніемъ измѣненій формъ его отъ древнѣйшихъ памятниковъ до нашего времени; то сей опытъ составляетъ звено,

связующее прошедшую судьбу русской грамматики съ будущею.

III.

Ординарный академикъ, высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій, не переставалъ продолжать, какъ писатель и какъ авторъ, для всѣхъ назидательные труды свои. Въ нынѣшнемъ году совершилось седьмое десятилѣтіе жизни его. Не смотря на преклонность лѣтъ, онъ каждому событію, вызывавшему его пастыреначальническое участіе, посвящалъ непосредственно и святительской подвигъ свой, и свой даръ душеспасительнаго краснорѣчія. Лѣтописи нашего Отдѣленія ежегодно обогащаются указаніями на эти совершеннѣйшіе образцы духовнаго витійства; но онѣ слишкомъ еще неполны, и ограничиваются выборомъ самымъ недостаточнымъ. Систематическое и подробное изученіе ихъ требуетъ отдѣльной исторіи, которая, въ составѣ русской литературы нашего времени, займетъ по всей справедливости первое мѣсто.

Къ продолженію указаній, предпринятыхъ Отдѣленіемъ, должны быть отнесены слѣдующія поученія: 1) Слово по освященіи церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, въ городѣ Коломнѣ, о благоупотребительности храмовъ Божіихъ, по откровенію священнаго писанія, для праведниковъ, и благопотребности ихъ для грѣшниковъ, и о томъ, какъ должно пользоваться благодатію, открываемою намъ Господомъ во святыхъ его храмахъ; 2) Бесѣда къ братству николаевскаго угрешскаго общежительнаго монастыря, о нестяжаніи вообще, какъ вѣрномъ пути къ христіанскому совершенству, и въ особенности о нестяжаніи иноческомъ; 3) Бесѣда въ день восшествія на престолъ Государя Императора, о внутреннемъ и внѣшнемъ мирѣ, проповѣданномъ

древнему и новому благодатному Израилю, и о средствахъ достиженія мира дѣятельнымъ и вѣрнымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ; 4) Бесѣда въ день тезоименитства Государя Императора, говоренная въ маріинской церкви московскаго вдовьяго дома, при воспоминаніи совершившагося пятидесятилѣтія его, о наградѣ Провидѣніемъ дѣлъ милосердія соотвѣтственными имъ воздаяніями: миромъ и утѣшеніемъ совѣсти въ настоящей и оправданіемъ отъ грѣховъ въ будущей жизни.

IV.

Ординарный академикъ, преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, застигнутый бурею войны на мирномъ своемъ поприщѣ пастырскаго служенія, явилъ себя истиннымъ поборникомъ вѣры и неустрашимымъ пастыремъ Христова стада. На помощь животворному слову своему онъ призвалъ воинскую твердость духа и геройскую силу воли. Осѣненный и осѣняя животворящимъ крестомъ, онъ, подъ громомъ губительныхъ орудій смерти, торжественно возвѣстилъ вѣрующимъ воскресеніе Христа Спасителя. Мы повторимъ здѣсь смиренныя слова его, въ какихъ отозвался онъ г. предсѣдательствующему, увѣдомляя о новыхъ своихъ въ теченіе года занятіяхъ, какъ членъ Отдѣленія.

«На запросъ о занятіяхъ моихъ по русской словесности въ продолженіи истекшаго года, честь имѣю увѣдомить, что, въ слѣдствіе военноосаднаго положенія нашего, они должны были уступить мѣсто другимъ занятіямъ, смотря по требованію обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе живое и простое слово съ каѳедры церковной оказалось — и не разъ — не только не излишнимъ, а иногда и совершенно необходимымъ къ поддержанію духа народнаго и къ утѣшенію сѣтующихъ,

что̀, при помощи Божіей, и было дѣлано съ возможнымъ усердіемъ. Часть сказаннаго пришла уже въ извѣстность и внѣ Одессы посредствомъ здѣшняго Вѣстника. Это же самое и все остальное, по желанію нѣкоторыхъ любителей слова церковнаго и на память настоящей эпохи, печатается особою книжкою, подъ названіемъ: «Собраніе словъ и рѣчей, сказанныхъ къ паствѣ Херсонской по случаю нашествія иноплеменниковъ».

V.

Ординарный академикъ К.И. Арсеньевъ напечаталъ въ книгѣ I «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія «Историко-статистическій очеркъ народной образованности Россіи». Трудъ его надобно считать началомъ къ изображенію двухъ важнѣйшихъ періодовъ исторіи просвѣщенія въ Россіи — царствованія Императора Александра Павловича и благополучно царствующаго Государя Императора. На первый разъ авторъ ограничивается обозрѣніемъ прошедшаго столѣтія, предварительно отмѣтивъ нѣсколько данныхъ о вѣкахъ, ему предшествовавшихъ. Его очеркъ представляетъ три отдѣльныя картины. Первая, кратчайшая, совмѣщаетъ въ себѣ событія съ X вѣка до великаго государственнаго преобразованія, которымъ Россія обязана Петру I.

Вторая, исполненная занимательности и любопытныхъ изслѣдованій, доведена до царствованія Императрицы Екатерины II. Нельзя пропустить безъ особеннаго вниманія слѣдующихъ строкъ, характеристически опредѣляющихъ сферу образованности нашей, какъ она выразилась при двухъ великихъ самодержцахъ Россіи.

«Отечество наше, первоначально въ правленіе Іоанна III явившееся въ дивной цѣлости своей и самобытности, пріобрѣло только подъ скипетромъ Петра I тѣ прочныя государ-

ственныя выгоды въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, по которымъ безошибочно можно сказать о сихъ великихъ монархахъ: если Іоаннъ III, гордясь именемъ россіянина и хладнокровно знакомясь съ иноземцами, приносившими ему искусства своихъ странъ, заслуживаетъ по справедливости имя *перваго* творца ея величія; то Петръ I, постигшій духъ своего вѣка и недостатки Россіи, съ непонятною силою и быстротою повлекшій ее по исполинскимъ слѣдамъ своимъ къ гражданственности и просвѣщенію. Петръ Великій *первый* сдѣлалъ Россію европейскою державою. Чуждые обычаи, нравы и понятія не могли лишить народъ ни его характера, образовавшагося вѣками и утвержденнаго многими доблестями, ни привязанности къ родному, любви къ своему, собственно русскому быту, и даже желаніе видѣть и понимать вещи по-своему».

Третья картина, представленная академикомъ въ его «Очеркѣ», содержитъ въ себѣ годы царствованія Императрицы Екатерины II. Авторъ сперва разсматриваетъ учрежденія, основанныя Государынею для особыхъ, спеціальныхъ цѣлей, а послѣ переходитъ къ тому, что совершено было на пользу общаго народнаго просвѣщенія. Подъ 1783 годомъ находятся слѣдующія многозначительныя слова: «Литература была предметомъ благоволенія и покровительства Екатерины: ибо Она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и на счастіе жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное отличіе. Явились знаменитые поэты, и Екатерина была для нихъ вдохновительницей; душа ихъ пылала Ея славою — и, хваля Великую, они не боялись казаться льстецами».

Дѣйствія «Коммиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ» изложены въ «Очеркѣ» съ особенною подробностію. Изъ таблицъ, приложенныхъ къ этимъ показаніямъ, видно,

что въ одномъ Петербургѣ, съ 1782 года по 1785, число обучавшихся въ здѣшнихъ училищахъ возрасло отъ 518 до 1,411. Еще поразительнѣе умноженіе числа учащихся въ имперіи въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ 1786 года. Начавшись 4,398, оно возвысилось до 19,915. Оканчивая свое обозрѣніе многоразличныхъ способовъ, которыми Императрица распространяла просвѣщеніе и образованность въ Россіи, авторъ прибавляетъ: «Чудно ли послѣ сего, что Россія въ тридцатичетырехлѣтнее царствованіе столько измѣнилась къ лучшему, столько возвысилась? «Ежели сердца государей», какъ говоритъ Карамзинъ, «въ рукѣ Провидѣнія, то сердца народовъ въ рукѣ государей». И дѣйствительно, что̀ могло устоять противъ неутомимаго въ благотвореніяхъ правительства, которое дѣйствовало на Россію и славою внѣшнихъ успѣховъ, и мудрыми законами, и воспитаніемъ, и всѣми средствами просвѣщенія? Екатерина дѣйствовала по вдохновенію своего генія, — и Россія, оживленная Петромъ I, увидѣла въ Ея царствованіе плоды великихъ предпріятій монарха-преобразователя, и въ то же время украсилась подъ вліяніемъ Екатерины II первыми плодами просвѣщенія, созрѣвающаго только вѣками».

VI.

Ординарный академикъ П. Г. Бутковъ, посвящая ученые труды свои постояннымъ изслѣдованіямъ древнихъ памятниковъ нашей письменности, въ нынѣшнемъ году особенное обратилъ вниманіе на Лѣтопись, извѣстную подъ именемъ Іакимовской. Со временъ Шлёцера, ей отказываютъ даже въ малѣйшемъ достоинствѣ относительно истины повѣствованія. Это мнѣніе еще болѣе утвердилось послѣ такого же приговора, произнесеннаго Карамзинымъ. Нашъ академикъ,

въ Запискѣ своей, которую онъ представилъ Отдѣленію, не усомнился изложить собственныя убѣжденія въ защиту помянутой Лѣтописи. Его предположенія полезны особенно въ томъ отношеніи, что открываютъ критикѣ новую точку зрѣнія и могутъ сдѣлаться вызовомъ для любителей историческихъ разысканій къ новому изученію предмета, очень важнаго въ отечественной исторіи.

Другая Записка его, читанная въ Отдѣленіи, касается тоже спорнаго мнѣнія. Соображая обстоятельства появленія Болгаръ въ Европѣ и основываясь на изученіи ихъ быта, нравовъ и другихъ народныхъ особенностей, бо̀льшая часть историковъ приходитъ къ заключенію, что они, подобно многимъ азіатскимъ племенамъ, выходцы изъ степей Средней Азіи, и только смѣшавшись со Славянами, приняли ихъ физіономію. Знаменитый славянистъ Шафарикъ приступилъ къ этому же предположенію. Напротивъ того другіе историки признаютъ въ нихъ чистыхъ Славянъ, которыхъ исторія впервые встрѣчаетъ въ при-Дунайскихъ странахъ.

Академикъ П. Г. Бутковъ, въ дѣлѣ историческихъ разысканій, всегда охранялъ завѣтную истину, не увлекаясь заманчивостію новыхъ предположеній. Въ этомъ духѣ нѣкогда писалъ онъ свою «Оборону Нестора» въ опроверженіе скептическихъ выходокъ школы, перешедшей къ намъ изъ Германіи. И нынѣ онъ, съ хладнокровіемъ знанія и увѣренности, противопоставилъ ученію Шафарика собственныя соображенія о Болгарахъ, не соглашаясь съ чешскимъ славянистомъ не только по предмету происхожденія, но и касательно другихъ сторонъ болгарской исторіи. Его убѣжденіе напоминаетъ собою еще не такъ давно раздававшійся голосъ Венелина, который не вотще отстаивалъ славянское происхожденіе своихъ соотечественниковъ.

VII.

Ординарный академикъ А. Х. Востоковъ продолжалъ свои приготовительныя работы по изданію дополненій къ обоимъ Словарямъ Отдѣленія: великорусскому, областному и общему русскаго языка. Слова, поступавшія на разсмотрѣніе Отдѣленія, по той и другой части, постоянно ему передаваемы были для разбора, послѣ чего онъ вносилъ въ Отдѣленіе мнѣнія свои и отзывы. Такъ, между прочимъ, онъ представилъ разсмотрѣніе, во 1-хъ, шести сборниковъ сибирскихъ словъ, съ особымъ къ нимъ дополненіемъ, присланныхъ г. Черепановымъ, во 2-хъ, словъ на буквы А, Б, В, Г и Д, пропущенныхъ въ Словарѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, которыя получены отъ г. Серно-Соловьевича, и въ 3-хъ, объясненія словъ корреспондента Отдѣленія В. И. Даля на букву Н, приготовленныхъ для изданія Словаря русскаго языка.

Равнымъ образомъ академикъ А. Х. Востоковъ занимался критическими изслѣдованіями древнихъ памятниковъ письменности, которые представляемы были на обсужденіе Отдѣленія. Такъ онъ приготовилъ вновь редакцію «Житія Вячеслава». Корреспондентъ Отдѣленія В. В. Ганка, при особой Запискѣ, прислалъ на разсмотрѣніе литографированный снимокъ найденнаго въ Богеміи отрывка славянскаго евангелія. Академикъ нашъ сообщилъ свой отзывъ, изъ котораго видно, что подлинникъ сохраняетъ русское позднее правописаніе, отступая отъ Остромировскаго и общепринятаго текста, и относится приблизительно къ XIII вѣку. Адъюнктъ харьковскаго университета П. Лавровскій написалъ изслѣдованіе «Объ отношеніи Коляды къ солнечнымъ славянскимъ праздникамъ и о славянскомъ происхожденіи

самаго слова Коляда», на это сочиненіе академикъ нашъ отвѣчалъ особенною своею Запискою.

Говоря о трудахъ А. Х. Востокова, всегда основательныхъ, строго и глубоко обдуманныхъ, исполняемыхъ съ такимъ яснымъ и точнымъ знаніемъ дѣла, что имя его сдѣлалось подтвержденіемъ истины у первостепенныхъ славянскихъ филологовъ въ самыхъ затруднительныхъ вопросахъ науки; ежегодно усматривая, что онъ, съ неизмѣнною любовію къ труду, въ неизмѣнной скромности своей, продолжаетъ равномѣрно обогащать новыми, для всѣхъ полезными указаніями и русскую и славянскую литературу, — нельзя въ нынѣшнемъ торжественномъ собраніи академіи умолчать, что 1854-мъ годомъ окончилось пятидесятилѣтіе этой исторически-замѣчательной ученой дѣятельности. Первое собраніе сочиненій академика А. Х. Востокова — его лирическія стихотворенія — приготовлено было къ печати въ 1804, и вышло въ свѣтъ 1805 года. Небывалое до тѣхъ поръ разнообразіе стихотворныхъ формъ и размѣровъ, неподдѣльныя, живыя чувства, выраженныя точнымъ и сильнымъ языкомъ, поэтическія, картинныя описанія предметовъ, стремленіе къ народности языка — все привлекло къ автору общее вниманіе. Но онъ предпочелъ поэзіи строгую науку, и съ того времени служитъ ей съ самоотверженіемъ, съ преданностію и съ благороднымъ безкорыстіемъ. Всѣмъ извѣстны монументальные труды его: «Описаніе рукописей румянцовскаго музеума» и «Остромирово евангеліе». Въ Россіи нѣтъ другаго изслѣдователя и знатока отечественнаго слова, который бы глубже и основательнѣе его дошелъ до всесторонняго его уразумѣнія. Государь Императоръ, по засвидѣтельствованію министра народнаго просвѣщенія о сихъ неотъемлемыхъ заслугахъ отечественному языку, всемилостивѣйше соизволилъ нынѣ наградить акаде-

мика А. Х. Востокова орденомъ св. Станислава 1-й степени.

VIII.

Ординарный академикъ князь П. А. Вяземскій давно не участвуетъ въ общихъ трудахъ Отдѣленія, находясь за границею для поправленія разстроеннаго здоровья. Но тѣмъ не менѣе онъ продолжаетъ украшать русскую литературу своими стихотвореніями. Можетъ быть, никогда еще поэзія его не достигала такой возвышенности и силы, какъ въ продолженіе нынѣшняго года, который вызвалъ столько изліяній патріотическихъ чувствъ. Нѣтъ надобности исчислять всѣ произведенія его, встрѣчаемыя общимъ выраженіемъ удовольствія и сочувствія. Но есть между ними одно, которое останавливаетъ на себя особенное вниманіе двойственною красотою поэзіи, съ необыкновеннымъ искусствомъ соединенною въ прелестной картинѣ. Оно навсегда останется памятникомъ высокаго негодованія поэта на враговъ, которые, въ ослѣпленіи и нечестія и безумія, оскорбили святыню вѣры, и умилительнаго утѣшенія, обращеннаго имъ къ пострадавшему городу. Это стихотвореніе называется «Одесса».

Другое стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго только-что написано въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Въ немъ патріотическій лиризмъ его вполнѣ выразилъ пламенное святое чувство, наполняющее сердце каждаго русскаго. Стихотвореніе называется: «6-го декабря 1854 года». Вотъ оно:

День намъ радостный и славный,
День шестаго Декабря:
Праздникъ Руси православной,
Праздникъ Русскаго Царя!

Всѣ сочувствія родныя
Сочетались съ этимъ днемъ:
Именинница Россія
Въ Имениннинкѣ своемъ.

Весь народъ нашъ богомольный
Въ этотъ день спѣшитъ во храмъ:
Звонъ и грохотъ колокольный
Раздается по сердцамъ.
Движетъ всѣхъ одно движенье!
Предъ святыней Алтаря
Мысль одна, одно моленье:
Господи, спаси Царя!

Многолѣтіе поется;
И отъ ратнаго шатра
До палатъ и хатъ несется
Богатырское ура!
Этотъ кликъ не отзывъ тщетный!
Онъ наслѣдственный у насъ,
Онъ пророчески-завѣтный:
Гласъ народа Божій гласъ!

Въ этомъ кликѣ, намъ знакомомъ,
Слышимъ заповѣдь отцовъ:
Оглушая ихъ какъ громомъ,
Въ трепетъ онъ бросалъ враговъ.
Пусть намъ строятъ козни злыя,
Будетъ то, что было встарь:
Отстоитъ Царя Россія!
Отстоитъ Россію Царь!

IX.

Ординарный академикъ М. П. Погодинъ, продолжая издавать учено-литературный журналъ «Москвитянинъ», особенно способствуетъ собранію драгоцѣнныхъ матеріаловъ

исторіи отечественной по всѣмъ ея частямъ. Будучи самъ изслѣдователемъ русской старины и безпристрастнымъ критикомъ историческихъ сочиненій, онъ привлекъ къ своему журналу общее вниманіе, образовалъ изъ него хранилище достопамятностей и занимательнѣйшую библіотеку чтенія. За «Москвитяниномъ» навсегда останется достоинство книги, а не просто журнала.

Въ теченіе 1854 года онъ успѣлъ собрать и представить читателямъ своимъ много подлинныхъ бумагъ, дополняющихъ свѣдѣнія наши о времени Петра I, Екатерины II и о знаменитыхъ лицахъ разныхъ эпохъ. Нельзя пропустить здѣсь безъ указанія «Инструкцію дворецкому Ивану Нѣмчинову о управленіи дому и деревень», писанную въ 1724 году Артеміемъ Ивановичемъ Волынскимъ, сподвижникомъ Петра Великаго и кабинетъ-министромъ Императрицы Анны Іоанновны. Достоинство новыхъ понятій, сообщаемыхъ этимъ документомъ, вызвало слѣдующія слова академика: «Волынскаго, какъ Посошкова, надобно счесть представителемъ Петровскаго времени, безъ иностраннаго вліянія, но все-таки изъ новой атмосферы; а Татищевъ, Василій Никитычъ, познакомился кромѣ того и съ иностраннымъ образованіемъ, но не подчинился ему вполнѣ, какъ то случалось и случается съ разными посредственностями. Я имѣю теперь въ рукахъ важное его сочиненіе, доселѣ неизвѣстное, полученное мною отъ одного просвѣщеннаго любителя русской старины. Въ этомъ сочиненіи видѣнъ весь его образъ мыслей, но я не знаю, буду ли когда имѣть возможность издать его».

Подобныхъ открытій академикъ нашъ представляетъ много ежегодно. Изъ его собственныхъ сочиненій въ 1854 году напечатано: во 1-хъ, «Историческое замѣчаніе о политическомъ равновѣсіи (очень кстати повторенное нынѣ изъ

прежнихъ его изданій); во 2-хъ, Отрывки изъ его заграничныхъ писемъ, и въ 3-хъ, Описаніе освященія церкви на преображенскомъ кладбищѣ.

X.

Ординарный академикъ С. П. Шевыревъ написалъ и напечаталъ «Исторію Императорскаго московскаго университета за истекшее его столѣтіе». Онъ еще занимался редакціею біографическаго Словаря профессоровъ московскаго же университета, написавши для этого изданія біографіи: Поповскаго, Барсова, Рейхеля, Мерзлякова и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ.

Не смотря на эти особенныя занятія, академикъ успѣлъ сообщить въ «Извѣстія» Отдѣленія «Обозрѣніе русской словесности въ XIII вѣкѣ», составляющее въ курсѣ его исторіи словесности одиннадцатую лекцію. Онъ съ любовію, во всей подробности изучилъ памятники старинной письменности нашей. Отъ того такъ полны, такъ занимательны чтенія его. Здѣсь со всею отчетливостію разсмотрѣлъ онъ сочиненія епископа суздальскаго Симона, кіево-печерскаго архимандрита Поликарпа, владимірскаго епископа Серапіона, современныхъ эпохѣ лѣтописцевъ и проповѣдниковъ.

Политическія событія нынѣшняго года внушили академику С. П. Шевыреву нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Москвитянинѣ». Новую и чрезвычайно важную услугу исторіи нашей и литературѣ оказалъ онъ, напечатавши тамъ же въ текущемъ году «Любопытные документы изъ портфелей академика Миллера», почерпнутые имъ изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Тутъ мы находимъ, во 1-хъ, четыре до сихъ поръ неизвѣстныя эпиграмматическія сти-

хотворенія Ломоносова; во 2-хъ, извѣстіе о мѣстѣ погребенія Франца Лефорта и о надгробномъ его памятникѣ; въ 3-хъ, письма къ Миллеру И. И. Шувалова о Вольтеровой исторіи Петра Великаго, письма къ нему же поэта Богдановича на французскомъ языкѣ и Прокофія Акинѳіевича Демидова. Наконецъ академику С. П. Шевыреву мы обязаны указаніемъ не вошедшихъ въ полное изданіе Карамзина мелкихъ сочиненій его, печатавшихся въ московскихъ вѣдомостяхъ въ продолженіе всего 1795 года, и нынѣ вновь переданныхъ намъ въ «Москвитянинѣ» 1854 г., т. е. ровно по истеченіи шестидесяти лѣтъ. Для современныхъ писателей образцы такого совершенства конечно никому не покажутся излишними.

XI.

Экстраординарный академикъ М. А. Коркуновъ, приготовивъ къ изданію всѣ матеріалы для VI-го тома «Дополненій къ актамъ историческимъ», приступилъ въ нынѣшнемъ году къ печатанію ихъ. Оконченные тисненіемъ тридцать листовъ содержатъ въ себѣ разные любопытные документы 1670, 1671 и первой половины 1672 года. Въ историческомъ отношеніи особенно замѣчательны слѣдующіе: 1) Акты о Степанѣ Разинѣ, занимающіе болѣе пяти печатныхъ листовъ (№№ 2 и 12): 2) Грамота вятскому воевоедѣ Венедикту Змѣеву объ утвержденіи за вятскою епископскою каѳедрою приписныхъ къ ней земель (№ 14); 3) Документы, относящіеся до укрѣпленій городовыхъ и по Инсарской и Потишской чертѣ (№№ 10, 26 и 37); 4) Акты о постройкѣ каменнаго гостиннаго двора и анбаровъ въ городѣ Архангельскѣ (№№ 5 и 21); 5) Челобитная грека Ивана Юрьева и докладъ царю Алексѣю Михаиловичу объ уплатѣ Юрьеву дополнительныхъ денегъ за привезенныя имъ изъ

Царьграда діадиму, устроенную противъ образца діадимы греческаго царя Константина, и царскія державы яблоко (№ 48); 6) Дѣло объ отпускѣ изъ Москвы въ Палестину газскаго митрополита Паисія (№ 54), и 7) Отписка якутскаго воеводы князя Ивана Борятинскаго о построеніи китайцами городка на Тугирскомъ волокѣ и о вѣстяхъ про Никифора Черниговскаго, который съ другими служивыми людьми жилъ на рѣкѣ Амурѣ въ Ланкаевскомъ острожкѣ (№ 22).

Между актами, помѣщенными въ VI же томѣ, и также касающимися сношеній Русскихъ съ Китайцами, любопытенъ разсказъ Василья и Игнатія Миловановыхъ, ѣздившихъ посланцами въ Китай 1670 года. «Богдойской царь насъ передъ себя ималъ, говорятъ Миловановы, и стойку учредилъ, и тутъ же на стойкѣ поставлены были шесть слоновъ подъ всею сбруею, и на слонахъ поставлены теремы, изукрашены золотомъ; и какъ насъ взяли къ царю, и до царева двора проходили мы пять стѣнъ городовыхъ... и въ его (царевой) полатѣ устроено среди полаты мѣсто аспидное, а кругомъ того мѣста рѣшетка золотая, а на той бесѣдѣ сидѣлъ Богдойской царь, а видѣть его было изъ бесѣды по поясъ, а сидѣлъ онъ Богдойской царь въ золотѣ (№ 6, стр. 43)». Не менѣе любопытны и дѣла о переводѣ, составленіи и перепискѣ въ посольскомъ приказѣ нѣкоторыхъ книгъ, съ портретами и картинами (№ 43), и о покупкѣ для государя, царицы и царевичей разныхъ вещей (№ 18). Кромѣ покупки многихъ драгоцѣнныхъ предметовъ и дорогихъ матерій, въ октябрѣ 1675 года, сдѣланы были для царицы Наталіи Кириловны двои «перчатыя руковицы», и для царевича Петра Алексѣевича взятъ въ серебряномъ ряду «ящикъ съ малыми сосудцы серебряными» и отнесенъ къ нему на «Верхъ».

Независимо отъ приготовленія къ изданію и печатанія «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», академикъ М. А. Коркуновъ въ 1854 году занимался составленіемъ карты Воронежской епархіи при первомъ ея епископѣ. Къ этому труду послужило ему поводомъ порученіе Отдѣленія разсмотрѣть нѣкоторыя изъ рукописей бывшей россійской академіи.

XII.

Экстраординарный академикъ И. И. Срезневскій постоянно занимался редакціею всего, что только въ теченіе 1854 года издано было въ свѣтъ Отдѣленіемъ. Но эти безпрерывные труды не прервали тѣхъ ученыхъ его занятій, которыми онъ издавна приноситъ столько пользы филологіи, археографіи, исторіи и критической обработкѣ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы. Каждое новое явленіе въ умственной области славянскаго міра вызываетъ его вниманіе, участіе и дѣятельность. Ученыя сношенія его столь же разнообразны, какъ и многочисленны. Въ такой же мѣрѣ любознательность его дорожитъ памятниками старинной письменности, отъ изслѣдованія которыхъ зависятъ успѣхи новыхъ предположеній.

Въ исторіи, критикѣ и филологіи нельзя ожидать успѣха, безъ предварительнаго изученія обработываемаго предмета, нельзя написать слова безъ повѣрки и указанія на источники. Отъ характера и сущности этого занятія каждый трудъ ученаго требуетъ на окончаніе свое, въ соразмѣрности съ другимъ предпріятіемъ, несравненно болѣе и времени, и терпѣнія, и усилій, и любви. По соображеніи такихъ условій, одно исчисленіе работъ, въ 1854 году исполненныхъ академикомъ И. И. Срезневскимъ, достаточно будетъ свидѣтельствовать объ истинныхъ заслугахъ его наукѣ и

Отдѣленію. Но справедливость требуетъ присовокупить, что, при внимательной оцѣнкѣ даже такъ называемыхъ срочныхъ работъ, слѣдственно исполненныхъ съ неизбѣжною поспѣшностію, нельзя было не замѣтить въ нихъ основательности главной мысли, знанія дѣла, умнаго соображенія и строгой отчетливости въ выборѣ выраженій.

1) «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ Словарей», составленное нашимъ академикомъ, безспорно обратитъ на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ филологіи и лексикографіи. Строго-систематическій планъ этой ученой Записки, всесторонній взглядъ на разсматриваемый предметъ, изображеніе тончайшихъ оттѣнковъ, которые способны придавать ему или отнимать у него совершенства, обиліе сравниваемыхъ линій, по которымъ идутъ, сближаются и расходятся составители Словарей, неопровержимые выводы изъ достоинствъ и недостатковъ каждой методы — все представлено авторомъ ясно и ощутительно. 2) «Изслѣдованіе о современномъ состояніи славянской филологіи» открываетъ положеніе любопытнѣйшей части умственныхъ успѣховъ въ соплеменныхъ намъ краяхъ. Это сближеніе началъ, по которымъ обработываются языки, развѣтвившіеся отъ одного корня, помогаетъ каждому въ достиженіи общихъ законовъ, необходимыхъ для правильности рѣчи, чистоты ея, ясности и другихъ высшихъ совершенствъ языка. Понятно, что при обширныхъ только знаніяхъ славянскихъ нарѣчій и при постоянномъ слѣдованіи за ихъ литературою можно съ такою вѣрностію говорить объ ихъ дѣятельности. 3) «Договоры съ греками». Въ этой Запискѣ авторъ разсматриваетъ четыре древнѣйшихъ памятника письменности нашей. Еще въ 1852 году онъ разбиралъ ихъ формы и содержаніе. Въ новомъ изслѣдованіи академикъ обратился преимущественно къ элементамъ языка, которыхъ разложеніе указало ему

любопытнѣйшія черты стариннаго русскаго быта, а именно: осѣдлости, сельской и городской населенности, семейнаго состава, положенія женщины, разныхъ степеней власти, какъ-то: великаго князя, бояръ, пословъ, и той зависимости, въ которой состоялъ народъ, гости, челядь и рабы, — торговли, товаровъ, денегъ и судоходства, — военныхъ постановленій и оружія, грамотности и образованности, гражданскихъ и уголовныхъ узаконеній. Только съ подобныхъ сторонъ разсматриваемые, и получаютъ высокую цѣнность предметы филологіи. Они служатъ основаніемъ исторіи и неопровержимымъ доказательствомъ ея дѣйствительности. 4) «Памятники X-го вѣка до Владиміра святаго». Письменность наша, какъ извѣстно, не восходитъ далѣе XI-го вѣка. Древнѣйшимъ ея представителемъ до сихъ поръ остается Несторова Лѣтопись. Академикъ И. И. Срезневскій этою самою Лѣтописью доказываетъ, что еще въ X-мъ вѣкѣ существовали другіе памятники русской письменности. Его предположеніе основывается на томъ, что, кромѣ заимствованій у Грековъ и Болгаръ, есть у Нестора значительное число событій, о которыхъ не иначе могъ узнать онъ, какъ только изъ источниковъ домашнихъ. «Съ 860 до 1110 года», говоритъ авторъ, «прошло два вѣка съ половиной. Поддерживать преданіемъ годы событій такого пространства времени память народная не могла. Не могъ слѣдовательно и Несторъ первый примѣнить повременности лѣтъ къ повременности событій. У него подъ руками были слѣдовательно лѣтописныя замѣтки, хотя бы и безжизненныя по изложенію, безсвязныя по взаимному соотношенію, въ томъ же родѣ, какъ замѣтки древнихъ анналистовъ западной Европы, но замѣтки погодныя, сдѣланныя еще тогда, когда можно было замѣтить вѣрно и время и самое событіе». Авторъ подробно указываетъ на тѣ мѣста Лѣтописи, которыя не оставляютъ

никакого сомнѣнія относительно его основной мысли. Второе доказательство заимствовано изъ формы таблицъ, которыя представляютъ приготовленные годы, даже и тамъ, гдѣ нечего было записывать лѣтописцу. Изъ 259 лѣтъ, пройденныхъ Несторомъ, 107 оставлены безъ показанія событій. Подобной формы постоянно держались всѣ русскіе лѣтописцы. По этому случаю авторъ спрашиваетъ: «Развѣ не высказываютъ онѣ сами собою младенчества письменности? Развѣ такія Лѣтописи были въ ходу у Грековъ того времени, когда у насъ начиналась дѣятельность лѣтописная? Развѣ изъ такихъ греческихъ лѣтописей дѣлали послѣ выписки тѣ изъ нашихъ лѣтописцевъ, которымъ впервые пришлось задуматься надъ возможностью придать русскимъ воспоминаніямъ о прошломъ болѣе жизни и достоинства внѣшняго? Образцы греческіе могли въ свое время найти себѣ у насъ сочувствіе, и дѣйствительно нашли; но первоначальные наши лѣтописцы не имѣли нужды выжидать ихъ появленія, ихъ пересмотра и изученія для того, чтобы начать свои замѣтки». Третьимъ доказательствомъ приведена неполнота Лѣтописей, не только въ X-мъ, но и въ XI-мъ вѣкѣ. Изъ нея выводится, что древнѣйшія Лѣтописи были только мѣстныя, именно: Новгородскія и Кіевскія. Онѣ вошли въ составъ Лѣтописей болѣе общихъ. Вообще, Записка И. И. Срезневскаго «О памятникахъ X-го вѣка» исполнена новыхъ догадокъ, выведенныхъ изъ тщательнаго изученія Лѣтописей. Его соображенія не останутся безотвѣтными, и конечно скоро вызовутъ новыхъ критиковъ на это мало еще изслѣдованное поприще.

Другіе ученые труды его въ нынѣшнемъ году совершены были по вызовамъ Отдѣленія. Все, что по филологіи и близкимъ къ ней предметамъ представляемо было на разсмотрѣніе Отдѣленія, оно поручало академику И. И. Срезнев-

скому на предварительное обсужденіе. Не упоминая о представленныхъ имъ по этому обстоятельству разныхъ мнѣніяхъ и ученыхъ запискахъ, довольно указать, что однихъ отзывовъ о вновь выходившихъ книгахъ онъ напечаталъ болѣе 100. Между тѣмъ и обработываніе для новаго академическаго Словаря буквы Б, постоянное его занятіе, ничѣмъ не было остановлено. Почти въ каждое засѣданіе онъ приносилъ новыя слова съ опредѣленіями, объясненіями и примѣрами по изданной Отдѣленіемъ программѣ.

Вакантное мѣсто ординарнаго академика, по кончинѣ князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, доставило возможность Отдѣленію выразить все уваженіе къ отличнымъ ученымъ заслугамъ академика И. И. Срезневскаго, который не только выборомъ Отдѣленія, но и общимъ собраніемъ конференціи возведенъ въ званіе ординарнаго академика, о чемъ и представлено на высочайшее утвержденіе.

XIII.

1854 годъ похитилъ у насъ двухъ достойнѣйшихъ членовъ Отдѣленія, ординарныхъ академиковъ: протоіерея І. С. Кочетова и статскаго совѣтника Я. И. Бередникова. Первый скончался 16-го марта, второй 28-го сентября.

Классическая ученость протоіерея І. С. Кочетова соединена была въ немъ съ умомъ яснымъ, твердымъ и проницательнымъ. Его мысль обнимала быстро предметъ разсужденія со всѣхъ сторонъ. Все, что касалось до изслѣдованій богословскихъ и психологическихъ, онъ умѣлъ доводить до той первоначальной простоты, съ которой начинаются самыя сложныя представленія. Природа надѣлила его характеромъ тихимъ и ровнымъ, отъ чего такъ удобно и полезно было

обсуживать съ нимъ труднѣйшіе вопросы. Подобные люди всегда составляютъ сокровище для совѣщаній.

У академика І. С. Кочетова столько было трудолюбія и уваженія къ должностнымъ занятіямъ, что Отдѣленіе съ полною довѣренностію возлагало на него разныя порученія. И онъ достойнымъ образомъ оправдывалъ его ожиданія. Основательное знаніе языковъ еврейскаго, греческаго и латинскаго доставляло ему возможность рѣшить недоумѣнія, какія могли встрѣтиться при обработкѣ словъ церковныхъ. Не менѣе свѣдущъ былъ онъ въ различеніи тонкостей стариннаго и новаго языка русскаго. И такъ очень естественно, что утрату его Отдѣленіе признаетъ самою чувствительною для себя.

XIV.

Академикъ Я. И. Бередниковъ принадлежалъ къ числу людей, рѣдко замѣняемыхъ въ ученомъ обществѣ. Образовавъ себя неусыпнымъ трудомъ и страстію къ избранному имъ роду занятій, онъ, какъ археографъ нашъ и критикъ русскихъ древностей, занималъ почетное мѣсто въ кругу своихъ сверстниковъ. Знанія свои по этимъ частямъ онъ довелъ до такой обширности и отчетливости, что съ удивительною легкостію обнималъ всѣ эпохи письменности русской.

Живость и увлеченіе выказывались во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Онъ не способенъ былъ хладнокровно приниматься за какой нибудь трудъ. Ко всему, что только достойно было изученія и обработки, онъ приступалъ съ энергіею. Необходимѣе было отвращать его и останавливать, нежели вызывать и убѣждать. Принимаясь за дѣло съ вдохновеніемъ, онъ не въ силахъ былъ оторваться отъ него до окончанія. Слѣдствія столь неумѣренной воспріимчивости впечатлѣній обнаруживались на его слабомъ организмѣ, хотя исполненіе

предпріятія и пріобрѣтало особенную живость и цвѣтъ. Разнообразные предметы, входящіе въ обширный кругъ дѣятельности Отдѣленія, влекли его къ себѣ попеременно. Отъ того, чѣмъ болѣе приносилъ онъ пользы Отдѣленію, тѣмъ замѣтнѣе истощалъ физическія свои силы.

Не ограничиваясь палеографіею, археологіею и исторической критикою, академикъ Я. И. Бередниковъ обращалъ вниманіе Отдѣленія на любопытные идіотизмы новѣйшаго русскаго языка и на богатство и красоту областныхъ выраженій. Геніальные писатели, о которыхъ онъ безъ энтузіазма говорить не могъ, изучаемы были имъ до тонкости. Съ такимъ же вниманіемъ ловилъ онъ оттѣнки простонародной рѣчи. Память его и портфели наполнены были любопытнѣйшими особенностями русскаго языка. Все это вмѣстѣ обогатило тонкими замѣчаніями и прекрасными примѣрами первое изданіе Словаря Отдѣленія, и еще болѣе могло украсить приготовляемый имъ новый Словарь, котораго программа такъ согласовалась съ убѣжденіями академика Я. И. Бередникова.

XV.

Въ нынѣшнемъ же году, 15 мая, скончался, 73 лѣтъ отъ роду, почетный членъ Отдѣленія, тайный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ. Образованіе свое получилъ онъ въ бывшемъ артиллерійскомъ корпусѣ, изъ котораго, въ 1793 году, поступилъ въ военную службу по артиллеріи. Спустя ровно десять лѣтъ, по Имянному повелѣнію, онъ переведенъ былъ въ бергъ-коллегію съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники, и въ январѣ 1804 года назначенъ командиромъ горнаго кадетскаго корпуса. Въ новой должности своей онъ оставался до конца 1813 года. Послѣ того, семь лѣтъ пробывъ безъ особаго назначенія,

въ 1821 году онъ поступилъ въ оберъ-прокуроры правительствующаго сената. При вступленіи адмирала А. С. Шишкова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, А. В. Казадаевъ назначенъ былъ въ члены главнаго правленія училищъ и особаго комитета составленія проекта устава для учебныхъ заведеній. Въ 1825 году онъ всемилостивѣйше пожалованъ въ тайные совѣтники, и ему повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ и быть членомъ коммиссіи прошеній. Въ томъ же году онъ получилъ назначеніе исправлять должность статсъ-секретаря у принятія прошеній, въ которой оставался съ апрѣля по ноябрь. Въ маѣ 1826 года предписано ему было управлять департаментомъ разныхъ податей и сборовъ. По причинѣ разстроеннаго здоровья, онъ испросилъ увольненіе отъ службы 21 декабря 1828 года. Послѣднія двадцать пять лѣтъ жизни своей онъ провелъ здѣсь въ Петербургѣ, посвящая досуги старости занятіямъ литературою. Бывшая Императорская россійская академія, въ 12-й день января 1829 года, избрала его въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ. По смерти его найдены слѣдующія рукописи, приготовленные къ изданію: 1) Словарь, содержащій біографіи ученыхъ литераторовъ и другихъ знаменитыхъ русскихъ людей; 2) Матеріалы для исторіи царствованія Императрицы Екатерины II, и 3) Переводъ съ французскаго: «О Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ».

XVI.

На упразднившееся мѣсто ординарнаго академика протоіерея І. С. Кочетова Отдѣленіе избрало уважаемаго всѣми духовнаго писателя, доктора богословія, преосвящен-

наго Макарія, епископа винницкаго, ректора здѣшней духовной академіи.

Ученые и литературные труды преосвященнаго Макарія такъ многочисленны, такъ разнообразны и уже давно такъ извѣстны, что нѣтъ особенной надобности исчислять ихъ въ подтвержденіе глубокихъ свѣдѣній автора и талантовъ его какъ писателя. Собраніе проповѣдей его, напечатанное въ 1847 году, теперь увеличилось множествомъ новыхъ произведеній въ этомъ же родѣ, и представляетъ собою лучшіе образцы духовнаго краснорѣчія. Еще болѣе наша литература обязана преосвященному Макарію сочиненіями въ историческомъ родѣ, которыхъ издано, съ 1843 по 1854 годъ, болѣе десяти твореній. Общія изысканія его о состояніи церкви относятся то къ временамъ до утвержденія православія въ Россіи, то къ періоду монгольскаго владычества, то къ годамъ Владиміра Святаго и Ярослава Великаго. Въ частныхъ изслѣдованіяхъ своихъ онъ между прочими предметами обработалъ Исторію кіевской духовной академіи, Священныя древности александроневской лавры, Памятники русской духовной литературы XI вѣка и Критическую исторію старообрядческаго раскола. Высшее же мѣсто между всѣми его твореніями занимаетъ Православно-догматическое богословіе, въ пяти томахъ, удостоенное академіею наукъ полной демидовской преміи. Преосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій, подробно разобравъ этотъ памятникъ нашего времени, въ заключеніе сказалъ: «Трудъ, составляющій важную заслугу не только для науки Православнаго богословія, которую авторъ несомнѣнно подвинулъ весьма далеко впередъ, не только для духовнаго нашего образованія, въ исторіи котораго появленіе на свѣтъ догматики его послужитъ нѣкогда одною изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ, но и вообще для всей

церкви русской, для всѣхъ православныхъ соотечественниковъ, кои получаютъ въ этомъ трудѣ, чего давно желали, возможно полное, стройное, основательное и общедоступное изложеніе отличительныхъ догматовъ своей церкви, столь драгоцѣнныхъ для ихъ ума и сердца».

По уваженію столь несомнѣнныхъ ученыхъ и литературныхъ заслугъ преосвященнаго Макарія, общее собраніе академіи наукъ изъявило согласіе свое на выборъ Отдѣленія и опредѣлило о томъ представить на высочайшее утвержденіе.

XVII.

Желая выразить сочувствіе свое къ отличнымъ, постоянно-полезнымъ трудамъ столь давно извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ и сблизить ихъ дѣятельность съ своею, Отдѣленіе единогласно избрало въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Михайловича Снегирева, коллежскаго совѣтника профессора Осипа Максимовича Бодянскаго, статскаго совѣтника Александра Ѳомича Вельтмана и коллежскаго совѣтника Ивана Петровича Сахарова. Общее собраніе академіи утвердило это избраніе.

XVIII.

Для полноты нашего Отчета слѣдовало бы теперь исчислить труды тѣхъ ученыхъ и литераторовъ, которые въ продолженіе 1854 года принимали участіе въ занятіяхъ Отдѣленія. Но такъ какъ изданія его, въ которыхъ показаны всѣ предметы общей дѣятельности, составляютъ существенную часть этой исторіи, то мы къ нимъ непосредственно и переходимъ.

I) «Ученыя Записки». Въ вышедшей нынѣ книгѣ содержатся, во 1-хъ: Лѣтописи Втораго Отдѣленія академіи; во 2-хъ: разсужденія, изслѣдованія и очерки; въ 3-хъ: памятники языка и словесности, ихъ списки, чтенія и объясненія.

Лѣтописи открываются сочиненіемъ г. предсѣдательствующаго: «Россійская академія и Второе Отдѣленіе академіи наукъ». Авторъ изложилъ исторію каждаго изъ этихъ учрежденій и разсмотрѣлъ ученые ихъ труды. Первая часть сочиненія, посвященная любопытнѣйшему періоду русской литературы, исполнена особенной занимательности. Вся исторія избраннаго сочинителемъ предмета раздѣлена на три степени, сообразно постановленіямъ, которыми обязаны были руководствоваться академики. Подробности внутреннихъ распоряженій россійской академіи, ея усилія къ достиженію указанной цѣли, имена членовъ, наиболѣе дѣйствовавшихъ, и самое исчисленіе трудовъ — все представляетъ движущуюся, живую картину давно прошедшаго и тѣмъ болѣе возбуждающаго вниманіе любознательности.

Во второмъ отдѣлѣ, кромѣ сочиненій: ординарнаго академика А. С. Норова «Изслѣдованіе объ Атлантидѣ», и ординарнаго академика К. И. Арсеньева «Историческій очеркъ народной образованности въ Россіи», о которыхъ уже сказано было прежде, помѣщены два сочиненія постороннихъ лицъ, молодыхъ ученыхъ, представившихъ прекрасные залоги ихъ дарованій и успѣховъ. Одно принадлежитъ адъюнкту здѣшняго университета М. М. Стасюлевичу и называется «Осада и взятіе Византіи Турками». Оно все основано на изученіи самыхъ вѣрныхъ источниковъ, а предметъ разсказа представленъ въ такомъ видѣ, что читатель становится зрителемъ сокровеннѣйшихъ пружинъ этого великаго событія. Въ сочиненіи М. М. Стасюлевича изображены собственно двѣ эпохи: внутреннія смятенія Византій-

ской имперіи по смерти императора Іоанна VI, старшаго брата Константина XI, и описаніе взятія Константинополя Магометомъ II. При послѣдней части приложенъ подробный планъ тогдашней Византіи. Въ нашей литературѣ, относительно предмета, избраннаго авторомъ, еще не было монографіи, которая бы соединяла въ себѣ столько достоинствъ прагматическихъ и литературныхъ, какъ это сочиненіе молодого историка. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, радуясь появленію столь несомнѣннаго въ исторической литературѣ таланта, и признавая всѣ подобнаго рода труды однородными съ изящною словесностью, поспѣшило дать мѣсто монографіи его въ своихъ «Ученыхъ Запискахъ».

Другое сочиненіе написано тоже адъюнктомъ здѣшняго университета, М. И. Сухомлиновымъ, и носитъ названіе: «О языкознаніи въ древней Россіи». Оно представляетъ собою трудъ человѣка, совѣстливо предавшагося изученію избраннаго предмета и основавшаго свои выводы на непреложныхъ свидѣтельствахъ писателей того времени, о которомъ онъ взялся разсказать намъ. Чтобы не произнести приговора одностороняго и не увлечься какимъ нибудь предубѣжденіемъ, или пристрастіемъ, авторъ наложилъ на себя труднѣйшую обязанность — отмѣтить все, какъ въ отечественныхъ лѣтописяхъ и прочихъ памятникахъ старинной письменности нашей, такъ и въ иностранныхъ книгахъ, гдѣ только упоминается что нибудь относительно русскаго языкознанія, все, чѣмъ онъ могъ снабдить свое изслѣдованіе, пополнить его, подтвердить всякое заключеніе свое, и такимъ образомъ составить вѣрный сводъ свидѣтельствъ объ одной изъ любопытнѣйшихъ и полезнѣйшихъ частей исторіи народа. Въ этомъ любопытномъ трудѣ видны, какъ нельзя яснѣе, обширныя познанія автора въ русской литературѣ, примѣрное трудолюбіе, навыкъ управляться съ без-

численнымъ множествомъ матеріаловъ, дѣйствовать даромъ слова художнически, и еще болѣе видно общеполезное направленіе природныхъ его дарованій.

«Какого бы рода и значенія ни были, говоритъ онъ, первыя начала филологическихъ трудовъ въ Россіи, во всякомъ случаѣ возможенъ вопросъ о связи, въ которой они находились съ современнымъ имъ состояніемъ языкознанія. Практика всегда въ связи съ теоріей; и матеріалъ, накопленный посредствомъ знакомства съ иностранными языками и изученія языка отечественнаго, могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на характеръ первыхъ филологическихъ опытовъ. Вотъ одна изъ причинъ, побудившая насъ представить обозрѣніе круга языкознанія въ древней Россіи. Другая же и главнѣйшая причина нашего выбора, прибавляетъ сочинитель, заключается въ томъ, что состояніе языкознанія у народа служитъ однимъ изъ выраженій его образованности, и поэтому входитъ, какъ черта, въ исторію внутренняго быта народа. Излѣдованіе круга и характера языкознанія, заключаетъ онъ, можетъ познакомить и съ политическимъ бытомъ народа и съ направленіемъ его образованности». Идеи автора такъ согласуются съ главною дѣятельностію Отдѣленія, а предметъ его изслѣдованія такъ съ нею сливается, что въ «Ученыхъ Запискахъ» нашихъ этому сочиненію предстояло по всѣмъ правамъ самое законное мѣсто.

Послѣдній отдѣлъ «Ученыхъ Записокъ» содержитъ въ себѣ четыре сочиненія: 1) Посланіе митрополита Іоанна II къ папѣ Клименту III въ греческомъ подлинникѣ съ приложеніемъ древнѣйшаго русскаго перевода, филологически обработанное членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія, профессоромъ казанскаго университета В. И. Григоровичемъ; 2) Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, приготовленная къ изданію А. Н. Поповымъ; 3) Обозрѣніе лѣтописца

переяславскаго, составленное Д. В. Полѣновымъ, и 4) Повѣсть о Цареградѣ, чтеніе И. И. Срезневскаго. Общее и важнѣйшее достоинство ихъ заключается въ критико-историческомъ изслѣдованіи такихъ памятниковъ старинной письменности, которые способствуютъ къ новымъ, точнѣйшимъ соображеніямъ при обработываніи отечественной исторіи, и которыхъ филологическое очищеніе вноситъ новый свѣтъ въ лексикографію и грамматику русскаго языка. Достиженіе двухъ столь важныхъ цѣлей, для которыхъ собственно и учреждено въ академіи Отдѣленіе русскаго языка и словесности, сообщаетъ этимъ ученымъ трудамъ въ глазахъ нашихъ великое значеніе.

«Повѣсть о Цареградѣ», при нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ, сверхъ ученаго достоинства, можетъ каждому доставить занимательнѣйшее чтеніе. Это очищенный, свѣренный и пополненный текстъ древнѣйшаго сказанія, вставленнаго въ «Царственный Лѣтописецъ», въ «Лѣтопись по Никонову списку» и нѣкоторые другіе памятники письменности. Она заключаетъ въ себѣ двѣ отдѣльныя главы: объ основаніи Цареграда, и о взятіи его Турками. Занимательность послѣдняго разсказа возрастаетъ для насъ по мѣрѣ того, какъ мы сводимъ повѣствованіе русскихъ лѣтописцевъ съ изложеніемъ того же событія у иностранныхъ историковъ. Принимая живѣйшее участіе въ трагической судьбѣ родственной намъ по православію Византіи, лѣтописцы наши вносятъ въ свое изображеніе бѣдствій Грековъ то сердечное краснорѣчіе, которое, при ихъ обыкновенной простотѣ языка, часто восходитъ до патетическаго.

XIX.

II. «Извѣстія Втораго Отдѣленія академіи наукъ» въ нынѣшнемъ году, подобно какъ и въ предшествовав-

шихъ, издавались безостановочно. Все, что требовало неотлагательной гласности касательно собраній Отдѣленія, академическихъ въ немъ чтеній, появленія въ свѣтъ занимательныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ и даже на каждомъ изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, что возбуждало чѣмъ нибудь вниманіе любознательныхъ умовъ, все своевременно находило мѣсто въ «Извѣстіяхъ». Особенно люди, привыкнувшіе, или даже пріучающіеся не къ одному чтенію легкому, а направляющему умственную дѣятельность къ соображенію и размышленію, могли пользоваться и — сколько позволено судить по высказаннымъ отзывамъ во всеобщее свѣдѣніе — пользовались этимъ изданіемъ. Отдѣленіе и здѣсь не ограничивалось печатаніемъ единственно собственныхъ сочиненій, вызывая всѣ благонамѣренные таланты къ единству направленія, къ мышленію здравому и достойному образованной литературы, къ поддержанію языка въ его чистотѣ, точности и силѣ.

Отчеты кандидата С. П. Микуцкаго, путешествующаго, въ слѣдствіе вызова Отдѣленія и на иждивеніи его, по западнымъ губерніямъ Россіи, равнымъ образомъ помѣщены въ «Извѣстіяхъ». Они справедливо заставляютъ ожидать, что предположенное по новому плану изданіе Словаря западно-русскаго нарѣчія и Словаря литовскаго осуществится по окончаніи предварительныхъ работъ нашего трудолюбиваго путешественника.

XX.

III. «Памятники и образцы народнаго языка и словесности». Это изданіе Отдѣленія въ нынѣшнемъ году обогатилось не менѣе любопытными произведеніями народной фантазіи, какъ и въ прошедшіе годы. Нельзя уже со-

мнѣваться, чтобы мысль о подобномъ сборникѣ не получила всеобщаго одобренія. Напротивъ: мы видимъ ея распространеніе все далѣе и далѣе. Въ числѣ напечатанныхъ нынѣ «Памятниковъ и образцевъ народнаго языка и словесности» встрѣчаются не только собственно русскіе, но украинскіе, западно-русскіе, сербскіе и болгарскіе. Ихъ богатство, разнообразіе, а въ особенности тщаніе, съ какимъ они записываются изъ устъ народа, подаютъ надежду, какой высокой цѣны библіотека можетъ у насъ составиться, какими сокровищами располагать будетъ нѣкогда ревностный славянофилъ, и какое обиліе новыхъ формъ языка, новыхъ значеній словъ, новыхъ законовъ грамматики и филологіи заготовляется въ трудахъ Отдѣленія, какъ твердомъ средоточіи ученыхъ и литераторовъ.

XXI.

IV. «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій».

Нельзя не остановиться здѣсь съ нѣкоторымъ изумленіемъ на трудномъ предпріятіи редактора ученыхъ работъ Императорской публичной библіотеки, К. А. Коссовича: онъ предпринялъ составить санскрито-русскій Словарь, который уже и печатается въ нашихъ «Матеріалахъ». Трудность предстояла ему во всемъ, начиная отъ новости предпріятія до облегченія способа сроднить нашъ слухъ съ звуками языка, во всемъ отличнаго отъ языковъ европейскихъ. Еще бо̀льшія представятся затрудненія, когда мы идеи юговосточнаго міра, природу его и гражданственность попытаемся поставить подлѣ идей, подлѣ природы и гражданственности сѣверозапада. Отдѣленіе приняло этотъ трудъ, хотя бы онъ

сравнительно оказался не значительнѣе опыта, съ уваженіемъ и благодарностію; потому что, какъ доказали лучшіе европейскіе филологи, въ санскритѣ хранятся начала европейскихъ языковъ, и преимущественно славянскихъ. Пока не отысканы будутъ истинные элементы языка, до тѣхъ поръ тщетными останутся усилія подвести его подъ непреложные законы. Съ этой точки разсматривая многотрудное предпріятіе К. А. Коссовича, Отдѣленіе видитъ въ немъ прекрасный залогъ будущихъ своихъ успѣховъ.

Въ составленіи «Матеріаловъ», въ теченіе 1854 года, принимали участіе еще слѣдующія лица: 1) протоіерей С. К. Сабининъ собралъ «Матеріалы для сравненія русскаго языка съ скандинавскими»; 2) адъюнктъ харьковскаго университета, П. А. Лавровскій выбралъ всѣ замѣчательныя и трудныя для общаго уразумѣнія «Слова изъ переяславской, новгородскихъ и псковскихъ Лѣтописей»; 3) кандидатъ здѣшняго университета А. Н. Пыпинъ составилъ прекрасный «Словарь къ новгородской первой Лѣтописи», и 4) упомянутый выше кандидатъ С. П. Микуцкій напечаталъ образчикъ «Литовско-русскаго Словаря» и «Слова бѣлорусскія».

XXII.

Эти три изданія Отдѣленія, печатающіяся и выходящія въ теченіе года выпусками, представляютъ собою, какъ и всѣ учено-литературные журналы, разнородное чтеніе, особенно занимательное по современности предметовъ съ требованіями читателей. Но содержащіяся въ нихъ сочиненія, по крайней мѣрѣ бо́льшая часть ихъ, предназначаются, какъ отдѣльныя книги, для сохраненія извѣстнаго круга истинъ и открытій, которыми, по принадлежности занятій, могъ бы каждый читатель воспользоваться и въ послѣдствіи времени.

Чтобы доставить возможность утвердиться такого рода предназначенію учено-литературныхъ своихъ трудовъ, Отдѣленіе выбрало изъ прежнихъ «Извѣстій» своихъ и «Матеріаловъ» однородныя сочиненія, изъ которыхъ составилось отдѣльныя три книги, напечатанныя подъ слѣдующими заглавіями:

V. «Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II Отдѣленія Императорской академіи наукъ 1852 и 1853 гг.»;

VI. «Мнѣнія о новомъ изданіи русскаго Словаря и правила его изданія, утвержденныя II-мъ Отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ»;

VII. «Санскрито-русскій Словарь, составленный К. А. Коссовичемъ». Первая тетрадь.

Судя по единству содержанія каждой изъ этихъ книгъ, по занимательности разныхъ воззрѣній на однородные предметы, и по самому обилію мнѣній людей специальныхъ, участвовавшихъ въ ученыхъ разысканіяхъ, нельзя сомнѣваться, чтобы эти три книги не признаны были приговоромъ ученыхъ людей за явленіе полезное въ русской литературѣ, которая, со времени энциклопедическаго расширенія журналовъ, по общему замѣчанію, совсѣмъ обѣднѣла собственно называемыми книгами. Человѣкъ, ищущій въ чтеніи основательнаго просвѣщенія, не можетъ ограничиться журналами, изъ которыхъ, если бы удалось ему собрать и всѣ, никогда нельзя составить въ истинномъ значеніи библіотеки, а тѣмъ менѣе по избранной какой нибудь части. Безъ книгъ пропадаетъ связь и исторія наукъ, подобно тому, какъ безъ семейственныхъ узъ исчезли бы наслѣдственныя права и родовыя отношенія славнѣйшихъ фамилій.

XXIII.

VIII. «Опытъ общесравнительной Грамматики русскаго языка», составленный г. предсѣдательствующимъ Отдѣленія, какъ уже было сказано выше, напечатанъ въ 1854 году третьимъ изданіемъ. Особенное вниманіе публики къ этому труду свидѣтельствуетъ, какъ велика потребность въ основательныхъ правилахъ языка отечественнаго. Авторъ употребилъ всѣ усилія, чтобы новому изданію придать новыя совершенства. Члены особаго комитета, который составленъ былъ изъ нѣсколькихъ академиковъ Отдѣленія для просмотра предположенныхъ улучшеній въ книгѣ, приняли всѣ измѣненія сочинителя.

XXIV.

IX. «Словарь русскаго языка», предпринятый по новому плану, распредѣленъ частію между членами Отдѣленія, частію между посторонними лицами, вызвавшимися участвовать въ трудѣ. Движеніе этого многосложнаго предпріятія не можетъ совершаться быстро. Все зависитъ въ немъ отъ соразмѣрности разнообразныхъ частей его со средствами трудящихся. Усиленно ускорить это дѣло значило бы явно не дорожить совершенствомъ его исполненія. По этому Отдѣленіе не иначе смотритъ на постепенный ходъ раздѣленнаго нынѣ труда, какъ на предпринятую по необходимости въ тиши обработку частей, которыя въ свое время должны вдругъ образовать ожидаемое цѣлое.

XXV.

Представленный здѣсь обзоръ частныхъ и общихъ занятій членовъ Втораго Отдѣленія показываетъ, въ какой степени достигается начертанное для нихъ и высочайше утвержденное Положеніе. Въ его духѣ и направленіи заключены ихъ обязанности. По званію академика, г. министръ народнаго просвѣщенія, не отстраняясь отъ участія въ трудахъ Отдѣленія, непосредственно ведетъ его къ назначенной ему цѣли и подаетъ средства къ ея достиженію.

Высокое благоволеніе къ академіи Августѣйшаго основателя Отдѣленія нашего, одушевляя каждаго изъ насъ чувствомъ безпредѣльной, вѣрноподданнической признательности, сохранитъ между нами и въ предстоящихъ трудахъ то благородное соревнованіе, которое необходимо въ желаемомъ преуспѣяніи.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

I.

(къ § VII).

ТРУДЫ И ЮБИЛЕЙ А. Х. ВОСТОКОВА.

(ЗАПИСКА АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО).

Навсегда незабвенными останутся для всѣхъ цѣнителей истинныхъ заслугъ тѣ мгновенія торжественнаго засѣданія академіи 29-го декабря 1854 года, когда П. А. Плетневъ, читая свой отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія академіи, обратилъ вниманіе на заслуги патріарха славянской филологіи *) А. Х. Востокова. Вспоминая о трудахъ Востокова, П. А. Плетневъ съ теплымъ одушевленіемъ сказалъ: «Всѣмъ извѣстны монументальные труды его — «Описаніе рукописей румянцовскаго музеума» и «Остромирово евангеліе». Въ Россіи нѣтъ другаго изслѣдователя и знатока отечественнаго слова, который бы глубже и основательнѣе его дошелъ до всесторонняго его уразумѣнія». П. А. припомнилъ тутъ же, что «1854-мъ годомъ окончилось пятидесятилѣтіе этой исторически-замѣчательной дѣя-

---

*) Повторяемъ правдивое выраженіе, не разъ высказанное въ засѣданіяхъ Отдѣленія И. И. Давыдовымъ.

тельности». Глубокое чувство, которымъ одушевлено было правдивое слово П. А. о пятидесятилѣтнемъ служеніи отечеству и наукѣ нашего знаменитаго филолога, отозвалось въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ, и возбудилось во всѣхъ еще болѣе, когда вслѣдъ за тѣмъ г. министръ народнаго просвѣщенія, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, сочувствующій всею душею заслугамъ Востокова, подошедши къ нему, поздравилъ его съ новою милостію монаршей, объявивъ ему, что Государь Императоръ, во вниманіе къ его ученымъ трудамъ, изволилъ ему пожаловать орденъ св. Станислава 1-й степени.

«Мы были свидѣтелями единодушнаго восторга и умиленія, выражавшагося на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ на этомъ скромномъ, вполнѣ достойнымъ науки торжествѣ глубоко почитаемаго всѣми ученаго изслѣдователя нашего языка, который такимъ образомъ неожиданно праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей ученой и литературной дѣятельности, посреди многочисленнаго собранія ученыхъ и литераторовъ, облагодѣтельствованный высокою милостію Монарха. Это былъ юбилей дѣйствительнаго ученаго, оживленный сочувствіемъ избраннаго общества: и дѣятели науки, уже много совершившіе на пути, проложенномъ Востоковымъ, и дѣятели только что вступающіе на этотъ путь, были проникнуты однимъ общимъ чувствомъ благодарности къ ихъ учителю, да и всѣ, понимающіе истинное значеніе ученыхъ заслугъ, сошлись въ тепломъ чувствѣ благоговѣнія къ правительству, всегда покровительствовавшему истинному просвѣщенію и его полезнымъ дѣятелямъ». Такъ выразился одинъ изъ молодыхъ ревнителей русской науки (Н. Карелкинъ, въ своей «Біографической Запискѣ» объ А. Х. Востоковѣ): кто не скажетъ, что онъ понялъ значеніе празднества нашей академіи 29 декабря 1854 года.

Вмѣняя себѣ въ обязанность представить въ послѣдствіи подробный отчетъ о всѣхъ трудахъ своего заслуженнаго, вполнѣ русскаго и душею и подвигомъ, сочлена, Отдѣленіе считаетъ нелишнимъ сообщить теперь выписку изъ доклада г. предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи академика И. И. Давыдова г. вице-президенту академіи князю С. И. Давыдову отъ 28 сентября 1854 года:

«Первые стихотворные опыты А. Х. Востокова напечатаны 1802 года въ изданномъ отъ с.-петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ собраніи стихотвореній: «Свитокъ музъ».

Въ 1805 и 1806 годахъ издалъ онъ свои сочиненія особо подъ заглавіемъ: «Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ»; 2 части.

Въ 1808 году началъ онъ заниматься грамматическими и лексикологическими разысканіями; трудился нѣкоторое время надъ выписками изъ «Польскаго Словаря» Линде, для сличенія всѣхъ славянскихъ нарѣчій, а по опредѣленіи въ Императорскую публичную библіотеку въ 1815 году, ознакомившись съ древними славянскими рукописями, приступилъ къ составленію Грамматики древняго славянскаго языка. Въ XVII-й части «Трудовъ московскаго общества любителей россійской словесности» (1820 г.) напечатано весьма замѣчательное его разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ въ Грамматику этого языка.

Въ журналахъ: «Цвѣтникъ» 1809 и 1810 гг. и «С.-петербургскій вѣстникъ», который издавался отъ общества любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1812 году, помѣщены нѣкоторыя стихотворенія Востокова, и сверхъ того въ послѣднемъ изъ сихъ журналовъ прозаическія статьи: въ № 2, Задача любителямъ этимологіи (о именахъ рѣкъ, и проч.); въ № 3, Рецензія науки стихотворства,

Рижскаго; въ № 4, 5 и 6 Опытъ о русскомъ стихосложеніи; въ № 5 и 6 Рецензія на введеніе въ науку стихотворства, Язвицкаго; въ № 8 и 9 Шиллерово разсужденіе о высокомъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго, и рецензія на похвальное слово Императору Петру Великому, Зубчанинова.

Въ 1817 году напечаталъ Востоковъ свой Опытъ о русскомъ стихосложеніи особо, вторымъ изданіемъ, значительно пополненнымъ и исправленнымъ.

Въ 1818 году принялъ онъ на себя редакцію Журнала Императорскаго человѣколюбиваго общества, которою занимался пять мѣсяцевъ, съ мая по октябрь.

Въ 1821 году издалъ онъ свои стихотворенія въ трехъ книгахъ, изданіе исправленное и умноженное.

Въ 1824 году, по приглашенію графа Николая Петровича Румянцова, принялъ онъ на себя составленіе каталога богатому собранію славянскихъ рукописей, принадлежавшихъ графу.

Въ библіографическихъ листахъ г. Кеппена на 1825 годъ помѣщены ученыя статьи и рецензіи Востокова: въ № 7 О славянской рукописи XI вѣка, содержащей переводъ твореній св. Григорія Богослова; въ № 10, О опытѣ въ старинной русской дипломатикѣ г. Лаптева; въ № 14, 17 и 36 Извѣстія о вновь открытыхъ древнихъ славянскихъ рукописяхъ; въ № 25, О славянской Грамматикѣ г. Пенинскаго.

Въ 1825 же году 1-го декабря новаго стиля, тюбингенскій университетъ въ Германіи, по ходатайству дерптскаго профессора Клоссіуса, наименовалъ Востокова докторомъ философіи.

Въ 1826 году, по просьбѣ собирателя славянскихъ памятниковъ П. И. Кеппена, написалъ Востоковъ Грамма-

тическія объясненія на три славянскія статьи извѣстной Фрейзингенской рукописи, которыя напечатаны въ Кеппеновомъ Собраніи словенскихъ памятниковъ, Спб. 1827 г.

Въ 1827 году въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» напечатаны послѣднія стихотворныя произведенія Востокова, переводы сербскихъ пѣсенъ.

Въ 1827 году, по порученію комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій, Востоковъ составилъ Русскую Грамматику для училищъ, сокращенную и пространную. Сокращенная Грамматика его напечатана 6-мъ изданіемъ въ 1852 году. Пространная русская Грамматика Востокова, въ 1831 году изданная, удостоена отъ Императорской академіи наукъ полной демидовской преміи, и имѣла до 1848 года 7 изданій.

Описаніе рукописей румянцовскаго музеума составляетъ огромный томъ въ 804 страницы въ 4-ку.

Въ 1843 году вышло Остромирово евангеліе, съ приложеніемъ греческаго текста и съ грамматическими объясненіями, изданное Востоковымъ. Оно удостоено также демидовской преміи.

1848 года августа 16, пражскій университетъ въ Богеміи, по случаю празднованія 500-лѣтняго своего существованія, избралъ Востокова своимъ членомъ, наименовавъ его докторомъ философіи.

Съ 1841 года, по присоединеніи россійской академіи къ академіи наукъ, Востоковъ состоитъ членомъ Втораго Отдѣленія, и участвуетъ въ трудахъ Отдѣленія.

Столь многими и важными сочиненіями Востоковъ какъ среди соотечественниковъ, такъ и между учеными иностранными заслужилъ почетное имя и извѣстность. Славяно-русская филологія обязана ему прочными основаніями и изслѣдованіями. — Я почитаю священнымъ долгомъ почтитель-

нѣйше просить В. С. объ исходатайствованіи этому достойному и заслуженному академику всемилостивѣйшей награды орденомъ св. Станислава 1-й степени. Такое справедливое вниманіе къ долговременной, постоянно усердной службѣ и заслугамъ на литературномъ поприщѣ возродитъ въ немъ силы къ новымъ полезнымъ трудамъ».

Прибавимъ къ этому поименный списокъ тѣхъ ревнителей славяно-русской филологіи, которыхъ труды въ отношеніи къ ней направились по пути, указанному Востоковымъ:

Первое поколѣніе: Ганка, Давыдовъ, Калайдовичъ, Копитаръ, Мацѣевскій, Надеждинъ, Павскій, Погодинъ, Строевъ, Челяковскій, Шафарикъ, Шевыревъ.

Второе поколѣніе: Бодянскій, Бетлингъ, Буслаевъ, Григоровичъ, Гротъ, Дубенскій, Миклошичъ, Прейсъ, Срезневскій.

Третье поколѣніе: Болярскій, Бычковъ, Калачовъ, Катковъ, Микуцкій, Палаузовъ, Перевлѣсскій, Сухомлиновъ, Шлейхеръ.

Четвертое поколѣніе: Безсоновъ, Гильфердингъ, Карелкинъ, П. Лавровскій, Н. Лавровскій, Пыпинъ, Скворцовъ, Чернышевскій...

II.

(къ § XVI.)

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ЕПИСКОПА ВИННИЦКАГО МАКАРІЯ.

(ЗАПИСКА АКАДЕМИКА И. И. ДАВЫДОВА.)

До сихъ поръ у насъ остаются незанятыми мѣста незабвенныхъ сочленовъ нашихъ, столь неожиданно похищенныхъ смертію, ординарныхъ академиковъ: бывшаго предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи князя Платона Александровича Ширинскаго-Шихматова и Іоакима Семеновича Кочетова.

Имѣю честь обратить вниманіе Ваше, Мм. Гг., на неутомимое усердіе къ ученымъ трудамъ по Отдѣленію сочлена нашего экстраорд. академика И. И. Срезневскаго и постороннихъ ученыхъ и писателей: ректора здѣшней духовной академіи, епископа винницкаго, доктора богословія, Макарія, и профессора здѣшняго университета, д. с. сов. Александра Васильевича Никитенка.

Предварительно имѣю честь представить Вамъ краткое обозрѣніе ученыхъ и литературныхъ трудовъ сочлена нашего и преосвященнаго Макарія; а И. И. Срезневскій прочтетъ такую же записку о сочиненіяхъ А. В. Никитенка.

Сочиненія преосвященнѣйшаго Макарія можно распредѣлить на три рода: 1) сочиненія богословскія, 2) духовно-литературныя и 3) историческія.

I. *Богословскія.*

1) Введеніе въ православное богословіе. Спб. 1847, и второе изданіе 1852.

2) Православно-догматическое богословіе, въ пяти томахъ. Спб. 1849—1853.

II. *Духовно-литературныя.*

1) Собраніе нѣсколькихъ словъ. Спб. 1847.

2) Слова и рѣчи, не вошедшія въ это собраніе, но напечатанныя въ разныхъ частяхъ «Христіанскаго Чтенія»: а) Слово при погребеніи члена св. сѵнода, преосвящ. митрополита Іоны. Хр. Чт. 1849, II, 127; б) Слово при погребеніи преосв. Игнатія, архіепископа воронежскаго и задонскаго, тамъ же, 1850, I, 137; в) Слово при погребеніи преосв. Іакова, архіепископа нижегородскаго и арзамасскаго, тамъ же, II, 11; г) Рѣчь св. сѵноду при нареченіи во епископа, тамъ же, 1851, I, 257; д) Слово въ недѣлю православія, тамъ же, 89; е) Краткая рѣчь по причащеніи св. тайнъ, тамъ же, 282; ж) Слово въ день рожденія Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, тамъ же, II, 3; з) Слово въ день св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, тамъ же, II, 166; и) слово въ день святителя Христова Николая и тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, тамъ же, 479; і) Слово въ великій пятокъ, тамъ же, 1852, I, 292; к) Слово въ день св. пасхи, тамъ же, 1853, I, 373; л) Рѣчь къ окончившимъ курсъ ученія воспитанницамъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и с.-петербургскаго александровскаго училища, тамъ же, 1854, I, 287.

III. *Историческія.*

1) Исторія кіевской академіи. Спб. 1843.

2) Исторія христіанства въ Россіи до ровноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію русской церкви. Спб. 1846.

3) Очеркъ исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій. Спб. 1847.

4) Взглядъ на первые слѣды православной вѣры между Монголами, напеч. въ Хр. Чт. 1848. ч. I, стр. 32.

5) О значеніи исторіи отечественной православной церкви, нап. въ Хр. Чт. 1848. I, 175.

6) Три памятника русской духовной литературы XI вѣка съ предварительными о нихъ замѣчаніями, напеч. въ Хр. Чт. 1849. II, 302.

7) Еще объ Іаковѣ Мнихѣ, напеч. въ Извѣстіяхъ Императорской академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, т. II, стр. 145.

8) Обозрѣніе свящ. древностей, находящихся въ свято-троицкой александроневской лаврѣ, напеч. въ Христ. Чт. 1853, I, 151.

9) Церковь русская во дни св. Владиміра и Ярослава до избранія митрополита Иларіона, напеч. въ Хр. Чт. 1850, I, 54 и 1853, I, 15, 183, 402, 463; шесть статей, имѣющихъ войти въ составъ перваго тома «Исторіи русской церкви».

10) Критическая исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, сочиненіе, еще неконченное, напеч. въ Хр. Чт. 1853, II, 377 и 1854, I, 24, 184, 446, 475.

Между всѣми сочиненіями первое мѣсто занимаетъ «Пра-

вославно-догматическое богословіе», въ пяти томахъ, увѣнчанное академіею въ нынѣшнемъ году полною демидовскою преміею. Подробный разборъ этого знаменитаго произведенія написанъ сочленомъ нашимъ, ординарнымъ академикомъ, высокопреосвященнѣйшимъ архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ Иннокентіемъ. Его высокопреосвященство, показавъ всѣ труды по сей части, предшествовавшіе сочиненію Макарія, а именно: Іосафа Карпинскаго, Сильвестра Лебединскаго, Макарія Петровича, Ювеналія Медвѣдскаго, Иринея Фальковскаго, Θеофилакта Горскаго, протоіерея Терновскаго и архимандрита Антонія, и сравнивъ разсматриваемое имъ сочиненіе съ лучшими догматиками иностранными: Іоанна Перроне, Генриха Кле и Штауденмайера, заключаетъ, что каждое изъ поименованныхъ сочиненій имѣетъ свои достоинства, однако каждое должно уступить преимущество догматическому богословію Макарія. Выводъ этого разбора, содержащаго въ себѣ изложеніе всего православно-богословскаго ученія, есть слѣдующій:

а) Трудъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ, какіе явились у насъ доселѣ на томъ же поприщѣ, и не только равняющійся по ученой обработкѣ съ лучшими современными иностранными опытами, но и въ немалыхъ отношеніяхъ далеко ихъ превосходящій.

б) Трудъ самостоятельный и оригинальный, потому что авторъ ни въ системѣ, ни въ методѣ, ни въ способѣ изложенія истинъ не слѣдовалъ никакому изъ отечественныхъ и иностранныхъ богослововъ, а шелъ своимъ путемъ, глубоко обдуманнымъ и вѣрно предъизмѣреннымъ, черпалъ свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ, изъ коихъ многіе имъ собственно найдены и всѣ имъ значительно разработаны, и такимъ образомъ при неутомимомъ трудѣ воздвигнуто стройное и

громадное цѣлое, которое, при всемъ желаніи подобныхъ явленій, по всей вѣроятности, надолго останется единственнымъ.

в) Трудъ, удовлетворяющій всѣмъ современнымъ требованіямъ науки, по стройной системѣ и выводу всѣхъ частей и истинъ изъ одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направленію, столь сродному богословію, какъ наукѣ положительной, по отличной ясности и вразумительности въ способѣ раскрытія истинъ, даже по слогу чисто русскому, постоянно носящему притомъ на себѣ печать здраваго вкуса.

г) Трудъ, составляющій важную заслугу не только для науки православнаго богословія, которую авторъ несомнѣнно подвинулъ весьма далеко впередъ, — не только для духовнаго нашего образованія, въ исторіи котораго появленіе въ свѣтъ догматики его послужитъ нѣкогда одною изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ — но и вообще для всей церкви русской, для всѣхъ православныхъ соотечественниковъ, кои получаютъ въ этомъ трудѣ, чего давно желали, возможно полное, стройное, основательное и общедоступное изложеніе отличительныхъ догматовъ своей церкви, столь драгоцѣнныхъ для ихъ ума и сердца.

Кто же изъ насъ не пожелаетъ такого писателя пріобщить къ нашему Отдѣленію?

III.

(къ § xii.)

О ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

(Записка академика И. И. Давыдова.)

Ученые и литературные труды достопочтеннѣйшаго сочлена нашего всѣмъ извѣстны. Въ настоящемъ случаѣ я исчислю тѣ изъ нихъ, которые появились въ свѣтъ со времени избранія его въ экстраординарные академики, для того, чтобы приведеніемъ ихъ въ совокупность очевиднѣе показать важность заслугъ неутомимаго нашего сотоварища.

Принимая постоянное участіе въ составленіи Областнаго великорусскаго Словаря, Измаилъ Ивановичъ внесъ въ составъ его до 3500 словъ, т. е. почти пятую долю всего Словаря, и продолжаетъ постоянно доставлять матеріалы для втораго дополнительнаго тома этого Словаря.

При распредѣленіи работъ по новому изданію общаго русскаго Словаря, взявъ на себя объясненіе словъ на букву Б и словъ изъ стариннаго быта, онъ продолжаетъ чтеніе своихъ объясненій. Этотъ трудъ Отдѣленія далъ ему поводъ представить не только свое мнѣніе о составѣ Словаря (Изв. II т.), но и обзоръ замѣчательнѣйшихъ изъ словарей современныхъ, котораго нѣсколько частей уже напечатано въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія. Къ работамъ его по общему Словарю относится и его статья о глагольныхъ частицахъ, столь многочисленныхъ въ языкѣ русскомъ, и которымъ, по его мнѣнію, надобно дать особенное мѣсто въ Словарѣ: болѣе

500 изъ нихъ уже объяснены имъ примѣрами изъ народнаго языка и изъ писателей.

Три изданія «Общесравнительной Грамматики русскаго языка» прочитаны были имъ въ корректурахъ.

Нѣкоторыя изъ рукописныхъ сочиненій, представленныхъ въ Отдѣленіе, были поручаемы его разсмотрѣнію и служили поводомъ къ особеннымъ запискамъ. Изъ нихъ напечатаны записки о трудахъ Коссовича, Цейновы, Микуцкаго, Аѳанасьева.

По порученію Отдѣленія Измаилъ Ивановичъ составилъ:

Програму для изданія «Извѣстій» и програму для собиранія «Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности». Къ этому роду трудовъ относятся и предложенные имъ важные вопросы о видоизмѣненіяхъ русскаго языка (Изв. т. I).

Ему поручено съ самаго основанія изданія редакція «Извѣстій Втораго Отдѣленія», налагающая на него между прочимъ обязанность слѣдить за всѣми новыми явленіями по части славяно-русской филологіи и представлять отчеты о ихъ содержаніи и достоинствѣ.

Какъ особенныя прибавленія къ «Извѣстіямъ» Отдѣленія, издаетъ онъ: 1) Матеріалы для Словаря и Грамматики, и 2) Памятники и образцы народнаго языка и словесности. По редакціи «Матеріаловъ» Измаилъ Ивановичъ заботится о приготовленіи спеціальныхъ словарей для древнихъ памятниковъ русскаго языка. Въ «Памятникахъ и образцахъ народнаго языка» онъ печатаетъ постепенно между прочимъ и доселѣ неизданные памятники изъ своихъ собственныхъ сборниковъ, гдѣ нужно, съ объясненіями и замѣчаніями.

Ему же поручена и редакція «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія.

Сверхъ сихъ трудовъ, замѣчательны изъ особенныхъ

изслѣдованій его археологическія и этнографическія разысканія:

О письменности глагольской (Изв. I и II).

О Збручьскомъ истуканѣ (Записки археол. общ.).

О рожаницахъ, славянскихъ паркахъ (въ Архивѣ Калачова).

О слѣдахъ знакомства Русскихъ съ южной Азіей въ IX вѣкѣ (Вѣст. геогр. общ.).

О пятинахъ и погостахъ (Изв. II).

О народонаселеніи сѣверо-восточной Венгріи (читано въ засѣданіи русскаго географическаго общества, при чемъ представлена этнографическая карта этой части Европы).

Обозрѣніе Руси Угорской, какъ отрывокъ изъ географіи русскаго языка (Вѣст. геогр. общ.).

Обозрѣніе юго-западныхъ Славянъ (читано въ географическомъ обществѣ, при чемъ представлена и этнографическая карта земель, занимаемыхъ этими Славянами).

Въ засѣданіяхъ нашихъ сообщены Измаиломъ Ивановичемъ чтенія и разборы слѣдующихъ древнихъ памятниковъ языка и словесности:

Чтеніе древней чешской пѣсни о судѣ Любуши съ болгарскимъ переводомъ и объясненіями (въ Памятникахъ, I, стр. 17).

Записки о формѣ и языкѣ договоровъ съ Греками (первая записка уже напечатана въ Извѣстіяхъ).

Записка о лѣтописяхъ русскихъ IX—X вѣка (Изв. III).

Разборъ новгородскихъ лѣтописей (Изв. II).

Чтеніе и поясненія древнихъ русскихъ поученій, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о язычествѣ.

Изслѣдованія о жизнеописаніяхъ древнихъ русскихъ князей: Ольги, Владиміра, Бориса и Глѣба (Изв. II).

Древнія сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ: археологическое об-

щество поручило Измаилу Ивановичу корректурное изданіе этихъ сказаній по списку XIV вѣка, что имъ и исполнено, а Второе Отдѣленіе академіи — изданіе чтенія по избраннымъ спискамъ.

Изслѣдованіе о нѣкоторыхъ изъ древнихъ памятниковъ юго-славянской письменности, гдѣ два изъ нихъ изданы съ объясненіями (Изв. I).

Чтеніе и объясненіе рядной записи XIV вѣка (Записки археолог. общ.).

Записка о составѣ старинныхъ русскихъ энциклопедическихъ словарей.

Записка о сочиненіяхъ митрополита Θеодосія (Изв. II).

Чтеніе и объясненіе сказаній Аѳанасія Никитина о его путешествіи въ Персію и Индію въ 1466—1472 году.

Вотъ сколь разнообразны ученые и литературные труды сочлена нашего Измаила Ивановича въ послѣдніе годы. Они касаются важныхъ вопросовъ современной филологіи и ведутъ къ новымъ разысканіямъ исторіи отечественнаго языка и словесности. Заслуги, оказанныя Измаиломъ Ивановичемъ литературѣ нашей, даютъ ему почетное мѣсто между учеными и писателями. Отдѣленіе имѣетъ въ немъ неутомимаго дѣятеля.

1855.

ЗАПИСКА ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩАГО

О ЗАНЯТІЯХЪ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ

въ истекающемъ 1855 году *).

Читано въ Отдѣленіи 3-го октября 1855 года.

Мм. Гг.

Съ Божіею помощію, мы и въ нынѣшнемъ году исполнили предположенія наши, и всѣ Члены Отдѣленія, сверхъ прямыхъ общественныхъ должностей и обязанностей, посильными трудами своими содѣйствовали успѣхамъ отечественнаго языка и словесности.

Не смотря на бурю военныхъ дѣйствій противъ враговъ нашихъ, мы въ мирѣ и тишинѣ продолжали ученыя наши занятія. Въ мирѣ и тишинѣ, говорю я, а не въ радости; потому что въ нынѣшнемъ году мы не перестаемъ оплакивать сиротство всей Россіи, лишившейся Царя-Отца, благотворившаго ей въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Въ Немъ

*) Помѣщается здѣсь въ замѣнъ отчета, котораго за 1855 годъ не было составлено по той причинѣ, что П. А. Плетневъ, до сихъ поръ занимавшійся этимъ дѣломъ, къ торжественному собранію означеннаго года приготовилъ обширную біографическую статью о покойномъ президентѣ академіи С. С. Уваровѣ.

оплакиваютъ и науки и русское просвѣщеніе своего Августѣйшаго покровителя. Судьбы Провидѣнія неисповѣдимы: возблагоговѣемъ предъ волею и Промысломъ Всевышняго!

Имѣю честь представить Вамъ, Мм. Гг., обозрѣніе: во-первыхъ, состава Отдѣленія; во-вторыхъ, дѣятельности его, какъ внутренней, такъ и внѣшней; въ-третьихъ, изданій его трудовъ.

I. СОСТАВЪ ОТДѢЛЕНІЯ.

Отдѣленіе, согласно съ Положеніемъ, нынѣ состоитъ изъ шестнадцати ординарныхъ академиковъ, четырехъ экстраординарныхъ академиковъ и адъюнктовъ. Въ послѣднее время высочайше утверждены ординарными академиками: преосвященный Макарій, епископъ Винницкій, ректоръ здѣшней духовной академіи, и ординарный профессоръ здѣшняго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. В. Никитенко; адъюнктами: профессоръ александровскаго лицея, статскій совѣтникъ Я. К. Гротъ, и профессоръ главнаго педагогическаго института, П. П. Дубровскій. Вновь избраны корреспонденты: д. с. с. Бенедиктовъ, адъюнктъ здѣшняго университета Сухомлиновъ, членъ археографической коммисіи Бычковъ.

Но и не безъ утраты для Отдѣленія прошелъ 1855 годъ: мы лишились почетнаго члена, протоіерея Алексѣя Ивановича Малова, краснорѣчиваго духовнаго витіи, и корреспондента, профессора здѣшняго университета К. А. Неволина.

Въ еженедѣльныхъ собраніяхъ Отдѣленія присутствовали академики: предсѣдательствующій, преосвященный Макарій, К. И. Арсеньевъ, П. Г. Бутковъ, А. Х. Восто-

ковъ, П. А. Плетневъ, И. И. Срезневскій, А. В. Никитенко, М. А. Коркуновъ, Я. К. Гротъ и П. П. Дубровскій.

Внѣшнія сношенія съ отсутствующими академиками, почетными членами и корреспондентами, равно и съ прочими филологами и любителями отечественной словесности, постоянно продолжались. Въ исчисленіи занятій Вы изволите увидѣть, какое живое участіе въ трудахъ нашихъ принимають посторонніе ученые. Здѣсь нельзя умолчать о готовности и раздѣлять съ нами труды и споспѣшествовать имъ высокопреосвященныхъ: Филарета, митрополита московскаго, Григорія, архіепископа казанскаго, Иннокентія, архіепископа херсонскаго, преосвященнаго Филарета, епископа харьковскаго, его высокопревосходительства, барона М. А. Корфа, профессора харьковскаго университета, П. А. Лавровскаго, графа А. С. Уварова, профессора М. А. Максимовича, дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. М. Снегирева, князя М. А. Оболенскаго.

II. ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДѢЛЕНІЯ.

Всѣ присылаемыя въ Отдѣленіе сочиненія обыкновенно прочитываются въ засѣданіяхъ онаго, и, по одобреніи членами, печатаются въ «Извѣстіяхъ», въ «Ученыхъ Запискахъ» или отдѣльными изданіями. По этому внутренняя и внѣшняя дѣятельность сливается въ трудахъ Отдѣленія: a) «Извѣстіяхъ», b) «Ученыхъ Запискахъ» и c) отдѣльныхъ изданіяхъ, содержаніе которыхъ можно раздѣлить на три рода: 1) словари и грамматики; 2) памятники славяно-русской филологіи и чтенія историческія; 3) разсужденія о новой и современной русской словесности и разборы замѣчательнѣйшихъ сочиненій.

1. СЛОВАРИ И ГРАММАТИКИ.

А. *Словари.*

1. Общій русскій.

а. Разсмотрѣніе матеріаловъ для новаго изданія общаго русскаго Словаря продолжалось въ январѣ, февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ: академикъ И. И. Срезневскій читалъ объясненія своихъ словъ на букву Б и другихъ словъ, преимущественно древнихъ и старинныхъ.

b. Поступило въ Отдѣленіе оставшееся послѣ покойнаго академика Бередникова собраніе 286 идіотизмовъ съ объясненіями и примѣрами изъ русскихъ авторовъ. Оно войдетъ въ составъ Словаря.

c. Отъ г. Островскаго получено продолженіе выписокъ изъ книгъ Священнаго Писанія для точнѣйшаго толкованія словъ богословскихъ.

d. Отъ г. Стаховича, извѣстнаго издателя русскихъ народныхъ пѣсенъ, внесены въ Одѣленіе техническія реченія изъ дѣла плотничнаго и гуменнаго.

e. Учитель ревельской гимназіи А. К. Серно-Соловьевичъ представилъ: a) объясненныя имъ слова на буквы: Ф, Х и Ч, какъ матеріалъ для общаго Словаря; b) списокъ словъ, исключаемыхъ имъ изъ новаго изданія русскаго Словаря, и c) списокъ словъ, пропущенныхъ въ Словарѣ.

2. Словарь областнаго великорусскаго языка.

Дополненіе къ Словарю областнаго великорусскаго языка въ нынѣшнемъ году значительно обогатилось новыми пріобрѣтеніями, и Отдѣленіе поручило академику А. Х. Востокову приступить къ печатанію этого собранія.

а. Высокопреосвященный Григорій, архіепископъ ка-

занскій, доставилъ въ Отдѣленіе собранныя священникомъ села Щербети, Спасскаго уѣзда (Казанской губерніи) Павломъ Фанагорскимъ, областныя слова въ этомъ селѣ употребляемыя.

b. Титулярный совѣтникъ Черепановъ прислалъ изъ Екатеринбурга прибавленіе къ сборнику сибирскихъ словъ.

c. Баккалавръ казанской духовной академіи, докторъ Сем. Гремяченскій, и преподаватель михайловскаго воронежскаго кадетскаго корпуса Хованскій, сообщили областныя слова, первый употребляемыя въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, второй встрѣчающіяся въ разныхъ губерніяхъ.

d. Отъ г. Карпова полученъ небольшой сборникъ областныхъ словъ губерній: Тверской и Псковской.

3. Малорусскій Словарь.

Словаря малорусскаго народнаго нарѣчія, составленнаго А. Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ, отпечатано 11 листовъ.

4. Бѣлорусскій Словарь.

a. Надворный совѣтникъ Носовичъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ, по порученію онаго, пересмотрѣлъ IV томъ Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи (изд. Арх. Ком.), и извлекъ изъ нихъ для составляемаго имъ Указателя всѣ старинныя *бѣлорусскія* слова.

b. Путешествующій по западнымъ губерніямъ, на счетъ Отдѣленія, кандидатъ Микуцкій представилъ Отдѣленію 310 бѣлорусскихъ реченій народныхъ, на буквы: Г, П, С, Т, У, имъ собранныхъ. Объясненія ихъ подкрѣплены примѣрами изъ пѣсенъ, пословицъ и поговорокъ. Нѣкоторыя сближенія и сравненія бѣлорусскихъ реченій съ словами прочихъ славянскихъ и другихъ нарѣчій весьма любопытны.

Слово *дыли*, н. п. вм. *ходыли*, *ходу́ли*, значитъ: ноги. — Прилагательное *рудый* (по литовски называется rudas, то же, что рыжій; отсюда осень по литовски называется rudu. Санскритское же «asan» кровь, по латышски «asins» тоже кровь. Микуцкій заключаетъ, что не отсюда ли и *осень*, *есень*, близкое къ asan, asins, какъ то время года, когда листья деревъ бываютъ красны, будто кровь.

Подобныя сравнительныя объясненія литовскихъ словъ привели Микуцкаго къ заключенію, что литовскій народъ, т. е. собственно Литовцы и Латыши, по языку, нравамъ, повѣрьямъ, по древне-языческимъ вѣрованіямъ самый ближайшій Славянамъ родственникъ.

Касательно границъ бѣлорусскаго нарѣчія, обозначенныхъ Шафарикомъ въ его славянскомъ народописаніи, Микуцкій замѣчаетъ, что часть Смоленской губерніи, по крайней мѣрѣ уѣздъ Порѣцкій, и часть Черниговской губерніи, именно уѣздъ Суражскій, должно причислить къ бѣлорусскому нарѣчію. Но Гродненской губерніи уѣзды: Брестскій, Кобринскій и отчасти Пружанскій, также Минскій уѣздъ Минской губерніи, принадлежатъ къ южнорусскому, или малорусскому нарѣчію.

5. Санскрито-русскій Словарь.

a. Санскрито - русскаго Словаря, составляемаго К. А. Коссовичемъ, отпечатано въ нынѣшнемъ году 9 листовъ.

b. А. С. Хомяковъ сообщилъ Отдѣленію сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими. Хотя ученый поэтъ нашъ иногда переходитъ законныя границы сравнительнаго языкоученія; однако и самыя увлеченія его въ область догадокъ и произвольныхъ толкованій полезны тѣмъ, что наводятъ филолога на новыя соображенія. Возьмемъ что нибудь

для примѣра. *Харалужный*, слово изъ пѣсни о походѣ Игоря, производитъ Хомяковъ отъ санскр. *сāра* — *лоhа* — сталь; — *чело* — отъ санскр. *чела* — думать; аффиксъ *вѣкъ*, знач. живущій; слѣд. человѣкъ означаетъ мыслеживущаго.

c. Отъ г-жи Мордовцевой получено начало словаря къ Святославову Сборнику.

d. Отъ болгарскаго ученаго Найдена Герова — филологическіе матеріалы. Съ его помощію мы будемъ имѣть Словарь болгарскаго нарѣчія: по совѣщаніи съ академикомъ И. И. Срезневскимъ, на основаніи программы, имъ составленной, г. Геровъ уже приступилъ къ труду.

Б. *Грамматики.*

1. Учитель новгородской гимназіи Купріяновъ сообщилъ нѣкоторыя замѣтки къ Общесравнительной Грамматикѣ, принятыя Отдѣленіемъ съ признательностью.

2. Адъюнктъ академіи, профессоръ П. П. Дубровскій представилъ нѣсколько замѣчаній о «Русскомъ глаголѣ въ сравненіи съ польскимъ», какъ матеріалъ для Общесравнительной Грамматики русскаго языка.

3. Кандидатъ Микуцкій доставилъ нѣсколько замѣчаній, полезныхъ для сравнительнаго языкоученія. Такъ, напр., Боппъ, въ своей Сравнительной Грамматикѣ, принимаетъ два рода корней: a) глагольные, отъ которыхъ образовались глаголы и имена, какъ существительныя, такъ и прилагательныя; b) мѣстоименные, отъ которыхъ произошли мѣстоименія, предлоги, союзы и частицы. Такое же раздѣленіе подтверждаетъ и Шафарикъ. Микуцкій, указывая на междометія и слова дѣтскія (мама, тятя, дядя, няня; ляля), сомнѣвается, чтобъ эти слова принадлежали къ тѣмъ или другимъ корнямъ.

2. Памятники славяно-русской филологіи и чтенія историческія.

А. Памятники.

Ординарный академикъ И. И. Срезневскій внесъ въ Отдѣленіе: 1) Чтеніе славянскаго перевода X-го слова Григорія Богослова по списку XI-го вѣка, съ объяснительными примѣчаніями. Это первый опытъ возстановленія древняго памятника, при чемъ буквы, подпадавшія искаженіямъ писцовъ, должны были уступить первенство смыслу, въ нихъ сокрытому. — Кромѣ того тѣмъ же академикомъ И. И. Срезневскимъ читаны въ Отдѣленіи: 2) Извлеченія изъ Софійской рукописи Минея XI-го вѣка съ замѣчаніями. 3) Замѣчанія о языкѣ древняго перевода Пророчествъ, сохранившагося въ переписяхъ новгородскаго списка XI-го вѣка. 4) Замѣчанія о нѣкоторыхъ изъ поученій, приписываемыхъ Кириллу Туровскому. 5) Разборъ Софійскаго пролога XII—XIII в. 6) Разборъ старинныхъ повѣстей о Тамерланѣ. 7) Объясненіе хожденія Аѳанасія Никитина въ Индію. 8) Замѣчанія о глагольскомъ четвероевангеліи Зографскаго монастыря.

Подъ его же вѣдѣніемъ приготовляется къ изданію хронографъ «Георгія Амартола», по списку изъ библіотеки графа А. С. Уварова.

Б. Пѣсни, пословицы, повѣрья.

1) Отъ доктора Гремяченскаго получены повѣрья Чистопольскаго уѣзда (Казанской губерніи).

2) Священникъ Павелъ Фанагорскій сообщилъ Отдѣленію пословицы и поговорки, употребляемыя въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

3) С. Н. Палаузовъ доставилъ нѣсколько болгарскихъ пословицъ и пѣсенъ.

4) Отъ архимандрита Агафангела получено нѣсколько выписокъ изъ старинныхъ рукописей, любопытныхъ въ отношеніи археологическомъ.

5) Отъ Н. А. Толмачева — духовные стихи слѣпцовъ, записанные въ Казанской и Пермской губерніяхъ.

6) Отъ В. И. Гуляева — три былины, записанныя въ Сибирскомъ Локтевскомъ заводѣ.

7) Отъ г. Верещагина собранныя въ Онегѣ былины про Илью Муромца и сына его Олешу Поповича, князя Добрыню и жену его, про Владиміровыхъ богатырей: Данилу Игнатьевича и сына его Михайлу, про Дуная Дунаевича и жену его Настасью, про змѣю въ Рахлейскомъ царствѣ, подвиги Хотена.

8) Отъ свящ. Ивановскаго — отрывокъ изъ старины про Никиту Ивановича, записанный въ Онежскомъ уѣздѣ Арх. губ.

9) Отъ корреспондента И. М. Снегирева — неизданныя пословицы, а отъ Н. Герова — 4 болгарскія пѣсни.

В. Историческія чтенія о древнемъ языкѣ и словесности.

1) Ординарный академикъ, преосвященный Макарій внесъ въ Отдѣленіе записку о «Ѳеодосіи, списателѣ житія Володимерова». Въ патерикѣ новгородской софійской библіотеки XV-го вѣка преосвященный находитъ убѣдительное доказательство, что инокъ Ѳеодосій, упомянувшій о себѣ въ словѣ о крещеніи св. Владиміра, былъ не сочинитель слова, а переписчикъ. Слово о св. Владимірѣ выписалъ онъ изъ лѣтописи Несторовой, другія слова изъ посланій св. Симона и Поликарпа, св. Кирилла Туровскаго, Климента, епископа болгарскаго.

2) Другое разсужденіе преосвященнаго о Преподобномъ Θеодосіи Печерскомъ, какъ писателѣ. Сочиненія великаго игумена Печерскаго, изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, раздѣлены въ этомъ разсужденіи на четыре класса: поученія къ народу, къ инокамъ Кіево-Печерскимъ, къ великому князю Изяславу и двѣ молитвы. Всѣ поученія содержанія нравственнаго, отличаются совершенною простотою, проникнуты жизнію и пламенною ревностью о благѣ ближнихъ. Языкъ въ нихъ церковно-славянскій, нечуждый вліянія языка народнаго. Преосвященный показалъ составъ и содержаніе каждаго поученія, съ изложеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ на русскомъ языкѣ.

3) Адъюнктъ-профессоръ здѣшняго университета М. И. Сухомлиновъ доставилъ въ высшей степени любопытную статью: «О псевдонимахъ древней славяно-русской словесности». По мнѣнію автора, св. Іоанну Златоусту предки наши приписывали наибольшее число произведеній, ему непринадлежащихъ; потому что Златоустъ по преимуществу считался витіею, писателемъ. Приписывались сочиненія и другимъ отцамъ церкви: Василію Великому, Григорію Богослову, Кириллу Философу. Что касается устной словесности, то любимымъ ея героямъ былъ св. Владиміръ: къ нему относили даже позднѣйшія событія Владиміра Мономаха или Владиміра Галицкаго.

4) Князь М. А. Оболенскій сообщилъ Отдѣленію новое свидѣтельство о родопочитаніи. Здѣсь греческое слово εἱμαρμένη, означающее судьбу, сближено съ словомъ рожденіе, а древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе судьбы (родопочитаніе) сближается съ звѣздословіемъ. Это подало поводъ нашему сочлену И. И. Срезневскому еще къ одному объясненію касательно мнѣнія, имъ уже разобраннаго въ

особенной запискѣ, напечатанной въ Архивѣ Н. В. Калачова: о Роженицахъ.

5) А. Н. Пыпинъ сообщилъ Отдѣленію часть своего труда о старинныхъ повѣстяхъ русскихъ, именно: Изслѣдованіе о сказкахъ касательно царя Соломона.

3. Разсужденія о новой и современной русской словесности и разборъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій.

А. Образцы краснорѣчія и поэзіи.

1) Отдѣленіе украсило «Извѣстія» свои нѣсколькими современными образцовыми произведеніями краснорѣчія и поэзіи. Первое мѣсто между ними занимаютъ слова ординарнаго академика, высокопреосвященнаго Филарета: одно произнесено 12-го января, по случаю столѣтняго юбилея московскаго университета; другое — въ день тезоименитства Государя Императора, 30 августа.

2) Новыя стихотворенія корреспондента А. Н. Майкова: Солдатъ Перфильевъ, Пастухъ и Молитва.

3) Стихотвореніе ординарнаго академика князя П. А. Вяземскаго: Плачъ и утѣшеніе, 18 февраля и 17 апрѣля.

4) Ода на восшествіе на престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Втораго, М. А. Дмитріева.

5) Графини Растопчиной стихотворенія: Бояринъ и Сестрамъ крестовоздвиженской общины.

6) Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева.

7) В. Бенедиктова: Малое слово о великомъ.

Б. Разсужденія и рѣчи.

1) Желая сохранить между трудами своими рѣчи, читанныя въ московскомъ университетѣ по случаю столѣтняго

его юбилея, Отдѣленіе напечатало въ «Извѣстіяхъ»: рѣчь ординарнаго академика и профессора С. П. Шевырева, содержащую въ себѣ обозрѣніе столѣтняго существованія университета, и воспоминаніе о Ломоносовѣ, ординарнаго академика М. П. Погодина.

2) Предсѣдательствующій напечаталъ въ «Извѣстіяхъ» разсужденіе свое «Объ исторіи государства Россійскаго, Карамзина, разсматриваемой со стороны художественной».

В. Историко-литературныя замѣтки.

1) Академикъ М. А. Коркуновъ внесъ записку о книгѣ Іоанна Амоса Коменскаго: «Видимый свѣтъ».

2) Адъюнктъ М. И. Сухомлиновъ сообщилъ замѣчанія о сатирическомъ направленіи Сумарокова.

3) П. П. Пекарскій представилъ планъ и образцы библіографическаго обозрѣнія русскихъ книгъ съ 1698 по 1730 годъ. По поводу этихъ образцовъ библіографическаго обозрѣнія русскихъ книгъ отъ его высокопревосходительства почетнаго члена академіи, барона М. А. Корфа, при письмѣ на имя редактора «Извѣстій», получены замѣчанія А. Ѳ. Бычкова на упомянутую статью Пекарскаго.

4) Отъ М. П. Заблоцкаго доставлены найденныя имъ въ бумагахъ князя М. М. Щербатова: сочиненіе «О выгодахъ недостатку» и стихотвореніе, начинающееся словами «Среди шумящихъ волнъ развратнаго здѣсь свѣта».

Г. Разборы замѣчательнѣйшихъ сочиненій по части славяно-русской словесности.

Отдѣленіе старалось выражать мнѣніе свое о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ славяно-русской филологіи. Въ «Извѣстіяхъ» разобрано болѣе 70 сочиненій большею частію самимъ редакторомъ, при участіи предсѣдательствующаго,

ординарныхъ академиковъ: П. Г. Буткова, А. Х. Востокова, П. А. Плетнева и А. В. Никитенко. Укажу на нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій, разсмотрѣнныхъ въ «Извѣстіяхъ»: во всякой литературѣ, болѣе богатой, нежели наша, они обратили бы вниманіе высшаго ученаго сословія.

1) «Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства», ординарнаго академика преосвященнаго Макарія, епископа винницкаго. Это сочиненіе изображаетъ съ возможною вѣрностью, отчетливостью и полнотою одно изъ значительныхъ событій нашей церковной исторіи, доселѣ еще неразъясненное вполнѣ. Обнимая всѣхъ предшествовавшихъ писателей, сочинитель обогатилъ исторію раскола новыми свѣдѣніями, добытыми имъ самимъ изъ нетронутыхъ источниковъ, каковы: сокровища Румянцовскаго музея, акты и лѣтописи археографической коммиссіи, полное собраніе законовъ.

2) «Исторія православнаго русскаго монашества», профессора московской духовной академіи П. Казанскаго. Послѣ трудовъ преосвященныхъ Филарета и Макарія утѣшительно встрѣтить еще новаго труженика на поприщѣ исторіи русской церкви.

3) «Исторія московской славяно-греко-латинской академіи», баккалавра московской духовной академіи С. Смирнова. Недовольствуясь печатными источниками, авторъ пользовался архивами и собраніями рукописей, и въ нихъ старался отыскать все, что могло послужить къ раскрытію судебъ этого заведенія, равно трудовъ его членовъ и воспитанниковъ. Отчетливая работа г. Смирнова поставляетъ сочиненіе его въ число замѣчательныхъ явленій нашей исторической литературы.

4) «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», профессора О. М. Бодянскаго. — Сочинитель, предста-

вивъ обозрѣніе источниковъ, или свидѣтельствъ и пособій, касающихся вопроса, разборъ этихъ свидѣтельствъ, исторію вопроса и наконецъ сводъ всего сказаннаго, приходитъ къ убѣжденію, что Кириллъ Философъ изобрѣлъ славянскія письмена въ 862 году, вопреки показанію монаха Храбра, относящаго это событіе къ 855 году. Сочиненіе профессора Бодянскаго, независимо и отъ главнаго вывода труда, весьма важно и необходимо для всякаго, кто изучаетъ славянскія древности и литературу.

5) «Адъ» Данта Алигіери, переводъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника, Д. Мина. Переводъ такихъ писателей, какъ Дантъ, составляетъ высокую заслугу въ литературѣ. Читая стихи Мина, радуешься за свой родной языкъ: такъ онъ гибокъ, способенъ выражать самыя оригинальныя, неожиданныя, неуловимыя и разнообразныя движенія мысли. Разсказъ Уголино изъ XXXIII пѣсни Дантова «Ада» напечатанъ въ нашихъ «Извѣстіяхъ», въ четвертомъ выпускѣ текущаго 1855 г.

6) «Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ, съ чертежами письменъ и снимковъ съ рукописей», труды профессоровъ и преподавателей московскаго университета: Менщикова, Буслаева, Петрова и Клина. Внѣшняя роскошь изданія соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству сборника. Для славянорусскаго филолога особенно важны палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ, профессора Ѳ. И. Буслаева.

7) «Въ воспоминаніе 12 января 1855 года учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей московскаго университета по случаю его столѣтняго юбилея». — Изъ тринадцати статей, помѣщенныхъ въ этомъ прекрасномъ сборникѣ, особенно любопытны: Извлеченіе изъ русской

Грамматики профессора Барсова, экстраординарнаго профессора Буслаева, и краткая исторія «Академической гимназіи», бывшей при московскомъ университетѣ, профессора Страхова.

8) «Опытъ Византійской хронологіи», на французскомъ языкѣ, Муральта. Трудъ весьма важный и полезный: на 756 страницахъ передано въ хронологическомъ порядкѣ около 6000 историческихъ данныхъ изъ 150 лѣтописцевъ и другихъ сказаній византійскихъ, итальянскихъ, латино-германскихъ, скандинавскихъ, славянскихъ, арабскихъ съ указаніемъ на источники.

9) Народныя сказки, А. Аѳанасьева. Первый опытъ ученаго изданія русскихъ сказокъ. Онѣ напечатаны такъ, какъ записаны со словъ простолюдиновъ, съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора. Въ примѣчаніяхъ указаны варіанты и сходныя или одинакія сказки другихъ народовъ.

Отдѣленіе и въ нынѣшнемъ году доносило г. министру народнаго просвѣщенія о болѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ словесности, для представленія ихъ на высочайшее воззрѣніе Государя Императора.

III. ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изложивъ внутреннюю и внѣшнюю дѣятельность Отдѣленія, я обращаюсь къ напечатаннымъ и печатающимся трудамъ нашимъ, служащимъ выраженіемъ этой дѣятельности.

1) «Извѣстія» продолжаются подъ редакціею ординарнаго академика И. И. Срезневскаго.

2) «Ученыя Записки», издаваемыя подъ редакціею того же академика, заключаютъ въ себѣ слѣдующія неупомянутыя въ обозрѣніи моемъ статьи: а) Отчетъ Втораго Отдѣ-

ленія академіи за 1854 годъ, ординарнаго академика П. А. Плетнева; б) Царствованіе Екатерины I-й, ординарнаго академика К. И. Арсеньева; в) Грамматическія изслѣдованія ординарнаго академика А. Х. Востокова; г) Его же описанія рукописей; д) Сочиненіе Ѳеодосія Печерскаго въ подлинномъ текстѣ, приготовленное къ изданію ординарнымъ академикомъ преосвященнымъ Макаріемъ; е) Хожденіе Никитина за три моря — орд. ак. И. И. Срезневскаго; ж) Несторово жизнеописаніе Ѳеодосія Печерскаго, переведенное на современный русскій языкъ преосвященнымъ Филаретомъ; з) О Іоакимовской лѣтописи — проф. П. А. Лавровскаго.

3) Историческія чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ Втораго Отдѣленія академіи 1854 и 1855 годовъ.

4) Малорусскій Словарь.

5) Продолженіе санскрито-русскаго Словаря.

6) Продолженіе Матеріаловъ сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики.

7) Продолженіе памятниковъ и образцовъ народнаго языка.

8) Дополненіе къ областному Словарю великорусскаго языка.

9) Новое изданіе русской Грамматики Ломоносова.

По предложенію предсѣдательствующаго, Отдѣленіе опредѣлило 29 декабря истекшаго 1855 года ознаменовать столѣтіе русской Грамматики новымъ изданіемъ первой Грамматики Ломоносова. Для этого положено просить о принятіи участія въ изданіи замѣчаніями своими нѣкоторыхъ изъ отсутствующихъ членовъ и корреспондентовъ, равно и постороннихъ ученыхъ филологовъ.

По новоду таковыхъ сношеній, сообщили замѣчанія свои къ Грамматикѣ Ломоносова: профессоръ М. А. Максимовичъ и г. Стоюнинъ, а помощники библіотекарей акаде-

мической библіотеки: Перщецкій и Ламбинъ доставили составленные ими списки русскихъ Грамматикъ, изданныхъ на церковно-славянскомъ, русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и находящихся въ академической библіотекѣ.

Его высокопревосходительство баронъ М. А. Корфъ и въ этомъ случаѣ показалъ просвѣщенную любовь къ общему дѣлу, сообщивъ Отдѣленію сто двадцать три заглавія такихъ Грамматикъ русскаго языка, которыя имѣются въ Императорской публичной библіотекѣ и между тѣмъ пропущены были въ спискѣ Грамматикъ Отдѣленія.

9) Корректурные листы новаго изданія русскаго Словаря.

Таковы были занятія Втораго Отдѣленія въ истекающемъ 1855 году, при участіи посторонныхъ ученыхъ и литераторовъ, которымъ мы изъявляемъ живѣйшую нашу благодарность.

Начертаніе трудовъ нашихъ въ нынѣшнемъ году послужитъ намъ программою и въ наступающемъ 1856 году.

Богъ да благословитъ насъ въ трудахъ нашихъ!

Представивъ просвѣщенному вниманію Вашему, Мм. Гг., обозрѣніе занятій Втораго Отдѣленія академіи въ продолженіе истекающаго 1855 года, я не могу умолчать объ утратѣ, понесенной академіею въ лицѣ ея президента, учредителя нашего Отдѣленія при академіи, графа Сергія Семеновича Уварова, недавно похищеннаго смертью изъ среды наукъ и всего ученаго сословія. Въ качествѣ академика, я считаю себя обязаннымъ въ настоящемъ случаѣ принести ему послѣднюю дань признательности и уваженія почтительнымъ о немъ воспоминаніемъ. Совершенно увѣренъ, что и

всѣ члены, отдающіе справедливость всякому достоинству, такое воспоминаніе не найдутъ излишнимъ. Надъ могилою исчезаютъ мелочные разсчеты, утихаютъ страсти, самая зависть и клевета умолкаютъ — является одна правда.

Не ожидайте отъ меня подробностей объ этомъ по истинѣ достойномъ вельможѣ, для чего нужны многіе матеріалы, которыхъ въ настоящее время мы еще не имѣемъ. Въ торжественномъ собраніи академіи достопочтеннѣйшій сочленъ нашъ П. А. Плетневъ въ отчетѣ своемъ подробно изложитъ заслуги его академіи. Теперь я ограничусь бѣглымъ взглядомъ *на жизнь покойнаго, какъ мужа государственнаго, какъ писателя и какъ человѣка.* О немъ скажу то же, что̀ онъ самъ сказалъ нѣкогда о Гёте: «его разбирать можно, какъ разбираютъ древнихъ, требующихъ одной истины, спокойствіемъ и безмолвіемъ своимъ внушающихъ сознательное уваженіе, безъ ненависти и пристрастія».

Графъ Сергій Семеновичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, президентъ академіи наукъ съ 1818 года, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, происходилъ отъ старинной русской дворянской фамиліи Уваровыхъ и родился въ С.-Петербургѣ, 25-го августа 1786 года. — Лишившись въ дѣтствѣ отца, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, покойнымъ генералъ-маіоромъ, Ѳедоромъ Семеновичемъ, извѣстнымъ по страстной любви къ ботаникѣ, основательнымъ знаніемъ ея и оранжереямъ рѣдкихъ тропическихъ растеній, воспитывался подъ попечительнымъ надзоромъ умной и просвѣщенной матери. Въ самыхъ молодыхъ годахъ поступилъ онъ въ иностранную коллегію, скоро опредѣленъ къ русскому посольству въ Вѣнѣ, потомъ въ Парижѣ. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, служилъ онъ въ министерствѣ финансовъ директоромъ департамента мануфактуръ и внутренней торговли,

также государственнаго, заемнаго и коммерческаго банковъ. Въ 1824 году уже былъ онъ тайнымъ совѣтникомъ, а въ 1826 году сенаторомъ.

Но по обширному и глубокому образованію своему Сергій Семеновичъ чувствовалъ въ себѣ болѣе склонности къ ученому поприщу. Въ министерство графа А. К. Разумовскаго, онъ былъ призванъ въ попечители с.-петербургскаго учебнаго округа, потомъ въ президенты академіи наукъ; въ 1832 году назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и вскорѣ управляющимъ министерствомъ, а въ 1834 году утвержденъ министромъ. Этимъ исполнилось его призваніе.

Шестнадцать лѣтъ управленія его министерствомъ народнаго просвѣщенія представляютъ рядъ блистательныхъ заслугъ отечеству, высочайше награжденныхъ титломъ графскаго достоинства, чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и ордена бѣлаго орла, св. Александра Невскаго, св. Владиміра 1-й степени и св. Андрея Первозваннаго. При немъ ученое сословіе получило новыя права и преимущества, содержаніе профессоровъ и другихъ преподавателей возвышено, дарованы пенсіи имъ и ихъ семействамъ, въ аудиторіяхъ университетскихъ явилось бо́льшее число студентовъ изъ дворянъ. Покойный Государь Императоръ, наблюдая съ постояннымъ вниманіемъ за ходомъ народнаго образованія и усматривая стремленіе всѣхъ состояній къ просвѣщенію, на истинныхъ, здравыхъ началахъ основанному, изъявилъ высочайшую волю (ук. 25 іюня и 26 іюля 1835 г.) содѣйствовать порыву вѣрноподданныхъ усиленіемъ дѣятельности университетовъ на существенную пользу наукъ и воспитанія. Тамъ, гдѣ впервые пролился свѣтъ божественнаго ученія, разливается свѣтъ науки: предстательство объ учрежденіи университета св. Владиміра въ Кіевѣ принадле-

житъ къ благодѣтельнымъ дѣйствіямъ министерства Сергія Семеновича. Соединеніе польскаго юношества съ русскимъ, основательное изученіе первымъ русскаго языка и словесности, ознакомленіе съ постановленіями русскими — таково его назначеніе. Къ этому времени относится водвореніе русскаго просвѣщенія и въ Литовскихъ губерніяхъ. Столь же благотворно было распространеніе русскаго образованія въ Остзейскихъ губерніяхъ. — Мысль сдѣлать и евреевъ причастными благъ просвѣщенія тогда же осуществилась водвореніемъ между ними правильной системы обученія. Всѣ частныя учебныя заведенія приведены въ уровень съ казенными и распространено женское воспитаніе въ западныхъ губерніяхъ. Министерство просвѣщенія при Сергіи Семеновичѣ уже считало въ имперіи университетовъ, съ главнымъ педагогическимъ институтомъ и лицеями, 10; дворянскихъ институтовъ и гимназій съ благородными пансіонами 79; уѣздныхъ и приходскихъ училищъ 1461; частныхъ учебныхъ заведеній 597; пансіоновъ при лицеяхъ и гимназіяхъ съ конвиктами 77; всѣхъ учащихся 119,045. Въ Царствѣ Польскомъ гимназій и училищъ 1464, учащихся 85,002. Учреждено вновь учебныхъ заведеній 784. Число учащихся въ имперіи увеличилось 35-ю тысячами, а число учащихъ двумя тысячами. Ученыхъ экспедицій совершено 40; русскихъ книгъ напечатано болѣе 7 милліоновъ листовъ. — Россійская академія, для большаго усиленія ученой дѣятельности, присоединена къ академіи наукъ. Учреждена Пулковская обсерваторія, единственная въ Европѣ по богатству своихъ средствъ. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ возможности исчислить, сколько въ шестнадцатилѣтнее министерство произошло улучшеній, преобразованій, распространенія заведеній, возвышенія ихъ во внутреннемъ значеніи и объемѣ преподаванія.

А какою благодарностью этому министерству обязаны всѣ любители просвѣщенія за ученыя изслѣдованія по разнымъ предметамъ академиками и профессорами университетовъ, за путешествія по обширному нашему отечеству, за изданіе славяно-русскаго Словаря, актовъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ имперіи археографическою коммиссіею, актовъ юридическихъ, актовъ историческихъ, полнаго собранія русскихъ лѣтописей. Я нарушилъ бы скромность дѣйствователей на поприщѣ просвѣщенія и словесности этого времени, если бы сталъ исчислять всѣ наши ученыя знаменитости.

Въ такомъ блестящемъ состояніи оставилъ графъ Сергій Семеновичъ министерство просвѣщенія, котораго успѣхами не переставалъ утѣшаться до кончины. Дѣло просвѣщенія было его страстью. Онъ радовался, что ученые изъ природныхъ русскихъ, обогащенные современными знаніями, распространяютъ ихъ живительный свѣтъ на отечественномъ языкѣ; что мы не довѣряемъ извѣстіямъ о насъ иностранцевъ, но сами изслѣдуемъ свою природу, свое небо, возобновляемъ въ памяти нравы и обычаи предковъ нашихъ, законы, языкъ, искусство.—«Намъ, говаривалъ онъ, имѣющимъ дѣло съ идеями, элементомъ часто измѣнчивымъ, предстоитъ непрестанная съ ними борьба; противъ этой неуловимой стихіи одинъ оплотъ — народное образованіе, основанное на благоговѣніи къ православной вѣрѣ, преданности къ престолу и любви къ отечеству». Шестнадцатилѣтнее управленіе графа Сергія Семеновича министерствомъ показало, что всѣ учебныя заведенія этими священными чувствованіями глубоко проникнуты.

Приступаю къ ученой дѣятельности покойнаго президента нашего, къ дѣятельности его какъ писателя.

Любимыми предметами графа Сергія Семеновича была

филологія и древніе классическіе языки, греческій и латинскій, преимущественно первый. Всякая наука, по выраженію Бакона, есть могущество; но самое высшее могущество состоитъ въ мысли, и тѣ науки даютъ намъ наибольшую силу, которыя распространяютъ мысль и развиваютъ нравственныя чувствованія. Къ числу умственныхъ упражненій, усиливающихъ мысль и развивающихъ идею изящнаго и добраго, принадлежитъ древняя филологія. Новый міръ столь тѣсно связанъ съ древнимъ, что нельзя объяснить жизни новыхъ народовъ безъ жизни древнихъ, нынѣшнихъ успѣховъ наукъ, словесности и искусствъ безъ началъ, таящихся тоже въ древнемъ мірѣ. Объясняемъ ли мы оду, драму, исторію: мы обращаемся къ Пиндару и Горацію, Софоклу и Эврипиду, Геродоту и Тациту. Такимъ же образомъ, изучая математику, хотимъ узнать Архимеда и Эвклида. Но писателей той или другой науки можно изучать на всякомъ языкѣ, потому что наука общее достояніе человѣчества. Словесныя же творческія произведенія, какъ всякое произведеніе искусства, блекнутъ на чужой почвѣ, подъ чуждымъ небомъ; переводы Гнѣдича и Жуковскаго не могутъ замѣнить Иліады и Одиссеи, какъ и лучшія копіи съ Рафаэля и Доминикина не замѣняютъ самихъ великихъ художниковъ. Вотъ, что̀ заставляетъ филолога сродниться съ Гомеромъ и Виргиліемъ на ихъ языкахъ. Какъ любилъ графъ Сергій Семеновичъ древнюю филологію, видно изъ его собственнаго письма къ непремѣнному секретарю академіи (Уч. Зап. т. I, вып. 1, стр. 46). «Призванный къ отправленію обязанностей попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, пишетъ онъ между прочимъ, въ такомъ возрастѣ, когда другіе только что начинаютъ свое университетское воспитаніе, я скоро замѣтилъ, что въ моемъ образованіи оказывался недостатокъ основательнаго знанія древнихъ

языковъ. Я рѣшился восполнить этотъ пробѣлъ, произведенный въ моихъ познаніяхъ раннимъ вступленіемъ на поприще дѣловыхъ занятій. Въ это самое время начались мои тѣсныя сношенія съ академикомъ и профессоромъ Грефе, которыя продолжались около 15-ти лѣтъ съ замѣчательною настойчивостью. Почти всегда случалось такъ, что профессоръ, поутру отдававшій попечителю отчетъ въ своихъ университетскихъ трудахъ, вечеромъ занималъ при немъ профессорское мѣсто». И Грефе, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого, сожалѣлъ, что графъ Сергій Семеновичъ былъ министромъ: онъ думалъ, что графъ, не бывши министромъ, былъ бы непремѣнно эллинистомъ. Дѣйствительно, Сергій Семеновичъ зналъ древніе языки, греческій и латинскій, основательно. Однажды, въ бытность его въ Москвѣ, еще въ званіи министра, пріѣзжаетъ онъ въ университетъ въ тотъ часъ, въ который была моя лекція. Въ слѣдующій за тѣмъ часъ ему угодно было перейти въ аудиторію профессора греческой литературы Гофмана. Какъ деканъ, я долженъ былъ его сопровождать. Въ тотъ разъ профессоръ читалъ одну изъ трагедій Софокла. Въ срединѣ лекціи, графъ попросилъ профессора остановиться, и, вмѣсто его, продолжалъ самъ объяснять греческіе стихи и спрашивать студентовъ на латинскомъ языкѣ. Послѣ лекціи, когда уѣхалъ изъ университета министръ, профессоръ Гофманъ, обучавшійся въ берлинскомъ университетѣ, говорилъ съ удивленіемъ, что этого не дѣлалъ и Эйхгорнъ, когда былъ министромъ просвѣщенія.

Къ первымъ произведеніямъ графа принадлежитъ «Проектъ азіатской академіи» (1810 г.), подавшій поводъ къ изученію у насъ восточныхъ языковъ. Тогда при здѣшней академіи наукъ къ предметамъ нынѣшняго 3-го Отдѣленія присоединена восточная литература, а вскорѣ учрежденъ

институтъ восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. За этимъ сочиненіемъ слѣдовало разсужденіе «Объ Элевзинскихъ таинствахъ» (1822 г.), на французскомъ языкѣ, перепечатанное въ Парижѣ барономъ Сильвестромъ де Саси. Французскій институтъ, отдавая должную справедливость ученымъ трудамъ сочинителя, избралъ его въ свои сочлены. — На русскомъ языкѣ переведено это разсужденіе профессоромъ Розбергомъ и напечатано въ «Современникѣ» 1847 г. За тѣмъ изданъ на нѣмецкомъ языкѣ «Nonnos von Panopolis, der Dichter» (1817 г.). Этотъ трактатъ посвященъ Гёте, и составлялъ введеніе къ изданію огромной поэмы Нонна, предпринятому академикомъ Грэфе и неоконченному, къ сожалѣнію ученыхъ; потому что послѣ Нонна, какъ выразился графъ въ упомянутомъ письмѣ, глубокая тьма облегаетъ греческую литературу, и она умираетъ какъ тотъ азіатскій тиранъ, который погибъ въ концѣ великолѣпнаго пиршества, среди самаго блистательнаго торжества своихъ сокровищъ. Въ посвященіи авторъ говоритъ, что чудные плоды Гётева генія, которые вкушалъ онъ въ Германіи, въ пылу юности, питали его и въ лѣтахъ зрѣлыхъ, были отрадою и наслажденіемъ, что онъ представляетъ сочиненіе свое великому художнику и знатоку нѣмецкаго языка, надѣясь получить нѣкогда изъ его рукъ право гражданства въ нѣмецкой словесности.

Съ 1821 года по 1824 вышли слѣдующія его сочиненія: «Ueber das vor-Homerische Zeitalter»; «Examen critique de la fable d'Hercule»; «Mémoires sur les tragiques Grecs». Всѣ эти разсужденія, современныя по содержанію и воззрѣнію на предметъ, запечатлѣны очаровательно-краснорѣчивымъ изложеніемъ. Въ 1833 году, въ торжественномъ собраніи академіи наукъ, читано графомъ «Notice sur Göthe». Это сочиненіе, при всей краткости, заключаетъ въ

себѣ невыразимое богатство мыслей и неподражаемую живость въ слогѣ. Переводя его для Ученыхъ Записокъ московскаго университета (1833 г. ч. 1, стр. 74), я испыталъ всю трудность сохранить изящество слога автора одушевленнаго, вполнѣ поэтическаго.

На русскомъ языкѣ напечатано нѣсколько небольшихъ сочиненій, каковы напр.: «О греческой антологіи», «О преподаваніи исторіи», «Объ императорѣ Александрѣ и Бонапартѣ», также исполненныхъ знаній, мыслей свѣжихъ и прекрасныхъ по изложенію. Въ 1844 году, послѣ совершившагося двадцатипятилѣтія званію президента академіи, издано собраніе сочиненій его подъ заглавіемъ: «Études philologiques et critiques».

Такимъ образомъ графъ Сергій Семеновичъ, какъ писатель, принадлежитъ къ тремъ литературамъ: отечественной, нѣмецкой и французской. Во всѣхъ произведеніяхъ его видны обширныя знанія, современный взглядъ на науки, увлекательное краснорѣчіе. Излишнимъ считаю болѣе распространяться объ этомъ: Вы сами знаете всѣ ученыя его разсужденія, изъ которыхъ одни представляютъ оконченные трактаты, другія могутъ служить неистощимыми темами для новыхъ изслѣдованій.

Заключаю воспоминаніе о графѣ Сергіи Семеновичѣ воспоминаніемъ какъ о человѣкѣ. Еще въ свѣжей памяти каждаго изъ насъ сохраняется наружный видъ Сергія Семеновича: средній ростъ его, лице правильное и прекрасное, глаза полные огня и выразительные, голосъ рѣзкій и повелительный, рѣчь текучая. Не смотря на кротость его и благодушіе, въ обществѣ онъ казался неприступнымъ отъ того, что съ первой молодости привыкъ начальствовать. Но у себя дома онъ былъ ласковъ и привѣтливъ. Въ продолженіе управленія его министерствомъ не слышно было жалобъ

на него; всѣ служащіе, которыхъ засталъ онъ, были награждены и возвышены; никто изъ просителей не выходилъ изъ кабинета его безъ утѣшенія и успокоенія. При всемъ богатствѣ и роскошныхъ украшеніяхъ, какія окружали его, онъ велъ жизнь простую, въ пищѣ и питьѣ соблюдалъ умѣренность, трудился непрерывно; лишь только перемѣна занятій служила ему отдохновеніемъ. Характеръ, казавшійся слишкомъ мягкимъ въ отношеніяхъ общественныхъ, въ сущности былъ твердый и постоянный: близкихъ себѣ любилъ и всякую заслугу помнилъ неизмѣнно. Чтобъ открыть въ этомъ государственномъ мужѣ и писателѣ человѣка, надобно посмотрѣть на него въ его любимомъ Порѣчьѣ, великолѣпномъ селѣ, во 135 верстахъ отъ Москвы, при впаденіи Иночи въ Москву-рѣку. Изящной архитектуры церковь, величественный домъ съ флигелями и принадлежностями, садъ съ оранжереями, обширный паркъ, вокругъ луга, поля, рощи, деревни поражаютъ пріѣзжающаго въ имѣніе русскаго вельможи.

Войдя въ домъ, убранный богато и съ изящнымъ вкусомъ, и осмотрѣвъ его внутри: картины, мраморы, библіотеку, вы узнаете хозяина — вельможу просвѣщеннаго. Сюда графъ съ семействомъ своимъ пріѣзжалъ лѣтомъ для отдохновенія отъ трудовъ служебныхъ. — У гостепріимнаго хозяина обыкновенно гостили академики и профессоры: онъ не оставлялъ ученыхъ занятій и во время своего отдохновенія. «Пріятно, говаривалъ онъ, въ уединеніи сосредоточиться въ себѣ самомъ, передумать завѣтныя думы, привесть въ порядокъ мысли, часто мелькающія въ умѣ нашемъ на поприщѣ свѣтской жизни и скоро проходящія, уступая другимъ мыслямъ, рождающимся отъ другихъ чувствованій и впечатлѣній. Въ сосредоточеніи духа пробуждаются сладостные порывы ко всему истинному, доброму и прекрас-

ному; душа, погруженная въ природу, очищается, наслаждается самодовольствомъ; тутъ къ намъ свыше нисходятъ свѣтлыя мысли». Въ этомъ-то сельскомъ уединеніи, въ библіотекѣ или музеѣ, а чаще въ кабинетѣ хозяина, происходили аттическія бесѣды, въ память бесѣдъ древней академіи Платона.

Скажу нѣсколько словъ о библіотекѣ графа. Въ ней можно найти все важнѣйшее по всѣмъ отраслямъ знаній человѣческихъ; а по части исторіи, словесности греческой, римской, англійской, нѣмецкой, французской и итальянской — полное собраніе всѣхъ ученыхъ пособій въ современномъ ихъ состояніи, отъ Геродота и Ливія до Нибура и Гизо, отъ Страбона и Ганнонова перипла до Риттера, Данвиля и Гумбольдта. Передъ нами всѣ труды знаменитостей XVII и XVIII вѣковъ по древней классической литературѣ: Стефани, Станлея, Гревія, Гейнзія, Казавбона, Вольфа, Гроновія, Пирсона, Гемстергузія, Брунка, Дракkенборха, Удендорпа, Рункена. Гомера видите вы съ перваго Флорентійскаго изданія Иліады и Одиссеи во всѣхъ послѣдовавшихъ, начиная съ XV вѣка, со схоліями Дидима и Евстаѳія, до изданій Кларка и Эрнеста, съ пролегоменами Вольфа, Германна, разсужденіями Крейцера и самого хозяина. Въ такой же системѣ собраны изданія Пиндара и другихъ поэтовъ и прозаиковъ; Венеціанское Альдово, первыхъ годовъ XVI вѣка, Гейне, Бекка, Тирша. Виргилія вы читаете въ амстердамскомъ изданіи Эльзевира, второй половины XVII вѣка, и въ изданіи тоже амстердамскомъ, Бурманна, съ комментаріемъ Сервія, и наконецъ въ изданіи Гейне. Энциклопедіи и труды различныхъ академій и ученыхъ обществъ, отдѣльно взятые, составили бы огромную библіотеку. Въ кабинетѣ, въ который вы переходите изъ библіотеки, нельзя вдоволь налюбоваться художественными произведеніями Фи-

нелли въ изображеніяхъ Минервы и Цереры, и Кановы въ прелестныхъ женскихъ группахъ. По сторонамъ произведеній Финелли и Кановы четыре времени года и бюсты: Рафаэля и Михель-Анжело, Данте, Макіавелли, Аріоста и Тасса. Лучшее украшеніе этого кабинета — саркофагъ овальной формы, изъ Альтемпскаго дворца, памятникъ высокаго греческаго ваянія, изъ паросскаго мрамора, опоясанный горельефомъ, изображающимъ всю жизнь Вакха и Аріадны. За стекломъ подъ картономъ вставленъ листокъ съ тополя, который осѣняетъ въ Неаполѣ могилу Виргилія, и другой съ Тассова дерева, привезенные въ портфелѣ графомъ, какъ поэтическое воспоминаніе о безсмертныхъ поэтахъ и о художественной Италіи. Не видѣнъ ли въ этихъ сокровищахъ науки и искусства хозяинъ, вѣрный жрецъ ихъ въ продолженіе всей жизни? Иногда бесѣдовали гости за чаемъ въ саду, окруженные камеліями, эвкалиптами, заміями, казуаринами, банксіями, миртами, эпакридами, лептоспермами, хлѣбнымъ, фиговымъ и другими тропическими деревами. Здѣсь хозяинъ, не какъ сановникъ, а какъ первый изъ товарищей, позволялъ говорить съ собою откровенно и чистосердечно. Одушевленные имъ гости, случалось, и противорѣчили ему; но всѣ увѣрены были, что графъ выслушивалъ каждаго съ свойственнымъ ему великодушіемъ, добротою, предупредительностью. Онъ снисходительно уравнивалъ пожилыхъ съ юношами, давалъ полную волю дружескому разговору, самъ всѣхъ одушевлялъ, всегда среди гостей бывалъ веселъ. — При обширныхъ его знаніяхъ, изящная, текучая рѣчь заставляла всѣхъ внимательно его слушать. Такъ время проходило въ живомъ сообщеніи мыслей о наукахъ, словесности, искусствахъ. Современныя явленія ума, воспоминанія ученыя и литературныя впечатлѣнія Италіи, неизгладимыя въ памяти хозяина, сношенія его съ

учеными знаменитостями Германіи и Франціи, предлагали неистощимое содержаніе для бесѣдъ, далекихъ отъ житейскихъ мелочей и личностей. Вельможа-хозяинъ у себя дома постоянно являлся самымъ благодушнымъ русскимъ хлѣбосоломъ, кроткимъ, снисходительнымъ. Вотъ изображеніе покойнаго какъ человѣка, начертанное еще лѣтъ за сорокъ, пѣвцомъ умирающаго Тасса, при поднесеніи графу «Опытовъ въ стихахъ и прозѣ». Въ этомъ экземплярѣ, хранящемся въ библіотекѣ Порѣчья, собственноручно написалъ Батюшковъ:

«Среди трудовъ и важныхъ музъ,
Среди учености всемірной,
Онъ не утратилъ нѣжный вкусъ;
Еще онъ любитъ голосъ лирный;
Еще въ душѣ его огонь,
И сердце наслажденій проситъ,
И борзый Аполлоновъ конь,
Отъ музъ его въ Цитеру носитъ.
Отъ пепла древняго Аѳинъ,
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима,
Съ развалинъ Трои и Салима,
Умомъ вселенной гражданинъ,
Онъ любитъ отдыхать съ Эратой,
Разнообразной и живой,
И часто водитъ насъ съ собой,
Въ страны фантазіи крылатой.
Ему легко : онъ награжденъ,
Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Аттикѣ рожденъ.»

И въ преклонныхъ лѣтахъ Сергій Семеновичъ сохранялъ пламенную любовь къ наукамъ и искусствамъ; а можетъ ли тотъ не имѣть добраго сердца, кто всю жизнь посвящаетъ истинѣ, благу и изяществу?

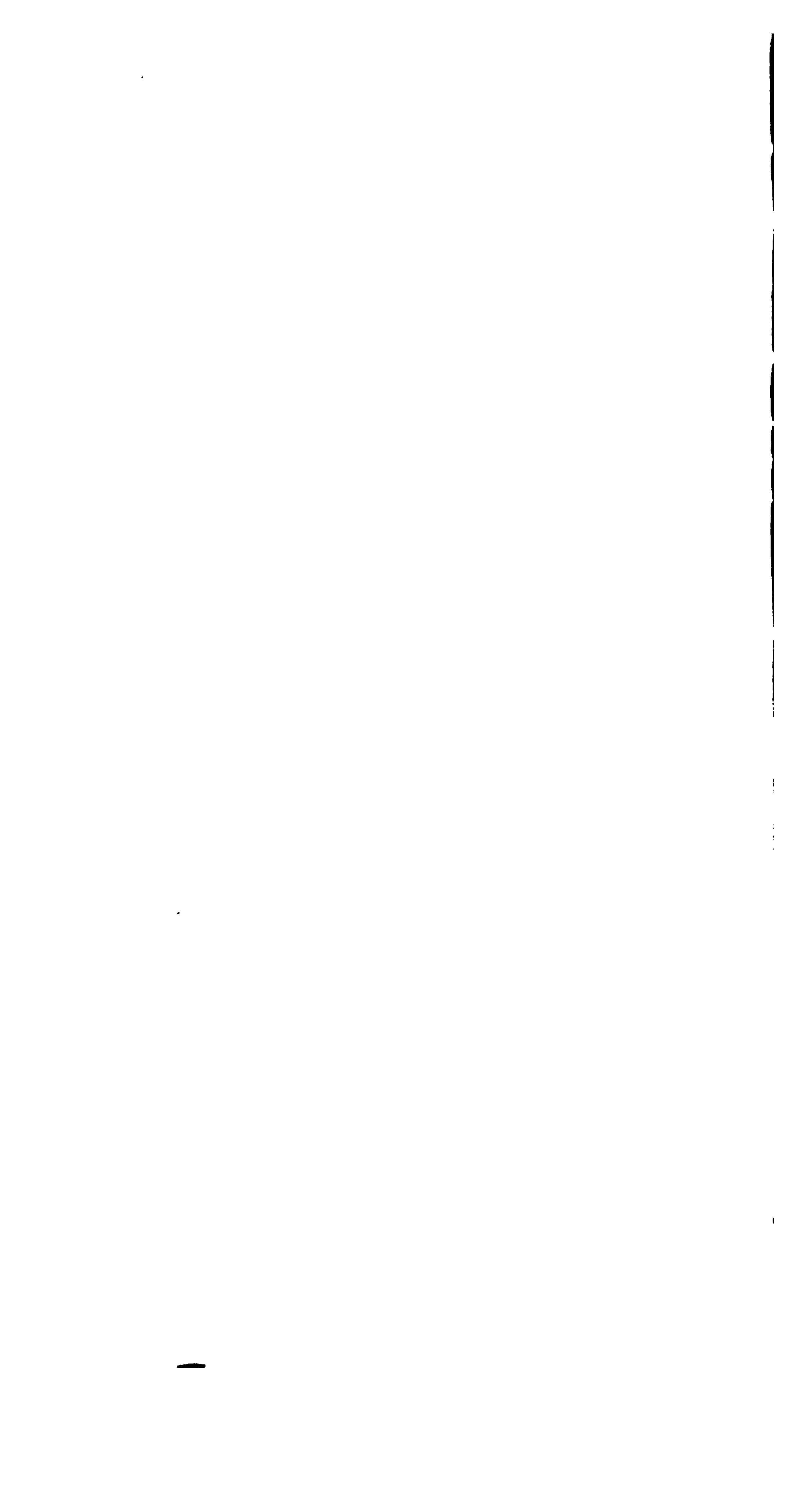
Графъ Сергій Семеновичъ, послѣ продолжительнаго недуга, скончался въ Москвѣ, истекшаго сентября 4 числа. Отпѣваніе тѣла въ университетской церкви совершено высокопреосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ, въ присутствіи знатнѣйшихъ особъ столицы. Отданіемъ послѣдняго долга почтили покойнаго Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Елена Павловна и Принцъ Ольденбургскій. Студенты несли гробъ его до заставы, въ сопровожденіи своихъ профессоровъ. Погребенъ онъ въ родовомъ имѣніи Уваровыхъ, въ селѣ Холмъ, Смоленской губерніи.

Но и этотъ доблестный мужъ имѣлъ противниковъ. Онъ представляетъ новое свидѣтельство, что люди не легко прощаютъ тѣмъ, которые выше ихъ талантами, знаніями, нравственными качествами; всякое превосходство обременяетъ посредственность большинства. Нерѣдко и умѣнье благотворить бываетъ умѣньемъ нenравиться. Теперь яснѣе мы видимъ заслуги, оказанныя Сергіемъ Семеновичемъ отечеству и наукамъ, когда его предъ нами нестало.

Титла этого сановника и богатства перешли къ его наслѣдникамъ; но мысли, чувства, душа его, выразившаяся въ дѣлахъ и произведеніяхъ слова — это наслѣдство наше и каждаго, любящаго науку, искусство, литературу. Будемъ же благодарны ему за это лучшее наслѣдство: въ немъ и умъ опочившаго навѣки, и знанія, и чувства живы, какъ безсмертныя.

Миръ праху твоему, незабвенный!

1856.

ОТЧЕТЪ ЗА 1856 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРН. АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

Читанъ имъ въ торжественномъ собраніи академіи
29 декабря 1856 года.

Милостивые Государи!

Дѣятельность Втораго Отдѣленія Императорской академіи наукъ въ истекающемъ году продолжалась въ томъ же направленіи, какъ и въ годахъ предшествовавшихъ. Направленіе это было преимущественно филологическое. Отдѣленіе старалось, сколько отъ него зависѣло, приводить въ извѣстность памятники какъ нашего старо-славянскаго, такъ и русскаго языковъ, старалось уяснять и обсуживало свойства, богатство и духъ послѣдняго со всѣми его мѣстными и другими видоизмѣненіями, чтобы такимъ образомъ собрать большее число матерьяловъ и приготовить способы къ полному историческому и теоретическому его уразумѣнію. Трудъ этотъ огроменъ и конечно не можетъ быть совершенъ иначе, какъ долголѣтними усиліями многихъ лицъ. Но кто же изъ васъ, мм. гг., усомнится въ важности и необходимости его? Можно ли, при нынѣшнемъ состояніи филологической науки, построить прочное зданіе язковѣдѣнія безъ этого внимательнаго и упорнаго анализа всѣхъ данныхъ, какія

выработались національнымъ духомъ и улеглись въ составѣ языка вслѣдствіе безпрерывно-движущейся живой мысли народа, ничего не созидающаго безъ естественныхъ и сильныхъ побудительныхъ причинъ? Время произвольныхъ шаткихъ ученій о языкѣ прошло, и должно надѣяться, для блага истинной науки, прошло невозвратно. Это было время то отвлеченныхъ умозрѣній, не основанныхъ на разнообразныхъ фактахъ языка и на сравненіи ихъ съ фактами другихъ, какъ родственныхъ, такъ и чуждыхъ языковъ, то систематическаго установленія правилъ, которыя извлекались изъ образцевъ одного литературнаго выраженія мыслей, далеко неисчерпывающаго всей глубины, силы и средствъ языка всенароднаго, языка всѣхъ эпохъ народной жизни, всѣхъ степеней образованности, нуждъ, состояній и мѣстностей страны. Второе Отдѣленіе постоянно стремилось къ своей филологической цѣли. Оно не устрашалось кажущейся незначительности или сухости предметовъ, поступавшихъ въ кругъ его изслѣдованій; оно понимало, что назначеніе его не въ томъ состоитъ, чтобы наслаждаться плодами истины, а въ томъ, чтобы воздѣлать для нихъ почву, безъ чего плоды невозможны. Въ области науки, какъ и въ жизни, существуютъ многія и различныя назначенія; иныя изъ нихъ блистательнѣе и счастливѣе, но всѣ достойны уваженія, коль скоро представляютъ возможность служить дѣлу истины и добра. Отдѣленіе, смѣемъ сказать, мужественно проникало въ пустыни, неоживленныя цвѣтами изящныхъ произведеній слова, ступало по пескамъ и обломкамъ коекакихъ уцѣлѣвшихъ словъ, полуисчезнувшихъ ветхихъ формъ, чтобы дойти до смысла, нѣкогда ихъ оживотворявшаго, до значенія, нерѣдко проливающаго свѣтъ на самый бытъ и исторію народа, до закона, который управлялъ отжившимъ явленіемъ и все еще состоитъ въ таинственной,

непрерывной связи съ современнымъ движенiемъ языка, а потому необходимъ въ его изученiи.

Второе Отдѣленiе однако очень хорошо понимаетъ, что эти историко-филологическiя операцiи составляютъ только половину его назначенiя и что ему предстоитъ другой, неменѣе важный подвигъ — *ученое* содѣйствiе движенiю и успѣхамъ литературы изящной и литературнаго языка. Мы говоримъ *ученое*, мм. гг., и готовы дать объясненiе этому слову, несовсѣмъ, по видимому, согласующемуся съ общепринятымъ понятiемъ о литературѣ. Нѣтъ сомнѣнiя, что задача и способы ея рѣшенiя въ литературѣ иныя, нежели въ наукѣ. Тамъ и здѣсь дѣйствуетъ единый, всецѣлый и нераздѣльный духъ человѣческiй; но въ наукѣ онъ является могуществомъ разумѣнiя, въ литературѣ могуществомъ творчества. Въ одной настойчивымъ, всеразлагающимъ, неумолимымъ анализомъ онъ преслѣдуетъ явленiя, допытываясь отъ нихъ закона, дающаго имъ бытiе и смыслъ; въ другой тотъ же духъ человѣческiй, запечатлѣвая дознанные имъ предметы синтетическимъ своимъ воззрѣнiемъ, вводитъ ихъ въ кругъ новыхъ соотношенiй — соотношенiй ихъ со всеобщею жизнiю и съ потребностями человѣческаго сердца, преобразуетъ ихъ согласно съ этимъ двойственнымъ началомъ. Литература, какъ сила преимущественно синтетическаго происхожденiя, предается свободно, иногда своенравно, своимъ стремленiямъ и начинаетъ свое развитiе ранѣе, нежели наука. Но когда познающая, анализирующая способность духа, начинаетъ свои неизбѣжныя дѣйствiя и наука вступаетъ въ свои права, тогда литература невольно подклоняется подъ ея охранительное благотворное иго. Какъ выраженiе закона и законности во всемъ существующемъ въ природѣ и творимомъ въ человѣчествѣ, она предлагаетъ литературѣ свои опыты и наблюденiя и надъ тѣмъ, что̀ сiя

послѣдняя предпринимаетъ изображать, и надъ самыми способами изображенія. Отъ этого столь естественнаго и прекраснаго союза съ наукою, литература становится плодотворнѣе, возвышеннѣе въ своихъ видахъ, тверже и благонадежнѣе въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ, — словомъ, она почерпаетъ въ наукѣ новыя силы, и уже за-одно съ нею, бодрствуетъ надъ преуспѣяніемъ человѣка во всемъ, что̀ украшаетъ его жизнь и возвышаетъ его достоинство. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы понимаемъ содѣйствіе литературѣ и литературному языку со стороны тѣхъ, кои посвящаютъ себя имъ съ учеными цѣлями, и въ этомъ, конечно, мм. гг., заключается одна изъ обязанностей нашего Отдѣленія. Спеціальныя изслѣдованія о разныхъ вопросахъ, касающихся основныхъ началъ и исторіи отечественной изящной литературы, о разныхъ видоизмѣненіяхъ и требованіяхъ литературнаго языка должны обратить на себя его вниманіе. Это значитъ къ труду обширному и многосложному, нынѣ занимающему Отдѣленіе, присоединить трудъ новый и столь же многосложный. Отдѣленіе конечно и не помышляетъ уклониться отъ него, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ сознаетъ его важность для нашей еще юной и неокрѣпшей литературы. Всякое серьёзное, на началахъ основанное сужденіе, всякое изысканіе, ведущее къ уразумѣнію и проясненію истинныхъ для ней основаній, къ очищенію вкуса не можетъ не быть желаемо и необходимо. Но вы знаете, мм. гг., что метода и послѣдовательность въ трудѣ, заключающемъ въ себѣ столь многія требованія, суть одни изъ главныхъ ручательствъ за благія его послѣдствія. Въ дѣлѣ науки бываютъ работы предварительныя и не отложныя, не исполнивъ которыхъ нельзя съ полною вѣрою въ успѣхъ предпринять другихъ, какъ бы онѣ ни казались существенными. Такими предварительными, и въ особенности,

неотложными работами мы считаемъ именно работы филологическія. Чтò можно сказать объ изящныхъ литературныхъ явленіяхъ глубокаго и вѣрнаго, достойнаго науки и эпохи ея, когда самый языкъ со всѣми изумительными его богатствами представляется ей еще въ какомъ-то тускломъ отдаленіи, какъ громадное и великолѣпное зданіе, врата въ которое отперты немногимъ даже изъ дѣятелей литературныхъ, когда далеко не всѣ его сокровища, накопленныя вѣками, и не всѣ законы ихъ употребленія приведены въ извѣстность, когда почіющія въ нихъ народныя воззрѣнія на вещи и первоначальныя стихіи народнаго чувства, народнаго вкуса не извлечены изъ него, чтобы быть надежными стражами и хранителями нашей литературной самобытности? Не соединены ли, мм. гг., тѣснѣйшими узами самые драгоцѣнные интересы нашей народности съ историческими судьбами и движеніемъ нашего языка, и можно ли въ настоящее время разсуждать о литературѣ, не нося въ сердцѣ своемъ живыхъ вѣрованій, священныхъ преданій народности, и слѣдовательно, не стремясь сдѣлать себѣ доступнымъ вездѣ и все, чтò можетъ прибавить къ нимъ хоть каплю силы и ясныхъ удостовѣреній? Стараясь въ основныхъ понятіяхъ науки о языкѣ не быть ниже требованій вѣка и не откладывая возможнаго для себя примѣненія ея указаній, потому-что вѣкъ не ждетъ и наука не терпитъ на своихъ страницахъ пробѣловъ, Второе Отдѣленіе, и въ настоящій періодъ своей дѣятельности, не отдѣляетъ себя отъ вопросовъ чисто-литературныхъ, отъ началъ и видовъ вкуса, отъ всего, чѣмъ проявляется эстетическое творчество, — напротивъ, оно постоянно простирало къ нимъ заботливый взоръ, какъ къ высшимъ цѣлямъ, для которыхъ трудится языковѣдѣніе. Отдѣленіе идетъ къ нимъ на встрѣчу, неся въ дань совмѣщающему ихъ въ себѣ литературному образованію

отечества, можетъ-быть, недостаточные по массѣ, но смѣемъ думать, нелишенные пользы по направленію и сущности плоды своихъ усилій, которыхъ литературное образованіе не отвергнетъ, потому-что дѣло языка, въ какомъ бы то ни было отношеніи, оно не можетъ не считать своимъ дѣломъ.

Позвольте же, мм. гг., кратко представить снисходительному и просвѣщенному вниманію Вашему результаты этихъ усилій за истекшій годъ. Считаемъ нужнымъ предварительно напомнить Вамъ о составѣ Отдѣленія. Лицъ, призванныхъ къ академической дѣятельности, находится въ этомъ Отдѣленіи 16 съ званіемъ ординарныхъ академиковъ, 2 экстраординарныхъ и 2 адъюнкта. Къ нимъ принадлежитъ, сверхъ-того, 12 корреспондентовъ внутри имперіи и внѣ ея 5. Вновь избрано въ сіи послѣдніе изъ отечественныхъ ученыхъ и литераторовъ 7, изъ иностранныхъ 2. Настоящая дѣйствующая сила Отдѣленія заключается въ наличныхъ въ Санктпетербургѣ находящихся членахъ; несшіе на себѣ всѣ труды его, принимавшіе постоянное участіе въ академическихъ засѣданіяхъ члены сіи суть: предсѣдательствующій въ Отдѣленіи И. И. Давыдовъ, преосвященный епископъ винницкій Макарій, К. И. Арсеньевъ, П. Е. Бутковъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ (до отъѣзда своего въ маѣ мѣсяцѣ за границу), И. И. Срезневскій, А. В. Никитенко, М. А. Коркуновъ, Я. К. Гротъ и П. П. Добровскій.

Отдѣленіе, приводя себѣ на память все имѣвшее благопріятное вліяніе на судьбу его, не можетъ не остановиться здѣсь съ чувствомъ глубокой признательности къ своему высокому президенту, его сіятельству графу Д. Н. Блудову. Онъ постоянно напутствовалъ и одушевлялъ насъ на нашемъ поприщѣ своимъ сочувствіемъ, своею жаркою любовію къ отечественной словесности, которыя разцвѣли въ

немъ вмѣстѣ съ лучшею эпохою нашей литературной славы и которыя умѣлъ сохранить онъ во всей ихъ свѣжести среди важныхъ государственныхъ заботъ. Отдѣленіе считаетъ при семъ долгомъ своимъ выразить также живѣйшую благодарность за теплое, просвѣщенное содѣйствіе въ трудахъ его высокопреосвященному митрополиту новгородскому и санктпетербургскому Григорію, преосвященному епископу харьковскому Филарету и его высокопревосходительству барону Модесту Андреевичу Корфу.

Мы понесли также и прискорбную утрату кончиною одного изъ нашихъ достойныхъ почетныхъ членовъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Ѳедоровича Соловьева, бывшаго много лѣтъ профессоромъ химіи въ здѣшнемъ университетѣ и оставившаго по себѣ память отличнаго педагога и благороднѣйшаго человѣка.

Вамъ извѣстно, мм. гг., что удовлетворительные словари составляютъ одно изъ важныхъ свидѣтельствъ и вмѣстѣ условій правильнаго хода всѣхъ филологическихъ начинаній. Настоятельная потребность отечественнаго языковѣдѣнія, безъ сомнѣнія, заключается въ общемъ словарѣ — этомъ великомъ хранилищѣ матеріальныхъ богатствъ языка. Но не менѣе необходимы, хотя не столь важны по значенію своему и объему, и словари спеціальные. Отдѣленіе, приготовляя постепенно матеріалы и средства къ составленію общаго словаря, который, по громадности своей, требуетъ немало времени и соотвѣтственныхъ себѣ усилій и способовъ, прилагало попеченіе и о второстепенныхъ пособіяхъ этого рода. Любителямъ отечественной филологіи извѣстенъ изданный уже Отдѣленіемъ «Словарь областныхъ словъ великорусскаго языка». Само собою разумѣется, что это изданіе составляетъ только какъ бы вступленіе въ полный обширный словарь областныхъ словъ, которое должно рас-

ширяться и возрастать по мѣрѣ вновь-добываемыхъ матеріаловъ. Этихъ дополненій, разсмотрѣнныхъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія, отпечатано нынѣ, подъ редакціей ординарнаго академика А. Х. Востокова, 14 листовъ до буквы Н. До сихъ поръ слова областныя, эти многоразличные и сочные отпрыски общаго народнаго языка, были недоступны наукѣ и литературѣ, — а безъ нихъ можно ли вполнѣ обнять всю многосторонность, гибкость и своеобразіе отечественнаго языка? И сколько поучительнаго для филолога заключается въ построеніи и складѣ сихъ словъ, въ отношеніяхъ ихъ къ мѣсту ихъ родины и самыхъ уклоненіяхъ отъ языка общенароднаго! Здѣсь видимъ мы, какъ смыслъ народный, охватываемый отвсюду въ предѣлахъ извѣстнаго пространства, то вліяніями природы, то судьбами и событіями окружающей его среды общественной, отодвигается, такъ сказать, въ сторону отъ широкаго движенія общей мысли народа, и не переставая однако быть тѣмъ же русскимъ смысломъ, силится проявить въ звукахъ, иногда совершенно новыхъ и неожиданныхъ, свои насущныя понятія, свои воззрѣнія на вещи, свой оригинальный юморъ и даже поэтическую игру своей фантазіи. Отдѣленію принадлежитъ та заслуга, что оно первое устремилось на эти раскидывающіеся далеко проселочные пути русскаго слова, которые, хотя разными направленіями, но всѣ ведутъ къ одной прекрасной цѣли — къ уразумѣнію нашей великой народности въ одномъ изъ ощутительнѣйшихъ ея проявленій — въ языкѣ. Желая сколь возможно полнѣе совершить это филологическое предпріятіе, Отдѣленіе обратило вниманіе и на цѣлыя нарѣчія, образовавшіяся въ средѣ русскаго народа вліяніемъ разныхъ историческихъ событій: оно пріобрѣло въ истекающемъ году нѣсколько значительныхъ матеріяловъ для Словарей малорусскаго и бѣлорусскаго, которые, по тщательной ихъ по-

вѣркѣ и разсмотрѣніи, будутъ изданы. Начато также печатаніе Словаря болгарскаго, составленнаго г. Геровымъ. Но важнѣйшій лексикологическій подвигъ, долженствующій занять почетнѣйшее мѣсто въ лѣтописяхъ Втораго Отдѣленія, есть «Словарь церковно-славянскаго языка», составленный знаменитымъ нашимъ филологомъ, ординарнымъ академикомъ А. Х. Востоковымъ. Словаря сего отпечатано уже 10 листовъ. Излишне было бы распространяться о достоинствѣ подобнаго труда: его названіе и имя его виновника достаточно ручаются за то, какое драгоцѣнное пріобрѣтеніе найдутъ въ немъ всѣ занимающіеся отечественною филологіей. Скажемъ только, что это плодъ глубокихъ тридцатилѣтнихъ изысканій и изученія, обнимающихъ всевозможные письменные и печатные памятники древнѣйшаго церковно-славянскаго языка. Одно количество источниковъ, изъ коихъ неутомимый лексикографъ черпалъ матеріалы, приводитъ въ изумленіе: къ нимъ относятся рѣшительно всѣ печатныя книги и 130 рукописей. Академикъ И. И. Срезневскій внесъ въ Отдѣленіе приготовленный имъ къ печати разборъ; гдѣ съ обычнымъ ему знаніемъ дѣла представляетъ полную и подробную оцѣнку этого монументальнаго ученаго созданія.

Начатаго г. Коссовичемъ санскрито-русскаго Словаря въ нынѣшнемъ году отпечатано 13 листовъ.

Возможное усовершенствованіе грамматическаго изученія отечественнаго языка служитъ предметомъ постояннаго вниманія и заботъ Втораго Отдѣленія. Вамъ извѣстно, мм. гг., что глубокія и всестороннія ученыя изслѣдованія о происхожденіи, составѣ и сродствѣ языковъ, сдѣланныя въ послѣднее время преимущественно въ Германіи, привели къ весьма важнымъ результатамъ въ ихъ изученіи. Оказалось,

что для полнаго уразумѣнія языка недостаточно познаній настоящаго его состава и законовъ установившагося употребленія, но что для этого надобно знать весь ходъ его постепеннаго развитія и образованія и объяснять законы эти законами народной исторической жизни и мысли, потому что въ языкѣ все отъ нихъ исходитъ и все къ нимъ обращается, — а чтобы поставить себя на точку зрѣнія, на которой бы можно утвердиться окончательно въ синтетическомъ воззрѣніи на языкъ, надобно понять его мѣсто въ группѣ не только сопредѣльныхъ ему, но и отдаленныхъ другихъ языковъ и опредѣлить какъ историческія ихъ соотношенія, такъ и тѣ вѣчныя начала, какія дѣйствуютъ во всѣхъ языкахъ, исходя изъ общихъ законовъ человѣческаго ума. Такимъ образомъ естественно въ изученіи языка пришли къ методѣ историко-сравнительной, — къ методѣ, обѣщающей самыя благія послѣдствія не только для языковѣдѣнія, но и вообще для исторіи человѣчества. Наше отечество не могло быть чуждымъ всеобщаго движенія въ кругу столь важныхъ предметовъ науки, — и Второе Отдѣленіе съ живѣйшимъ участіемъ приняло вызовъ одного изъ достопочтенныхъ своихъ сочленовъ заняться опытомъ примѣненія началъ сравнительнаго изученія къ русской грамматикѣ. Плодомъ этого рѣшенія была «Обще-сравнительная Грамматика», И. И. Давыдова, напечатанная первымъ изданіемъ 1852 года и послѣ еще два раза вновь изданная 1853 и 1854 годовъ. Но дабы въ самое преподаваніе внести начала новой методы, Отдѣленіе въ нынѣшнемъ году возложило на него же, г. Давыдова, составить сокращеніе изъ этой Грамматики, удобоприлагаемое къ потребностямъ учащихся. Въ этотъ новый трудъ войдутъ тѣ необходимыя пополненія и измѣненія, которыя вызываются дальнѣйшимъ опытомъ самого составителя Грамматики и наблюденіями людей, зани-

мающихся постоянно наукою отечественнаго языка и не-чуждыхъ современныхъ ея успѣховъ и требованій.

Вы позволите намъ, мм. гг., выразить, въ присутствіи Вашемъ, чувство нѣкотораго довольства, естественнаго въ дѣлѣ труда, не вовсе лишеннаго общеполезности, что первый шагъ на пути систематическаго усовершенствованія въ методѣ изученія роднаго языка, сдѣланъ въ средѣ Отдѣленія.

Въ ознаменованіе совершившагося столѣтія русской грамматики въ 1855 году, Отдѣленіе положило приготовить новое изданіе первой русской грамматики безсмертнаго Ломоносова, напечатанной 1755 года. Оно хотѣло изданіемъ симъ торжественно почтить память родоначальника нашей науки и литературы и показать важность его грамматическаго труда и вліяніе на послѣдующіе успѣхи языкоученія. Въ предисловіи, написанномъ, по порученію Отдѣленія, предсѣдательствующимъ И. И. Давыдовымъ, послѣ историческаго очерка сочиненій, какими пользовались предки наши при изученіи языка своего до Ломоносова, показаны достоинства и значенія его грамматики и тѣ улучшенія, какія произошли въ грамматикахъ, послѣ него изданныхъ въ теченіе столѣтія. Грамматика Ломоносова подъ наблюденіемъ адъюнкта академіи, П. П. Дубровскаго, перепечатана буквально съ перваго изданія.

Въ высочайшаго соизволенія Государя Императора, Второе Отдѣленіе имѣло счастіе посвятить свое изданіе Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику.

Вѣрное стремленію изслѣдовать языкъ по всевозможнымъ источникамъ, какіе представятъ счастливый случай или любознательная ревность сотрудниковъ Отдѣленія, оно и въ текущемъ году продолжало подвергать тщательному разсмотрѣнію замѣчательнѣйшіе изъ памятниковъ славяно-рус-

ской филологіи. Свѣдѣнія объ этихъ памятникахъ и описанія ихъ вносимы были въ засѣданія преимущественно ординарнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ. Таковы между прочимъ: 1) Свѣдѣніе о двухъ харатейныхъ Евангеліяхъ, изъ которыхъ одно XIV вѣка, а другое, писанное глаголитскимъ письмомъ, принадлежитъ къ эпохѣ еще древнѣйшей. 2) Описаніе харатейной праздничной Минеи, хранящейся въ Императорской публичной библіотекѣ, и относимой, по палеографическимъ и другимъ соображеніямъ, къ XI или XII вѣку. 3) Извѣстіе о древнемъ канонѣ въ честь св. Вечеслава Чешскаго, найденномъ въ минеяхъ синодальной и софійской новгородской библіотекахъ и сохранившемся въ спискахъ XII и XIII вѣка. Въ этихъ же минеяхъ приведенъ и другой любопытный канонъ первоучителямъ славянскимъ Кириллу и Меѳодію. 4) Академикъ И. И. Срезневскій также сообщилъ Отдѣленію изслѣдованіе свое о редакціяхъ «Русской Правды» и о порядкѣ статей ея, къ которому присоединенъ сравнительно по лучшимъ спискамъ опытъ чтеній этого драгоцѣннаго памятника древностей и языка нашего, не вполнѣ еще объясненнаго въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ.

Между свѣдѣніями, собранными знаменитымъ славянистомъ Шафарикомъ и сообщенными академиками Куникомъ и Срезневскимъ, найденъ одинъ замѣчательный отрывокъ изъ рукописи XI вѣка, писанный глаголитскимъ письмомъ, содержащій въ себѣ такъ-называемые *свѣтильны*, т. е. заключительныя пѣснопѣнія всенощной, въ которыхъ часто повторяется слово: *свѣтъ*. Академикъ Срезневскій обратилъ особенное вниманіе на этотъ древній памятникъ церковно-славянскаго языка, принадлежащій, по мнѣнію Шафарика, къ концу IX вѣка, и представилъ объясненія свои, вмѣстѣ съ извлеченіями изъ писемъ, писан-

ныхъ ему объ этомъ предметѣ Шафарикомъ же. Въ числѣ свѣдѣній о памятникахъ древне-славянскаго языка, составляющихъ предметъ филологическихъ изслѣдованій, находится внесенное академикомъ А. Х. Востоковымъ описаніе харатейной рукописи XII вѣка, принадлежащей академической библіотекѣ. Рукопись сія содержитъ стихиры избраннымъ святымъ и праздникамъ по порядку мѣсяцеслова съ 1-го сентября по 31-е августа, къ чему присоединены ноты, писанныя крюками.

Отдѣленіе, дорожа всѣми источниками, откуда можно почерпать данныя для филологическихъ изысканій, и считая по справедливости харатейныя рукописи, по древности ихъ, главнѣйшими въ этомъ случаѣ, истребовало изъ новгородской духовной консисторіи подлинную грамоту князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву Монастырю 1130 года и подобную же грамоту преподобнаго Варлаама монастырю Хутынскому 1192 и 1193 годовъ. Они переданы И. И. Срезневскому для снятія съ нихъ снимковъ и приготовленія къ изданію.

Какъ отрасль академіи — сего высшаго ученаго сословія имперіи, Второе Отдѣленіе естественно должно стремиться къ тому, чтобы расширить кругъ своихъ ученыхъ сношеній и стать для извѣстнаго рода предметовъ какъ бы нѣкоторымъ средоточіемъ, куда притекали бы разные по нимъ изысканія и опыты и гдѣ бы достойные изъ нихъ находили и сочувствіе себѣ и ободреніе. Отдѣленіе съ удовольствіемъ видитъ, что усилія его въ этомъ отношеніи съ каждымъ годомъ становятся успѣшнѣе; многіе изъ дѣятелей на поприщѣ филологическомъ обращаются къ нему, предлагая на судъ его, или ввѣряя его участію, плоды своихъ изысканій и наблюденій. До сорока подобныхъ приношеній оно подвергало въ настоящемъ году своему разсмотрѣнію. Нѣкоторыя изъ

нихъ оказались заслуживающими вниманія Отдѣленія и мѣста въ его актахъ, другія приняты къ соображенію. Такъ учитель новгородской гимназіи Купріяновъ сообщилъ поученіе св. Илларіона по списку новгородской софійской библіотеки, также собраніе пословицъ и поговорокъ, выписанныхъ имъ изъ рукописи XVI вѣка; подобныя же собранія доставлены учителемъ вятской гимназіи Москвинымъ и священникомъ Козьмодемьянскаго уѣзда Громовымъ. Профессоръ московскаго университета И. Д. Бѣляевъ доставилъ слово Даніила митрополита московскаго, вмѣстѣ со своимъ разсужденіемъ, гдѣ онъ разсматриваетъ значеніе сего святителя какъ пастыря церкви и какъ знаменитаго проповѣдника первыхъ годовъ XVI столѣтія. Г. Деступисъ прислалъ любопытныя замѣтки о слѣдахъ славянскаго языка въ языкѣ новогреческомъ. Заключающееся въ сихъ языкахъ сходство авторъ относитъ не къ вліянію ихъ другъ на друга, какъ думали нѣкоторые, а къ сродству сихъ языковъ во времена доисторическія и объясняетъ его единствомъ племеннаго происхожденія. Отъ него же полученъ переводъ Приска съ комментаріемъ, которые предположено напечатать въ «Ученыхъ Запискахъ» Отдѣленія. Учителемъ Юшкевичемъ доставлены сравнительный разборъ главныхъ свойствъ литовскаго языка и разборъ Шлейхеровой грамматики сего языка. Корреспондентъ Отдѣленія г. Бычковъ представилъ записку о весьма замѣчательномъ отрывкѣ рукописи, сообщенномъ ему помѣщикомъ г. Стрѣльбицкимъ. Отрывокъ этотъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя изъ словъ Іоанна Златоустаго въ переводѣ на церковно-славянскій языкъ, и принадлежитъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, къ XI столѣтію. Г. Бычковъ, сличивъ его съ супрасльскою рукописью по изданію Миклошича, нашелъ, что онъ не извлеченъ изъ рукописи, доселѣ бывшей неизвѣстною, но состав-

ляетъ XVII и XVIII тетради супрасльской рукописи, или начало второй ея половины, напечатанной г. Миклошичемъ по списку, снятому съ подлинника Копитаромъ и которой мѣсто храненія было издателю неизвѣстно. Отдѣленіе поручило И. И. Срезневскому свѣрить подробно текстъ представленной г. Бычковымъ рукописи съ изданіемъ г. Миклошича, и онъ нашелъ, что рукопись сія содержитъ въ себѣ нѣсколько немаловажныхъ исправленій печатнаго текста.

Отъ кончившаго курсъ въ здѣшнемъ университетѣ кандидата Пыпина получено весьма важное и обширное сочиненіе, въ которомъ онъ съ большимъ знаніемъ дѣла и искусствомъ, сдѣлавшими бы честь опытному ученому, разработываетъ предметъ почти совершенно новый въ нашей историко-литературной критикѣ — русскую повѣсть съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII столѣтія. Сочиненіе это печатается въ «Ученыхъ Запискахъ».

Независимо отъ постояннаго участія въ сужденіяхъ о всѣхъ вышеизъясненныхъ предметахъ, члены Отдѣленія предлагали еще на разсужденіе его особенныя свои изслѣдованія, относящіяся къ разнымъ вопросамъ языка и словесности, не переставая въ то же время, каждый изъ нихъ, внѣ круга академическихъ занятій, другими трудами содѣйствовать успѣхамъ избранной имъ науки. Такимъ образомъ И. И. Давыдовъ читалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ свои изъясненія *русскихъ синонимъ*. Въ Отдѣленіи давно опредѣлено было заняться этою важною отраслію языковѣдѣнія, и въ нынѣшнемъ году положено этому начало. Предсѣдательствующій въ представленномъ имъ опытѣ сперва изложилъ вообще значеніе синонимъ; потомъ показалъ все, что̀ извѣстно лучшаго по этому предмету какъ въ литературахъ иностранныхъ, такъ и въ нашей, и привелъ нѣсколько при-

мѣровъ русскихъ синонимъ, изъясненныхъ по идеѣ, положенной имъ въ основаніе. Отдѣленіе, одобривъ прекрасный трудъ своего предсѣдателя, изъявило желаніе, чтобы подобный анализъ синонимъ былъ продолжаемъ для изданія современемъ сборника по образцу Мейерова сборника нѣмецкихъ синонимъ. Преосвященный епископъ Макарій представилъ обзоръ редакцій «Кіевопечерскаго Патерика», преимущественно древнихъ. Изъ объясненій его оказывается, что «Патерикъ Печерскій» не есть сочиненіе одного какого-либо лица, но принадлежитъ тремъ писателямъ, обработывавшимъ его по частямъ, именно преподобному Нестору, Симону и Поликарпу. Изъ отдѣльныхъ, составленныхъ ими жизнеописаній образовался общій «Патерикъ» разныхъ редакцій, изъ коихъ древнѣйшія суть: *Арсеньевская*, *Өеодосіевская*, *Акакіевская* и *Кассіяновская*. Другимъ изслѣдованіемъ преосвященный Макарій объяснилъ весьма важный историко-литературный вопросъ о древнемъ знаменитомъ нашемъ проповѣдникѣ св. Кириллѣ Туровскомъ, сочиненія котораго въ исторіяхъ нашей литературы приводимы были весьма неточно. Авторъ со свойственною ему обширною и многостороннею ученостію разсмотрѣлъ всѣ извѣстныя намъ доселѣ сочиненія св. Кирилла, какъ печатныя, такъ и сохранившіеся въ рукописяхъ; опредѣлилъ, какія сочиненія его потеряны и какія несправедливо ему приписываются, и наконецъ начертилъ вѣрную характеристику отличительныхъ свойствъ его высокаго и плодовитаго краснорѣчія.

Ординарный академикъ К. И. Арсеньевъ представилъ Отдѣленію сочиненіе свое: «Правительственныя лица временъ царя Михаила Өеодоровича», замѣчательное по живой характеристикѣ многихъ историческихъ дѣятелей избранной имъ эпохи, упоминаемыхъ въ разрядныхъ книгахъ.

Неутомимой дѣятельности члена своего И. И. Срезнев-

скаго и усердію его къ дѣлу науки, Отдѣленіе обязано многими филологическими трудами и разысканіями, исполненными какъ по порученію сего послѣдняго, такъ и по возбужденію безпрерывно возникающихъ новыхъ требованій науки. Между разными произведеніями подобнаго рода, мы упомянемъ о весьма замѣчательныхъ объясненіяхъ его одного изъ древнихъ и до него не объясненныхъ удовлетворительно памятниковъ нашей литературы — «Путевыхъ записокъ Аѳанасія Никитина» и тѣхъ, которыя находятся съ ними въ связи. Въ теченіе текущаго года въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ найдено старинное русское стихотвореніе «О горѣ-злощастіи», драгоцѣнное по сохранившимся въ немъ чертамъ чистой народной поэзіи, ума, чувства и по красотѣ народнаго лиро-эпическаго изложенія. Г. Срезневскій внесъ его въ одно изъ засѣданій Отдѣленія со своими комментаріями. Желая ближе ознакомиться съ литературными памятниками, хранящимися въ новгородской софійской библіотекѣ, Отдѣленіе поручило ему же, Срезневскому, во время лѣтнихъ вакацій, осмотрѣть сію сокровищницу древней нашей словесности, сколько позволитъ ему время. Изъ представленнаго г. Срезневскимъ отчета видно, что вниманіе его преимущественно было обращено на тѣ памятники, которые находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ сказаніями лѣтописей и грамотъ и съ вопросами филологіи, и изъ нихъ изыскатель занимался исключительно болѣе древними пергаментными рукописями XI и XII вѣка, прочиталъ изъ хранящихся въ библіотекѣ 85-ти, 32 рукописи, и съ каждой снялъ по нѣскольку снимковъ, всего болѣе ста. Въ сборникахъ XV и XVII вѣка, писанныхъ на бумагѣ, онъ нашелъ также много любопытнаго — ученый букварь, нѣсколько славянскихъ грамматикъ, списки путешествій, отчасти неизвѣстныхъ, въ Царьградъ, въ Римъ,

Іерусалимъ, Египетъ и проч. Все это составляетъ богатыя данныя для разныхъ филологическихъ и историческихъ соображеній и выводовъ. Но право на особенную признательность Втораго Отдѣленія г. Срезневскій пріобрѣлъ, какъ редакторъ издаваемыхъ симъ Отдѣленіемъ «Извѣстій». Изданіе это обнимаетъ всю текущую дѣятельность Отдѣленія; результаты наблюденій, изслѣдованій, сдѣланныхъ имъ совокупно въ своихъ собраніяхъ, или каждымъ членомъ въ особенности, доводятся до всеобщаго свѣдѣнія посредствомъ сихъ «Извѣстій». Кромѣ трудной обязанности приводить все это въ порядокъ и распредѣлять въ срочномъ изданіи, редакторъ слѣдитъ зорко и внимательно за всѣми замѣчательнѣйшими явленіями славянской филологіи за границей и славяно-русской, въ предѣлахъ отечества, и въ составляемыхъ имъ рецензіяхъ даетъ, смотря по важности предметовъ, то краткій, то болѣе подробный отчетъ съ добросовѣстностію и критическимъ тактомъ, достойными науки и истиннаго ученаго. На немъ также лежитъ и редакція «Ученыхъ Записокъ».

Ординарный академикъ М. А. Коркуновъ, завѣдывающій, между прочимъ, дѣлопроизводствомъ Отдѣленія, внесъ въ него изслѣдованіе свое о введенномъ бояринѣ великаго князя Іоанна III — Иванѣ Кондратьевичѣ Судиславѣ; оно служитъ къ объясненію времени нѣкоторыхъ грамотъ, доселѣ опредѣляемыхъ неточно. Къ этому должно присоединить весьма любопытное открытіе, сдѣланное г. Коркуновымъ по вопросу о мѣстничествѣ: первый случай мѣстничества, указываемый Карамзинымъ, принадлежитъ къ 1501 году (Истор. Карам. томъ VI, 299); древнѣйшее изъ дѣлъ по этому предмету, изданныхъ г. Ивановымъ, относится къ 1579 году. Но г. Коркуновъ отыскалъ правую грамоту, данную Сабурову о мѣстномъ старшинствѣ его передъ

Заболотцкимъ, XV вѣка. Актъ этотъ, могущій служить важнымъ дополненіемъ къ исторіи о мѣстничествѣ, будетъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія.

Адъюнктъ Я. К. Гротъ занимался грамматическими изысканіями по части русскаго языка, плодомъ коихъ было любопытное замѣчаніе *о глаголахъ съ подвижными* удареніями. Онъ продолжалъ также этимологическія сравненія русскихъ словъ со словами языковъ германскихъ, особенно скандинавскихъ, а равно финскаго и другихъ, и наконецъ приступилъ къ труду, долженствующему оказать значительную услугу при историческихъ разысканіяхъ — къ разсмотрѣнію географическихъ именъ финскаго и шведскаго происхожденія, употреблявшихся въ древней Руси.

Адъюнктъ П. П. Добровскій читалъ отрывки своего «Опыта народнаго польскаго Словаря», окончаніемъ коего онъ нынѣ занимается. Въ немъ преимущественно опредѣлены тѣ слова, которыя могутъ служить поясненіемъ древнихъ памятниковъ русской письменности. Онъ же читалъ записку о польскомъ сочиненіи Малиновскаго, касательно новаго изданія «Словаря Линде», печатаемаго въ Львовѣ, и поясненія къ статьѣ профессора Лавровскаго объ особенностяхъ стариннаго и народнаго польскаго языка.

Изъ членовъ, находящихся внѣ Петербурга, ординарный академикъ М. П. Погодинъ прислалъ въ Отдѣленіе Записку, въ которой излагаетъ свое мнѣніе, подавшее уже поводъ къ ученой полемикѣ, о томъ, что русскій языкъ не есть особый, самостоятельный, но происходитъ отъ церковно-славянскаго — мнѣніе, отвергаемое большею частію филологовъ и которое самъ г. Погодинъ прежде не признавалъ за истину. Отдѣленіе конечно останется при своемъ убѣжденіи, согласно съ мыслію, принятою современною наукою.

Отъ преосвященнаго Филарета епископа харьковскаго полученъ «Обзоръ русской духовной литературы», который войдетъ въ составъ третьяго тома «Ученыхъ Записокъ» Отдѣленія. До сихъ поръ главнымъ пособіемъ при изученіи духовной нашей литературы служилъ извѣстный словарь покойнаго митрополита кіевскаго Евгенія. Трудъ преосвященнаго Филарета, обогащенный совершенно новыми данными и изысканіями, есть драгоцѣнное пріобрѣтеніе для исторіи отечественной словесности.

Заключимъ сіе обозрѣніе фактовъ, составляющихъ итогъ занятій Втораго Отдѣленія въ настоящемъ году, указаніемъ на тѣ изданія, которыя служили, такъ сказать, органомъ и проводникомъ ихъ въ публику. Изданія сіи суть:

1) «Извѣстія академическія», вышло 6 тетрадей.

2) «Ученыя Записки», коихъ печатаются 3-й и 4-й томы.

3) «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики»; 3-й томъ оконченъ и 4-й печатается.

4) «Дополненіе къ областному Словарю».

5) «Памятники и образцы народнаго языка и словесности».

Не желая утомлять вниманія Вашего, мм. гг., мы старались въ сжатомъ очеркѣ представить Вамъ скромные труды Втораго Отдѣленія Императорской академіи наукъ, принесенные на алтарь отечественнаго просвѣщенія съ благоговѣйнымъ усердіемъ и чистою любовію. Дѣятельность, имѣющая въ виду не объясненіе какого нибудь частнаго предмета науки, но всю науку совокупно, измѣряется цѣлыми періодами усилій, коихъ результаты становятся ясными только въ изображеніи судьбы и успѣховъ всей ея. Такая дѣятельность имѣетъ свои фазы, зависящіе отъ преобладанія всеобщей мысли, господствующей неотразимо въ каждой сферѣ знанія и потребностяхъ вѣка. Тутъ есть свой неизбѣжный законъ, повелѣвающій дѣйствовать въ данную эпоху такъ, а

не иначе, обращать вниманіе преимущественно на тѣ, или другіе предметы. Отдѣленіе будетъ считать себя счастливымъ, если подобная обязанность не столько, можетъ быть, блестящая, сколько общеполезная и необходимая, окажется предъ Вами, мм. гг., не совсѣмъ невыполненною въ тѣхъ фактахъ, какіе мы имѣли честь изложить въ семъ отчетѣ. Будущее конечно дастъ Обществу бòльшіе залоги пользъ, которыя сопрягаются для него со всякимъ ученымъ учрежденіемъ. Смѣемъ сказать, что мы не оскудѣемъ, по крайней мѣрѣ, въ рвеніи къ этимъ пользамъ. Когда съ высоты Царскаго престола раздается голосъ, возбуждающій умы на благородный подвигъ мысли и науки, кто изъ насъ не отзовется всѣмъ сердцемъ своимъ на священный призывъ и не захочетъ честно послужить этому дѣлу чести, составляющему первую потребность и лучшую славу отечества? Отдѣленіе понимаетъ свой долгъ; оно знаетъ, что хотя въ измѣненномъ видѣ, но все же оно составляетъ наслѣдіе Великой Екатерины, ту русскую академію, которой монархиня завѣщала охранять драгоцѣннѣйшую святыню нашей народности — слово, и содѣйствовать его обогащенію и успѣхамъ.

1857.

ОТЧЕТЪ ЗА 1857 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩИМЪ ОТДѢЛЕНІЯ, ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ И. И. ДАВЫДОВЫМЪ.

Читанъ имъ въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1857 года.

Милостивые Государи!

Второе Отдѣленіе нынѣ состоитъ изъ пятнадцати ординарныхъ академиковъ, двухъ экстраординарныхъ и одного адъюнкта; корреспондентовъ внутреннихъ девятнадцать, внѣшнихъ семь. Вновь избраны въ нынѣшнемъ году: изъ экстраординарныхъ академиковъ въ ординарные дѣйств. ст. сов. М. А. Коркуновъ, и изъ адъюнктовъ въ экстраординарные академики дѣйств. ст. совѣт. Я. К. Гротъ.

Въ продолженіе года въ засѣданіяхъ Отдѣленія, которыхъ было 77, постоянно присутствовали: Предсѣдательствующій, академики: преосвященный Макарій, до назначенія его въ Тамбовскую епархію; К. И. Арсеньевъ, А. Х. Востоковъ, П. А. Плетневъ, со времени возвращенія его изъ-за границы; И. И. Срезневскій, А. В. Никитенко, въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, М. А. Коркуновъ, Я. К. Гротъ и адъюнктъ П. П. Дубровскій.

Въ теченіе нынѣшняго года слѣдующіе предметы входили въ кругъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности.

I. Продолженіе составленія и изданія Словарей: общаго русскаго, церковно-славянскаго, областнаго великорусскаго, санскрито-русскаго и бѣлорусскаго, вмѣстѣ съ Матеріалами для Словаря сравнительнаго и для сравнительной Грамматики.

II. Объясненіе, переложеніе и приготовленіе къ изданію письменныхъ памятниковъ, старинныхъ пѣсенъ, пословицъ, историческія чтенія о древнемъ языкѣ и словесности.

III. Чтенія о новой и современной русской словесности и разборы замѣчательнѣйшихъ сочиненій по словесности славянской и русской.

Согласно съ этой программой, члены Отдѣленія, по мѣрѣ силъ и досуга отъ другихъ служебныхъ занятій, съ возможнымъ усердіемъ старались содѣйствовать разработыванію отечественнаго языка и словесности. Изъ обозрѣнія трудовъ Отдѣленія, которое имѣю честь представить благосклонному вниманію Вашему, Вы усмотрите его дѣятельность и общее участіе ревнителей русскаго просвѣщенія въ изслѣдованіяхъ объ отечественномъ языкѣ и словесности.

Однимъ изъ первыхъ занятій Отдѣленія было изданіе словарей. Общій Словарь академическій остается въ весьма немногихъ экземплярахъ, а новое изданіе, предположенное Отдѣленіемъ, еще требуетъ приготовительныхъ работъ, съ цѣлію усовершенствованія этого огромнаго труда. Поэтому, въ видахъ удовлетворенія предстоящей необходимости въ справочной книгѣ, Отдѣленіе предположило издать сокращенный, или ручной русскій словарь, не прекращая собиранія матеріаловъ для Словарей пространнаго Общаго и Сравнитель-

наго. Для этого новаго труда приготовляется планъ, согласный съ правилами, составленными для пространнаго Общаго Словаря. Между тѣмъ опредѣлено печатать въ «Извѣстіяхъ» разсмотрѣнные въ Отдѣленіи листы Общаго Словаря, по мѣрѣ изготовленія ихъ редакторами, въ ожиданіи отъ любителей отечественнаго языка замѣчаній, полезныхъ для исправленія или пополненія этой *народной* книги.

Пособіемъ Словарю служатъ объясненія синонимъ. На основаніи представленія моего, одобреннаго Отдѣленіемъ, я приступилъ къ объясненію синонимическихъ словъ русскихъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются синонимы и всѣхъ прежнихъ истолкователей: Фонъ-Визина, П. Калайдовича, Д. Княжевича, Галича, Саларева и другихъ, но только или исправленныя, или дополненныя, или сокращенныя, по примѣру Мейера, составившаго сборникъ нѣмецкихъ синонимъ изъ синонимъ Эбергарда, Мааса и Грубера. Какія слова, по моему мнѣнію, собственно принадлежатъ къ области синонимъ и какъ они объясняются, изложено мною въ запискѣ моей о занятіяхъ Отдѣленія въ 1856 году. Иныя подобнозначащія реченія, какъ замѣчено было въ запискѣ, столь близки одно къ другому, что не рѣдко смѣшиваются въ разговорной и письменной рѣчи: на такія-то реченія преимущественно я старался обратить вниманіе.

Дополненій къ областному великорусскому Словарю, приготовляемыхъ къ изданію академикомъ А. Х. Востоковымъ, отпечатано почти двѣ трети предположеннаго изданія. Матеріалы для дополненій Отдѣленіе получаетъ непрестанно отъ просвѣщенныхъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія. Въ продолженіе нынѣшняго года поступило значительное количество областныхъ словъ: отъ директора училищъ Олонецкой губерніи, Фортунатова, присланъ сборникъ мѣстныхъ словъ Вытегорскаго уѣзда, составлен-

ный учителемъ Петровымъ; отъ Карпова — продолженіе областныхъ реченій Псковской и Тверской губерній; отъ директора костромской гимназіи — замѣтки о галивонскомъ нарѣчіи, употребительномъ въ г. Галичѣ; отъ священника села Шербети, Павла Фанагорскаго — реченія простонародья въ Спасскомъ уѣздѣ; отъ директора училищъ архангельской губерніи Грипенберга — сборникъ архангельскихъ словъ, составленный г. Михайловымъ; отъ г. Маркова изъ Перми — сборникъ словъ западныхъ уѣздовъ Пермской губерніи, и отъ Н. Щербины — сборники областныхъ словъ, употребляемыхъ въ Рязанской губерніи; на Алтаѣ, по рѣкѣ Ленѣ, въ Иркутской губерніи и Якутской области; въ Архангельскомъ, Красноярскомъ и Енотаевскомъ уѣздахъ.

Печатаніе малорусскаго Словаря остановлено, по причинѣ временнаго, по служебнымъ дѣламъ, отсутствія составителя его А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

Словарь для уразумѣнія западно-русскихъ актовъ, предпринятый г. Носовичемъ, уже представленъ Отдѣленію. Это подробный Словарь стариннаго западно-русскаго языка, собственно книжнаго, въ который вошло много польскихъ словъ. Онъ послужитъ необходимымъ дополненіемъ къ актамъ археографической коммиссіи, относящимся къ исторіи западной Россіи.

Санскрито-русскаго Словаря, издаваемаго ученымъ К. А. Коссовичемъ, напечатана при «Извѣстіяхъ» Отдѣленія третья доля всего труда. Изученіе санскритскаго языка преимущественно германскими учеными пролило новый свѣтъ на составъ классическихъ и большей части новѣйшихъ европейскихъ языковъ. Оно основало науку *сравнительнаго* языкознанія, и въ настоящее время имѣетъ свои органы — журналы, исключительно посвященные этой наукѣ. Языкъ

Ведъ и законовъ Ману́ сталъ генетическимъ звеномъ, соединяющимъ, съ одной стороны, языки славянскій, литовскій и персидскій, съ другой, германскіе, со включеніемъ скандинавскихъ, кельтскіе и языки классическіе. Вслѣдствіе этого ученыя изысканія по части развитія корней, видоизмѣненій формъ отечественнаго языка и основнаго значенія коренныхъ словъ невозможны безъ сравнительнаго языкознанія въ современномъ состояніи филологіи. Съ цѣлію содѣйствовать успѣхамъ этой отрасли словесныхъ наукъ и облегчить ознакомленіе русскихъ филологовъ съ санскритскимъ языкомъ, Второе Отдѣленіе предприняло изданіе этого Словаря; изъ него можно видѣть и отношенія нашего языка къ священному языку Индусовъ. Извѣстно, что нѣтъ ни одного языка, въ которомъ азбука представляла бы болѣе естественный и послѣдовательный порядокъ звуковъ, какъ санскритскій: въ немъ алфавитъ начинается съ гласныхъ; за ними идутъ согласныя гортанныя, небныя и т. д.; простыя сопровождаются соотвѣтственными придыхательными. Не смотря на это, въ нашемъ изданіи санскритскаго Словаря принятъ алфавитъ русскій; потому что для Русскаго легче пріискивать слова по своему алфавиту, нежели по чужому, хотя въ высшей степени систематическому. Словарь Коссовича собственно учебный, что̀ составляетъ характеръ его и чѣмъ различается онъ отъ словаря санскритскаго, издаваемаго академіею, съ объясненіями на нѣмецкомъ языкѣ. Этотъ огромный трудъ соотвѣтствуетъ монументальнымъ трудамъ Генриха Стефани и Форчеллини въ области языковъ греческаго и латинскаго. Тутъ не только каждое слово, но и каждая частица, кромѣ значеній, объясняется оправдательными выписками изъ текстовъ и указаніемъ на мѣста, въ которыхъ они встрѣчены: это цѣлая справочная библіотека. Очевидно, что оба изданія, имѣющія особенныя

цѣли и каждое свои отличительныя свойства, будутъ полезны и заслужатъ вниманіе филологовъ.

Болгарскій Словарь въ нынѣшнемъ году не продолжался, по случаю новаго назначенія по службѣ составителя его, Н. Герова.

Церковно-славянскаго Словаря, академика А. Х. Востокова, напечатано около половины. Этотъ драгоцѣнный трудъ старѣйшаго славяниста и перваго знатока славянской и русской филологіи имѣетъ преимущество предъ всѣми другими словарями славянскими. Особенности его состоятъ въ томъ, что въ немъ сличаются варіанты списковъ и переводъ словъ съ подлинниками греческими и латинскими; значенія реченій опредѣляются по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія.

Къ грамматическимъ трудамъ принадлежитъ порученное предсѣдательствующему Отдѣленіемъ составленіе *Сокращенной русской Грамматики* на началахъ Грамматики *Общесравнительной*. Принявъ это порученіе съ полною готовностію служить общей пользѣ, я надѣялся исполнить его въ нынѣшнемъ году. Но появившіяся замѣчанія на Опытъ общесравнительной Грамматики заставили меня остановить изданіе уже приготовленной къ печати Сокращенной Грамматики и подвергнуть *спорные предметы* подробнѣйшему изслѣдованію. Не говоря о частныхъ грамматическихъ разнорѣчіяхъ, я считаю главнымъ источникомъ замѣчаній на Опытъ различное пониманіе современнаго изученія роднаго языка. По моему мнѣнію, въ отечественной Грамматикѣ должны стоять на первомъ планѣ *философія* языка вообще и *сравненіе* своего языка съ языками соплеменными. Съ одной стороны, *философскій* способъ частныя измѣненія грамматическихъ формъ подводитъ подъ общіе логическіе законы; съ другой, *сравнительный* способъ формы роднаго

языка сравниваетъ съ соотвѣтственными формами языковъ соплеменныхъ и однородныхъ. Такому воззрѣнію на изученіе русскаго языка Отдѣленіе положило начало изданіемъ Опыта общесравнительной, или общей и сравнительной, Грамматики. Но это только звено, связующее прошедшую судьбу русской Грамматики съ будущею: въ послѣдствіи времени этотъ опытъ вѣроятно произведетъ руководство болѣе полное и совершенное. В. Гумбольдтъ въ сравнительномъ изученіи языковъ въ разныя эпохи ихъ развитія говоритъ: «Одно сравненіе языковъ можетъ показать, какимъ образомъ устанавливалъ человѣкъ свой языкъ и какую часть мысленнаго міра удалось ему перенести въ него; какое вліяніе имѣла на него особность народовъ, и, обратно, какъ языкъ на нее дѣйствовалъ». Дѣйствительно, сравнительное языкоученіе открываетъ въ каждомъ языкѣ двѣ стихіи: одну *общую*, зависящую отъ одинаковой потребности всѣхъ народовъ и врожденной способности говорить; другую *частную*, выражающую особность каждаго народа. Первообразъ языка присущъ человѣческому уму; изъ этого первообраза развивается мало по малу языкъ племенъ и народовъ. Такъ слова, уцѣлѣвшія въ завѣтной прародительской пѣснѣ, сказкѣ, пословицѣ, не свидѣтельствуютъ ли о сближеніяхъ одного славянскаго племени съ другимъ и о переселеніяхъ предковъ нашихъ изъ одного края Россіи въ другой? Не находимъ ли мы въ живой областной рѣчи словъ, которыя уцѣлѣли въ древнихъ письменныхъ памятникахъ? Общеупотребительному слову *вѣнецъ*, *вѣнокъ*, находимъ въ Сибири первообразное *вѣнъ;* глагола *улыбаться* корень *лыбить* сбереженъ въ Тверской губерніи; древняя форма *свекры* доселѣ хранится въ губерніяхъ: Московской, Новгородской, Тамбовской. Въ живой рѣчи слышатся и реченія пѣсни о полку Игоревомъ: въ Архангельской и Иркутской губер-

ніяхъ — *былина* означаетъ богатырскую сказку, *кѝкать* и *кы́кать*, кричать по лебединому, *ко́монь*, конь, *шо́ломя*, холмъ, *ту́га*, тоска; въ Смоленской губерніи *усо́бица* употребляется вмѣсто междоусобія. Неопредѣленныя формы глагола нашего указываютъ на весьма древнее происхожденіе свое — отъ санскрита, родоначальника языковъ индо-европейскихъ. Эти примѣры свидѣтельствуютъ о необходимости *сравнительнаго* изученія языка. Нужно ли говорить о важности *философскаго* воззрѣнія на языкъ, когда всѣ части рѣчи развиваются изъ основаній логическихъ?

Поэтому въ Грамматикѣ отечественнаго языка можетъ быть только одинъ способъ изученія — *общій и сравнительный*, или *общесравнительный*, въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ оно принято въ Общесравнительной Грамматикѣ.

Иностранные Славянисты усердно трудятся на поприщѣ сравнительнаго языкознанія. Заслуги главнѣйшихъ дѣятелей признаны нашей академіей: Шафарикъ (которому принадлежитъ честь первыхъ опытовъ), Миклошичь и Шлейхеръ состоятъ въ числѣ нашихъ членовъ-корреспондентовъ. Особенно любопытны смѣлыя изслѣдованія послѣдняго: онъ готовитъ Исторію славянскаго языка. Въ ней принимаетъ въ основаніе ту мысль, что всѣ индо-европейскіе языки въ отдаленную до-историческую эпоху составляли одинъ языкъ; однимъ изъ членовъ мѣстныхъ нарѣчій этого общаго языка былъ славянскій, нераздѣльный съ германскимъ. Послѣ и отъ Германцевъ отдѣлились Славяне не одни, а вмѣстѣ съ Литовцами. Затѣмъ уже являются Славяне съ своимъ отдѣльнымъ языкомъ, ближе всего сходнымъ съ языкомъ литовскимъ и болѣе отличнымъ отъ германскаго, еще болѣе отъ всѣхъ остальныхъ индо-европейскихъ, названныхъ Шлейхеромъ аріо-пеласгійскими. Поэтому періоды из-

мѣненій славянскаго языка слѣдующіе: индо-европейскій, германо-славянскій, литво-славянскій и собственно славянскій.

Къ разряду грамматическихъ изслѣдованій относится разсужденіе академика Я. К. Грота объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка. Основная мысль академика та, чтобы въ преподаваніи отечественнаго языка не было допускаемо никакой односторонности — преобладанія теоріи или практики. Сознательное изученіе требуетъ, чтобы заблаговременно пріобрѣтали учащіеся знаніе существеннѣйшихъ началъ этимологіи, которыя собственно относятся къ общей грамматикѣ, въ приложеніи ея къ родному слову. Академикъ полагаетъ, что метода начинать преподаваніе грамматики съ объясненія состава предложенія не согласна съ ходомъ развитія дѣтскихъ способностей, и онъ остается на сторонѣ прежняго способа ученія, по которому начинали учить грамматикѣ съ этимологіи, безъ предварительнаго объясненія предложенія. Этотъ важный предметъ филологіи требуетъ подробнѣйшаго изслѣдованія sine ira atque studio.

Тотъ же академикъ принялъ на себя трудъ пересмотрѣть языкъ въ отношеніи къ ударенію. Ограничившись на первый разъ одними существительными именами, онъ раздѣлилъ разсужденіе свое на двѣ части: 1) о мѣстѣ ударенія въ именительномъ падежѣ; 2) о переходѣ ударенія въ склоненіяхъ. По первому вопросу разсмотрѣны сперва имена первообразныя, а потомъ производныя, и въ отношеніи къ послѣднимъ указаны нѣкоторые общіе законы. Имена съ производственными окончаніями раздѣлены на три разряда по родамъ именъ, при чемъ въ именахъ каждаго рода разобраны окончанія: а) всегда носящія на себѣ удареніе; б) встрѣчающіяся то съ удареніемъ, то безъ ударенія. Эта

часть грамматики нашей, до сихъ поръ наименѣе обработанная, нуждается въ подобныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

Перехожу къ другому роду занятій Отдѣленія — изданію и объясненію памятниковъ славяно-русской филологіи и историческимъ чтеніямъ о языкѣ и словесности. Эти занятія, по причинѣ разнообразія ихъ, я изложу въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ въ Отдѣленіи.

Академикъ И. И. Срезневскій, неутомимо трудящійся и поддерживающій изданіе «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ», представилъ общій критическій списокъ памятниковъ русскаго письма до-монгольскаго періода, имъ составленный, и затѣмъ сообщалъ постепенно свои частныя наблюденія надъ памятниками. — Изъ пролога XIII вѣка внесъ онъ притчу о тѣлѣ и душѣ человѣческой, съ варіантами по двумъ спискамъ XIV столѣтія. Эта притча важна для объясненія одного изъ поученій знаменитѣйшаго изъ древнихъ проповѣдниковъ, Кирилла Туровскаго.

И. К. Купріяновъ сообщилъ обозрѣніе пергаментныхъ рукописей новгородской софійской библіотеки XI — XV в. съ выписками. При немъ приложенъ историческій очеркъ софійской библіотеки въ Новѣгородѣ. Время основанія библіотеки при софійскомъ соборѣ неизвѣстно. Изъ церковной описи его, составленной въ началѣ XVII вѣка и сохранившейся въ нѣсколькихъ тетрадяхъ, видно, что при каждомъ придѣлѣ софійскаго собора находилась особая библіотека. Тогда уже число всѣхъ книгъ было значительно. При исправленіи богослужебныхъ книгъ, требовались нѣкоторыя рукописи изъ софійской библіотеки. Изъ нея взято Остроміроно евангеліе, представленное императрицѣ Екатеринѣ II.

Самое важное приращеніе библіотека имѣла въ концѣ прошлаго вѣка, когда въ нее поступила значительная часть рукописей и старопечатныхъ книгъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Настоящее устройство получила она въ 1775 г., когда, по распоряженію преосвященнаго Гавріила, велѣно сдѣлать ей опись, и въ 1785 г. составленъ былъ каталогъ. Въ немъ поименовано старопечатныхъ книгъ 1247. Число рукописей нынѣ доходитъ до 2000; изъ нихъ 87 пергаментныхъ: одна XI вѣка, пять XII в., три XII—XIII в., восемь XIII в., пять XIII—XIV, тридцать семь XIV в., остальныя принадлежатъ къ XV вѣку. По содержанію онѣ состоятъ изъ миней, служебниковъ, евангелій, тріодей, канониковъ, октоиховъ, псалтирей.

Архимандритъ Макарій доставилъ описаніе 8 древнихъ холстинныхъ антиминсовъ съ надписями. Изъ нихъ пять найдены въ Николаевскомъ дворищскомъ соборѣ, что̀ въ Новгородѣ, подъ напрестольною дскою, въ столбцѣ, а три остальные въ церкви XII апостолъ, среди напрестольной дски. Изъ числа пяти антиминсовъ самый древній XII вѣка безъ св. мощей, а три XV, XVI и XVII в. съ св. мощами. Между тремя другими антиминсами древній XIV в. съ св. мощами, зашитыми подъ холстиною. Два остальные XV и XVI в. также съ св. мощами.

Академикъ М. А. Коркуновъ представилъ записку о правой грамотѣ, данной Сабурову, о мѣстномъ старшинствѣ его передъ Заболоцкимъ. Грамота эта, по мнѣнію академика, относится ко второй половинѣ XV вѣка; до сихъ же поръ дѣло Зюзина съ Нагимъ, принадлежащее къ 1576 г., считалось самымъ старымъ изъ дошедшихъ до насъ дѣлъ мѣстническихъ.

Академикъ М. П. Погодинъ прислалъ разсмотрѣніе новгородскихъ лѣтописей, изданныхъ покойнымъ академи-

комъ Я. И. Бередниковымъ отъ археографической коммиссіи въ 1841 году. Новгородская лѣтопись съ продолженіями дошла до насъ въ трехъ спискахъ: синодальномъ, академическомъ и Толстовскомъ. Академикъ съ безпристрастіемъ ученаго разбираетъ сужденія издателя о достоинствѣ и времени каждаго списка, о порядкѣ изданія и о варіантахъ.

Къ историческимъ чтеніямъ о древнемъ языкѣ и словесности принадлежатъ: академика И. И. Срезневскаго замѣтки о твореніяхъ святаго Кирилла Туровскаго. Преосвященный Макарій въ обозрѣніи произведеній сего святителя далъ замѣтить, что, кромѣ уже извѣстныхъ, могутъ быть найдены еще и другія. Нѣсколько такихъ произведеній находится въ канроникѣ братьевъ бояръ Салтыковыхъ XVI вѣка, богатомъ разными любопытными древностями.

Тотъ же академикъ представилъ снимки, сдѣланные имъ съ пергаментнаго кондакаря нижегородскаго собора, писаннаго въ XII вѣкѣ или въ началѣ XIII в., и извлеченіе изъ приготовленнаго имъ описанія этой рукописи, которая вмѣстѣ съ кондакаремъ Троицкой Лавры принадлежитъ къ числу драгоцѣнныхъ памятниковъ нашего древняго пѣнія. Сверхъ того онъ читалъ: а) Записку о двухъ древнѣйшихъ грамотахъ князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю и преподобнаго Варлаама монастырю на Хутынѣ. Первая изъ этихъ грамотъ, по мнѣнію академика, относится къ 1130, а вторая вѣроятно къ 1192—1193 г. Обѣ грамоты въ подлинникѣ были доставлены въ Отдѣленіе при посредствѣ высокопреосвященнаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго. Съ нихъ сняты для изданія вѣрные снимки. б) Въ день преподобнаго Нестора онъ читалъ о любопытномъ листкѣ XII вѣка, помѣщенномъ въ Златоструѣ Императорской публичной библіотеки, гдѣ находится нѣ-

сколько строкъ лѣтописи Несторовой. Листокъ этотъ, отрывокъ изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемый Мниху Іакову, заключаетъ въ себѣ сказаніе объ открытіи мощей св. Глѣба и похвалу св. братьямъ. Отрывокъ приготовляется академикомъ къ изданію съ нужными объясненіями. в) Разборъ «Ученія о числахъ», написаннаго Кирилломъ діакономъ въ 1144 г.

Корреспондентомъ академіи А. Ѳ. Бычковымъ доставлено извѣстіе о рукописи XI вѣка, принадлежащей г. Стрѣльбицкому. По внимательномъ разсмотрѣніи грамматическихъ формъ рукописи и начертанія носовой буквы, ученый палеографъ находитъ, что листки отрывка составляютъ XVII и XVIII тетради (л. 119—134) супрасльской рукописи, древнѣйшаго изъ Кирилловскихъ памятниковъ юго-западнаго письма, заключающаго въ себѣ минологій за мартъ мѣсяцъ съ поученіями, относящимися къ великому посту, святой недѣлѣ и пр. Она была изслѣдована еще въ 1825 году А. Х. Востоковымъ, и потомъ напечатана Миклошичемъ по списку, снятому съ подлинника Копитаромъ. Часть подлинника хранится теперь въ Люблянѣ.

Академикъ преосвященный Макарій, епископъ тамбовскій, представилъ разсужденіе о Григоріи Цамблакѣ, митрополитѣ кіевскомъ, какъ писателѣ. Всѣхъ рукописныхъ сочиненій Григорія извѣстно до 25. Это почти исключительно проповѣди, и именно восемь на праздники Господни и Богородничные, семь на праздники святыхъ и шесть на дни воскресные, недѣльные и на особые случаи. Къ проповѣдямъ надобно присовокупить три историческія сказанія о святыхъ и богослужебный стихъ на успеніе Пресвятой Богородицы. Преосвященный находитъ, что Григорій преимущественно подражалъ знаменитѣйшему изъ христіанскихъ витій — св. Іоанну Златоусту; не рѣдко пользовался мыслями изъ по-

ученій св. Василія Великаго, св. Епифанія, св. Андрея Критскаго, св. Іоанна Дамаскина и другихъ, переработывая заимствованія такъ, что сообщалъ имъ характеръ самостоятельный. Талантъ этого писателя былъ собственно ораторскій. Витіеватая рѣчь его иногда отзывается искусственностью, но чаще согрѣта теплымъ чувствомъ и проникнута сильною мыслію. Направленіе въ однѣхъ проповѣдяхъ догматическое, въ другихъ историческое. Слогъ въ нихъ чистый славянскій, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій и двухъ-трехъ греческихъ словъ.

Отъ Г. С. Дестуниса получено продолженіе матеріаловъ для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ.

Академикъ К. И. Арсеньевъ внесъ чрезвычайно любопытное сочиненіе подъ заглавіемъ: Высшія правительственныя лица временъ царя Михаила Θеодоровича. Нѣкоторыя изъ прославившихся фамилій этого царствованія уже угасли, таковы: князья Лыковы, Мезецкіе, Пожарскіе, Ромодановскіе, Сицкіе, Сулешевы. Можетъ статься, отдаленные потомки, наслѣдники не славы, а богатствъ, давно ихъ забыли. Но правдивое и теплотою сердечною проникнутое изображеніе заслугъ ихъ отечеству, начертанное достопочтеннѣйшимъ сочленомъ нашимъ, сохранитъ дорогія имена въ памяти народа. Исторія, по словамъ исторіографа нашего, злопамятна; а народъ любитъ въ ней заучивать болѣе доблести.

Корреспондентъ А. Θ. Гильфердингъ сообщилъ записку объ уцѣлѣвшемъ остаткѣ Балтійскихъ Славянъ, донынѣ говорящихъ своимъ нарѣчіемъ, о которомъ замѣчанія доставлены въ Отдѣленіе г. Цейновою, хотя смѣшанно съ замѣчаніями о нарѣчіи кашубскомъ.

Академикъ И. И. Срезневскій читалъ свои записки: а) о договорныхъ грамотахъ князей Ярослава Владиміровича

и Александра Ярославича Невскаго, изданныхъ археографическою коммиссіею въ числѣ грамотъ, касающихся сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами; б) О глаголическихъ отрывкахъ, пайденныхъ въ библіотекѣ пражскаго капитула Гёфлеромъ и относимыхъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ глагольскаго письма. Эти памятники представляютъ образецъ соединенія чешскаго нарѣчія съ церковно-славянскимъ языкомъ.

Отъ В. И. Юшкевича получены замѣтки о свойствахъ литовскаго языка. Нарѣчіе, употребляемое Литовцами по прибрежьямъ р. Нѣмана, извѣстно Юшкевичу съ малолѣтства, какъ родное. Источниками служили ему: 1) Пѣсни и сказки, списанныя со словъ простолюдиновъ, говорящихъ чистымъ жмудскимъ нарѣчіемъ; 2) Пѣсня о королевѣ Берутѣ; 3) Сочиненія епископа Волончевскаго и Довконта; 4) Грамматика Шлейхера и сочиненія Нессельмана и Куршадта; 5) Сказки и пѣсни, записанныя въ окрестностяхъ Поневѣжа.

Читаны выписки И. К. Купріянова изъ одного Сборника новгородской софійской библіотеки. Одна изъ нихъ особенно заслуживаетъ вниманіе, какъ варіантъ слова о поставляющихъ трапезу роду и роженицамъ, которое почти постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ.

Онъ же отыскалъ грамоту митрополита Фотія къ новгородскому архіепископу Іоанну II и четыре первыя сатиры Кн. Кантеміра 1733 г., значительно отличающіяся отъ напечатанныхъ въ его сочиненіяхъ.

Академикъ М. А. Коркуновъ прочелъ хронологическую замѣтку о надписи на Тмутараканскомъ камнѣ. Въ надписи этой означенъ только 6576 годъ отъ с. м. и 6 индиктъ. Такъ какъ 6 индиктъ въ 6576 г. по мартовскому лѣтосчи-

сленію заключался въ первыхъ шести мѣсяцахъ сего года, то академикъ полагаетъ, что князь Глѣбъ измѣрялъ ширину пролива въ мартѣ 6576 г., какъ самомъ ближайшемъ ко времени, когда еще Киммерійскій Босфоръ не освободился отъ льда. Сентябрьское же лѣтосчисленіе въ XI в. еще не встрѣчается въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ.

Читаны выписки изъ Трефологіона XV—XVI вѣка, архимандрита Макарія. Судя по почерку письма и по формамъ языка, Макарій относитъ Трефологіонъ къ концу XV или къ началу XVI в. Въ рукописи помѣщено 10 службъ, которыя писаны уже въ концѣ XVII вѣка. Къ числу замѣчательныхъ мѣстъ принадлежитъ обрядъ многолѣтія, совершаемый въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія Господня.

Всѣ эти ученыя изслѣдованія, по внимательномъ обсужденіи членами Отдѣленія, печатались въ «Извѣстіяхъ» или въ «Ученыхъ Запискахъ».

Наконецъ мнѣ остается упомянуть о чтеніяхъ въ Отдѣленіи касательно новой и современной русской словесности и о разборахъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій.

По примѣру прежнихъ годовъ, Отдѣленіе доносило его высокопревосходительству г. министру народнаго просвѣщенія о замѣчательнѣйшихъ сочиненіяхъ ученыхъ и по изящной словесности, для представленія ихъ на высочайшее воззрѣніе Государю Императору.

Въ «Извѣстіяхъ» разобраны редакторомъ нѣкоторыя изъ вновь вышедшихъ книгъ по части славянской и русской филологіи. Извлекаемъ изъ этихъ разборовъ главныя основныя мысли о сочиненіяхъ, наиболѣе заслуживающихъ вниманіе.

Второе путешествіе архимандрита Порфирія Успенскаго

въ Синайскій монастырь, въ 1850 году. Путешественникъ въ числѣ богослужебныхъ книгъ греческихъ, армянскихъ, грузинскихъ, сирскихъ, арабскихъ и абиссинскихъ нашелъ *глаголическую* псалтирь, писанную на пергаментѣ мелкимъ почеркомъ въ 8 д. листа. Любопытны замѣтки арх. Порфирія о крюковыхъ книгахъ греческихъ, относящихся къ X—XV в. Въ нихъ содержатся, кромѣ теоріи церковнаго пѣнія, имена пѣснеслагателей: Іоанна Дамаскина, Сгирòпула и другихъ, ихъ музыкальныя сочиненія, церковные распѣвы разныхъ народовъ — персидскій, франкскій, болгарскій, родосскій, солунскій, также церковныя пѣснопѣнія, изъ которыхъ видно, что Греки при византійскихъ царяхъ разнообразнымъ пѣніемъ умѣли выражать различныя чувствованія христіанскія.

Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ, корреспондента академіи, А. Θ. Гильфердинга. Это первый опытъ изслѣдованія русскаго ученаго, достойный признательности тѣмъ болѣе, что онъ отчетливѣе всѣхъ прежде вышедшихъ, и необходимъ для всякаго изслѣдователя по памятникамъ, которые до сихъ поръ оставались въ неизвѣстности.

Исторія русской церкви, сочиненіе Макарія, епископа тамбовскаго. Разборъ принадлежитъ профессору И. А. Чистовичу. Въ литературѣ нашей извѣстны три сочиненія по предмету исторіи русской церкви: митрополита Платона, А. Н. Муравьева и преосвященнаго Филарета, архіепископа харьковскаго. Преосвященный Макарій, съ рѣдкимъ, ему свойственнымъ искусствомъ, въ своемъ изображеніи церковныхъ дѣяній соединилъ ученый интересъ съ доступностью изложенія для всѣхъ степеней образованія. Полнота со стороны изученія и разработки матеріаловъ, равно и со стороны пояснительныхъ примѣчаній, стройность

и отчетливость въ планѣ, точность въ изложеніи событій, строгость выводовъ, безпристрастіе въ оцѣнкѣ событій, лицъ и характеровъ, наконецъ простота, обстоятельность и общепонятность изложенія, таковы достоинства, дающія Исторіи церкви Макарія преимущество предъ выше упомянутыми сочиненіями о томъ же предметѣ. Вышедшій томъ составляетъ продолженіе исторіи христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго князя Владиміра и доводитъ исторію до 1240 года, или до митрополита Кирилла II. Здѣсь русская церковь разсматривается: а) со стороны лицъ, ее составляющихъ, т. е. іерархіи и паствы; б) со стороны средствъ, какими она пользовалась, т. е. ея ученія, богослуженія и управленія, равно какъ правъ и преимуществъ; в) со стороны ея цѣли, т. е. вѣры и нравственности ея чадъ и г) со стороны ея внѣшнихъ отношеній къ другимъ церквамъ и религіознымъ обществамъ.

Грамоты, касающіяся сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV в., найдены въ рижскомъ архивѣ К. Ѳ. Напіерскимъ и изданы археографическою коммиссіею. Изслѣдователи отечественныхъ древностей оцѣнятъ это новое великолѣпное изданіе, какъ одно изъ самыхъ важныхъ для археографическихъ разысканій. Здѣсь въ отличныхъ снимкахъ и спискахъ одиннадцать актовъ XII — XIV в. Объясненія, приложенныя къ грамотамъ, принадлежатъ академику А. А. Кунику. Каждая изъ этихъ грамотъ вноситъ новый свѣтъ въ древность Руси и достойна особаго разсмотрѣнія. Всѣхъ важнѣе по древности и содержанію мирный договоръ Новгорода съ Нѣмцами, конца XII вѣка.

Обзоръ русской духовной литературы 862 — 1720 г. преосвященнаго Филарета, архіепископа харьковскаго, составляетъ богатый, тщательно обработанный матеріалъ для

исторіи русской литературы. Изслѣдованія автора — плодъ глубокой и основательной учености, обширнаго знакомства не только съ древнею письменностью, но и съ иностранными ея пособіями. Здѣсь, вмѣстѣ съ сочиненіями каждаго писателя, представлена кратко сущность всего, чтò можно о немъ сказать.

Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа, А. Майкова. Это заглавіе уже указываетъ на двойственное содержаніе сочиненія: одна часть заключаетъ въ себѣ изслѣдованія лингвистическія, другая, исторію судебъ сербскаго православнаго народа въ собственной Сербіи, Босніи и Дубровникѣ. Трудъ Майкова, достойный признательности и уваженія ученыхъ, даетъ ему право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между писателями, занимавшимися исторіей славянскихъ народовъ.

Исторія с.-петербургской духовной академіи, профессора Ил. Чистовича, для исторіи русскаго просвѣщенія и словесности — пособіе необходимое. Авторъ болѣе всего разсматривалъ внутреннее училищное устройство, зависѣвшіе отъ этого успѣхи учащихся, равно и всѣ замѣчательныя личности и ихъ труды.

Академикъ П. П. Дубровскій читалъ мнѣніе свое о переводѣ Зендавесты на польскій языкъ Петрашевскимъ, и разсужденіе объ Ад. Мицкевичѣ, въ которомъ изложена біографія поэта, обозрѣны стихотворенія его и лекціи о литературѣ славянскихъ народовъ.

Сверхъ общихъ занятій Отдѣленія литературные труды членовъ были слѣдующіе:

Академикъ, преосвященный Макарій, окончилъ и издалъ первыя три книги Исторіи русской церкви, обнимающія собою первый ея періодъ; напечаталъ новымъ изданіемъ въ двухъ томахъ Православно-догматическое богословіе и исторію русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства. Со времени назначенія на каѳедру тамбовской епархіи, преосвященный произнесъ болѣе двадцати словъ и рѣчей, изъ которыхъ напечатаны: Рѣчь при послѣднемъ священнослуженіи въ церкви с.-петербургской духовной академіи, и Слово къ паствѣ тамбовской въ день Пресвятыя Троицы. Подъ редакціею преосвященнаго изданы первыя шесть книжекъ «Христіанскаго чтенія», гдѣ помѣщены три историческія статьи его преосвященства.

Академикъ М. П. Погодинъ занимался изслѣдованіями о новгородской исторіи и изданіемъ пятаго тома своихъ лекцій, въ которомъ заключается обозрѣніе исторіи до Татаръ.

Академикъ С. П. Шевыревъ продолжалъ «Исторію русской словесности», и съ этой цѣлью онъ работалъ въ библіотекахъ: синодальной, Іосифова Волоколамскаго монастыря и въ нѣкоторыхъ частныхъ. Скоро приступитъ онъ къ изданію третьяго тома «Исторіи словесности».

Академикъ И. И. Срезневскій, кромѣ редакціи «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ», гдѣ большая часть изслѣдованій носитъ его имя, занимался изысканіями *палеографическими*, не только со стороны письменъ старинныхъ памятниковъ, но и какъ матеріалами для исторіи образованности. Въ послѣдніе полвѣка у насъ сдѣлано довольно много въ этомъ отношеніи, преимущественно академикомъ А. Х. Востоковымъ; но основанія палеографическія доселѣ остаются тайной. Мы относимъ рукописи къ тому или другому вѣку болѣе по навыку, безъ положительныхъ и опредѣленныхъ на то указаній. Отдѣленіе, съ цѣлію вывести изъ письменъ

рукописей критерій, по которому возможно бы было опредѣлять время той или другой рукописи, предприняло составить Сборникъ снимковъ съ рукописей и свести письмена по вѣкамъ. При содѣйствіи Отдѣленія, академикомъ И. И. Срезневскимъ памятники до-монгольскаго періода обозрѣны почти всѣ, а нѣкоторые разсмотрѣны даже подробно, равно весьма многіе изъ памятниковъ XIII и XIV в. При анализированіи памятниковъ обращается вниманіе не только на слова и ихъ строй, но и на опредѣленіе терминологіи. Кромѣ изученія внѣшней ихъ стороны, какъ выше замѣчено, изслѣдуется и внутреннее содержаніе, для извлеченія чертъ, касающихся народной жизни.

Академикъ И. И. Срезневскій также продолжаетъ составленіе Словаря древняго русскаго языка по всѣмъ памятникамъ нашей древности.

Академикъ А. В. Никитенко занимался редакціею «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Онъ также напечаталъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій начало своихъ путевыхъ наблюденій и замѣтокъ о разныхъ предметахъ искусства, составленныхъ во время полугодичнаго пребыванія его въ Германіи и Франціи.

Академикъ П. П. Дубровскій постоянно сообщалъ въ періодическія изданія статьи о современномъ состояніи польской литературы. Онъ приготовилъ къ печати матеріалы для сравнительнаго изученія польскаго языка, въ отношеніи къ языку старославянскому и русскому. Изъ этихъ матеріаловъ можно видѣть, какъ одно и то же слово въ обоихъ соплеменныхъ языкахъ принимаетъ различные оттѣнки смысла, какъ иное реченіе или цѣлое выраженіе вышло изъ употребленія въ языкѣ польскомъ, а живетъ еще въ русскомъ, и наоборотъ.

Отдѣленіе въ нынѣшнемъ году продолжало издавать подъ

редакціею достопочтеннѣйшаго сочлена своего, академика И. И. Срезневскаго, «Извѣстія». Оно напечатало:

1) «Ученыхъ Записокъ» книгу III. Въ отдѣлѣ лѣтописей этой книги помѣщено воспоминаніе предсѣдательствующаго о столѣтіи русской рамматики; въ отдѣлѣ изслѣдованій: 1) Обзоръ русской духовной литературы, преосвященнаго Филарета, архіепископа харьковскаго. 2) О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литератуномъ, корреспондента М. И. Сухомлинова. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Ученыхъ Записокъ» будетъ помѣщена хроника Георгія Амартола, приготовленная къ изданію г. Муральтомъ. Въ предисловіи къ этой хроникѣ разсмотрѣны списки ея, хранящіеся въ разныхъ библіотекахъ. Сверхъ того г. Муральтъ составляетъ именной и лингвистическій указатель къ хроникѣ.

2) «Памятники и образцы народнаго языка и словесности Русскихъ и Славянъ западныхъ». Начало этому сборнику положено въ 1852 г., вмѣстѣ съ «Извѣстіями», при выпускахъ которыхъ выходили и листы Памятниковъ.

3) «Матеріаловъ для сравнительно и объяснительнаго Словаря и Грамматики» т. 3. Въ этомъ томѣ помѣщены: 1) первая часть Словаря малорусскаго, А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго; 2) первая часть Словаря болгарскаго, Н. Герова; 3) продолженіе санскрито-русскаго Словаря, К. А. Коссовича; 4) изслѣдованія Я. К. Грота, о русскихъ существительныхъ и о русскихъ глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ; 5) Цегелскаго, о польскомъ глаголѣ; 6) Г. С. Дестуниса, о новогреческомъ языкѣ; 7) Михаила Стаховича, Сборникъ народныхъ техническихъ выраженій.

4) «Отчеты второму Отдѣленію академіи наукъ о филологическомъ путешествіи» по западнымъ краямъ Россіи, кандидата С. П. Микуцкаго. Здѣсь любопытны замѣчанія

о литовскомъ языкѣ и о славянскихъ нарѣчіяхъ сравнительно съ другими сродными языками, равно и о формахъ образованія словъ.

5) «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», А. Пыпина. Три рода памятниковъ разсматриваетъ авторъ: 1) повѣсти и сказки, переведенныя съ греческаго на старославянское нарѣчіе; 2) повѣсти и сказки, переведенныя на славянорусское и русское нарѣчіе съ польскаго и нѣмецкаго языка; 3) повѣсти и сказки чисто русскія, написанныя или записанныя въ до-Петровское время. Памятники всѣхъ трехъ родовъ разсмотрѣны почти исключительно по рукописямъ, при чемъ обращаемо было вниманіе на различіе списковъ.

6) «Историческія чтенія о языкѣ и словесности», книга 3-я.

7) «Русскій библіографическій указатель за 1855 годъ», составленный Ламбинымъ, помощникомъ библіотекаря академіи. При книгахъ указаны критическія статьи о нихъ, помѣщенныя въ повременныхъ изданіяхъ, а при особыхъ оттискахъ статей тѣ сборники, въ которыхъ они содержатся. Въ концѣ, кромѣ оглавленія, есть алфавитъ авторовъ, переводчиковъ и издателей. Любопытно изъ этого указателя узнать о состояніи литературы нашей въ 1855 году. Всѣхъ книгъ, со включеніемъ учебниковъ, періодическихъ изданій, атласовъ, ландкартъ, было около тысячи. Изъ нихъ можно считать одну девятую часть собственно литературныхъ сочиненій; остальныя относятся къ различнымъ отраслямъ наукъ физико-математическихъ и другихъ. Перевѣсъ сочиненій по предметамъ, называемымъ *положительными*, передъ изящною словесностью слишкомъ великъ; между тѣмъ какъ состояніе литературы самое блистательное состоитъ въ союзѣ наукъ съ изящными искусствами.

Исполняя прямую обязанность, указанную въ Положеніи: *хранить и утверждать языкъ*, Отдѣленіе сочувствовало и изящному слову. Для украшенія трудовъ своихъ и для сохраненія въ нихъ важныхъ народныхъ событій, оно помѣщало въ «Извѣстіяхъ» нѣкоторыя замѣчательныя современныя литературныя произведенія академиковъ и корреспондентовъ, какъ образцы краснорѣчія и поэзіи. Таковы рѣчи академика, знаменитаго духовнаго витіи нашего, митрополита московскаго, высокопреосвященнѣйшаго Филарета, произнесенныя имъ при священномъ коронованіи Государя Императора; Ода академика С. П. Шевырева, на то же событіе; стихотвореніе академика, князя П. А. Вяземскаго: Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ. Украшеніе ученыхъ изслѣдованій образцами краснорѣчія и поэзіи считаемъ мы необходимымъ и для восполненія недостатка въ наше время изящной словесности.

Отдѣленіе вмѣняетъ себѣ въ особенную честь сношенія свои съ посторонними вѣдомствами о вопросахъ, касающихся языка нашего, по нѣкоторымъ отраслямъ художествъ, ремеслъ и промышленности еще не установившагося. Непрерывныя новыя открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія вводятъ новыя понятія и требуютъ имъ свойственныхъ выраженій. Такъ его высокопревосходительство министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ Отдѣленію отъ лица главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями списокъ словъ по производству желѣзныхъ дорогъ. Извѣстно, что, при введеніи новаго какого-либо изобрѣтенія, принимаются слова того народа, среди котораго изобрѣтеніе родилось, или они буквально переводятся. Но когда производство усиливается, тогда реченія, насильственно заимствованныя, замѣняются отечественными. Время и народное употребленіе — самые лучшіе преобразователи языка: ученые только

прислушиваются къ нимъ и ихъ словопроизведенію даютъ право гражданства.

Вотъ, милостивые государи, занятія Втораго Отдѣленія академіи въ истекшемъ году. Достигаемъ ли мы своей цѣли, рѣшитъ вашъ справедливый судъ. Съ нашей стороны, по крайней мѣрѣ, было усердіе ревностное къ родному языку и словесности. Съ Божіею помощію, мы сдѣлали, что̀ могли. Одушевленіемъ и просвѣщеннымъ руководствомъ въ трудахъ нашихъ мы обязаны президенту академіи, по любви своей къ наукамъ и отечественной литературѣ, всегда готовому поддержать всякое полезное академическое предпріятіе и ободрить каждаго академика высокимъ своимъ покровительствомъ. Мы считаемъ долгомъ изъявить глубокую благодарность высокопреосвященнѣйшему митрополиту новгородскому Григорію, постоянно содѣйствующему намъ радушнымъ позволеніемъ пользоваться книжными монастырскими сокровищами. Благодаримъ и постороннихъ литераторовъ, оказавшихъ намъ ученое пособіе. Порадуемся, если благонамѣренные ревнители всякаго добраго преуспѣянія удостоятъ вниманіемъ своимъ безкорыстные наши труды. Мы знаемъ, что опи не удовлетворяютъ большинства читателей, предпочитающихъ сухимъ лингвистическимъ изысканіямъ живые цвѣты поэтическіе. Такова участь всѣхъ добычъ науки: искусство даетъ имъ жизнь. Академики открываютъ источники новыхъ богатствъ языка, разработываютъ лѣтописи и другіе письменные памятники древней Руси, собираютъ повсюду и приводятъ въ сознаніе своенравную народную рѣчь; писателямъ, владѣющимъ художественнымъ словомъ, остается оживлять литературныя добычи ученыхъ и въ нѣмыя хартіи влагать душу.

Академіи и другія ученыя общества, еще незабвенный Карамзинъ говорилъ, не предписываютъ законовъ ни общественному вкусу, ни дарованіямъ касательно выбора предметовъ для творчества: писатели слѣдуютъ собственному влеченію, а читатели избираютъ, что̀ имъ нравится, и не нуждаются въ указаніяхъ. Но посвящающіе всю жизнь наукамъ и наблюдающіе за успѣхами ихъ и словесности почитаютъ своимъ долгомъ вникать въ причины того или другаго направленія вѣка. Что можетъ быть для насъ важнѣе этого вопроса въ нынѣшній положительный вѣкъ, когда по-видимому міръ вещественный предпочитается міру духовному?

Литературныя произведенія всегда служатъ выраженіемъ потребностей и вкуса современнаго общества; а современная литература показываетъ, что нашъ вѣкъ преслѣдуетъ преимущественно міръ внѣшній, или чувственный, и мало заботится о мірѣ внутреннемъ, или идеальномъ. Науки, занимающіяся этимъ внѣшнимъ міромъ, обаятельнымъ могуществомъ своимъ и приложеніемъ къ жизни многихъ полезныхъ, даже удивительныхъ открытій и изобрѣтеній, привлекли на свою сторону наибольшую часть лучшихъ умовъ. Въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ Европѣ процвѣтала поэзія; въ настоящее время поэзія уступила первенство наукѣ, идеальное направленіе умовъ замѣнено вещественнымъ. Въ Германіи лира Шиллера и Гёте умолкла — и нѣтъ равносильнаго имъ таланта, который бы пробудилъ ея струны. Франція, еще гордая писателями вѣка Людовика XIV, перечитываетъ Гюго и Ламартина. Въ англійской литературѣ вѣетъ вдохновеніе Байрона. У насъ то же самое явленіе: творенія изящной словесности едва замѣтны среди произведеній наукъ по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія человѣческаго. Много ли представлено драматическихъ сочиненій на состязаніе наградъ графа Уварова? Между тѣмъ Деми-

довскія преміи, назначенныя для увѣнчанія сочиненій ученыхъ, постоянно находятъ достойныхъ соискателей.

При такомъ состояніи литературъ невольно приходишь къ заключенію, что для поэзіи и наукъ существуютъ періоды, какъ въ природѣ физической существуетъ особая пора года для цвѣтовъ и плодовъ. Но въ мірѣ внутреннемъ весна и осень, какъ и всѣ психическія проявленія, происходятъ отъ извѣстнаго развитія силъ душевныхъ. Образованіе духовнаго организма тогда только производитъ и цвѣты, и плоды, когда оно равно дѣйствуетъ на всѣ силы нашего духа: умъ, волю и чувство. Нельзя ожидать всесторонняго развитія этихъ силъ, если мы, обольщаемые болѣе выгоднымъ реальнымъ обученіемъ, оставляемъ въ небреженіи трудное образованіе всестороннее — классическое. Орудіе, дарованное намъ свыше, въ которомъ дружно дѣйствуютъ всѣ представители духовнаго организма, есть *слово*. Мысль и слово нераздѣльны: слово необходимо для воплощенія мысли въ мірѣ явленій; равно и мысль даетъ слову жизнь и значеніе. Наука о мысли — вмѣстѣ наука и о словѣ: произведенія словесныя слѣдуютъ опредѣленнымъ законамъ логическимъ подъ вліяніемъ творческой фантазіи. Оттого столь благотворно дѣйствіе на душу словесности, въ которой сосредоточивается классическое образованіе. Тотъ, кто полюбитъ художественныя творенія писателей, посвятивъ себя наукѣ или службѣ общественной, въ часы досуга найдетъ въ нихъ наслажденія чистыя и благородныя; изъ нихъ будетъ онъ почерпать мысли и чувства, способныя руководствовать его на пути жизни и подкрѣплять его дѣятельность. Наклонность къ совершенствованію дара слова и вкусъ къ изящному всегда обнаруживаютъ самыя счастливыя дарованія. Прекрасное слово поэзіи, исторіи, витійства, отзывается въ сердцѣ каждаго изъ насъ: потому что для каждаго сладо-

стно сочувствовать стремленію духа ко всему возвышенному — ко всему, что̀ хотя на нѣсколько времени отрываетъ насъ отъ тягостныхъ заботъ житейскихъ, отзывая въ родную сферу духа.

Для достиженія этой цѣли, должно изучать писателей, какъ живописцы изучаютъ безсмертныя произведенія Рафаэля или Микель-Анжело. Сродниться съ ними всего лучше посредствомъ переложенія ихъ на родной языкъ. Предшественники наши на поприщѣ словесности этимъ способомъ содѣйствовали усовершенствованію стиха и рѣчи. Переводы Карамзина и Жуковскаго до сихъ поръ служатъ образцами прекраснаго русскаго слова, и мы еще лучшаго ничего не произвели. Въ иностранныхъ литературахъ классическіе авторы, древніе и новые, читаются въ нѣсколькихъ переводахъ; оттого въ языкѣ народовъ, упредившихъ насъ въ просвѣщеніи и богатыхъ образцовыми твореніями литературными, такая правильность и точность, такое изящество. Въ умственной борьбѣ при переводѣ съ поэтомъ или ораторомъ выработываются и увеличиваются собственныя силы переводчика, образуется свой собственный слогъ. Науки — общее достояніе человѣчества, и переводы ученыхъ сочиненій, сообщающіе соотечественникамъ новыя знанія, обогащаютъ языкъ, но не образуютъ его. Напротивъ, переводы творческихъ созданій изящной словесности, возбуждающей всѣ силы духа нашего, и обогащаютъ языкъ, и образуютъ; они одинаковы съ превосходными списками съ картинъ первоклассныхъ живописцевъ. Въ словесномъ, какъ и въ другомъ искусствѣ, двѣ стихіи: міровая, или общая, и народная, или особенная. Красоты, составляющія характеръ народной словесности, уступаютъ красотамъ общимъ; первыя измѣнчивы, вторыя вѣчны. Общія стихіи въ словесныхъ твореніяхъ равно прекрасны для всѣхъ народовъ, въ Греціи ли

онѣ прежде явились, или въ Римѣ, во Франціи ли, или Германіи; мы всѣ понимаемъ ихъ, какъ всѣ понимаютъ истину и добродѣтель. Съ этой стороны разсматриваемые переводы справедливо ставятся въ одномъ ряду съ сочиненіями. Въ жизни мы образуемъ себя по идеалу, какой въ умѣ нашемъ носимъ, по которому размышляемъ и чувствуемъ, котораго всѣ тончайшіе оттѣнки мыслей выражаемъ въ словѣ. Такъ образуется и та художественная рѣчь, которую Гоголь, говоря о рѣчи Жуковскаго, почитателя Шиллера, назвалъ *легкою и безтѣлесною какъ видѣніе.*

Итакъ, не предписывая законовъ ни талантамъ, ни читателямъ, мы радуемся, что сочиненія ученыя находятъ читателей; но и сожалѣемъ о скудости произведеній изящной словесности, безъ которыхъ литература не можетъ имѣть ни полноты, ни силы, ни свѣжести. Науки не только бываютъ лишними для поэзіи и краснорѣчія; напротивъ, онѣ служатъ сокровищницею для ихъ содержанія. Преобразователь нашего языка, творецъ первой русской оды и первой русской грамматики, былъ академикъ и профессоръ химіи, писалъ о металлургіи, физикѣ, астрономіи. Не эта ли всеобъемлющая ученость и глубокое изученіе древнихъ и новыхъ писателей раскрыли въ немъ геніальныя способности, а поэзія ввела его въ міръ идеаловъ? Науки, проникающія въ тайны природы, насъ окружающей, на самой высшей степени усилій ума не исчерпываютъ всей дѣятельности безсмертнаго духа, этой божественной искры, насъ оживляющей. Явленія видимыя, которыя онѣ покоряютъ владычеству своему, представляютъ господство закона необходимости; тутъ нѣтъ мѣста свободному развитію идей и фантазіи, чарующей насъ въ своихъ созданіяхъ. Этой потребности удовлетворяетъ искусство, и, по преимуществу, *искусство слова*, или *идеальное изображеніе жизни и духа.* Науки лишь

въ совокупности съ изящною словесностью представляютъ литературу, полную жизни, цвѣтущую. Все великое отъ идеала. Красота художественная не идеалъ ли тѣхъ образовъ, которые не въ природѣ, а въ духѣ нашемъ почіютъ? И что самая добродѣтель, какъ не идеалъ, ведущій насъ ко всему благородному, честному, возвышенному? Послѣ столькихъ побѣдъ ума надъ природою вещественною, поищемъ пособія для увлеченія силы духовной. Такого совершенствованія можно ожидать только отъ образованія всесторонняго — классическаго. Творецъ «Новаго органа наукъ» назвалъ знаніе природы могуществомъ: но мудрецъ, сказавшій: «мыслю — слѣдовательно существую», призналъ могущество за духомъ, повелителемъ природы; въ немъ, по выраженію поэта,

«Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово».

Еще испрашиваю благосклоннаго вниманія вашего, милостивые государи: на насъ лежитъ горестная, но священная обязанность — воспоминаніе объ утратахъ, понесенныхъ Отдѣленіемъ и академіею.

На дняхъ получено извѣстіе о кончинѣ почетнаго члена Втораго Отдѣленія академіи, высокопреосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго, Филарета. Христіанское благочестіе и аскетическая жизнь знаменитаго архипастыря пріобрѣли ему всеобщее, благоговѣйное уваженіе, а многолѣтнее служеніе церкви, удостоенное высокаго Монаршаго благоволенія, и назидательныя поученія сохранятъ память его въ средѣ великихъ іерарховъ-святителей. Безъ сомнѣнія ученые паствы кіевской не замедлятъ представить почитателямъ покойнаго его жизнеописаніе.

Истекшаго ноября 19-го числа, скончался почетный членъ Втораго Отдѣленія академіи, предсѣдатель комитета иностранной цензуры, тайный совѣтникъ А. И. Красовскій. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, обучался въ гимназіи, бывшей при академіи наукъ. Въ службѣ находился библіотекаремъ въ Императорской публичной библіотекѣ, цензоромъ въ с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ и предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной. Въ продолженіе свыше пятидесятипятилѣтняго ревностнаго служенія онъ удостоивался многихъ всемилостивѣйшихъ наградъ: въ послѣдніе годы пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла и золотою табакеркою съ портретомъ Государя Императора. Россійскою академіею избранъ былъ въ дѣйствительные члены, а по преобразованіи ея, назначенъ почетнымъ членомъ Втораго Отдѣленія академіи наукъ. Въ описаніи торжественнаго открытія Императорской публичной библіотеки, въ 1814 г., помѣщены два сочиненія его: а) «Разсужденіе о пользѣ человѣческихъ познаній и о потребности общественныхъ книгохранилищъ»; b) «Историческое извѣстіе объ Императорской публичной библіотекѣ». По порученію россійской академіи, онъ издалъ въ 1839 г. первую часть «Опыта исторіи Императорской россійской академіи», заключающую описаніе перваго періода ея существованія.

Съ 11-го числа на 12-е текущаго декабря, лишились мы ординарнаго академика, сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Григорьевича Буткова. Онъ родомъ былъ изъ дворянъ; службу началъ во владимірскомъ драгунскомъ полку, изъ котораго переведенъ лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ, а потомъ въ тифлисскій мушкетерскій. По выходѣ изъ военной службы, былъ директоромъ училищъ воронежской губерній; находился въ Финляндіи при генералъ-губернаторѣ, и послѣ членомъ совѣта министра внутрен-

нихъ дѣлъ. Въ отсутствіе министра неоднократно управлялъ министерствомъ. По уваженію долговременной и полезной службы, всемилостивѣйше пожалованъ сенаторомъ.

Онъ былъ членомъ россійской академіи, по преобразованіи которой высочайше утвержденъ ординарнымъ академикомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Постоянно присутствуя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, Петръ Григорьевичъ принималъ въ занятіяхъ его живѣйшее участіе, особенно по части исторіи и древностей русскихъ. Имя его издавна памятно всѣмъ, кто слѣдилъ за ходомъ изысканій русскихъ древностей: въ продолженіе почти полувѣка появлялись въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ его труды, замѣчательные столько же обиліемъ и самостоятельностію соображеній, сколько остроуміемъ выводовъ и догадокъ, не говоря уже о начитанности и отчетливости въ указаніи источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался. Не мѣсто здѣсь исчислять всѣхъ статей небольшаго объема: довольно вспомнить о его запискахъ касательно Слова о полку Игоревомъ, Новгородскихъ грамотъ, Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ, Договоровъ со Шведами и о его важномъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ разборъ лѣтописи Нестора, изданномъ подъ названіемъ «Обороны лѣтописи русской отъ навѣтовъ скептиковъ», обороны не напрасной, потому что многое въ защиту Нестора, имъ высказанное, осталось принятымъ въ науку безъ возраженій.

Впрочемъ по тому, что̀ напечатано, еще нельзя судить о всемъ объемѣ разысканій покойнаго академика. Трудился онъ не изъ тщеславія, а по внутреннему стремленію любознательности. Онъ не могъ оставить безъ разсмотрѣнія ни одного памятника древней письменности нашей, сколько нибудь любопытнаго по отношеніямъ къ быту и судьбамъ народа, и ни одного вопроса изъ этой области знаній. Членамъ

Отдѣленія это извѣстно изъ устныхъ бесѣдъ его во время засѣданій, по поводу чтеній записокъ академиковъ и постороннихъ ученыхъ. Множество знаній, сообразительность и вмѣстѣ легкость отвѣчать готовыми выводами на трудные вопросы не могли не поражать всякаго тѣмъ болѣе, что нерѣдко съ тою же легкостью и отчетливостью представляемы имъ были и доказательства, подтверждавшія его убѣжденія. По тѣмъ замѣткамъ, которыя высказывались имъ изустно, можно полагать, что въ запискахъ его найдется много такого, чѣмъ подорожитъ всякій изслѣдователь древностей русскихъ.

Къ обширнымъ историческимъ знаніямъ покойнаго академика присоединялся свѣтлый умъ, кроткій характеръ и юморъ, выражавшійся въ его рѣчи. Уважаемый за свои заслуги и ученость, онъ былъ всѣми любимъ за прекрасный нравъ.

Въ нынѣшнемъ же году, 26 мая, окончилъ земное поприще въ Одессѣ высокопреосвященный Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій, тогда какъ мы здѣсь, съ духовнымъ наслажденіемъ, еще читали Слово его, произнесенное при гробѣ фельдмаршала, свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова. И церковь и академія понесли въ этомъ архипастырѣ утрату, надолго невознаградимую!

Посвятимъ этой славѣ нашей краткую бесѣду о его пастырской и ученой дѣятельности. Желали бы мы знать о первой юности и времени образованія его, о томъ, что̀ имѣло благотворное вліяніе на развитіе способностей его, о внутренней и домашней жизни, потому что въ людяхъ, свыше особыми дарами надѣленныхъ, все поучительно: но, при недостаткѣ подробныхъ свѣдѣній, мы съ сожалѣніемъ должны предоставить это будущему его біографу. Теперь взглянемъ на то, что̀ видимъ въ дѣлахъ его, и послушаемъ его собственнаго слова.

Покойный сочленъ нашъ, архіепископъ Иннокентій, въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, родился Орловской губерніи въ г. Сѣвскѣ, въ 1800 г. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ тамошней семинаріи, высшее — въ кіевской духовной академіи. Здѣсь почувствовалъ онъ жажду благороднаго соревнованія, въ кругу избранныхъ, даровитыхъ юношей, и со страстію предался наукамъ. Сочиненія свои, разсказываютъ коротко знавшіе его, онъ предварительно обдумывалъ вполнѣ во всѣхъ подробностяхъ, и потомъ писалъ набѣло. Чрезъ два, три дня пересматривалъ написанное, и если оно не удовлетворяло его, писалъ другое сочиненіе на ту же тему, иногда и третье, чтобъ представить наставникамъ то, какое самъ считалъ лучшимъ. Всѣ единогласно, профессоры и студенты, отдавали ему пальму первенства *). Монашество принялъ онъ въ 1824 году, а въ 1826 году уже былъ инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи. Здѣсь возведенъ онъ на высшую ученую степень — доктора богословія. Отсюда, въ 1830 году, переведенъ въ Кіевъ ректоромъ академіи, съ званіемъ профессора; въ 1839 году посвященъ въ епископы. Съ этого времени занималъ онъ мѣсто кіевскаго викарія по 1840 годъ, когда назначенъ былъ на паству въ Вологду, а въ слѣдующемъ году въ Харьковъ. Тогда же онъ присутствовалъ въ святѣйшемъ синодѣ. Въ санѣ архіепископа перемѣщенъ въ Одессу, гдѣ и оставался до самой кончины.

Свѣтлый умъ, обширная память, творческое воображеніе, всесторонняя ученость, увлекательное краснорѣчіе, величественный и благолѣпный видъ — всѣ лучшіе дары Неба соединялись въ нашемъ архипастырѣ. Близкій къ покойному

---

*) Преосвященный Макарій, въ біографической запискѣ объ Иннокентіи.

подчиненный *) такъ описываетъ владыку: «Часто однимъ взоромъ и мановеніемъ внушалъ онъ подчиненнымъ безпрекословное повиновеніе, содержалъ ихъ въ порядкѣ и вѣрности долгу. Строгость и благость мудро сорастворялись. Обыкновенно исправлялъ и вразумлялъ онъ виновныхъ, болѣе устрашая, нежели наказывая. Будучи самъ великъ и требуя немалаго отъ подчиненныхъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма снисходителенъ. Въ немъ совмѣщены были всѣ силы и способности души въ превосходной степени. Это былъ какъ бы нѣкій зиждительный духъ, оживлявшій собою всѣхъ, ободрявшій унылое, возвышавшій низменное, наполнявшій собою весьма многое и удаленіемъ своимъ всегда и вездѣ производившій ощущеніе пустоты».

Управляя духовными паствами, онъ созидалъ и благоукрашалъ храмы Божіи, совершалъ священныя торжества, возстановлялъ изъ развалинъ древнія иноческія обители, основалъ новыя, поддерживалъ и возвышалъ духъ благочестія. Такъ, съ разрѣшенія святѣйшаго синода, учредилъ онъ крестные ходы въ харьковской и херсонской епархіяхъ; открылъ Успенскій скитъ на Успенской горѣ подлѣ Бахчисарая, гдѣ уцѣлѣла отъ времени издревле высѣченная въ скалѣ церковь съ изображенною на стѣнѣ чудотворною иконою Божіей Матери. Въ Одессѣ, на берегу моря, устроилъ онъ часовню съ престоломъ во имя всѣхъ россійскихъ Святыхъ. Въ рѣчи, произнесенной при ея заложеніи, архипастырь говорилъ: «Море Черное! ты принесло намъ нѣкогда на хребтѣ твоемъ крестъ и евангеліе съ вѣрою православною. Зри и радуйся! Се питомцы сея вѣры, достигшіе въ мужа совершенна, въ мѣру возраста Христова, при-

*) Архимандритъ Серафимъ, ректоръ херсонской семинаріи, въ надгробномъ словѣ, предъ пренесеніемъ тѣла изъ крестовой церкви въ каѳедральный соборъ.

ходятъ въ ликахъ своихъ цѣлымъ соборомъ вселиться на брегѣ твоемъ, да разумѣешь, что сѣмя вѣры, тобою принесенное, не осталось безъ плода сторичнаго».

Сильно было вліяніе благодушнаго начальника на юныхъ дѣлателей вертограда Господня! *) — Съ рѣдкимъ благородствомъ, съ живымъ и теплымъ сочувствіемъ ободрялъ онъ и направлялъ ихъ на истинный путь ко благу церкви и къ славѣ Божіей. Сколько заботъ и попеченій его испытали сирые и бѣдные, оставленные на произволъ судьбы! Съ цѣлію одушевить таланты и поощрить къ ученымъ занятіямъ, онъ самъ съ ними трудился. Въ повременномъ изданіи с.-петербургской духовной академіи: «Христіанскомъ Чтеніи», превосходнымъ памятникомъ еще раннихъ твореній его будутъ служить: Исторія послѣднихъ дней жизни Іисуса Христа, Жизнь св. апостола Павла и Жизнь священномученика Кипріана, епископа кареагенскаго. Благотворному содѣйствію его обязано появленіемъ своимъ «Воскресное Чтеніе», изданіе кіевской академіи. Въ первые годы существованія своего украшалось оно поучительными статьями преосвященнаго. Извѣстныя «Чтенія о церковной словесности», «Бесѣды объ отношеніи церкви къ прихожанамъ», составлены подъ его руководствомъ и по данному имъ направленію.

Преданный священному дѣлу образованія другихъ, Иннокентій не оставлялъ продолжать и собственное совершенствованіе, особенно на поприщѣ проповѣдничества. Для слушанія его Словъ, которыя произносилъ онъ на память, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ необычайнымъ жаромъ и увлеченіемъ, Словъ умилительныхъ, трогательныхъ, стекались несмѣтныя толпы. Имя проповѣдника, поражавшаго и

*) Христ. Чт. 1857, Авг.

приводившаго въ восторгъ слушателей, затмившаго собою всѣхъ проповѣдниковъ, когда-либо бывшихъ въ Кіевѣ, переходило изъ устъ въ уста *).

Сочиненія Иннокентія читаются во всѣхъ концахъ Россіи, и ихъ нельзя довольно начитаться. Проповѣдуя о высокихъ истинахъ вѣры, онъ кажется вдохновеннымъ, возноситъ душу и вмѣстѣ изучаетъ съ совершенною ясностью, потому что высокія истины христіанскія находили въ его сердцѣ живое сочувствіе. Драгоцѣнно для церкви наслѣдіе, имъ оставленное — каноны и акаѳисты: Пресвятой Троицѣ, Божественнымъ Страстѣмъ, Живоносному Гробу и Воскресенію Христову, Покрову Пресвятыя Богородицы, Архангелу Михаилу. Текстъ и содержаніе акаѳистовъ заимствовалъ преосвященный, по собственному его сознанію, изъ извѣстнаго Почаевскаго Акаѳистника, но только сокращалъ подлинникъ, очищалъ, усовершалъ въ силѣ.

Изъ проповѣдей Иннокентія можно составить полный годичный кругъ назидательныхъ духовныхъ поученій. Въ нихъ не перестаешь удивляться то глубинѣ мыслей и сближенію истинъ священнаго писанія съ событіями міра и жизнью, то изяществу изложенія, каждому вразумительнаго. Евангельское ученіе передается съ такою простотою, съ такимъ умилительнымъ чувствомъ, что, сливаясь съ этимъ чувствомъ, не постигаешь, какъ оно не развилось прежде, при собственномъ чтеніи евангелія. Исчислимъ эти перлы церковнаго краснорѣчія: Слова и рѣчи къ паствѣ вологодской; Страстная Седмица и Свѣтлая Седмица, относящіяся ко времени кіевскаго викаріатства; Бесѣды на Святую Четыредесятницу; Бесѣды на Рождество Христово; Слово, бесѣды и рѣчи къ харьковской паствѣ; Бесѣды на

---

*) Преосвященный Макарій въ біограф. запискѣ объ Иннокентіи.

Великій Постъ. Всѣ эти душеспасительныя поученія — духовная пища православныхъ; они передадутъ отдаленнымъ вѣкамъ незабвенное его имя.

Проповѣдь преосвященнаго Иннокентія — бесѣды, слова и рѣчи, по весьма вѣрному замѣчанію ученаго рецензента витіи *), представляетъ одно цѣлое: предметъ этой проповѣди — убѣжденіе въ истинѣ жизни Богочеловѣка, Спасителя нашего, о которой напоминаетъ намъ церковь своими священнодѣйствіями. Самъ проповѣдникъ высказываетъ значеніе своихъ словъ. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ **), если мы въ мысляхъ, чувствахъ и дѣяніяхъ своихъ будемъ постоянно *выражать образъ жизни нашего Господа;* то симъ самымъ безъ споровъ, безъ труда заградимъ уста всѣмъ врагамъ Его. Іудей, смотря на насъ, скажетъ тогда: вѣрно въ самомъ дѣлѣ возсталъ Христосъ изъ гроба, а не украденъ учениками, какъ клевещутъ предки наши; ибо смотри — Онъ живъ въ Христіанахъ!» Этотъ главный и основный предметъ проповѣди Иннокентія особенно проявляется въ трехъ моментахъ бытія христіанскаго: *въ жизни, смерти и возрожденіи*, заключающихся въ трехъ седмицахъ его: Первой Великаго Поста, Страстной и Свѣтлой.

Первая седмица Великаго Поста изображаетъ *жизнь* нашу, служащую приготовленіемъ къ смерти и къ новой жизни, или возрожденію. Исповѣдь и причащеніе св. таинъ, совершаемыя въ эту седмицу, внутренно очищаютъ нашъ духъ. Въ Бесѣдахъ этихъ проповѣдникъ, какъ духовный врачъ, погружаетъ душу нашу въ таинство покаянія, въ значеніе покаянной молитвы. «Въ суды мірскіе, говоритъ онъ, являются, чтобы оправдать себя; въ судилище духов-

---

*) Акад. С. П. Шевырева въ Москвит. 1843 г. № 4.

**) Свѣтл. Седм. стр. 17.

ное приходятъ съ тѣмъ, чтобъ обвинять себя. Тамъ наибольшею свободою пользуется тотъ, кто наиболѣе успѣлъ доказать свою невинность; здѣсь наибольшее помилованіе тому, кто наиболѣе сознаетъ свою грѣховность».

Въ Страстной седмицѣ мы у Креста, созерцаемъ распятаго Господа, съ благоговѣніемъ внимаемъ семи словамъ, сказаннымъ со Креста, въ которыхъ выразилась вся жизнь нашего Искупителя. Первымъ словомъ прощены враги; вторымъ преподано утѣшеніе матери и любимому ученику, и тѣмъ исполнены обязанности человѣческія; третьимъ принятъ въ умиравшее сердце кающійся разбойникъ, а въ лицѣ его и все человѣчество; четвертымъ выражено тѣлесное страданіе распятаго въ мучительномъ томленіи жажды; пятымъ — страданіе духовное, оставленіе отъ Отца. Въ шестомъ словѣ: совершишася, *коего одна вѣчность покажетъ всю широту и всю силу*, заключилась вся будущность христіанства. Въ послѣднемъ, седьмомъ словѣ, которымъ Сынъ соединился съ Отцемъ, послѣдовало соединеніе съ Нимъ черезъ Сына и всего человѣчества. Такъ проповѣдникъ, раскрывая намъ всю силу божественныхъ словъ, научаетъ насъ умирать съ Господомъ.

Но вотъ предъ нами и гробъ Христовъ: здѣсь судъ міру. Пріидите, вѣщаетъ намъ Спаситель чрезъ пророка, *пріидите и истяжимся!* Смотрите, что̀ я сдѣлалъ для васъ! Явите, что̀ вы сдѣлали для Меня! или паче для себя. — Сколько спасительныхъ поученій вылилось тутъ изъ устъ проповѣдника! «Хотятъ быть богами, а убѣгаютъ отъ Бога! Не Богъ скрылся отъ человѣка, а человѣкъ скрылся отъ Бога. Первые враги Креста Христова люди, коимъ Богъ — ихъ *я*. Другаго рода враги Креста тѣ, для коихъ, по выраженію апостола, Богъ — ихъ *чрево*. Сынъ Божій на Крестѣ: подлинно чудо изъ чудесъ! Спаситель міра въ гробѣ:

точно тайна изъ тайнъ! Ты говоришь, что это для тебя непостижимо. А тебѣ говорятъ, что это непостижимо для самихъ ангеловъ. И зачѣмъ пугаться непостижимаго? Ты удивляешься природѣ и благоговѣешь предъ нею: но все ли ты постигъ въ ней? — Богу совершенно постижимому, ты престалъ бы и поклоняться».

Проповѣдь Свѣтлой седмицы исполнена сладостнаго довольства. «Какое великое счастіе быть христіаниномъ, восклицаетъ нашъ духовный витія. Гдѣ столько свѣта и жизни, какъ въ евангеліи? Одни мы, христіане, носимъ крестъ; одни мы празднуемъ и Воскресеніе». Здѣсь объясняется символъ пасхи, какъ торжества вѣры, любви и надежды.

Внутреннему значенію трехъ седмицъ соотвѣтствуетъ самый слогъ. Первой, говоря словами проповѣдника, приличны не цвѣты краснорѣчія, а *слезы и пепелъ покаянія.* Слово Страстной проникнуто глубокимъ чувствомъ умиленія. Свѣтлая седмица торжественна и усладительна.

Въ послѣднюю войну нашу съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею живительное слово архипастыря ободряло героевъ-защитниковъ Севастополя подъ оглушительнымъ громомъ и убійственными ядрами непріятельскихъ орудій. Не рѣдко мысль, возбужденная чтеніемъ Евангелія или Апостола при богослуженіи, влекла витію къ проповѣди — и неожиданно лилось поученіе сладостное. Словъ и Рѣчей, по случаю нашествія непріятельскаго, произнесено имъ двадцать два въ 1854-мъ и шестнадцать въ 1855-мъ году. Доводилось знаменитому пастырю словомъ своимъ утѣшать скорбную паству нѣсколько дней сряду. Такъ въ 1854 году, 8-го апрѣля, произнесено имъ слово въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, при появленіи непріятельскаго флота. На другой день, тамъ же витія нашъ укрѣплялъ проповѣдью духъ воиновъ и жителей, во время облежанія города вра-

гами. Въ памятный день бомбардированія Одессы соединеннымъ флотомъ англо-французскимъ, 10-го апрѣля, стекшіеся въ храмъ жители успокоены умилостивительною проповѣдью. Они съ архипастыремъ своимъ встрѣтили слѣдующій день — день Пасхи за литургіею, молились въ тотъ же день и за вечернею. Привѣтствуя слушателей съ Свѣтлымъ Воскресеніемъ, архипастырь говорилъ: «Вчера спогребохся Тебѣ, Христе: совостаю днесь, воскресшу Тебѣ! — Какъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко значеніе сей священной пѣсни церковной, въ настоящій день цѣлый городъ нашъ можетъ приложить ее къ себѣ, и ставъ предъ изображеніемъ Воскресшаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ сказать: Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ!»

Съ словомъ утѣшенія являлся великій архипастырь и на полѣ битвы. Въ лагерной севастопольской церкви, 1855 года 25 іюня, сказалъ онъ: «По всему лицу земли русской нѣтъ ни одного сына отечества, который бы въ настоящее время не привиталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественными защитниками Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими ранами, равно какъ и не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостію и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, не возможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, чтò происходитъ съ вами — и радостнаго, и печальнаго».

Этихъ указаній, думаю, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ вышеупомянутомъ началѣ, изъ котораго развились всѣ слова, бесѣды и рѣчи Иннокентія — выраженіи *идеала жизни нашей*, *образа жизни Спасителя*, Его страданія, окончившагося смертію и прославленнаго воскресеніемъ.

Послѣднее служеніе совершено архипастыремъ въ Симферополѣ, 23-го апрѣля истекающаго года. Здѣсь произнесена витіею и послѣдняя проповѣдь о *загробной жизни*. Взирая на Крестъ, къ подножію котораго повергаются царь и послѣдній рабъ, мудрецъ и простолюдинъ, онъ показываетъ, въ чемъ состоитъ спасеніе: «Главное поле брани для христіанина есть его сердце. Внѣшніе враги не много значатъ для него, если внутри нѣтъ мятежа.... И противъ сего-то домашняго зла должны быть устремлены всѣ силы и все мужество.... Кто не ведетъ сей внутренней брани, тотъ христіанинъ по одному имени. Только побѣда надъ самими собою дѣлаетъ насъ истинными христіанами.... Безъ сего нѣтъ и не можетъ быть спасенія». Какая философія преподастъ болѣе вѣрныхъ и душеспасительныхъ совѣтовъ для жизни?

Соображая духъ твореній великихъ святителей церкви Христовой четвертаго вѣка — Василія, Григорія Назіанзинскаго и Іоанна Златоустаго, убѣждаешься, какъ совершенно усвоилъ проповѣдь ихъ нашъ архипастырь. Но сердце его наиболѣе сочувствовало послѣднему: его избралъ онъ своимъ идеаломъ. Въ усладительныхъ и живыхъ словахъ Иннокентія вѣетъ духъ святителя константинопольскаго: и глубина мыслей, и богатство содержанія, и изображеніе величественныхъ картинъ природы, и вмѣстѣ съ тѣмъ одушевленный языкъ, въ словѣ свѣтъ того ослѣпительнаго солнца, которое горитъ на очаровательномъ небѣ востока — чистая нравственность, украшенная поэзіею. Изъ новѣйшихъ проповѣдниковъ нашъ незабвенный архипастырь предпочиталъ всѣмъ Массильона. Если соединеніе двухъ элементовъ — чувства и воображенія съ глубокимъ размышленіемъ представляетъ образецъ проповѣди; то духовное краснорѣчіе покойнаго нашего сочлена близко подходитъ къ этому идеалу.

Служеніе его и назидательное проповѣдываніе удостоены многихъ Монаршихъ милостей: онъ былъ высочайше назначенъ въ члены святѣйшаго синода, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго и награжденъ алмазнымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ. Отъ греческаго короля получилъ онъ орденъ Спасителя. Серебряная медаль на георгіевской лентѣ и бронзовый крестъ на владимірской, въ память минувшей войны, украшали также его грудь. Бывшая россійская академія, Императорская академія наукъ и разныя ученыя общества почтили литературныя заслуги витіи принятіемъ его въ свои члены. Проповѣди его переведены на греческій, нѣмецкій, французскій и польскій языки.

Столь знаменитаго архипастыря мы лишились — и когда? Смерть застигла его среди трудовъ и подвиговъ во славу церкви, въ усердномъ служеніи Государю и отечеству! Еще онъ собиралъ свѣдѣнія для историческаго описанія священныхъ древностей Крыма, для составленія Церковнаго Архива, имѣя въ виду соединить въ немъ всѣ важнѣйшіе письменные памятники, относящіеся къ нашей церковной исторіи *). Не успѣлъ онъ совершить и другихъ полезныхъ предначинаній для церкви и науки; не успѣлъ осуществить и задушевной мысли своей, которую высказывалъ въ бесѣдахъ — мысли поклониться гробу Господню, оросить его слезами, облобызать мѣста, запечатлѣнныя стопами божественнаго Спасителя. Изъ Симферополя возвратился онъ въ Одессу уже больной. Въ предсмертные дни не оставлялъ онъ занятій пастырскихъ и заботъ, слушалъ чтеніе книгъ, преимущественно проповѣдей митрополита московскаго Филарета и жизни митрополита Платона; наканунѣ приказалъ отслужить вселеп-

*) Преосвященный Макарій въ Біогр. запискѣ объ Иннокентіи.

ную панихиду и читать канонъ Св. Троицѣ. Кончина доблестнѣйшаго архипастыря, послѣдовавшая въ тотъ самый день, въ который онъ совершалъ первую литургію въ одесскомъ соборѣ, по прибытіи его въ епархію, была мірная и тихая; достойно встрѣтилъ ее высокопреосвященный, какъ срѣталъ и разнообразныя судьбы Божіи въ жизни своей — въ мирѣ души, съ преданностью Провидѣнію. Не тщетно проповѣдывалъ онъ въ ободреніе тѣмъ, которые рѣшились мужественно идти противъ искушеній, служить Богу, искать его царствія на землѣ: «Утѣшьтесь, говорилъ онъ. Время подвиговъ вашихъ сократилось; число искушеній, васъ ожидающихъ, умалилось, вы ближе подошли къ мѣсту своего успокоенія, и нѣкоторыя изъ васъ, можетъ быть, въ наступающемъ лѣтѣ будутъ навсегда разрѣшены отъ узъ плоти и явятся къ Небесному Мздовоздателю».

Печальный обрядъ погребенія совершили и воздали почившему послѣдній долгъ общей всѣхъ русскихъ признательности преосвященные Иринархъ, архіепископъ кишиневскій, и Поликарпъ, викарій одесскій.

Въ заключеніе бесѣды нашей о пастырской и ученой дѣятельности покойнаго академика обратимся съ его же словами *) къ Господу и Владыкѣ жизни и судебъ человѣческихъ, и изліемъ чувства живѣйшей благодарности не только за дарованіе ему столь многихъ и прекрасныхъ талантовъ, но и за то, что, при помощи всемогущей благодати, эти таланты не остались погребенными въ землѣ, а явились во всей силѣ и блескѣ, и употреблены на пользу общую. Вся слава земная остается на землѣ, а въ вѣчность идутъ за человѣкомъ одни дѣла его, по которымъ онъ или осудится,

---

*) Слово при погребеніи генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова, 10 ноября 1856.

или будетъ помилованъ Судіею живыхъ и мертвыхъ. Созерцая теперь жизнь отшедшаго отъ насъ сочлена нашего, мы можемъ утѣшиться надеждою, что онъ, по земномъ странствіи, *внидетъ въ радость Господа*, когда настанетъ день всеобщаго обновленія, когда сѣемое въ тлѣніе возстанетъ въ нетлѣніи, и изъ посѣяннаго тѣла душевнаго возникнетъ тѣло духовное, неразрушимое, безболѣзненное, свѣтоносное.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

I.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ, АРХІЕПИСКОПѢ ХЕРСОНСКОМЪ И ТАВРИЧЕСКОМЪ.

(ОРД. АКАД. ПРЕОСВ. МАКАРІЯ, ЕПИСКОПА ТАМБОВСКАГО И ШАЦКАГО).

Не стало еще одного изъ великихъ людей нашей эпохи, одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи, изъ доблестныхъ іерарховъ церкви, изъ знаменитыхъ членовъ нашей академіи: не стало Иннокентія, архіепископа херсонскаго и таврическаго!

Въ жизни этого святителя, начавшейся вмѣстѣ съ началомъ XIX-го столѣтія, и окончившейся въ истекающемъ году, можно различать три періода: первый — періодъ его собственнаго воспитанія; второй, когда онъ былъ воспитателемъ другихъ въ духовноучебныхъ заведеніяхъ; третій — періодъ его служенія церкви и отечеству въ санѣ епархіальнаго іерарха.

О первомъ періодѣ, хотя болѣе другихъ продолжительномъ, весьма мало извѣстно. Сынъ священника, города Сѣвска, орловской губерніи, Алексія Борисова, Иванъ — такъ названъ былъ преосв. Иннокентій при крещеніи — первое образованіе свое получилъ, послѣ дома родительскаго,

въ воронежскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ орловской семинаріи, находившейся въ Сѣвскѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружились въ немъ бойкія, блестящія способности. Всегда живой и рѣзвый, легко увлекавшійся забавами дѣтства и первой юности, онъ мало предавался трудамъ и занятіямъ, но всегда успѣвалъ въ наукахъ и часто даже превосходилъ всѣхъ своими успѣхами. Обширная память, пламенная фантазія, необыкновенная быстрота и смѣтливость въ соображеніяхъ рѣзко отличали его отъ сотоварищей. Первые его опыты въ сочиненіяхъ — въ риторическомъ классѣ, первыя разсужденія — въ философскомъ, первыя проповѣди — въ богословскомъ, которыя онъ писалъ вообще очень скоро и съ величайшею легкостію, нерѣдко поражали достоинствами своими не только совоспитанниковъ его, но и наставниковъ. Въ 1819 г., когда Иванъ Борисовъ окончилъ курсъ семинарскаго ученія, послѣдовало преобразованіе кіевской духовной академіи и въ нее положено было вызвать лучшихъ студентовъ изъ нѣсколькихъ семинарій для дальнѣйшаго усовершенствованія. Въ числѣ орловскихъ студентовъ явился въ Кіевъ и Борисовъ. Здѣсь въ кругу избранныхъ даровитыхъ юношей, при сравненіи себя съ ними, онъ яснѣе началъ понимать себя, цѣнить свои необыкновенные таланты, дорожить ими, почувствовалъ жажду благороднаго соревнованія, и — со страстію, съ увлеченіемъ предавался наукамъ, такъ что иногда цѣлыя ночи проводилъ за книгой. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ академіи Борисовъ болѣе самъ образовывалъ себя чрезъ чтеніе, размышленіе и упражненіе въ сочиненіяхъ, нежели чрезъ лекціи наставниковъ, которыя вообще далеко не удовлетворяли его. Читая многія книги отъ начала до конца, даже цѣлыя системы философовъ, онъ обыкновенно дѣлалъ экстракты изъ прочитаннаго, и такіе экстракты нерѣдко набрасывалъ въ

концѣ самыхъ книгъ. Отъ этого происходило что иногда, по просьбѣ товарищей, онъ раскрывалъ предъ ними ученіе того или другаго философа съ такою ясностію, легкостію и подробностію, что изумлялъ всѣхъ и совершенно затмѣвалъ лекціи профессорскія. Собственныя сочиненія онъ предварительно обдумывалъ вполнѣ во всѣхъ подробностяхъ, и потомъ прямо писалъ набѣло. Чрезъ два, три дня пересматривалъ написанное, и если онъ по чему-либо не удовлетворяло его, писалъ другое сочиненіе на ту же тему, иногда и третье, чтобы представить наставникамъ то, какое самъ считалъ лучшимъ. Предъ наступленіемъ экзаменовъ бѣгло прочитывалъ классическіе уроки, которыми мало до того занимался, и на экзаменахъ отвѣчалъ такъ, какъ рѣдко кто могъ отвѣчать и изъ прилѣжнѣйшихъ студентовъ. При началѣ академическаго курса были еще совмѣстники у Борисова, и одинъ изъ нихъ, отлично приготовленный, хотя и менѣе даровитый, студентъ воронежской семинаріи Ставровъ, занималъ даже въ спискѣ первое мѣсто. Но въ послѣдствіи, особенно съ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе академіи, всѣ единогласно, и профессоры, и студенты, отдавали пальму первенства Борисову, и никто не дерзалъ съ нимъ равняться: самъ бывшій его совмѣстникъ обыкновенно говаривалъ, что надобно въ спискѣ на первомъ мѣстѣ писать Борисова, а затѣмъ, оставивъ незанятыми нѣсколько слѣдующихъ мѣстъ, уже на седьмомъ или осьмомъ писать — Ставрова. Въ высшемъ отдѣленіи Борисовъ, конечно, повинуясь внутреннему призванію, болѣе всего занимался составленіемъ и обработкою проповѣдей: четыре изъ нихъ, напечатанныя въ числѣ одиннадцати словъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи перваго курса, свидѣтельствуютъ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ сочиненіями знаменитаго французскаго оратора — Массильона и отчасти находился подъ его вліяніемъ, а

съ другой стороны обнаруживаютъ уже въ авторѣ высокое, самобытное дарованіе и предвѣщаютъ въ немъ великаго церковнаго витію. Таковъ былъ первый воспитанникъ перваго курса нашей древнѣйшей духовной академіи, вступившей въ новый періодъ — воспитанникъ, достойно начавшій этотъ лучшій періодъ ея жизни!

Въ 1823 г. когда двадцати-трехлѣтній Борисовъ окончилъ курсъ академическаго ученія со степенью магистра, для него открылось новое поприще — поприще наставника и воспитателя другихъ. Въ августѣ этого года, онъ опредѣленъ въ с.-петербургскую духовную семинарію инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи и греческаго языка, но не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ занялъ вмѣстѣ должность ректора с.-петербургскаго александро-невскаго училища, и здѣсь-то принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Иннокентія, и рукоположенъ во іеродіакона и іеромонаха. Духовное начальство вскорѣ оцѣнило высокія дарованія молодаго инока и указало ему другое, достойнѣйшее назначеніе. 10-го декабря 1824 года отецъ Иннокентій сдѣланъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ с.-петербургской духовной академіи, чрезъ семь мѣсяцевъ — инспекторомъ той же академіи, черезъ четыре — экстраординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ, а еще черезъ два съ небольшимъ — возведенъ въ санъ архимандрита (16-го марта 1826). Такое быстрое повышеніе свидѣтельствовало уже о заслугахъ награждаемаго, а еще болѣе о тѣхъ надеждахъ, какія онъ подавалъ. И дѣйствительно, Иннокентій не только оправдалъ, но и превзошелъ всѣ ожиданія. Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся онъ за трудъ и скоро, какъ профессоръ, рѣшительно затмилъ своими лекціями сотоварищей и увлекъ студентовъ. Лекціи эти онъ обыкновенно преподавалъ наизусть, съ жаромъ, съ воодушевленіемъ, голосомъ чистымъ и звуч-

нымъ, рѣчью живою, свободною, часто разговорною, но всегда изящною и въ высшей степени общепонятною. Ему выпалъ жребій изъяснять воспитанникамъ сперва обличительное богословіе, потомъ богословіе основное — тѣ именно изъ богословскихъ наукъ, которыя наиболѣе позволяютъ простора человѣческому разуму, и гдѣ могъ молодой профессоръ обнаружить во всѣмъ объемѣ блестящія стороны своего таланта и образованія: свѣтлость и нерѣдко оригинальность взгляда па важнѣйшіе вопросы науки, быстроту и проницательность въ соображеніяхъ, непреоборимую діалектику разсудка и близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ не только богословія, но и философіи на западѣ. Краткія записки по той и другой наукѣ, какія преподавалъ Иннокентій, были потомъ составляемы самыми студентами и распространились по семинаріямъ, гдѣ еще досели можно встрѣчать ихъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Изъ этихъ записокъ напечатана только небольшая статья: «Обличеніе неологизма или раціонализма» въ исторіи философіи архимандрита Гавріила. Заслуживъ славу отличнаго профессора въ стѣнахъ академіи, Иннокентій въ то же время пріобрѣлъ лестную извѣстность и внѣ академіи, какъ отличный духовный ораторъ. Тѣ немногія проповѣди, какія произносилъ онъ, но назначенію, въ Александро-Невской лаврѣ и Казанскомъ соборѣ, всегда привлекали множество слушателей и производили восторгъ. Наконецъ незабвенны заслуги Иннокентія для «Христіанскаго чтенія», доселѣ издающагося при с.-петербургской духовной академіи. Въ 1826 г. этотъ журналъ, по обстоятельствамъ, совсѣмъ близокъ былъ къ паденію: Иннокентій, съ помощію двухъ достойнѣйшихъ своихъ сотоварищей (Г. П. Павскаго и В. Б. Бажанова), рѣшился поддержать его, и поддержалъ. Онъ началъ помѣщать въ «Христіанскомъ чтеніи» свои проповѣди и нѣкоторыя

другія статьи, и мало по малу напечаталъ два обширныхъ своихъ сочиненія: «Жизнь св. апостола Павла» и «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа», изъ которыхъ особенно послѣднее обратило въ свое время на себя общее вниманіе и всѣми читалось съ наслажденіемъ, такъ что экземпляры «Христіанскаго чтенія» раскупались всѣ. Въ продолженіе шести лѣтъ своего пребыванія въ с.-петербургской духовной академіи, Иннокентій оставилъ въ ней глубокіе, неизгладимые слѣды, и имѣлъ огромное вліяніе на своихъ воспитанниковъ и вообще на состояніе академіи. Всѣ эти труды его и заслуги не оставались безъ должнаго воздаянія: кромѣ неоднократныхъ денежныхъ наградъ, неоднократнаго изъявленія признательности отъ комиссіи духовныхъ училищъ, онъ удостоился здѣсь получить отъ щедротъ Монаршихъ бриллiантовый крестъ и орденъ св. Анны 2-й степени, украшенный Императорскою короною. А за разныя сочиненія, преимущественно историко-богословскаго содержанія, возведенъ (въ 1829 г.) на высшую ученую степень — доктора богословія.

Въ 1830 г. Иннокентій перемѣщенъ въ кіевскую духовную академію съ званіемъ ректора и ординарнаго профессора богословскихъ наукъ,—и для этой академіи сдѣлалъ еще болѣе, нежели сколько могъ сдѣлать для с.-петербургской. При власти, какою былъ облеченъ, при возмужалости своихъ необыкновенныхъ способностей, при особенной любви къ академіи, нѣкогда его воспитавшей, онъ не только оживилъ ее, — нѣтъ, онъ мало по малу ее преобразовалъ, возвысилъ и подвинулъ далеко впередъ, такъ что десять лѣтъ начальствованія его въ ней справедливо могутъ быть названы самымъ блестящимъ періодомъ ея исторіи. Въ первые курсы свои здѣсь онъ преподавалъ богословіе основное, или религіозистику, и богословіе догматическое, потомъ бо-

гословіе нравственное; однажды принимался толковать евангеліе отъ Іоанна. Своими вдохновенными лекціями, особенно по религіозистикѣ и догматикѣ, онъ часто приводилъ слушателей въ изумленіе и восторгъ, такъ что студенты, выходя изъ аудиторіи, не знали какъ и называть своего несравненнаго профессора. Лекціи тогда же записывались нѣкоторыми студентами и быстро распространялись по семинаріямъ для руководства наставникамъ. Трудясь съ величайшею ревностію самъ, онъ умѣлъ возбуждать къ трудамъ и прочихъ профессоровъ академіи — и, подъ его магическимъ вліяніемъ, при его нерѣдко ближайшемъ руководствѣ, явилось нѣсколько достойнѣйшихъ дѣятелей науки, пріобрѣтшихъ себѣ имя своими сочиненіями, изъ среды какъ прежнихъ наставниковъ, такъ и новыхъ, которыхъ онъ избралъ и приготовилъ самъ. Поименуемъ изъ числа первыхъ: проторіерея І. М. Скворцева, Я. К. Амфитеатрова, В. Н. Карпова, П. С. Авсенева, въ послѣдствіи архимандрита Ѳеофана; изъ числа послѣднихъ: о. Димитрія Муретова, нынѣ епископа херсонскаго и таврическаго, О. М. Новицкаго, І. Г. Михневича и С. С. Гогоцкаго. Всѣ эти люди трудились болѣе всего надъ обработкою своихъ лекцій, и, дѣйствительно, читали ихъ достойно академическихъ аудиторій. Преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ въ академіи Иннокентій распространилъ: такъ философію, во всемъ ея объемѣ, постоянно излагали три наставника. Другимъ наукамъ онъ старался дать лучшій видъ: это — герменевтикѣ и обличительному богословію. Третьи — ввелъ вновь: именно — экклезіастику и церковное законовѣдѣніе. Для поддержанія энергіи въ преподавателяхъ Иннокентій имѣлъ обычай очень нерѣдко посѣщать ихъ лекціи, и во время этихъ посѣщеній, равно какъ во время экзаменовъ, показывалъ изумительную гибкость своего таланта и богатство своихъ разнородныхъ

свѣдѣній; иногда бросалъ на науку или на извѣстныя части ея совершенно новые взгляды, предлагалъ цѣлый рядъ возраженій въ неразрывной связи, на которыя никто не въ состояніи былъ отвѣчать, и вообще говорилъ такъ бойко красно и вдохновенно, что всѣ невольно его заслушивались. Отъ того часы экзаменовъ, обыкновенно такіе томительные часы, считались лучшими часами академической жизни. Съ студентами о. ректоръ обходился всегда ласково, вѣжливо и благородно; къ недостаткамъ ихъ и проступкамъ былъ снисходителенъ, особенно когда проступки эти происходили не отъ злонамѣренности, а отъ неосторожности и подобнаго. Онъ умѣлъ угадывать таланты, умѣлъ возбуждать ихъ и поощрять. Болѣе всего старался развивать мыслительную силу въ студентахъ и требовалъ, чтобы они не заучивали лекцій, а непремѣнно передавали ихъ своими словами. Темы для сочиненій давалъ всегда съ строгою разборчивостію, болѣе или менѣе интересныя, животрепещущія, и внимательно слѣдилъ за самыми сочиненіями. Особенное же вниманіе обращалъ на усовершенствованіе студентовъ въ дѣлѣ проповѣдничества: проповѣди ихъ, послѣ рецензіи профессорской, непремѣнно перечитывалъ самъ, иногда призывалъ проповѣдника къ себѣ, и цѣлые часы проводилъ съ нимъ въ бесѣдѣ, какъ о его проповѣди, такъ и вообще о дѣлѣ проповѣдническомъ. Желая дать воспитанникамъ всестороннее образованіе, онъ совѣтовалъ имъ не ограничиваться кругомъ наукъ, преподававшихся въ академіи, а заниматься чтеніемъ и другихъ наукъ, напрм. астрономіи, естественной исторіи. Жилыя комнаты и аудиторіи любилъ содержать всегда въ отличной чистотѣ и опрятности, часто поновлялъ и исправлялъ оба академическіе корпуса, насадилъ на академическомъ дворѣ прекрасныя аллеи, усовершенствовалъ больницу, улучшилъ столъ и одѣяніе студентовъ, украсилъ ака-

демическую залу портретами знаменитыхъ людей, воспитавшихся въ академіи, обогатилъ физическій кабинетъ и библіотеку. Преданный священному дѣлу образованія другихъ, Иннокентій не оставлялъ продолжать и собственное образованіе, особенно на поприщѣ проповѣдничества. Онъ съ усиленнымъ, можно сказать, съ напряженнымъ стараніемъ заботился въ это время болѣе, нежели когда-либо, развить свой необыкновенный ораторскій талантъ, и видимо росъ и совершенствовался въ глазахъ всѣхъ. Кромѣ образцовыхъ, съ величайшимъ тщаніемъ и искусствомъ составленныхъ, проповѣдей, которыя произносилъ онъ на дни высокоторжественные и праздничные въ кіево-софійскомъ соборѣ и кіево-печерской лаврѣ, онъ написалъ въ это время, съ такою же тщательностію и искусствомъ, весьма много и другихъ проповѣдей, которыя большею частію любилъ говорить въ своемъ училищномъ, кіевобратскомъ монастырѣ. Для слушанія его Словъ, всегда произносившихся безъ пособія тетради, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ необычайнымъ жаромъ и увлеченіемъ — Словъ, которыя умиляли, трогали, поражали, восторгали слушателей, стекались несмѣтныя толпы: и имя Иннокентія, какъ затмившаго собою всѣхъ проповѣдниковъ, когда-либо бывшихъ въ Кіевѣ, переходило изъ устъ въ уста. По мѣрѣ того, какъ Слова писались и произносились, онъ не медлилъ издавать ихъ въ печати, и вскорѣ одни за другими явились его: «Собраніе словъ и бесѣдъ» въ двухъ томахъ, его «Страстная седмица», «Свѣтлая седмица» и «Первая седмица великаго поста». Тѣ, кто были современниками изданія этихъ Словъ и особенно седмицъ, тѣ помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, восторгомъ, жадностію читались и перечитывались они людьми всѣхъ сословій отъ самаго высшаго до низшаго, и какъ имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи.

Это была если не самая лучшая, по крайней мѣрѣ, самая блестящая пора его славы, какъ проповѣдника. Справедливость требуетъ присовокупить, что о. ректоръ — Иннокентій отличался тогда чрезвычайною дѣятельностію. За это ручается, кромѣ его лекцій и сочиненій, его собственное признаніе, невольно вырвавшееся: «Я удивляюсь, сказалъ онъ однажды студентамъ, какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; въ прошедшую сырную недѣлю и первую великаго поста я написалъ около 80-ти листовъ».

Въ 1833 г., за отличные ученые труды и заслуги, ему была объявлена благодарность высшаго начальства; въ 1835 году онъ всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени; въ 1836 г. возведенъ лично на степень архимандрита первокласснаго монастыря съ правомъ первостоянія предъ всѣми архимандритами первоклассныхъ монастырей кіевскаго учебнаго округа — и въ томъ же году (3 октября) ему высочайше повелѣно быть викаріемъ кіевской епархіи, епископомъ чигиринскимъ. Для принятія рукоположенія во епископа онъ путешествовалъ въ С.-Петербургъ, и въ это-то время, когда онъ находился въ С.-Петербургѣ, онъ избранъ былъ бывшею Императорскою россійскою академіею въ ея дѣйствительные члены и произнесъ въ одномъ изъ засѣданій (28 ноября 1836 года) извѣстную рѣчь, напечатанную въ «Трудахъ» академіи. По возвращеніи въ Кіевъ, преосвященный Иннокентій, хотя оставался ректоромъ академіи, но при новыхъ, епархіальныхъ занятіяхъ, долженъ былъ сложить съ себя званіе профессора богословскихъ наукъ, и даже переселился изъ академіи въ кіево-михайловскій монастырь, отданный ему въ управленіе. Впрочемъ тѣмъ не менѣе его заботливость объ академіи и его ученые и литературные труды не прекращались. Онъ часто пріѣзжалъ въ академію, обходилъ жилыя комнаты

воспитанниковъ, любилъ долго бесѣдовать съ ними, присутствовалъ на профессорскихъ лекціяхъ и иногда даже самъ давалъ по нѣскольку лекцій о важнѣйшихъ предметахъ христіанскаго богословія. А главными его занятіями въ то время были два, возложенныя на него вмѣстѣ съ академіею, по его же предстательству. Разумѣемъ, во первыхъ, изданіе новаго духовнаго журнала подъ заглавіемъ: «Воскресное Чтеніе». Какъ ни тѣсны были предѣлы этого еженедѣльнаго листка, но преосвященный своими проповѣдями, которыя не переставалъ писать и говорить, своею редакціею и искуснымъ выборомъ прочихъ статей, умѣлъ поставить журналъ съ перваго раза на высокую степень совершенства и пріобрѣсть ему многочисленныхъ читателей. Лучшими годами «Воскреснаго Чтенія», по сознанію всѣхъ, были первые его годы, когда здѣсь дѣйствовалъ Иннокентій. Другимъ важнымъ занятіемъ его и профессоровъ академіи было составленіе «Догматическаго Сборника» изъ исповѣданій православной вѣры всѣхъ вѣковъ отъ начала церкви донынѣ. Исповѣданія отыскивались въ печатныхъ книгахъ и рукописяхъ, переводились съ греческаго и латинскаго на русскій языкъ, а славянскія и русскія переписывались въ подлинномъ видѣ, предварялись біографическими свѣдѣніями о писателяхъ и мало по малу составили два огромныхъ тома. Цѣлію «Сборника» предполагалось представить всѣмъ христіанамъ, православнымъ и неправославнымъ, памятникъ православной вѣры, который бы свидѣтельствовалъ, какъ въ продолженіе всѣхъ столѣтій сохранялась она въ православной церкви со всею неизмѣнностію и чистотою, а съ другой стороны — дать богатое пособіе духовнымъ училищамъ для преподаванія новой еще тогда у насъ науки — патристики. Нѣкоторыя изъ статей «Сборника» были напечатаны въ «Воскресномъ Чтеніи». Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ

Кіевѣ преосвященный Иннокентій помышлялъ заняться начертаніемъ исторіи отечественной церкви и хотѣлъ начать съ того, чтобы написать очеркъ современнаго состоянія вѣры въ Греціи, Польшѣ и другихъ славянскихъ земляхъ предъ началомъ русской церкви: одна статья его «о началѣ христіанства въ Польшѣ» была уже написана и въ послѣдствіи напечатана въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Обстоятельства ли, или что другое, попрепятствовали продолженію важнаго предпріятія. Новые труды преосвященнаго привлекали на него новыя награды. Въ 1839 году «за служеніе, ознаменованное вообще отличнымъ достоинствомъ, и въ особенности пользою въ управленіи духовною академіею, и за назидательное употребленіе дара слова» онъ всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же году, «за отличное по всѣмъ частямъ благоустройство академіи», найденное ревизовавшимъ ее преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Филаретомъ, удостоился получить признательность свят. сvнода. Это было послѣднее торжественное свидѣтельство о состояніи кіевской академіи, до какого довелъ ее несравненный и всегда незабвенный ея ректоръ. Мало того, что онъ возвысилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ по внутреннему устройству, онъ возвысилъ ее въ собственномъ лицѣ, предъ глазами всей Россіи, всѣхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ. Вообще государственные сановники и іерархи, ученые и литераторы, посѣщавшіе Кіевъ и жившіе въ немъ, охотно посѣщали и академію, всегда сопровождаемые самимъ ректоромъ, и съ любовію присутствовали на торжественныхъ академическихъ актахъ. Слава знаменитаго ректора неизбѣжно отражалась на ввѣренной ему академіи и озаряла ее собою.

Насталъ наконецъ для преосвященнаго Иннокентія тре-

тій и послѣдній періодъ его жизни — періодъ служенія церкви и отечеству въ санѣ епархіальнаго архіерея. 1-го марта 1840 г. высочайшимъ указомъ онъ назначенъ во епископа вологодской епархіи. Не долго суждено было оставаться здѣсь новому архипастырю: всего девять мѣсяцевъ; но и въ это короткое время онъ успѣлъ обратить заботливое вниманіе на дѣла мѣстной консисторіи, на улучшеніе духовныхъ училищъ, на обновленіе архіерейскаго дома и соборнаго храма, успѣлъ заняться обозрѣніемъ и отчасти собраніемъ вологодскихъ древностей, составленіемъ своихъ Словъ къ вологодской паствѣ, изданныхъ въ послѣдствіи, успѣлъ заслужить признательность свят. сvнода «за особую попечительность о благѣ своей паствы». 31-го декабря того же года преосвященный перемѣщенъ въ эпархію харьковскую. Тутъ служеніе его продолжалось около семи лѣтъ и ознаменовалось весьма важными дѣлами и событіями, каковы въ особенности: учрежденіе торжественнаго крестнаго хода въ Харьковѣ по случаю ежегоднаго перенесенія въ городъ изъ куряжскаго монастыря чудотворной иконы Божіей Матери; сооруженіе новаго, великолѣпнаго зданія для семинаріи на новомъ видномъ мѣстѣ; возстановленіе двухъ древнихъ мужескихъ обителей — святогорской и ахтырской, и открытіе одной новой женской. Литературныя занятія преосвященнаго текли своимъ обычнымъ порядкомъ, и, кажется, даже усиливались. Имъ постепенно изданы въ отдѣльныхъ книжкахъ: а) О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ — бесѣды на св. Четыредесятницу; б) Молитва св. Еврема Сирина — бесѣды на св. Четыредесятницу; в) Великій Постъ или новыя бесѣды на св. Четыредесятницу; г) Паденіе Адамово — бесѣды на Великій Постъ; д) Слово и рѣчи къ паствѣ харьковской; е) Три слова о зимѣ. Для объясненія такого обилія и отчасти самаго характера тогдашнихъ проповѣдей пре-

освященнаго Иннокентія, считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько словъ изъ его письма къ намъ, писаннаго въ 1847 году. «Жатва многа, необозрима; а дѣлателей, какъ сами вѣсте, мало и далеко не по жатвѣ. Сіе то самое и меня, при всѣхъ недосугахъ, заставляетъ печатать по временамъ — именно, что Богъ послалъ, не заботясь много объ отличныхъ достоинствахъ мысли или слога въ печатаемомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ, особенно писемъ ко мнѣ со всѣхъ краевъ Россіи, знаю, какъ много вездѣ душъ, жаждущихъ духовнаго чтенія. Какая же бы съ нашей стороны была жестокость — отказывать имъ въ пищѣ или заставлять долго ждать потому только, что намъ хочется представить этотъ хлѣбъ на серебряномъ подносѣ или съ извѣстными фигурами и проч.?» Тогда же преосвященный Иннокентій началъ заниматься составленіемъ и изданіемъ акаѳистовъ: Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресвят. Богородицы, Живоносному гробу и другихъ. Текстъ и содержаніе для этихъ акаѳистовъ онъ заимствовалъ, по его собственному сознанію, изъ извѣстнаго западно-русскаго или почаевскаго акаѳистника, но только сокращалъ, очищалъ, усовершалъ въ силѣ. Въ 1845 году «за отличное управленіе харьковскою епархіею» преосвященный возведенъ лично въ санъ архіепископа, а въ 1847 г. (1-го апрѣля), по высочайшему повелѣнію, вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ свят. правительствующемъ сѵнодѣ, и распростился навсегда съ паствою харьковскою.

Во время пребыванія преосвященнаго Иннокентія въ столицѣ, послѣдовало (24 февраля 1848 года) высочайшее назначеніе его на епархію херсоно-таврическую, и, вслѣдъ за тѣмъ (11-го апрѣля), онъ «за отлично-усердное служеніе церкви и отечеству, и въ особенности назидательное дѣйствованіе на сердца ввѣряемыхъ ему духовныхъ паствъ

назидательнымъ. проповѣданіемъ слова Божія», всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 2-й степени. 29 мая 1848 г. преосвященный прибылъ въ Одессу, а на другой день — день сошествія св. Духа совершилъ первую свою торжественную службу и сказалъ первое слово къ новой паствѣ. Жители Одессы толпами стекались внимать и священно-служенію, и проповѣданію своего знаменитаго архипастыря, тѣмъ болѣе, что скоро, какъ знали они, ему надлежало возвратиться для присутствованія въ свят. сѵнодѣ. Этотъ второй годъ пребыванія преосвященнаго Иннокентія въ сѣверной столицѣ былъ для него крайне неблагопріятенъ: въ немъ, въ первый разъ, обнаружилась здѣсь тяжкая болѣзнь, которая потрясла до основанія всѣ силы его организма, — такъ что хотя понемногу больной оправился, но созналъ необходимость просить высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ свою епархію. Теплый климатъ, путешествіе по прекраснымъ странамъ обширной епархіи, морскія ванны — нѣсколько поправили здоровье преосвященнаго, но оно уже никогда вполнѣ не возстановлялось: онъ часто подвергался болѣзнямъ, особенно простудѣ, часто жаловался, и на словахъ и въ письмахъ къ знакомымъ, на свои недуги. Бодрый духъ однакожъ не переставалъ дѣйствовать съ прежнею силою, несмотря на слабость тѣлесной оболочки. Преосвященный любилъ весьма часто служить и въ Одессѣ, и во время своихъ продолжительныхъ путешествій по епархіи, и почти въ каждую службу говорилъ краткія поученія, простыя, общедоступныя — въ родѣ отеческихъ бесѣдъ, которыя никогда имъ не записывались. Между тѣмъ, своею архипастырскою ревностію и ходатайствомъ, онъ учредилъ въ Одессѣ, какъ прежде и въ Харьковѣ, два торжественныхъ крестныхъ хода: одинъ — въ день основанія Одессы, другой — въ день ежегоднаго перенесенія въ Одессу касперовской

иконы Божiей Матери; открылъ въ Крыму нѣсколько монашескихъ скитовъ; собралъ въ Одессѣ и помѣстилъ въ особой часовнѣ копiи со всѣхъ чудотворныхъ иконъ, какiя только извѣстны въ Россiи; обновилъ семинарiю и архiерейскiй домъ, заложилъ и обновилъ множество храмовъ. Слава его, какъ просвѣщеннѣйшаго и доблестнаго архипастыря, живое и благодѣтельное его сочувствiе восточнымъ единовѣрцамъ, его проповѣди, переведенныя на языки — французскiй и греческiй, были причиною того, что онъ почтенъ былъ (въ 1851 г.) отъ короля греческаго орденомъ Спасителя 1-й степени.

Въ маѣ 1852 г. преосвященный Иннокентiй былъ снова вызванъ для присутствованiя въ свят. сѵнодѣ, но за тяжкою болѣзнiю едва могъ въ сентябрѣ отправиться къ мѣсту своего назначенiя. Здѣсь ожидала его новая Монаршая награда: «за отличное и достойное пастырское служенiе церкви, всегда украшающееся назидательными для паствы трудами и просвѣщенною заботливостiю о благѣ преемственно ввѣряемыхъ епархiй, и за новые опыты сей полезной духовной дѣятельности» онъ всемилостивѣйше сопричисленъ (19 апр. 1853 г. къ ордену св. Александра Невскаго. Возвращенiе преосвященнаго въ свою епархiю послѣдовало незадолго предъ тѣмъ, когда наступила для нея пора самыхъ тяжелыхъ испытанiй. И кто не знаетъ, какъ достойно умѣлъ проявить себя незабвенный архипастырь въ эту грозную, кровавую эпоху? Его геройское, истинно-христiанское мужество и присутствiе духа во время облежанiя и бомбардированiя Одессы непрiятельскимъ флотомъ; его торжественныя службы и вдохновенныя рѣчи къ жителямъ Одессы въ эти страшные дни; его рѣчи и напутственныя молебствiя воинамъ, отправлявшимся въ Севастополь, сестрамъ крестовоздвиженской общины, рѣчи при освященiи въ Одессѣ баттарей и во мно-

гихъ другихъ подобныхъ случаяхъ; его путешествія въ Крымъ, гдѣ старался онъ словомъ вѣры и упованія успокоивать и подкрѣплять злосчастныхъ обитателей страны; его священно-служенія и рѣчи въ самомъ Севастополѣ посреди громовъ войны: — все это озарило имя Иннокентія новою, блистательною славою — славою высокаго патріота и великаго пастыря церкви, исполненнаго самоотверженія и любви, готоваго положить за свою паству или вмѣстѣ съ нею собственную душу. Рядъ новыхъ наградъ достойному естественно слѣдовалъ за такими подвигами. 10 апрѣля 1854 года, «въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ доблестному служенію его церкви и отечеству, оказанному во время бомбардированія непріятелемъ города Одессы», всемилостивѣйше пожалованъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ. 10-го декабря того же года «за пастырскую заботливость его о раненыхъ воинахъ, проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и Отечество въ Крыму» изъявлена ему признательность отъ свят. сѵнода. 30-го апрѣля 1855 года «за особенно пастырское участіе въ благоустроеніи крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія» онъ удостоился получить благодарственный рескриптъ отъ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елены Павловны. 15-го іюля того же года — изъявлена ему высочайшая благодарность «за посѣщеніе Севастополя и богослуженіе въ немъ во время бомбардированія его непріятелемъ». Наконецъ, 26-го августа 1856 года, въ незабвенный для Россіи день преосвященный Иннокентій «за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова къ наставленію душъ мирнымъ христіанскимъ добродѣтелямъ, а въ минувшіе два года увѣнчанное достохвальными подвигами самоотверженія въ назиданіе и укрѣпленіе паствы среди ужасовъ жестокой брани» — всемилостивѣйше

возведенъ въ званіе члена свят. сѵнода. Серебряная медаль на георгіевской лентѣ и бронзовый крестъ на владимірской — въ память минувшей войны — украшали также и его грудь.

Не смотря на всѣ, столько тревожныя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ, преосвященный находилъ время и для ученолитературныхъ занятій. Кромѣ «Собранія словъ и рѣчей по случаю нашествія непріятельскаго», которыя онъ приготовилъ и издалъ въ двухъ томахъ, онъ составилъ въ это время еще нѣсколько акаѳистовъ: Пресвятой Троицѣ, Воскресенію Христову, Архангелу Михаилу и проч., пересмотрѣлъ, исправилъ и дополнилъ свое давнее, обширное сочиненіе: «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа», которое нынѣ печатается, собиралъ свѣдѣнія для историческаго описанія священныхъ древностей Крыма, усердно хлопоталъ объ осуществленіи своей давней идеи и программы «Церковнаго архива», имѣя въ виду соединить въ немъ всѣ важнѣйшіе письменные памятники, относящіеся къ нашей церковной исторіи, и собираясь издавать его на собственный счетъ. «Меня одолѣли археологическіе помыслы — писалъ онъ намъ въ концѣ прошлаго года (отъ 13 декабря), говоря о всѣхъ этихъ своихъ занятіяхъ — не только всѣ старыя затѣи лѣзутъ въ глаза, поднимаясь изъ архива давняго забвенія, но и новыя предположенія готовы вспорхнуть цѣлымъ стадомъ; только позволь и не притвори дверь». «Я хлопочу теперь — писалъ онъ уже въ нынѣшнемъ году незадолго до своей кончины (отъ 13 апрѣля) — узнать и провѣдать, нѣтъ ли чего для нашей церковной исторіи въ патріаршемъ константинопольскомъ архивѣ: вѣдь, по теоріи, тамъ многое должно быть, особенно касательно Крымской іерархіи....» И упомянувъ затѣмъ о примѣчательныхъ древнихъ обителяхъ по Анатоліи, присовокупилъ: «мы тамъ уже нашли кое-что для исторіи Крыма».

Среди разнообразныхъ, непрерывныхъ трудовъ, среди новыхъ предпріятій и новыхъ заботъ для блага церкви и отечества, текла эта славная, многотрудовая жизнь, и, уже давно подточенная, тихо приближалась къ своему концу. Съ наступленіемъ нынѣшняго года, преосвященный все чувствовалъ себя хуже и хуже. Но епархіальныя дѣла Крыма, такъ недавно опустошеннаго войною, неудержимо влекли къ себѣ попечительнаго архипастыря. 17-го апрѣля вечеромъ онъ отправился изъ Одессы въ путь, и проѣхавъ города — Николаевъ, Херсонъ и Перекопъ, 21-го числа служилъ въ Евпаторіи литургію и произнесъ проповѣдь; потомъ 23-го служилъ въ Симферополѣ и произнесъ слово о загробной жизни: то были уже послѣднія его служба и проповѣдь. 26-го числа онъ тяжко заболѣлъ въ бахчисарайскомъ скиту, 2-го и 3-го мая исповѣдался и пріобщался Св. Христовыхъ Таинъ въ балаклавскомъ монастырѣ, 7-го совершенно больной — отправился обратно въ Одессу, 11-го прибылъ въ нее, а 26-го, въ день Сошествія Св. Духа, въ тотъ самый праздникъ, въ который онъ совершилъ нѣкогда первую литургію въ одесскомъ соборѣ при вступленіи на епархію, мирно предалъ духъ свой Богу, въ четвертомъ часу утра.

Знаемъ, что время для полнаго и безпристрастнаго суда о покойномъ преосвященномъ Иннокентіи еще не настало; но не можемъ удержаться, чтобы не высказать здѣсь о немъ, по крайней мѣрѣ, какъ ученомъ и литераторѣ, нашего частнаго, искренняго мнѣнія. Это былъ человѣкъ, въ собственномъ смыслѣ, геніальный: высокій, свѣтлый, проницательный умъ, всегда богатое, неистощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и быстрая сообрази-

тельность, тонкій и правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова — все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ покойномъ іерархѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: не однѣ духовныя науки, которыя извѣстны были ему въ совершенствѣ, онъ зналъ болѣе или менѣе весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать объ нихъ съ спеціалистами, и нерѣдко своими мѣткими, оригинальными вопросами или отвѣтами поражалъ знатоковъ дѣла. Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ умы слушателей. Но по самому складу и настроенію своихъ способностей, онъ не произвелъ и не могъ произвесть эпохи въ наукѣ, которую преподавалъ; онъ не подвинулъ ея впередъ, онъ даже вовсе ея не обработывалъ: лекціи, записанныя со словъ его воспитанниками, можетъ быть, не всегда вѣрно, и доселѣ сохраняющіяся въ рукописяхъ, суть лекціи живыя, легкія, часто обаятельныя; но не показываютъ ни широкаго, ни самостоятельнаго взгляда на цѣлую область науки, не вездѣ запечатлѣны зрѣлостію и основательностію, и вовсе не отличаются богатствомъ положительныхъ свѣдѣній. Въ лекціяхъ видѣнъ богословъ съ свѣтлымъ, чрезвычайно-гибкимъ, возвышеннымъ умомъ, богословъ-мыслитель; но не видно того, что̀ называется христіанскимъ глубокомысліемъ и богословскою ученостію. Судя по историческимъ сочиненіямъ Иннокентія, онъ могъ быть блестящимъ повѣствователемъ-живописцемъ, отнюдь не ниже Карамзина, но не обладалъ собственно-историческимъ талантомъ, не имѣлъ духа исторической критики и вообще всѣхъ тѣхъ свойствъ, какія нынѣ требуются отъ современнаго историка. Нѣтъ, не наука, какъ ни близка она была знаменитому іерарху, а искусство, вы-

сокое искусство человѣческаго слова: вотъ въ чемъ состояло его истинное призваніе! Онъ былъ не только отличный знатокъ, но и геніальный художникъ отечественнаго слова, какъ свидѣтельствуютъ и свидѣтельствовали — и его печатныя творенія, извѣстныя всей Россіи, и его академическіе уроки, и самыя его домашнія бесѣды. Онъ былъ великій проповѣдникъ, не всегда себѣ равный, но всегда оригинальный и вдохновенный, всегда общедоступный, всегда производившій магическое вліяніе на слушателей, великій не столько въ печатныхъ своихъ проповѣдяхъ, которыя не всѣ могутъ выдержать строгую критику, сколько тогда, когда онъ произносилъ ихъ; это былъ геніальный ораторъ, именно на каѳедрѣ церковной. . . Какъ писатель русскій, преосвященный Иннокентій, по справедливости, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы; а какъ проповѣдникъ, онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями, не только нашего времени и отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ: имя Иннокентія останется безсмертнымъ!

II.

ЗАПИСКА О ТРУДАХЪ АКАДЕМИКА КОРКУНОВА.

СОСТАВЛЕНА ОРД. АКАДЕМИКОМЪ И. И. ДАВЫДОВЫМЪ.

Со времени избранія Коркунова въ экстраординарные академики, напечатаны имъ слѣдующія книги и статьи.

Въ 1851 году, вышелъ четвертый томъ «Дополненій къ актамъ историческимъ», въ которомъ содержатся документы отъ 1655 по 1664 годъ, и между ними особенно любопытны акты о моровомъ повѣтріи въ Россіи, о разведеніи винограда и началѣ винодѣлія въ Астрахани, о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ и о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Бухарцами и Юренцами.

Въ 1852 году, написаны имъ подробный разборъ книги Борисова «Описаніе города Шуи и его окрестностей», по порученію министра народнаго просвѣщенія, и Записка «о грамотѣ начальника земской думы князя Д. М. Пожарскаго къ римскому императору, найденной г. Фидлеромъ въ Императорскомъ дворцовомъ и государственномъ архивѣ, въ Вѣнѣ. Въ этой запискѣ Коркуновъ касается и мнѣнія о предложеніи княземъ Пожарскимъ русскаго престола эрцъ-герцогу Максимиліану.

Въ 1853 году, изданъ пятый томъ «Дополненій къ актамъ историческимъ». Въ немъ между прочимъ помѣщены: Дѣянія московскаго собора 1666—1667 годовъ; патріаршіе выходы во время пребыванія въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ Паисія и Макарія; подлинное дѣло о строеніи въ

Дѣдиловѣ корабля «Орелъ»; акты о плаваніи Русскихъ по Ледовитому океану и о службѣ генерала Баумана и другихъ иноземцевъ, занимавшихся образованіемъ регулярнаго войска въ Россіи, 1665—1671 г.

Въ 1855 году, напечатаны двѣ записки, одна о книгѣ Амоса Коменскаго, а другая о рукописяхъ академика Я. И. Бередникова.

Въ 1856 году — «Изслѣдованіе о введеномъ бояринѣ Иванѣ Кондратьевичѣ Судимонтѣ, въ званіи великокняжескаго намѣстника управлявшемъ Костромою и Владиміромъ, во второй половинѣ XV вѣка. Испорченное переписчиками въ русскомъ Временникѣ свидѣтельство о выѣздѣ Судимонта изъ Литвы и о времени его намѣстничества объясняется и исправляется въ изслѣдованіи Коркунова.

Въ 1857 году появились: 1) шестой томъ «Дополненій къ актамъ историческимъ», содержащій въ себѣ старинные документы послѣднихъ годовъ царствованія Алексія Михайловича; 2) при содѣйствіи академика А. А. Куника: Русскія грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ, и 3) Памятники XV вѣка. Акты изъ дѣла о мѣстничествѣ Сабурова съ Заболоцкимъ. Акты эти отысканы Коркуновымъ въ спискахъ безъ означенія годовъ; но ему удалось опредѣлить время ихъ написанія по упоминаемымъ въ нихъ лицамъ. Въ настоящее время Коркуновъ занимается печатаніемъ новаго изданія сочиненія Котошихина о Россіи, по присланной сюда изъ Упсалы оригинальной рукописи.

Всѣ эти труды Михаила Андреевича заслужили почетное одобреніе ученыхъ, и составляютъ необходимую потребность для занимающихся изслѣдованіями отечественной исторіи и древностей.

Я считаю излишнимъ говорить о пользѣ, приносимой Михаиломъ Андреевичемъ Второму Отдѣленію занятіями своими по части дѣлопроизводства Отдѣленія, и о ревностномъ исполненіи имъ обязанностей библіотекаря академіи: это извѣстно каждому члену общаго собранія академіи.

По представленію Втораго Отдѣленія, М. А. Коркуновъ избранъ въ званіе ординарнаго академика общимъ собраніемъ академіи 2-го августа 1857 года, и это избраніе удостоено высочайшаго утвержденія. Къ общему сожалѣнію, Коркуновъ не надолго послѣ этого остался въ средѣ сочленовъ, уважавшихъ одинаково и его ученую дѣятельность, и его благородно-скромный характеръ: сильно и быстро развилась въ немъ болѣзнь, казавшаяся съ начала неважною. Михаилъ Андреевичъ присутствовалъ еще въ послѣднемъ академическомъ засѣданіи 1857 года, а 13-го января 1858 года его уже нестало. Миръ праху честнаго труженика науки!

III.

ЗАПИСКА О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМЪ СТАТСКОМЪ СОВѢТНИКѢ ѲЕДОРѢ ИВАНОВИЧѢ ТЮТЧЕВѢ.

СОСТАВЛЕНА ОРД. АКАДЕМИКОМЪ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Исторія литературы представляетъ иногда явленія, совершающіяся по законамъ умственной дѣятельности не общимъ, а какъ бы исключительнымъ. То, что называется постепенностію развитія, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ талантовъ нерѣдко ускользаетъ отъ наблюденія. Ж. Ж. Руссо сорокà лѣтъ вышелъ въ первый разъ на поприще писателей — и занялъ между ними первое въ своемъ родѣ мѣсто. Этого нельзя иначе изъяснить, какъ глубокимъ въ раннемъ возрастѣ постиженіемъ важности призванія писателя. Безъ яснаго и полнаго проникновенія въ тайны изящнаго искусства, молодому человѣку трудно, почти невозможно защититься отъ соблазна извѣстности и преждевременнаго поползновенія къ славѣ.

Подобный примѣръ предохраненія себя отъ первоначальныхъ опытовъ поэзіи представилъ въ нашей литературѣ Ѳ. И. Тютчевъ. Онъ только въ послѣдній годъ жизни Пушкина въ первый разъ напечаталъ въ «Современникѣ» нѣсколько своихъ стихотвореній, хотя конечно могъ бы съ нимъ вмѣстѣ начать этотъ путь счастливой дѣятельности. Еще живы свидѣтели того изумленія и восторга, съ какими Пушкинъ встрѣтилъ неожиданное появленіе этихъ стихотвореній, исполненныхъ глубины мыслей, яркости красокъ,

новости и силы языка. Во всемъ была ощутительна свѣжая кисть художника. Онъ каждому предмету сообщаетъ ясный образъ, привлекательное положеніе и удивительную грацію. Въ изданіяхъ его нѣтъ того повторенія приготовленныхъ предшественниками формъ поэзіи, которое, свидѣтельствуя о безсиліи дарованія, успокоиваетъ автора близостію труда его къ современному успѣху.

Не станемъ поддерживать парадокса, что на подобныхъ людей только во второй половинѣ ихъ жизни нисходитъ вдохновеніе, и вдругъ изъ окриленнаго ихъ ума вызываетъ вполнѣ возмужавшіе образы наподобіе баснословной Минервы. Вся тайна, какъ замѣчено выше, объясняется раннею жаждою истиннаго совершенства, настойчиво властвующаго мелкимъ самолюбіемъ. Такимъ образомъ и Ѳ. И. Тютчевъ умѣлъ устроить изъ первоначальныхъ своихъ опытовъ потаенную лѣстницу, по которой поднялся на высоту прочнаго успѣха. Съ своею раннею любовію къ трудамъ умственнымъ, онъ ими питалъ умъ свой въ тишинѣ и размышленіяхъ. Дипломатическая служба, еще въ первой его молодости, увлекла его за границу. Тамъ онъ еще болѣе почувствовалъ необходимость самосовершенствованія. Находясь долгое время близъ лучшихъ источниковъ просвѣщенія и образованности, естественно онъ становился и къ себѣ строже. Иностранные языки, усвоенные имъ какъ отечественный, представили ему средства не только извлекать изъ нихъ сокровища души, но и развертывать разнородныя силы ума въ собственныхъ работахъ, воплощая мысли въ этихъ новыхъ формахъ мышленія.

Въ литературѣ нашей смотрятъ на Ѳ. И. Тютчева только какъ на одного изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Но молодое поколѣніе писателей успѣло уже убѣдиться, какой тонкій и высокій критическій умъ соединяется въ немъ съ поэтиче-

скимъ талантомъ. Его проницательный взглядъ, указывая на самыя живыя красоты всякаго новаго произведенія, въ то же время обнимаетъ значеніе общей идеи творчества, планъ исполненія ея, соразмѣрность и связь частей и всѣ необходимыя принадлежности искусства вообще. Если бы когда нибудь можно было, въ дополненіе къ небольшому числу изданныхъ имъ сочиненій, присоединить все, чѣмъ онъ увлекаетъ внимательный умъ какъ публицистъ, какъ философъ, какъ историкъ и даже юристъ, то безъ сомнѣнія въ его лицѣ представился бы намъ замѣчательнѣйшій человѣкъ нашего времени, не только по таланту и уму, но и по обширности современныхъ знаній.

Второе Отдѣленіе академіи наукъ почитаетъ своею обязанностію обратить вниманіе прочихъ Отдѣленій на дарованія и литературные успѣхи Ѳ. И. Тютчева, желая украсить списокъ членовъ академіи новымъ блистательнымъ именемъ, особенно послѣ того, какъ изъ среды нашей невозвратно выбыли Крыловъ и Жуковскій. Никто не усомнится, что это имя, будетъ ли поставлено между почетными членами академіи, въ ряду ли дѣйствительныхъ академиковъ, или на степени членовъ-корреспондентовъ Втораго Отдѣленія, не можетъ пріобрѣсти, или утратить что нибудь въ собственномъ своемъ значеніи, прочно утвердившемся для современниковъ. Между тѣмъ поощрительный голосъ академіи, всегда и вездѣ пріятно отзывающійся въ сердцѣ истинно образованнаго человѣка, конечно вызоветъ на новые умственные труды столь замѣчательное дарованіе.

1858.

ОТЧЕТЪ ЗА 1858 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРН. АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

ЧИТАНЪ ИМЪ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ АКАДЕМІИ
29 ДЕКАБРЯ 1858 ГОДА.

Каждый разъ, когда мы являемся здѣсь передъ вами, милостивые государи, мы какъ бы возобновляемъ недавно прерванную бесѣду объ одномъ и томъ же предметѣ, объ однихъ и тѣхъ же продолжающихся событіяхъ, интересъ коихъ состоитъ не въ томъ, чтобы въ нихъ было что-нибудь громкое и чрезвычайное, а единственно въ томъ, что они принадлежатъ наукѣ. Въ нашъ вѣкъ этого интереса достаточно, безъ приманчиваго блеска, чтобы привлечь вниманіе людей мыслящихъ. Наука впрочемъ и не думаетъ изумлять, поражать умы чрезвычайностями; напротивъ, одно изъ ея прекрасныхъ назначеній состоитъ именно въ томъ, чтобы отнимать у явленій жизни и исторіи все чрезвычайное, приводя ихъ къ простымъ и яснымъ законамъ. Оттого усилія ея осторожны и неторопливы. Тихими, непрерывными шагами она приходитъ къ результатамъ, которыхъ важность, большею частію, подобно постепенному и незамѣтному распространенію теплоты и свѣта въ атмосѳерѣ, узнается только въ измѣнившемся и усовершенствованномъ общемъ ходѣ человѣческихъ понятій. Второе Отдѣленіе академіи пред-

ставляетъ вашему просвѣщенному вниманію, милостивые государи, изображеніе одного изъ подобныхъ скромныхъ воздѣлываній въ кругу науки за истекающій годъ. Имѣя цѣлію своею истинно-ученую обработку отечественнаго слова, оно преимущественно обращало свою дѣятельность на тѣ задачи и вопросы, рѣшеніе коихъ должно служить основаніемъ для полнаго и всесторонняго уразумѣнія нашего богатаго и великолѣпнаго языка. Анализъ предшествуетъ въ наукѣ синтезису; посвящая труды свои этому анализу, какъ на пути историческаго развитія языка, такъ и въ настоящемъ его составѣ, мы думаемъ, что не имѣемъ права оставлять безъ вниманія ни одного явленія въ немъ и должны преслѣдовать его нашими изысканіями тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ незамѣтнѣе они для многихъ и чѣмъ менѣе можно ожидать подобныхъ изысканій отъ литературныхъ и филологическихъ дилетантовъ.

Отдѣленіе въ настоящее время состоитъ изъ 16 ординарныхъ, двухъ экстра-ординарныхъ академиковъ, 17 внутреннихъ и 7 внѣшнихъ корреспондентовъ. Сверхъ того къ нему причислены члены бывшей россійской академіи съ наименованіемъ почетныхъ. Ихъ нынѣ осталось 7.

Изъ 18-ти дѣйствительныхъ членовъ, нѣкоторые постоянно живутъ внѣ Петербурга, иные, но принятіи ихъ въ члены, призваны къ важнымъ занятіямъ по административной службѣ, и потому ни тѣ, ни другіе не могутъ принимать дѣятельнаго участія въ трудахъ академическихъ, которые такимъ образомъ падаютъ исключительно на восемь членовъ. Они суть: предсѣдательствующій И. И. Давыдовъ, П. А. Плетневъ, А. Х. Востоковъ, К. И. Арсеньевъ, И. И. Срезневскій, А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ и П. П. Дубровскій. А. В. Никитенко также завѣдываетъ дѣлами Отдѣленія.

Въ теченіе сего года мы имѣли прискорбіе лишиться одного изъ усердныхъ и полезныхъ сочленовъ. 13-го января, послѣ пятнадцати-дневной тяжкой болѣзни, скончался ординарный академикъ дѣйствительный статскій совѣтникъ М. А. Коркуновъ на 53-мъ году отъ рожденія.

Онъ родился въ Пензѣ 2-го сентября 1806 года, началъ образованіе свое въ тамошней семинаріи, а довершилъ его въ московскомъ университетѣ по филологическому отдѣленію, занимаясь преимущественно восточными языками. По окончаніи курса наукъ въ 1828 году, онъ сперва былъ опредѣленъ въ университетъ преподавателемъ арабскаго языка, а потомъ древней географіи; въ 1836 году перешелъ въ Санктпетербургъ, поступивъ въ археографическую коммиссію. Въ члены академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности онъ былъ избранъ въ 1847 году, и съ того времени постоянно и ревностно участвовалъ въ трудахъ Отдѣленія, какъ членъ и завѣдывающій дѣлами его, какъ одинъ изъ членовъ редакціи «Словаря церковно-славянскаго языка» и редакторъ академическаго календаря. Этотъ послѣдній трудъ лежалъ на немъ впродолженіе восьми лѣтъ. Въ то же время покойный Коркуновъ исполнялъ обязанности свои и по археографической коммисіи; III и V томы актовъ историческихъ и шесть томовъ дополненій изданы подъ его редакціей. Собственныя сочиненія его, преимущественно по части отечественной археологіи, напечатаны въ «Извѣстіяхъ» нашего Отдѣленія и въ другихъ ученыхъ періодическихъ изданіяхъ. Коркуновъ принадлежалъ къ той сферѣ науки, гдѣ собираются и подготовляются ея матеріялы — и здѣсь онъ отличался неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью. Онъ оставилъ по себѣ неукоризненную память скромнаго, но полезнаго дѣятеля науки и въ полномъ смыслѣ благороднаго человѣка.

Засѣданія Отдѣленія постоянно происходили по два раза въ недѣлю. Въ нихъ читаны были сочиненныя членами статьи и разсужденія, обсуживались разные предметы, до отечественнаго языковѣдѣнія относящіеся, также сочиненія, поступающія отъ стороннихъ членовъ и корреспондентовъ, разсматривались матерьялы для областнаго и общаго словарей русскаго языка и рѣшались вопросы, возникающіе изъ переписки и сношеній Отдѣленія съ разными лицами.

Кромѣ сихъ занятій, члены Отдѣленія участвовали въ сужденіяхъ о присвоеніи наградъ за сочиненія, поступившія въ академію на демидовскую и уваровскую преміи. Такъ какъ сочиненія, вызываемыя послѣднею, касаются наиболѣе до русской изящной словесности, и именно драматической поэзіи, то сужденія о нихъ, при участіи нѣкоторыхъ литераторовъ, возложены преимущественно на членовъ Втораго Отдѣленія. Въ семъ году поступило 6 трагедій и 3 комедіи. Результатъ разсматриванія этихъ пьесъ, къ сожалѣнію, не былъ благопріятенъ: ни одна изъ нихъ не признана достойною награды. Такое явленіе, при нынѣшнемъ оживленномъ состояніи литературы, кажется страннымъ. Не были ли судьи, произносившіе свой приговоръ, слишкомъ строги? Вопросъ этотъ весьма легко можетъ быть возбужденъ и послѣ будущихъ подобныхъ сужденій, и потому налагаетъ на насъ долгъ объясниться о началахъ, которыми руководствовались члены Отдѣленія въ разсматриваніи драматическихъ произведеній. Достоинство художественныхъ созданій опредѣляется или понятіями и вкусомъ, господствующими въ данное время, или тѣми основными вѣчными истинами, которыя заключаются въ природѣ и законахъ искусства. Есть произведенія, пріобрѣтшія громкое одобреніе литературной критики на основаніи этихъ господствующихъ понятій и вкуса. Такое одобреніе не лишено своего рода правды. У

всякой эпохи бываютъ стремленія и потребности, коихъ удовлетвореніе составляетъ конечно заслугу въ глазахъ ея. Но на литературѣ, кромѣ этого служенія интересамъ времени, лежитъ еще долгъ болѣе великій и священный — долгъ согласоваться съ высшими понятіями и началами разума, которыя охраняютъ искусство отъ односторонности и ложныхъ путей, а общество направляютъ къ непреложнымъ цѣлямъ вѣчнаго добра, истины и красоты. Въ сихъ-то началахъ и понятіяхъ надобно искать мѣрила для полной и вѣрной оцѣнки литературныхъ произведеній. Нѣтъ ничего невозможнаго въ соединеніи относительнаго ихъ достоинства, признаваемаго извѣстнымъ настроеніемъ умовъ, съ прочными красотами, опредѣляемыми наукою и разумомъ. Мы знаемъ много твореній, въ коихъ великій талантъ умѣлъ быть вѣрнымъ духу времени, не измѣняя высшимъ всеобщимъ требованіямъ искусства и человѣчества. Но сколько также произведеній, въ которыхъ, кромѣ летучаго интереса минуты, кромѣ стремленія удовлетворить силѣ одного какого-нибудь направленія, нѣтъ ничего, и въ которыхъ многими за хорошее признается не то, что̀ хорошо и само по себѣ, и по отношенію ко времени, а то, въ чемъ ярко и рѣзко выказалось преобладающее стремленіе, не смотря на то, что̀ оно превратилось въ крайность и исключительность, уничтожающія всѣ условія истины художественной и истины всеобщей. Если такія произведенія могутъ являться въ литературѣ и быть терпимы за недостаткомъ лучшихъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы критика, основанная на началахъ науки и искусства, ихъ одобряла. Многое изъ того, что̀ пишутъ и печатаютъ, не составляетъ литературы въ прямомъ смыслѣ слова, хотя все это и чествуютъ ея именемъ, и хотя въ возникающихъ такимъ образомъ болѣе или менѣе эфемерныхъ явленіяхъ мысли и слова можетъ заключаться своего рода польза. Литературѣ

по-справедливости принадлежать только тѣ произведенія, въ которыхъ съ богатствомъ и значительностію содержанія соединяются духъ живаго постиженія истины и красоты и сила организующей мысли. Такихъ созданій можно ожидать только отъ спеціальнаго литературнаго таланта и одни они въ состояніи выдержать испытаніе серьёзной художественной критики. Подобными понятіями руководствовались члены Отдѣленія при разсматриваніи драматическихъ пьесъ, представленныхъ для соисканія уваровской преміи — и всѣ эти пьесы не могли стать въ уровень со столь простыми и естественными литературными требованіями. Нѣкоторыя изъ нихъ, важнаго историческаго содержанія оказались весьма-слабыми не только въ отношеніи художественной обработки, но и со стороны пониманія духа и значенія эпохъ, изъ которыхъ они заимствовали свои матерьялы. Другія, имѣвшія въ виду представить современные нравы, при очевидномъ отсутствіи поэтической изобрѣтательности, обнаружили такія преувеличенія и крайности личныхъ авторскихъ воззрѣній на жизнь и общество, которымъ нѣтъ мѣста въ области искусства.

Къ существеннѣйшимъ предметамъ дѣятельности Отдѣленія принадлежатъ словари. Подъ наблюденіемъ академика А. Х. Востокова приготовлялись къ изданію дополненія къ областному словарю великорусскаго языка; они въ настоящемъ году разсмотрѣны Отдѣленіемъ окончательно и уже отпечатаны. Все, что̀ достигнуто до сихъ поръ въ этой области языкознанія, конечно не исчерпываетъ предмета. Языкъ нашъ надѣленъ великими производительными силами; готовый отвѣчать на всѣ умственные запросы, на всѣ требованія многосторонне-развивающейся народности въ жизни, наукѣ, искусствѣ, онъ въ то же время удовлетворяетъ самымъ разнообразнымъ мѣстнымъ нуждамъ населеній въ

предѣлахъ нашей обширной имперіи. Много еще предстоитъ сдѣлать наблюденій, собрать матеріаловъ, чтобы наконецъ мѣстныя отличія, эти живыя отрасли одной великой дѣйствующей силы языка, наука могла представить во всемъ ихъ обиліи и полнотѣ. Но Отдѣленіе смѣетъ надѣяться, что стремясь, повозможности, выполнить одну изъ важнѣйшихъ задачъ своихъ въ ученой разработкѣ отечественнаго слова, оно тѣмъ, что̀ сдѣлано уже доселѣ, положило прочное основаніе къ составленію полнаго областнаго словаря.

Между тѣмъ Отдѣленіе не теряло изъ вида другаго, еще болѣе обширнаго труда — общаго словаря отечественнаго языка. Не смотря на недостаточное число наличныхъ дѣятелей въ своемъ кругу, ограничивающееся, какъ сказано выше, восьмью членами, что̀ конечно, вы, милостивые государи, согласитесь, не много для такого громаднаго дѣла, особенно если удостоите припомнить, что и эти члены несутъ на себѣ, кромѣ академическихъ занятій, другіе важные труды по службѣ, не смотря на это, Отдѣленіе не отступало отъ необходимыхъ предварительныхъ работъ по общему словарю. За два года передъ симъ читано было въ Отдѣленіи начало сего словаря, именно слова на букву *А*, составленное предсѣдательствующимъ ординарнымъ академикомъ И. И. Давыдовымъ. Корректурные или пробные листы были разосланы къ нѣкоторымъ извѣстнымъ литераторамъ и ученымъ, съ просьбою о доставленіи своихъ замѣчаній. Но два года прошли и никакихъ отзывовъ на это не послѣдовало. Тогда Отдѣленіе опредѣлило ихъ напечатать въ «Извѣстіяхъ» своихъ, что и вызвало, между немногими указаніями на нѣкоторыя неизбѣжныя въ подобномъ дѣлѣ погрѣшности, нѣсколько основательныхъ и полезныхъ замѣчаній корреспондента академіи Н. И. Греча и профессора Савича. Замѣчанія эти были приняты редакторомъ «Проб-

ныхъ листовъ» съ благодарностью, а самые листы положено въ исправленномъ видѣ вторично напечатать при «Извѣстіяхъ».

Между тѣмъ «Словарь», изданный Вторымъ Отдѣленіемъ въ 1847 г., разошелся весь, а требованія на него въ публикѣ не прекращаются. Потребность въ новомъ его изданіи становится настоятельною. Сперва Отдѣленіе полагало отчасти удовлетворить этой потребности изданіемъ сокращеннаго ручнаго словаря; но, при тщательнѣйшемъ обсужденіи дѣла, найдено гораздо полезнѣйшимъ предпринять новое изданіе «Словаря» 1847 года. Здѣсь представлялся вопросъ: должно ли это новое изданіе сопровождаться пересмотромъ «Словаря» и исправленіемъ, или слѣдуетъ ограничиться простою его перепечаткою? Отдѣленіе рѣшилось на первое и уже въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ разсмотрѣна часть прежняго «Словаря», слѣдствіемъ чего были исключеніе нѣкоторыхъ словъ преимущественно церковно-славянскихъ и безъ того понятныхъ или насильственно составленныхъ, внесеніе въ «Словарь» новыхъ словъ, которыя въ прежнемъ изданіи были опущены, и исправленіе разныхъ неточностей въ самомъ опредѣленіи и объясненіи словъ. Понятно, что такое изданіе огромной книги, во всѣхъ отношеніяхъ исправленное, потребуетъ отъ насъ еще не малой доли нашихъ усилій и времени. За то публика получитъ не простую перепечатку «Словаря», а «Словарь» по возможности улучшенный и способный удовлетворить ея потребностямъ до того времени, когда Отдѣленіе въ состояніи будетъ выполнить задуманное имъ обширное предпріятіе — составленіе «Словаря» совершенно новаго.

Затѣмъ нѣкоторые изъ сочленовъ нашихъ посвящали особенные труды разнымъ отраслямъ языкознанія и словесности. Ординарный академикъ, предсѣдательствующій въ Отдѣленіи И. И. Давыдовъ продолжалъ свои изслѣдованія и

изъясненія русскихъ синонимъ, которыхъ разобрано имъ до нынѣ и читано было въ засѣданіяхъ нашихъ болѣе 400 словъ. Трудъ этотъ далеко нельзя назвать окончательнымъ; еще значительная масса словъ подобнозначущихъ въ русскомъ языкѣ ожидаетъ анализа и объясненій, и конечно къ объясненіямъ, уже сдѣланнымъ, могутъ быть присоединены новыя въ видѣ дополненій, или опредѣленія тончайшихъ, еще неусмотрѣнныхъ соотношеній и разностей въ словахъ. Мы, можно сказать, начинаемъ только этого рода разработку нашего языка, тогда какъ литература французская, англійская и германская обладаютъ уже превосходными сборниками и словарями синонимъ. Отдѣленію, и особенно академику И. И. Давыдову, принадлежитъ, по справедливости, честь настоящаго ученаго приступа къ сему дѣлу по методѣ болѣе строгой и основательной, чѣмъ немногія попытки нѣкоторыхъ изъ прежнихъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ — Саларева, Калайдовича, Галича и другихъ.

А. Х. Востоковъ окончилъ и отпечаталъ первый томъ своего «Словаря церковно-славянскаго языка» до буквы *О*. Мы увѣрены, что всякій филологъ, всякій любитель общеславянской филологіи не только у насъ, но и за-границею, приметъ съ живѣйшимъ участіемъ и благодарностью этотъ новый плодъ неутомимой ученой дѣятельности нашего маститаго и знаменитаго сочлена, которому отечественная наука столь многимъ уже обязана.

Ординарный академикъ И. И. Срезневскій съ обычною своею ревностью занимался, кромѣ изданія «Извѣстій» и «Записокъ» Отдѣленія, изслѣдованіями о разныхъ вопросахъ славяно-русской филологіи. Къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ его въ этомъ родѣ въ истекающемъ году принадлежитъ разсужденіе его, читанное имъ въ нѣсколькихъ изъ нашихъ засѣданій о любопытномъ памятникѣ словесности

XV вѣка, подъ заглавіемъ: «Задонщина великаго князя господина Димитрія Ивановича и брата Володимера Андрѣевича». Въ русской литературѣ давно было уже извѣстно *повѣданіе* и *сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго*, заключающее въ себѣ историко-эпическій разсказъ о знаменитой побѣдѣ русскихъ надъ Мамаемъ и приписанное рязанскому священнику Софронію или Софонію. Въ недавнее время г. Ундольскій открылъ новое подобное произведеніе о томъ же предметѣ, произведеніе драгоцѣнное какъ по отношенію его ко времени, такъ и по оживляющему его духу народности и языку. Другой списокъ этого памятника найденъ въ кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ архимандритомъ Варлаамомъ. Въ изслѣдованіи древнихъ письменныхъ произведеній первое мѣсто занимаетъ возстановленіе и правильное чтеніе текста, обыкновенно повреждаемаго переписчиками, и однимъ изъ важнѣйшихъ къ этому средствъ служитъ сличеніе нѣсколькихъ или многихъ списковъ памятника, если они уцѣлѣли. Извѣстно, какихъ усилій и филологическихъ соображеній требуетъ подобное ученое дѣло. Г. Срезневскій, владѣя всѣми этими пособіями, занялся имъ усердно. Онъ принялъ за основаніе текстъ кирилло-бѣлозерской рукописи, заимствуя изъ списка Ундольскаго все, что̀ казалось ему необходимымъ для пополненія и уясненія смысла. Такимъ образомъ исторія отечественной литературы обогатилась новымъ очищеннымъ и критически-возстановленнымъ фактомъ, важнымъ въ ряду нашихъ эпико-историческихъ созданій. Возникшіе въ недавнее время, по поводу сочиненія Шафарика, ученыя пренія о глаголитскихъ письменахъ — времени ихъ изобрѣтенія и употребленіи, послужили для г. Срезневскаго поводомъ къ новымъ изслѣдованіямъ по сему предмету, результаты которыхъ были въ свое время доведены до свѣдѣнія публики.

Въ одной изъ своихъ записокъ, внесенныхъ имъ въ собраніе Отдѣленія, онъ между прочимъ говоритъ, что слѣды глаголицы найдены имъ въ древнихъ памятникахъ письменности нашей, именно въ памятникахъ X вѣка. Провѣряя хронологическія данныя въ договорахъ съ греками 944—945 годахъ великаго князя Игоря и въ обязательной грамотѣ великаго князя Святослава 972 года, и вникая какъ въ ихъ темныя мѣста, такъ въ различіе написанія словъ, ученый академикъ нашелъ возможность отстранить нѣкоторыя недоразумѣнія въ сихъ актахъ посредствомъ приложенія глаголитскаго чтенія. Слѣды глаголицы, по замѣчаніямъ его, выдаются рѣзко въ татищевскомъ спискѣ Игорева договора и не менѣе рѣзко въ грамотѣ Святослава, какъ въ обозначеніи года, такъ и въ имени царя Іоанна Цимисхія. Эти любопытныя изысканія указываютъ на новую точку зрѣнія, съ которой можетъ многое уясниться въ весьма сложномъ вопросѣ о значеніи глаголицы и кириллицы въ древней славянской письменности. Въ числѣ различныхъ изысканій г. Срезневскаго мы должны упомянуть также о продолжавшихся и въ нынѣшнемъ году палеографическихъ изслѣдованіяхъ. Изъ нихъ оказывается, какъ много уже на этомъ поприщѣ сдѣлано трудами Тимковскаго, Востокова, Калайдовича, Кеппена, Строева, Погодина, Сахарова, Черткова, Снѣгирева, Горскаго и Новоструева. Мы къ этому прибавимъ, что во всѣхъ работахъ, служащихъ къ установленію нашей палеографіи на прочныхъ основаніяхъ, не малая доля успѣха ихъ, особенно въ послѣднее время, должна быть отнесена къ дѣятельности самого г. Срезневскаго.

Независимо отъ этой ученой дѣятельности, почтенный сочленъ нашъ, во время лѣтнихъ вакацій, совершилъ, по порученію Отдѣленія и съ разрѣшенія г. президента академіи, путешествіе въ троицко-сергіевскую лавру и близай-

шіе монастыри, для обозрѣнія тамошнихъ книгохранилищъ. Въ этихъ святыхъ убѣжищахъ и вѣры нашей, и древняго знанія, г. Срезневскій сдѣлалъ много полезныхъ изысканій и собралъ много данныхъ для будущихъ филологическихъ работъ. Великимъ пособіемъ въ трудахъ его прежде всего было покровительство высокопреосвященнаго митрополита московскаго Филарета, а потомъ готовность содѣйствовать ему во всемъ профессора духовной академіи А. В. Горскаго, отца іеромонаха Иларія, синодальнаго ризничнаго отца-архимандрита Саввы, профессора Новоструева, новоіерусалимскаго архимандрита Амфилохіа и В. Ундольскаго. Отдѣленіе считаетъ долгомъ торжественно засвидѣтельствовать свою благодарность, во-первыхъ, его высокопреосвященству митрополиту московскому Филарету, принимавшему всегда самое теплое участіе въ трудахъ нашихъ, а во-вторыхъ и всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ, столь дружественно помогавшимъ нашему сочлену выполнить возложенное на него дѣло.

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ членовъ Отдѣленія посвящали труды свои рѣшенію разныхъ вопросовъ относительно исторіи нашей древней письменности, другіе занимались изслѣдованіями настоящаго состоянія языка и литературы. Такъ ординарный академикъ Я. К. Гротъ объяснилъ весьма важную часть языкоученія — законы словоударенія. До сихъ поръ разсмотрѣно имъ удареніе въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, въ именахъ мужескаго рода, женскаго и средняго. Въ слѣдующихъ изысканіяхъ академикъ предполагаетъ разсмотрѣть переходъ удареній при склоненіи именъ существительныхъ. Но изъ нынѣшнихъ уже изслѣдованій вытекаетъ тотъ важный выводъ, что какъ ни прихотливо, по видимому, русское словоудареніе, однакожъ въ самомъ разнообразіи просодіи своей чуждается безотчет-

наго произвола или случайности, слѣдуетъ извѣстнымъ началамъ и стремится подчиниться законности. Однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости Отдѣленія, какъ я уже имѣлъ честь изъяснить, были и есть Словари отечественнаго языка. Для достиженія возможнаго совершенства въ этомъ дѣлѣ необходимо принимать въ соображеніе подобные труды въ литературахъ иноземныхъ. Академикъ Гротъ, занимаясь особенно всѣмъ, что̀ имѣетъ связь съ филологическими видами Отдѣленія въ литературахъ нѣмецкой и скандинавской, сперва представилъ Отдѣленію замѣчанія и выводы свои относительно составленія областныхъ Словарей нѣкоторыхъ германскихъ нарѣчій, равно и обще-германскаго Словаря, а потомъ вступилъ въ сношеніе съ непремѣннымъ секретаремъ шведской академіи, гофмаршаломъ Бесковымъ, который сообщилъ ему весьма важныя свѣдѣнія о ходѣ составленія Словаря шведскаго языка. Свѣдѣнія сіи были также сообщены г. Гротомъ Отдѣленію. Затѣмъ онъ намѣренъ представить общій обзоръ лексикографическихъ трудовъ въ Европѣ. Изъ свѣдѣній, до сихъ поръ собранныхъ, между прочимъ оказывается, что работы лексикографическія вездѣ подвигались чрезвычайно медленно, не смотря на значительныя разнаго рода пособія, которыми снабжались занимающіеся ими: доказательство того, съ какимъ трудомъ воздвигаются въ наукѣ вѣковые памятники прочнаго, наиболѣе народнаго знанія. Г. Гротъ обратилъ также вниманіе на одно изъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній современной нашей литературы — на стихотворную повѣсть г. Никитина: «Кулакъ», заслуживающую по своимъ красотамъ серьёзнаго критическаго разбора. Академикъ представилъ о ней въ Отдѣленіе записку, гдѣ онъ отдаетъ справедливость дарованію автора, который умѣлъ многія черты нравовъ нашего средняго сословія представить въ увлекательныхъ

поэтическихъ картинахъ, не измѣняя дѣйствительности ихъ и истины, притомъ стихами звучными, легкими, чуждыми всего неестественнаго и изысканнаго. Записка г. Грота напечатана въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія.

Экстраординарный академикъ Дубровскій представилъ печатный экземпляръ своей монографіи о жизни и твореніяхъ соплеменнаго намъ поэта Мицкевича. Авторъ, прослѣдивъ всю жизнь знаменитаго поэта и постепенное развитіе его таланта, въ живыхъ и точныхъ чертахъ представилъ лучшія изъ его произведеній, приводя вездѣ замѣчательнѣйшія изъ нихъ мѣста въ прозаическомъ переводѣ, который если не даетъ полнаго понятія о поэтическихъ красотахъ твореній Мицкевича, то знакомитъ съ ихъ идеями и направленіемъ. Тутъ между прочимъ читатели найдутъ подробный обзоръ послѣдняго прекраснаго созданія Мицкевича «Панъ Тадеушъ».

На русскомъ языкѣ не было не только удовлетворительной, но почти никакой характеристики одного изъ первоклассныхъ поэтовъ, близкаго намъ и по времени и по кровной съ нами связи, не смотря на отчужденіе отъ насъ, въ какое онъ поставилъ себя въ послѣдніе годы своей жизни. Г-ну Дубровскому первому принадлежитъ честь внести въ нашу литературу недостававшее ей столь важное и притомъ вѣрное и обстоятельное свѣдѣніе. Г. Дубровскій приготовилъ къ печати другую монографію объ ученой дѣятельности знаменитаго польскаго историка Лелевеля, написанную имъ по поводу недавно изданной въ Познани автобіографіи этого писателя. Сверхъ того онъ же представилъ въ Отдѣленіе свои замѣтки о текущей польской литературѣ и поправки и замѣчанія на статью корреспондента Отдѣленія Лавровскаго: «Объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго польскаго языка», напечатанную въ IV томѣ «Ученыхъ Записокъ».

Изъ отсутствующихъ дѣйствительныхъ членовъ преосвященный епископъ тамбовскій Макарій доставилъ Отдѣленію свое историческое «Изслѣдованіе о русской митрополіи въ ея переходный періодъ». Сочиненіе это важно не только въ отношеніи къ церковной исторіи нашего отечества, но и въ отношеніи къ познанію объ умственномъ состояніи и образованіи его въ эту отдаленную эпоху времени. Преосвященнымъ также изданы два тома его Словъ и рѣчей, произнесенныхъ въ Кіевѣ, Санктпетербургѣ и среди ввѣренной ему тамбовской паствы.

Г. Шевыревъ напечаталъ третій томъ своей «Исторіи русской словесности», обнимающей столѣтія XIII, XIV и начало XV.

Нѣкоторые изъ внутреннихъ корреспондентовъ Отдѣленія принимали участіе въ трудахъ нашихъ: Г. Лавровскій доставилъ разборъ свой «Мнѣній Сухецкаго о полонизмахъ глагольскихъ», найденныхъ въ Прагѣ Гёфлеромъ. Г. Гильфердингъ представилъ любопытную находку, сдѣланную имъ во время путешествія его по Герцоговинѣ, въ монастырѣ Пивѣ: это рукопись, содержащая въ себѣ славянскій переводъ бесѣдъ Іоанна Златоуста. Онъ принадлежитъ нѣкоему иноку троицко-сергіевской лавры и относится къ 1524 году. Въ памятникѣ семъ особенное вниманіе заслуживаетъ предисловіе переводчика, гдѣ между прочимъ, онъ повѣствуетъ о своемъ ученіи у премудрѣйшаго, по его словамъ, старца Михаила Грека, подъ руководствомъ коего онъ трудился и въ переводѣ. Отдѣленіе, получивъ недавно отъ г. Гильфердинга рукопись, не успѣло еще воспользоваться ею для своихъ филологическихъ соображеній, что̀ не преминетъ сдѣлать оно въ будущемъ году. Корреспондентъ Майковъ, по волѣ Его Императорскаго Высочества великаго князя Константина Николаевича назначенъ со-

стоять при морской экспедиціи въ Греціи. Пользуясь симъ случаемъ, Отдѣленіе возложило на г. Майкова заняться во время путешествія его по сей классической странѣ наблюденіями остатковъ и памятниковъ пребыванія тамъ славянскихъ племенъ.

Сторонніе ученые и изыскатели по части отечественной филологіи не переставали и въ истекающемъ году содѣйствовать Отдѣленію въ его занятіяхъ доставленіемъ своихъ сочиненій и изслѣдованій. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ пріобрѣли право на признательность Отдѣленія и на напечатаніе ихъ въ «Ученыхъ Запискахъ». Г. Коссовичъ доставилъ четыре съ половиною листа продолженія своего «Санскрито-Русскаго Словаря», кандидатъ санктпетербургскаго университета Ламанскій свое сочиненіе о колоніяхъ древнихъ Славянъ. Этотъ замѣчательный трудъ молодаго ученаго содержитъ въ себѣ какъ важныя самостоятельныя изслѣдованія о разселеніи славянскихъ племенъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи, такъ и любопытныя данныя собственно въ филологическомъ отношеніи. Г. Дестунисъ представилъ продолженіе своихъ изысканій о слѣдахъ славянства въ новогреческомъ языкѣ. Отъ г. Карпова постоянно были получаемы матеріалы для «Областнаго Словаря». Профессоръ львовскаго университета Головацкій прислалъ собраніе словъ, употребляемыхъ въ Галиціи, кои не вошли въ «Словарь малорусскаго нарѣчія» Аѳанасьева; г. Фенагорскій — загадки и поговорки, собранныя имъ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Учитель олонецкой гимназіи Петровъ доставилъ сборникъ простонародныхъ пѣсенъ Вытегорскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ ревнителей отечественной филологіи содѣйствовали Отдѣленію доставленіемъ ему свѣдѣній о древнихъ любопытныхъ намятникахъ нашей словесности. Такъ отъ г. Купріянова получено обозрѣніе пер-

гаментныхъ рукописей новгородской софійской библіотеки, служащее дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, лично собраннымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ во время командировки его въ Новгородъ въ 1856 году.

Между дѣйствіями постороннихъ лицъ, имѣющими важное значеніе вообще для науки и въ особенности для науки, составляющей предметъ усилій нашего Отдѣленія, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе ваше, милостивые государи, на одно, которое ни какое ученое общество, занимающееся возстановленіемъ древнихъ памятниковъ письменности, не должно пройти молчаніемъ въ исчисленіи средствъ для своихъ успѣховъ. Это не есть какое-нибудь открытіе, изысканіе въ области филологіи, или въ области науки, имѣющей къ ней отношеніе; но это великая услуга, оказанная каждому изъ ихъ открытій и изысканій. Я разумѣю приложеніе фотографіи къ снимкамъ съ памятниковъ письменности, доведенное до изумительной степени совершенства нашимъ достопочтеннымъ соотечественникомъ Севастьяновымъ. Очевидно, какъ важны для науки непогрѣшительно точныя копіи съ рукописей, извлекаемыхъ случаемъ или настойчивостью изыскателей изъ темныхъ хранилищъ прошедшаго, гдѣ онѣ были погребены цѣлые вѣка, и какъ трудно возстановлять эти рукописи со всѣми особенностями, которыя наложены на нихъ, и процессомъ первоначальнаго ихъ составленія, и переворотами времени. Всѣ способы, какіе до сихъ поръ были употребляемы для этой цѣли и о коихъ здѣсь не мѣсто распространяться, были неудовлетворительны, отчасти потому, что предоставляли многое произволу трудящихся надъ этимъ дѣломъ, отчасти потому, что сопряжены были съ тяжкими усиліями, и наконецъ потому, что распространеніе ихъ между учеными въ значительномъ числѣ экземпляровъ, особенно по причинѣ послѣдняго обстоятельства, было крайне-затрудни-

тельно. Г. Севастьяновъ рѣшился призвать въ помощь солнце, которое какъ будто восхотѣло и на сей разъ благодатнымъ вліяніемъ своего свѣта содѣйствовать столь же благодатному свѣту знанія. Искусство г. Севастьянова, настойчивость и знаніе всѣхъ таинствъ фотографіи преодолѣли препятствія, какія естественно представлялись въ примѣнѣніи употребленнаго имъ способа къ самымъ тончайшимъ подробностямъ и чертамъ переводимыхъ на бумагу письменъ. Первый разъ способъ свой приложилъ онъ къ дѣлу въ аѳонскихъ монастыряхъ; результаты, добытые имъ тамъ и привезенные сперва въ Парижъ, привели въ восторгъ и изумленіе ученыя лица и общества парижскія. Нынѣ доставилъ онъ въ нашу академію нѣсколько снимковъ съ славянскихъ рукописей, найденныхъ на Аѳонѣ, и мы лично могли убѣдиться въ блистательномъ успѣхѣ дѣла, задуманнаго и исполненнаго нашимъ соотечественникомъ. Точность воспроизведенія рукописей неподражаема, какъ точность всего, что̀ производитъ природа вообще и природа благоговѣйно и мудро призываемая къ участію въ своихъ видахъ наукою. Это, разумѣется, главное качество передаваемаго памятника для археолога и филолога; другое—возможность размножать снимки въ значительномъ количествѣ и такимъ образомъ дѣлать ихъ доступными всякому ученому, всякому любителю древностей, чего доселѣ были они лишены.

Я оканчиваю мое слово — и мнѣ остается только отъ лица всѣхъ насъ выразить увѣренность, необходимую для нашего поощренія, что по-крайней мѣрѣ цѣли, къ которымъ мы стремимся въ нашей скромной ученой дѣятельности, не недостойны благороднаго, оживляющаго сочувствія вашего, милостивые государи. Сколь бы ни были важны и велики вопросы, занимающіе умы нашего времени, мы полагаемъ, что задача науки вообще и науки, преимущественно изслѣ-

дующей духъ, жизнь и слово народа, къ коему мы всѣ имѣемъ счастіе принадлежать, не менѣе важны и велики какъ сами-по-себѣ, такъ и по связи своей со всеми явленіями, занимающими умы самые положительные. Связь эта тѣснѣе, нежели многіе думаютъ. Въ царствѣ мысли, сообщающей всѣмъ человѣческимъ дѣйствіямъ начало и движеніе, находится много неизвѣданныхъ путей, на которыхъ встрѣчаются идеи и начинанія самыя разнородныя, самыя повидимому противоположныя, и встрѣча эта служитъ всегда къ ихъ взаимному пополненію, утвержденію и успѣху въ общемъ ходѣ народнаго развитія и благоденствія.

1859.

ОТЧЕТЪ ЗА 1859 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩИМЪ ОТДѢЛЕНІЯ, ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Читанъ имъ въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1859 года.

I.

На основаніи высочайше утвержденнаго положенія, Отдѣленіе русскаго языка и словесности состоитъ изъ двадцати членовъ. Но никогда, въ продолженіе осьмнадцатилѣтняго существованія своего, не могло оно видѣть въ своихъ собраніяхъ полнаго числа этихъ избранныхъ дѣйствователей. Отсутствіе однихъ происходитъ отъ того, что они постоянно живутъ внѣ здѣшней столицы, а другихъ отъ того, что многотрудныя обязанности по занимаемымъ ими въ службѣ должностямъ не оставляютъ имъ времени для академическихъ трудовъ. Въ настоящее время не болѣе шести академиковъ постоянно присутствуютъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и раздѣляютъ между собою академическія занятія. И въ этомъ небольшомъ числѣ, между нами, только одинъ академикъ вполнѣ принадлежитъ Отдѣленію, не отвлекаемый отъ него никакою другою должностію.

До сихъ поръ Отдѣленіе успѣло изъ литературно-ученыхъ трудовъ своихъ напечатать тридцать два сочиненія. По части лексикографіи вышло семь книгъ, между которыми «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка» состоитъ изъ четырехъ томовъ. Два сочиненія изданы по отдѣлу грамматики, и одно изъ нихъ «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» вышло тремя изданіями. Наибольшее число сочиненій выдано Отдѣленіемъ въ свѣтъ по разряду филологическихъ изслѣдованій. Ихъ напечатано двѣнадцать. Они преимущественно касаются стариннаго русскаго языка и его литературы. Пособій къ изученію исторіи отечественной словесности издано восемь. Наконецъ три сочиненія содержатъ изображенія отдѣльныхъ эпохъ исторіи политической.

Постоянно издаются отъ Отдѣленія безсрочными выпусками «Извѣстія», продолжающіяся восемь лѣтъ. Тетради этого изданія нынѣ составили восемь томовъ in-4°. Они содержатъ въ себѣ не только исторію занятій Отдѣленія, но и современную библіографію замѣчательнѣйшихъ явленій русской словесности и прочихъ славянскихъ литературъ. Спустя два года послѣ появленія «Извѣстій», началось печатаніе другаго повременнаго изданія, подъ названіемъ «Ученыя Записки». Ихъ вышло въ свѣтъ пять томовъ. Онѣ предназначены для подробнѣйшихъ изслѣдованій, нежели «Извѣстія». Филологія, исторія и критика составляютъ преимущественное содержаніе «Ученыхъ Записокъ».

II.

При небольшомъ числѣ постоянныхъ участниковъ въ занятіяхъ Отдѣленія, несправедливо было бы требовать отъ работъ ихъ замѣтнаго расширенія успѣховъ литературы, осо-

бенно при томъ соображеніи, что для Отдѣленія русскаго языка и словесности предназначенъ путь чисто спеціальный. На этомъ пути оно не оказало медленности сравнительно съ другими, подобными ему, учрежденіями. Въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія прошлаго 1859 года напечатана была записка академика Я. К. Грота, подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ обсужденію вопроса о новомъ изданіи академическаго Словаря». Въ ней приведено множество любопытныхъ указаній на учрежденія въ разныхъ государствахъ, однородныя съ нашимъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности. Эти указанія вполнѣ знакомятъ съ тѣми затрудненіями, которыя повсюду встрѣчаемы были при изслѣдованіи состава и законовъ языка, и съ тѣми естественными препятствіями, съ которыми осуждены бороться литературныя совѣщательныя Общества.

III.

Въ числѣ исполняющихся нынѣ ученыхъ предположеній Отдѣленія, одно изъ первыхъ мѣстъ должно занять изданіе славянскаго перевода «Хроники Георгія Амартола», изданіе въ возможно-полномъ и вѣрномъ видѣ. Извѣстно, что «Хроника Георгія Амартола», жившаго въ IX вѣкѣ, принадлежала къ числу замѣчательныхъ обще-историческихъ сочиненій византійскихъ, очень рано, вѣроятно уже въ X-мъ вѣкѣ, сдѣлалась достояніемъ славянской литературы. Въ спискахъ тогдашняго перевода она ходила не только въ томъ же видѣ, какой былъ и въ подлинникѣ, но и съ нѣкоторыми добавленіями. У насъ она имѣла тѣмъ болѣе значенія и успѣха, что заключаетъ въ себѣ сказанія и о Руси. Она даже служила руководствомъ и пособіемъ нашимъ лѣтописцамъ. Такъ между прочимъ и сочинитель «Повѣсти вре-

менныхъ лѣтъ» пользовался ею какъ источникомъ для припоминанія событій и обстоятельствъ, сходныхъ съ тѣми, о которыхъ онъ разсказываетъ въ своемъ повѣствованіи о Россіи. Это было причиною размноженія у насъ старинныхъ списковъ «Хроники Георгія Амартола».

Но сличеніе ихъ, большею частію дошедшихъ до насъ не изъ самой древности (древнѣйшіе принадлежатъ XIV вѣку), убѣдило, что не только ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть исключительно предпочтенъ прочимъ, но что нѣкоторыя мѣста даже не могутъ быть правильно прочтены при помощи всѣхъ списковъ вмѣстѣ безъ пособія греческаго подлинника.

Къ счастію, въ то время, какъ Отдѣленіе приступало къ осуществленію своей мысли, докторъ Муральтъ изучалъ древній списокъ той же Хроники на греческомъ языкѣ, хранящійся въ московской синодальной библіотекѣ. Онъ предполагалъ напечатать его съ дополненіями и разночтеніями по другимъ спискамъ. Но изданіе этого новаго труда ученаго изыскателя могло замедлиться, и даже, по недостатку средствъ на покрытіе издержекъ печатанія, могло быть отложено не неопредѣленное время. Отдѣленіе, чтобы облегчить приготовленіе въ наилучшемъ видѣ изданія древняго славянскаго перевода Хроники, рѣшилось всѣми способами содѣйствовать къ изданію полнаго и очищеннаго критикою подлинника. Это многосложное предпріятіе приходитъ нынѣ къ концу.

Докторъ Муральтъ воспользовался почти всѣми греческими списками Хроники, хранящимися въ разныхъ библіотекахъ Европы. Кромѣ того, онъ обогатилъ свое изданіе сличеніями сказаній Амартола съ сказаніями другихъ византійскихъ хронографовъ. Это тѣмъ болѣе важно, что нѣкоторыя изъ сказаній повторяются въ нихъ отъ слова до слова. Такъ-какъ печатаніе подлинника достигаетъ окончанія, то

и приготовленіе къ изданію славянскаго перевода должно пойти безъ особенныхъ затрудненій.

IV.

Равнымъ образомъ приближается къ концу предпринятое Отдѣленіемъ въ прошедшемъ году изданіе «Словаря церковно-славянскаго языка». Это новый трудъ академика А. Х. Востокова. По великой важности для отечественной литературы обоихъ предметовъ, то есть, и языка и труда, нельзя не коснуться здѣсь ихъ исторіи.

Церковно-славянскій языкъ, какъ орудіе не только церкви, но, въ продолженіе многихъ вѣковъ, и науки и вообще литературы для большей части Славянъ, долженъ былъ постепенно измѣняться въ разныхъ мѣстахъ сообразно съ мѣстными требованіями и всюду отклоняться отъ своего древняго первообраза. Самое важное изъ этихъ отклоненій, русское, употребляемое въ нашихъ церковныхъ книгахъ, пріобрѣло преимущественное значеніе довольно давно и у другихъ православныхъ Славянъ. Только этимъ языкомъ и ограничивались тѣ изъ нихъ, которые вообще изучали языкъ церковно-славянскій. Академикъ А. Х. Востоковъ, первый указалъ, что русско-церковный языкъ не есть первоначальный, чистый славянско-церковный. Указанія его произвели переворотъ во всей славянской филологіи. Переворотъ совершился сначала только въ уединенной сферѣ ученыхъ спеціалистовъ. На понятія прочаго общества, до послѣднихъ лѣтъ, онъ оставался вовсе безъ особеннаго вліянія. Вотъ почему замѣтно смѣшивалось значеніе русскаго церковнаго языка, даже и просто стариннаго русскаго, съ первоначальнымъ церковно-славянскимъ языкомъ. Слѣды этого смѣшенія остаются какъ въ «Общемъ церковно-сла-

вяно-россійскомъ словарѣ» непремѣннаго секретаря бывшей россійской академіи П. И. Соколова, такъ и въ изданномъ 1847 года нашимъ Отдѣленіемъ «Словарѣ церковно-славянскаго и русскаго языка», не говоря уже о «Церковномъ словарѣ» протоіерея П. Алексѣева, котораго 4-ое изданіе вышло въ то время, когда академикъ А. Х. Востоковъ въ первый разъ представилъ новое свое на этотъ предметъ воззрѣніе. Несправедливо было бы сказать, что въ приведенныхъ Словаряхъ значеніе словъ опредѣлялось невѣрно; но тутъ руководствовались болѣе догадкою, или пособіемъ случайнымъ, нежели указаніемъ на іслѣдованные памятники.

Чѣмъ болѣе въ требованія науки и въ обязанности филологовъ проникалъ новый порядокъ изученія славянскаго языка, тѣмъ необходимѣе становился новый церковно-славянскій Словарь, въ которомъ бы дано было объясненіе словамъ только изъ древнихъ памятниковъ со свидѣтельствами изъ нихъ, въ которомъ бы слова опредѣлены были не по догадкѣ, а посредствомъ сличенія съ тѣми греческими, вмѣсто которыхъ они употреблены въ переводѣ. Начало такому Словарю положилъ самъ академикъ А. Х. Востоковъ еще въ 1843 году, помѣстивъ обширный словоуказатель при изданномъ имъ Остромировомъ евангеліи. Это изданіе, до послѣдней буквы свѣренное съ подлинникомъ 1057 года, содержитъ въ себѣ, сверхъ словоуказателя, сравненіе славянскаго перевода съ греческимъ подлинникомъ изъ строки въ строку, разныя критическія замѣчанія и наконецъ самую грамматику, извлеченную изъ древнѣйшихъ памятниковъ. Оно сдѣлалось основаніемъ для новыхъ работъ по церковно-славянскому языку. Продолженіе съ должнымъ успѣхомъ возможно было только въ Россіи, гдѣ каждому нынѣ доступны Императорская публичная библіо-

тека, румянцевскій музеумъ и московская синодальная библіотека. Но продолжать съ такими предварительными знаніями, съ такими усиліями и любовію, какія необходимы для успѣховъ несомнѣнныхъ, могъ едва ли пока не одинъ тотъ, кто и указалъ это новое поприще.

На славянскомъ западѣ явились люди съ охотою къ этому дѣлу, между прочими въ Вѣнѣ, профессоръ Миклошичь, въ 1850 году напечатавшій свой «Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti». Но для него недоставало такихъ сокровищницъ, каковы наши; да и вообще древнихъ рукописей славянскихъ у него было очень мало. Вотъ почему и Миклошичь въ Словарѣ своемъ долженъ былъ идти по слѣдамъ Алексѣева, Соколова и прежняго опыта нашего Отдѣленія. Несправедливо отказать ему въ нѣсколькихъ важныхъ указаніяхъ на древніе памятники; но всѣ они составляютъ только добавленіе къ тому, что явилось прежде, а не были главнымъ основаніемъ словаря его. Только академикъ А. Х. Востоковъ въ силахъ былъ заняться Словаремъ церковно-славянскимъ такъ, какъ требовала того новая наука. Онъ и занимался имъ многіе годы. Вотъ собственныя слова его изъ предисловія къ Словарю: «Предлагаемый здѣсь Словарь составлялся, въ продолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ, собираніемъ словъ, какія встрѣчались мнѣ въ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, содержащихъ въ себѣ памятники древнѣйшаго церковно-словенскаго слова. При этомъ я захватывалъ и поздніе собственно русскіе памятники, а также сербскіе и болгарскіе, доставлявшіе мнѣ какую-либо добычу словоизученія».

По приложенному авторомъ къ его книгѣ алфавитному указателю матеріаловъ, которыми онъ пользовался при составленіи Словаря, видно, что имъ перечитано болѣе ста тридцати памятниковъ, и критически составлены безчислен-

ныя выписки, сопровождаемыя, гдѣ только возможно было, греческимъ текстомъ. Эти выписки и вызывавшія ихъ частныя изслѣдованія составили основаніе нынѣшняго Словаря его. Къ нимъ оставалось прибавить то немногое, что открыто другими. Наконецъ, было бы нѣкотораго рода упущеніемъ, если бы не вошли сюда встрѣчающіяся въ тѣхъ же памятникахъ принятыя въ нашъ новый языкъ слова, всѣмъ теперь понятныя, обыкновенныя и такъ сказать обыденныя, напримѣръ: благообразіе, безбожникъ, инокиня, и другія.

Послѣ всего сказаннаго, никто конечно не сочтетъ съ нашей стороны упрекомъ автору, если мы позволимъ себѣ замѣтить объ одномъ неудобствѣ, встрѣчающемся въ Словарѣ его. У профессора Миклошича, собранныя имъ старо-славянскія слова переведены только на латинскій, а нѣкоторыя на греческій языкъ, такъ, какъ переводчикъ понималъ значеніе словъ славянскихъ. Эти мѣста и академикъ А. Х. Востоковъ оставилъ безъ прибавленія русскаго перевода. Ежели понадобится воспользоваться драгоцѣннымъ трудомъ нашего ученаго лицу, не обладающему знаніемъ древнихъ классическихъ языковъ, оно безъ сомнѣнія пожалѣетъ о явномъ для него неудобствѣ. Но обстоятельство это, предвидѣнное нашимъ сочленомъ, объяснено имъ слѣдующими словами предисловія: «У Миклошича и у меня, при составленіи Словаря, были разные пріемы: у него не означено, къ какой части рѣчи слова̀ принадлежатъ, не показаны ни роды, ни числа, ни падежи, въ какихъ слово встрѣчается. Отъ того я и не могъ принимать на себя отвѣтственность въ вѣрности толкованія словъ, имъ выставленныхъ, и ограничился просто принятіемъ этихъ словъ въ томъ видѣ, какъ они поставлены у Миклошича».

V.

Совершенно другаго рода предпріятіе овладѣло вниманіемъ Отдѣленія въ нынѣшнемъ году и потребовало много совѣщаній и соображеній для начертанія удовлетворительнѣйшаго плана въ исполненіи. Отдѣленіе, по предложенію новаго своего предсѣдательствующаго, остановилось на изслѣдованіи вопроса, не чуждаго кругу общихъ занятій его: «Какъ составить изъ лучшихъ памятниковъ прошлой литературы нашей видимыя и несомнѣнныя пособія къ изученію ихъ времени, не только со стороны идей, языка, вкуса и художнической красоты, но и со стороны высшихъ предметовъ гражданственности, политики, словомъ, той общественной жизни, которая для потомства такъ занимательна, такъ назидательна богатствомъ и разнообразіемъ явленій, оборотомъ общественныхъ событій и частными историческими отношеніями?» Прямой отвѣтъ не могъ быть другой, какъ предпріятіе изданій, приготовляемыхъ совершенно въ новомъ видѣ. Сочиненія каждаго избираемаго писателя, прежде всего, должны быть собраны въ возможной полнотѣ и размѣщены въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Варіанты, какіе только найдутся, непремѣнно должны занять принадлежащее имъ мѣсто. Объясненіямъ тѣхъ мѣстъ, которыя служатъ къ окончательному уразумѣнію историческихъ и біографическихъ особенностей, также надобно дать мѣсто въ такомъ изданіи. Наконецъ отдѣльная біографія каждаго писателя должна составить какъ бы руководство къ чтенію его произведеній.

При такомъ взглядѣ на изученіе и изданіе писателя, возникали новые вопросы, касавшіеся не однихъ литературныхъ его достоинствъ, но и характера эпохи его, его гражданскаго положенія въ обществѣ, связей его съ историче-

скими дѣйствователями; возникали вопросы, касавшіеся личнаго его характера, свидѣтельствъ современниковъ и тѣхъ не открываемыхъ при жизни собственныхъ показаній автора, безъ которыхъ живѣйшія черты личности его пропадаютъ подъ покровомъ оффиціальной дѣятельности. Въ литературахъ древне-классическихъ, по которымъ наша Европа просвѣщалась и достигала высшаго своего назначенія во всемірной гражданственности, равно и въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ литературъ, развившихъ всѣ стороны умственныхъ своихъ успѣховъ, есть нѣсколько изданій, снабженныхъ тѣми пособіями къ полному уразумѣнію великихъ писателей и ихъ эпохи, о которыхъ разсуждало Отдѣленіе наше. Но русская словесность, рѣдко и безучастно возвращавшаяся къ изслѣдованію литературныхъ трудовъ, предшествовавшихъ нынѣшнимъ, немного раскрыла предъ нами значительныхъ показаній, которыя бы новымъ свѣтомъ озарили прошедшее. Труда, столь полнаго, разносторонняго и обильнаго выводами для эпохи, какимъ отличается изслѣдованіе о Фонъ-Визинѣ академика князя П. А. Вяземскаго, напрасно мы будемъ искать въ другихъ изданіяхъ писателей русскихъ. Это обстоятельство служило Отдѣленію новымъ побужденіемъ къ осуществленію занимавшихъ его предположеній.

Для перваго опыта Отдѣленіе остановилось на изданіи Державина, какъ лица, по всѣмъ отношеніямъ представляющаго въ себѣ наиболѣе тѣхъ особенностей, которыя достойны изученія. Ближайшее завѣдываніе его редакціею принялъ на себя академикъ Я. К. Гротъ. Когда о предпріятіи Отдѣленія доведено было до свѣдѣнія г. президента академіи, его сіятельство выразилъ не только полное свое согласіе на исполненіе, но и самое горячее сочувствіе къ дѣлу, столь общеполезному въ ученомъ отношеніи. Чтобы

встрѣтить необходимое пособіе со стороны особъ, по семейнымъ связямъ сохраняющихъ какіе либо необнародованные доселѣ остатки умственной дѣятельности великаго поэта, Отдѣленіе сообщило публикѣ нѣкоторыя подробности о своемъ предпріятіи. Это объявленіе вызвало столько участія въ родственникахъ Державина, что будущій успѣхъ нашъ представляется уже несомнѣннымъ. Отдѣленіе не можетъ не упомянуть здѣсь объ одномъ изъ важнѣйшихъ пособій, какимъ оно обязано внуку Державина Л. Л. Львову, получившему образованіе въ с.-петербургскомъ университетѣ. Въ тверскомъ имѣніи его, селѣ Никольскомъ, хранилось множество рукописей поэта. Г. Львовъ предложилъ Отдѣленію воспользоваться ими. Академикъ Я. К. Гротъ, по распоряженію Отдѣленія, отправился туда для разбора предлагаемыхъ сокровищъ. Окончивъ предварительную работу, онъ говоритъ, между прочимъ, въ письмѣ къ предсѣдательствующему: «Эти 1200 листовъ, которые теперь выходятъ изъ-подъ спуда, вводятъ насъ въ самое святилище, или, говоря точнѣе, въ самую лабораторію творчества великаго поэта, и открываютъ намъ всю исторію литературной дѣятельности, не въ книгопродавческомъ изданіи, а въ собственномъ его кабинетѣ. Тутъ не только всѣ уже извѣстныя его сочиненія въ постепенномъ ихъ развитіи, но и множество новыхъ. Изъ того, что до сихъ поръ мы знали только по имени, тутъ все оказывается въ цѣлости. Много и такого, чего существованія не подозрѣвали. Такъ, напримѣръ, тутъ до 280 мелкихъ стихотвореній, изъ которыхъ почти ничего еще не напечатано, нѣсколько шуточныхъ пьесъ въ народномъ духѣ, всѣ рѣчи Державина, и нѣкоторыя мелкія статьи въ прозѣ, также любопытныя. Не говорю о новыхъ драмахъ и басняхъ, въ которыхъ талантъ его является не безъ замѣчательнаго успѣха. Всѣ эти рукописи особенно

важны для варіантовъ, и еще важнѣе для хронологіи произведеній Державина, которая здѣсь указана часто не только годомъ, но мѣсяцемъ и числомъ. Безъ этихъ тетрадей мы, въ этомъ отношеніи, часто бродили бы во тьмѣ. Въ библіографическомъ же смыслѣ онѣ неоцѣненны, потому что всѣ или носятъ на себѣ разныя замѣтки Державина, или написаны его рукою».

Такимъ образомъ, полагая начало труду, столь плодотворному, не только для литературы, но и для Исторіи русской, Отдѣленіе находитъ въ немъ удовлетвореніе одной изъ существеннѣйшихъ своихъ обязанностей.

VI.

Изданные въ нынѣшнемъ году труды Отдѣленія находятся передъ судомъ публики и не требуютъ особыхъ съ нашей стороны указаній. Но есть между ними изслѣдованіе, которое предметомъ своимъ и служившими для обработки его источниками должно возбудить вниманіе исторической критики. Это сочиненіе представлено было на разсмотрѣніе Отдѣленія молодымъ ученымъ, получившимъ образованіе въ с.-петербургскомъ университетѣ, кандидатомъ В. И. Ламанскимъ. Оно носитъ заглавіе: «О Славянахъ въ малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи». Нѣсколько засѣданій посвящено было чтенію и разнымъ замѣчаніямъ со стороны членовъ, которые не могли разсматривать безъ сочувствія занятій серьёзныхъ, обширныхъ и проникнутыхъ юношескою любовію ко всему отечественному. Какъ первый плодъ историческаго изученія судьбы Славянъ съ древнѣйшей ихъ эпохи, какъ первый отвѣтъ на трудные и рѣдко поднимавшіеся вопросы касательно ихъ развѣтвленія въ видѣ мелкихъ колоній въ трехъ частяхъ свѣта, сочиненіе Ламанскаго

должно было представить въ себѣ немалую часть предположеній, болѣе нежели гадательныхъ, сближеній, едва ли не произвольныхъ, и выводовъ, не вполнѣ неопровержимыхъ. Но оно вызвало общее вниманіе полнотою своего объема, обширностію рамы, въ которую не усомнился вставить его авторъ, и преимущественно обиліемъ важныхъ источниковъ, на которые онъ ссылается въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ, если бы оно и представляло въ подробностяхъ слабыя стороны, никто не въ правѣ отказать сочинителю въ участіи и уваженіи.

Въ первой части изслѣдованія своего «О Славянахъ въ малой Азіи», авторъ соединилъ свидѣтельства древнихъ и новыхъ писателей относительно разсматриваемаго имъ предмета, хронологически приводя ихъ съ VII вѣка по Р. Х. до позднѣйшихъ временъ. Вслѣдъ за этою частію, онъ говоритъ: «По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ касательно славянской стихіи въ малой Азіи съ VII вѣка по настоящее время включительно читатель, надѣюсь, не затруднится предпочесть отвѣтъ утвердительный на вопросъ: была ли непрерывность въ исторіи славянской стихіи въ малой Азіи? Дѣйствительно, прибавляетъ авторъ: въ долгій періодъ двѣнадцати вѣковъ, стихія славянская въ малой Азіи, хотя и пережила различныя фазы и подвергалась различнымъ превратностямъ, тѣмъ не менѣе съ VII вѣка продержалась до настоящаго времени, когда, съ наступленіемъ новыхъ, лучшихъ временъ для всего славянскаго міра, она вступитъ, быть можетъ, въ новый періодъ, и съ теченіемъ времени, развиваясь все болѣе и болѣе, послужитъ безъ сомнѣнія однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, имѣющихъ возродить къ новой, лучшей и разнообразной жизни эту богатую страну, способную къ развитію самой высшей человѣческой культуры».

Не довольствуясь положительными свидѣтельствами столькихъ писателей о славянской стихіи въ малой Азіи въ продолженіе двѣнадцати послѣднихъ столѣтій, авторъ обращается къ изслѣдованію еще труднѣйшаго вопроса: не найдется ли доказательствъ касательно пребыванія тамъ Славянъ гораздо прежде разсмотрѣннаго имъ времени? И въ этой части онъ обнаружилъ замѣчательную начитанность и трудолюбіе. Въ концѣ своихъ изысканій, онъ раздѣляетъ исторію мало-азійскихъ Славянъ на три періода: первый, съ древнѣйшихъ временъ, съ извѣстія, находящагося о венетахъ у Гомера, до конца V или VI столѣтія по Р. Х., то есть до перехода Славянъ черезъ Дунай; второй до турецкаго владычества, начавшагося въ XIV вѣкѣ; третій до нашего времени. Онъ съ какимъ то особеннымъ участіемъ старается обратить общее вниманіе на этотъ край. «Малая Азія, говоритъ авторъ въ заключеніи: заслуживаетъ вниманія русскихъ ученыхъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ археологическомъ и даже въ экономическомъ отношеніяхъ; ибо эта классическая земля, столь справедливо и издавна привлекающая къ себѣ любознательныхъ ученыхъ, изъ числа коихъ каждый русскій конечно вспомнитъ съ признательностію и своихъ замѣчательныхъ соотечественниковъ, М. Вроченка и Чихачева, эта классическая земля, столь тщательно изучаемая, напримѣръ, Англичанами, въ видахъ торговыхъ и экономическихъ, можетъ и даже должна вызывать и насъ Русскихъ на такія же старательныя изысканія, ибо неминучіе дальнѣйшіе наши успѣхи на Кавказѣ, и столь для насъ желанное и во всякомъ случаѣ необходимое нравственное и соціальное возрожденіе Славянъ турецкихъ все болѣе и болѣе должны сближать Россію и весь міръ славянскій съ малою Азіею».

Съ такою же тщательностію обработаны и другіе два

отдѣла изслѣдованій, относительно Славянъ въ Африкѣ и Испаніи. Конечно, можно бы посовѣтовать автору бережливѣе обращаться съ собранными имъ фактами и не допускать повтореній въ объясненіи однородныхъ обстоятельствъ. Но это художественное совершенство въ отдѣлкѣ каждой части произведенія пріобрѣтается навыкомъ и зрѣлостію въ трудѣ. Между тѣмъ нельзя не обратить вниманія на важность нѣкоторыхъ источниковъ, приводимыхъ имъ въ отдѣлѣ испанскихъ Славянъ. Нашъ молодой ученый отмѣтилъ любопытное и для изысканія его очень многозначительное извѣстіе въ сочиненіи арабскаго писателя аль-Макари, которое испанскій ученый, Гаянгосъ, перевелъ и напечаталъ, подъ заглавіемъ «Исторія Мусульманъ въ Испаніи». Тамъ, между прочимъ, положительно говорится, что въ концѣ X вѣка, при аль-Манзорѣ, литература и науки процвѣтали въ Кордовѣ, что даже дворцовые тѣлохранители изъ славянскаго племени занимались ими съ величайшимъ успѣхомъ, и что наконецъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ историковъ Испаніи, Ибну-Гаянъ, арабскій писатель XI вѣка, сохранилъ имена многихъ Славянъ, отличавшихся своими произведеніями въ разныхъ родахъ литературы. Это новое и неподлежащее никакому сомнѣнію указаніе утвердило г. Ламанскаго въ убѣжденіи, что славянскіе переселенцы, достигнувшіе столь замѣчательной извѣстности на Пиренейскомъ полуостровѣ, составляли тамъ не случайно-заброшенную семью, а цѣлыя колоніи, прибывавшія какъ изъ Африки, такъ и черезъ Пиреней.

Таковъ этотъ историческій трудъ, совершенно съ новой точки зрѣнія обнимающій судьбу славянскихъ племенъ внѣ нынѣшняго ихъ главнаго мѣстопребыванія.

VII.

Члены Отдѣленія русскаго языка и словесности, въ теченіе 1859 года, сверхъ совѣщательныхъ занятій въ академическихъ засѣданіяхъ и учено-литературныхъ трудовъ, печатавшихся въ «Извѣстіяхъ» и «Ученыхъ Запискахъ», не переставали разными сочиненіями своими содѣйствовать успѣхамъ отечественной литературы.

Сочиненія духовныхъ лицъ, не только носящихъ званіе академиковъ, но и призываемыхъ собственнымъ желаніемъ къ участію въ нашихъ трудахъ, не прошли конечно незамѣченными передъ любознательными чтителями всего назидательнаго, глубоко-обдуманнаго и краснорѣчиваго.

Отъ перваго появленія своего на церковной каѳедрѣ до нынѣшнихъ дней, академикъ, высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій, не перестаетъ обогащать и украшать русскую литературу высокими произведеніями христіанскаго краснорѣчія. Они повсемѣстно пріемлются какъ завѣтъ мудрости и вѣры, какъ голосъ мира и успокоенія. Въ нихъ все представляетъ поучителный образецъ глубокомыслія, точности, силы и новости выраженій. Это неисчерпаемая сокровищница для изученія тайнъ языка, оборотовъ его, размѣщенія словъ и для образованія слога *).

---

*) Въ 1859 году, изъ сочиненій его высокопреосвященства, напечатаны: «Бесѣды» — 1. Въ день тезоименитства Государя Наслѣдника; 2. По освященіи храма при покровской богадельнѣ; 3 Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; 4. Въ пятокъ Пасхи и въ день рожденія Государя Императора; 5. По освященіи храма въ новосозданномъ гуслицкомъ монастырѣ; Рѣчи — 6. Государю Императору при вступленіи Его Величества въ московскій успенскій соборъ; 7. Государю Императору по обновленіи возстановленнаго древняго Романовскаго дома; 8. Архимандриту Леониду при нареченіи его въ епископа дмитровскаго, и 9. ему же при рукоположеніи его въ епископа дмитровскаго.

Преосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій, постоянно и съ полнымъ знаніемъ церковной исторіи занимающійся обработкою матеріаловъ ея, издавна сообщаетъ въ Отдѣленіе тѣ изъ ученыхъ трудовъ своихъ, которые входятъ въ кругъ нашихъ занятій. Въ нынѣшнемъ году онъ доставилъ намъ для «Извѣстій» Отдѣленія Записку, подъ названіемъ: «Библейскія книги 1507 года». Этотъ памятникъ старинной письменности, найденный въ Литвѣ архимандритомъ Павломъ Доброхотовымъ, разсмотрѣнъ и описанъ преосвященнымъ Филаретомъ въ подробности съ указаніемъ на тѣ отличія текста, которыя оказываются между этимъ и другими старинными списками библейскихъ книгъ. Въ послѣсловіи рукописи помѣщено любопытное сказаніе переписчика о судьбѣ семейства, къ которому онъ принадлежалъ: въ его разсказѣ особенно поразительны черты русскихъ нравовъ XV столѣтія.

Филологическіе труды академика протоіерея Г. П. Павскаго, въ продолженіе 1859 года, не могли получить приращенія за слабостію здоровья досточтимаго автора. Это обстоятельство не отнимаетъ впрочемъ у насъ надежды пользоваться со временемъ плодами многолѣтняго изученія поддлинниковъ ветхаго завѣта, которое доставило его уму столько новыхъ соображеній относительно состава и законовъ симетическихъ и индо-европейскихъ языковъ.

Академикъ преосвященный Макарій, епископъ харьковскій, издалъ въ двухъ томахъ всѣ свои проповѣди, которыя до 1859 года произнесены имъ были въ разное время. Не вошедшихъ въ это собраніе, новыхъ проповѣдей остается рукописными болѣе пятидесяти. Изъ нихъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» напечатано шесть. Сверхъ того въ нѣсколькихъ повременныхъ изданіяхъ являлись новые историческіе труды его, какъ-то: «О сочиненіяхъ кіевскаго митрополита Ки-

рилла II», «О новгородскихъ Макаріевскихъ Четіихъ Минеяхъ», «Успѣхи православной церкви русской въ періодъ монгольскій», и наконецъ: «Біографическая записка о преосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ и таврическомъ». Въ числѣ прочитанныхъ въ Отдѣленіи сочиненій и уже печатающихся, также есть новый трудъ преосвященнаго Макарія, подъ заглавіемъ: «Русская митрополія въ ея переходный періодъ».

Настоятель воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря, архимандритъ Амфилохій, извѣстный своимъ подробнымъ разсмотрѣніемъ одной драгоцѣнной рукописи XI вѣка, напечатанномъ въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія, составилъ описаніе всѣхъ рукописей Воскресенскихъ. Первая часть этого замѣчательнаго труда, описаніе рукописей на пергаменѣ, тоже вошла въ наши «Извѣстія». Другая часть печатается, и она тѣмъ важнѣе и любопытнѣе, что библіотека новоіерусалимскаго монастыря, бывшаго любимою обителью патріарха Никона, хотя и не осталась въ прежнемъ своемъ составѣ, но заключаетъ въ себѣ многіе любопытные памятники, даже и самой отдаленной древности, оставаясь доселѣ почти неизвѣстною. Вмѣстѣ съ описаніемъ рукописей, архимандритъ Амфилохій приготовилъ и фотографическіе снимки со всѣхъ этихъ рукописей: въ своемъ родѣ здѣсь является первый опытъ примѣненія фотографіи къ палеографіи.

Архимандритъ новгородскаго юрьевскаго монастыря Варлаамъ сообщилъ въ «Ученыя Записки» Отдѣленія подробное и очень любопытное описаніе «Сборника XV столѣтія», который найденъ имъ между рукописями библіотеки кирилло-бѣлозерскаго монастыря. Помѣщенныя въ немъ сочиненія выбраны преимущественно изъ церковныхъ постановленій. Архимандритъ Варлаамъ не ограничивается описаніемъ

внѣшнихъ отличій каждаго сочиненія. Онъ внимательно сравниваетъ ихъ текстъ съ другими рукописями, или съ печатными изданіями, и отмѣчаетъ тѣ разнорѣчія, которыми отличается одинъ текстъ отъ другаго. Въ кирилло-бѣлозерскомъ Сборникѣ часто указываются ошибочно тѣ источники, изъ которыхъ заимствованы помѣщенныя тамъ сочиненія. Ученый критикъ возстановляетъ своими отмѣтками эти неправильности переписчика, приводя названія подлинныхъ источниковъ. Этотъ способъ библіографическихъ изслѣдованій ощутительную приноситъ пользу правильному возстановленію нашей старинной литературы.

VIII.

Въ изданіяхъ Отдѣленія еще недавно помѣщаемы были въ высшей степени занимательныя біографіи нѣкоторыхъ государственныхъ лицъ изъ русской исторіи, обработанныя академикомъ К. И. Арсеньевымъ. Въ нынѣшнемъ году, въ продолженіе первой половины, мы еще видѣли его въ нашихъ собраніяхъ. Но слабость здоровья принудила его прекратить ученые труды, и намъ остается только желать, чтобы возстановленіе силъ позволило ему со временемъ снова приступить къ академическимъ занятіямъ.

Вышеприведенныя свѣдѣнія о Словарѣ старо-славянскаго языка, составленномъ академикомъ А. Х. Востоковымъ, достаточно свидѣтельствуютъ о важности, пользѣ и постоянствѣ трудовъ его. Сверхъ этого безостановочнаго занятія, онъ продолжаетъ разсматривать доставляемые съ разныхъ концовъ Россіи матеріалы для новаго дополненія областнаго великорусскаго Словаря.

Академикъ князь П. А. Вяземскій, для поправленія здоровья принужденный провести большую часть нынѣшняго

года за границею, не измѣнилъ привязанности своей къ поэзіи, которая въ нашу эпоху составляетъ рѣдко показывающееся явленіе, едва ли не исключительную принадлежность истиннаго къ ней призванія. Нѣкоторыя изъ новыхъ его стихотвереній, уже отпечатанныя, скоро должны явиться въ свѣтъ.

Во время послѣдняго конкурса для полученія уваровскихъ премій, между членами Отдѣленія, занимавшимися разборомъ драматическихъ сочиненій, принималъ участіе академикъ И. И. Давыдовъ. Изъ прочихъ литературныхъ трудовъ его нынѣшняго года, въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія напечатано четвертое продолженіе составляемаго имъ «Словаря русскихъ синонимъ». Этотъ трудъ, представляющій множество тонкостей отечественнаго языка, особенно замѣчателенъ разнообразіемъ прекрасныхъ примѣровъ, доказывающимъ, сколько пріобрѣтается умственныхъ сокровищъ постояннымъ и внимательнымъ чтеніемъ образцовыхъ писателей. Въ «Ученыхъ Запискахъ» напечатано обозрѣніе ученыхъ трудовъ покойнаго академика М. А. Коркунова, составленное тоже академикомъ И. И. Давыдовымъ.

Учено-литературная дѣятельность академика М. П. Погодина обращена была съ одинаковымъ вниманіемъ и ревностію на самыя трудныя изслѣдованія какъ древнѣйшихъ эпохъ отечественной исторіи, такъ и современныхъ событій. Исчисленіе напечатанныхъ имъ въ нынѣшнемъ году сочиненій справедливо показалось бы здѣсь неумѣстнымъ, потому-что, отличаясь энергіею и заманчивостію новизны, они пользуются всеобщею извѣстностію. Въ «Архивѣ», издаваемомъ Г. Колачевымъ, въ «Русской Газетѣ» Г. Поля, и во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ, онъ помѣстилъ разныя свои разысканія. Его Рѣчи съ собраніяхъ ученыхъ обществъ равнымъ образомъ всѣми были прочитаны. Осо-

бенное вниманіе должна привлечь къ себѣ книга его: «Норманскій періодъ русской исторіи». Первая часть сочиненія содержитъ въ себѣ разсказъ событій обнимаемаго авторомъ періода. Изложеніе разсказа до такой степени просто, ясно и обращено единственно на необходимѣйшія стороны популярной исторіи, что нѣтъ читателя, который бы затруднился книгою. Другая часть ея состоитъ изъ «Приложеній». Здѣсь авторъ анализируетъ главнѣйшіе предметы періода, разсуждая: 1) объ образованіи государства (формаціи), 2) о состояніи общества и 3) проводя параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала. Въ заключеніе помѣщены переводы: a) отрывковъ изъ писаній иларіоновыхъ, b) Русской правды, по Эверсу, c) Церковнаго Устава святаго Владиміра, d) Церковнаго Устава Ярослава и e) на латинскомъ языкѣ Пѣснь Гаральдова.

Академикъ А. С. Норовъ, во время пребыванія своего въ 1858—1859 г. въ Парижѣ, занимался, по извѣстной любви своей къ изученію древностей, изслѣдованіемъ греческихъ рукописей, въ большомъ количествѣ собранныхъ и хранящихся въ тамошней императорской библіотекѣ. Онъ въ нихъ открылъ, между прочимъ, драгоцѣнныя для православной церкви нашей, нѣкоторыя, не бывшія еще никогда въ печати, сочиненія эфесскаго митрополита Марка и константинопольскаго патріарха Геннадія, извѣстнаго подъ именемъ Георгія Схоларія. Предметъ ихъ относится къ состоянію церкви послѣ флорентинскаго собора. Православные архипастыри краснорѣчиво и убѣдительно защищаютъ неприкосновенность греческой церкви. Переводъ этихъ сочиненій, изданный нашимъ почтеннымъ академикомъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, не можетъ не обратить на себя общаго вниманія въ Россіи, а, можетъ быть, тѣмъ болѣе въ римско-католическихъ государствахъ.

«Исторія русской словесности» академика С. П. Шевырева является въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ. Вышедшая первая часть заключаетъ въ себѣ введеніе и лекціи, относящіяся къ IX и X столѣтіямъ. Авторъ со всею добросовѣстностію и любовію къ наукѣ воспользовался пособіями, явившимися въ нашей литературѣ послѣ перваго изданія книги его въ 1846 году, чѣмъ она сдѣлалась еще полнѣе и удовлетворительнѣе для новѣйшихъ требованій.

Продолжая изслѣдованія о древностяхъ русскаго языка, академикъ И. И. Срезневскій въ 1859 году напечаталъ: 1. Замѣчанія о слѣдахъ глаголицы въ памятникахъ X вѣка; 2. Обозрѣніе надписей кіевской пещеры Ивана Грѣшнаго и Ѳеофила, которыя, судя по начертаніямъ буквъ, должны быть отнесены къ XI, или къ началу XII вѣка; 3. Разсмотрѣніе новгородскихъ грамотъ XII вѣка съ опредѣленіемъ времени ихъ написанія; 4. Чтеніе древнихъ сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ по сильвестровскому списку сравнительно съ другими, и при этомъ чтеніи приложено подробное описаніе всего Сборника (XVI в.), любопытнаго и потому, что въ немъ помѣщены многіе памятники, частію совсѣмъ неизвѣстные, и потому, что онъ входилъ когда-то въ составъ библіотеки знаменитаго священника Сильвестра.

Кромѣ этихъ изданій, академикъ И. И. Срезневскій напечаталъ воспоминаніе объ оріенталистѣ П. С. Савельевѣ, и мысли свои о первоначальномъ курсѣ русскаго языка. Въ «Извѣстіяхъ» же Отдѣленія постоянно были помѣщаемы его библіографическія Записки о замѣчательныхъ явленіяхъ въ области славяно-русской филологіи.

При обозрѣніи общесовѣщательныхъ занятій членовъ Отдѣленія, уже представлено было, какіе труды принялъ на себя академикъ Я. К. Гротъ по академическому изданію сочиненій Державина. Въ нынѣшнемъ году онъ напеча-

талъ: 1. планъ этого изданія въ хронологическомъ порядкѣ съ комментаріями, 2. разсмотрѣніе «Читалагайскихъ одъ» и 3. подробный отчетъ Отдѣленію о рукописяхъ Державина, найденныхъ имъ у г. Львова въ Никольскомъ. Въ то же время онъ немедленно занялся необходимыми работами по предположенному изданію и приготовилъ къ печати стихотворенія Державина отъ 1767 до 1790 года.

Сверхъ того, какъ продолженіе матеріаловъ къ обсужденію вопроса о новомъ изданіи Словаря, онъ напечаталъ извлеченіе изъ вступленія Я. Гримма къ его Нѣмецкому Словарю, и дополнилъ его собственными примѣчаніями. Наконецъ, по случаю выпуска воспитанниковъ изъ александровскаго лицея, на актѣ онъ произнесъ рѣчь, которая тоже напечатана.

Академикъ П. П. Дубровскій занимается приготовленіемъ къ изданію труда своего: «Очерки исторіи Польской литературы». Въ нихъ будутъ заключаться расположенныя по эпохамъ свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ главнѣйшихъ представителей литературы польской, съ присовокупленіемъ отрывковъ изъ ихъ произведеній въ подлинникѣ и съ русскимъ переводомъ. Вмѣстѣ съ этимъ, избранныя мѣста изъ писателей будутъ представлять образцы постепеннаго историческаго развитія польскаго языка, начиная съ XIV столѣтія. Къ отрывкамъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ уже составлены глоссарій и грамматическія замѣчанія, которыя по частямъ заключаются въ изслѣдованіяхъ академика П. П. Дубровскаго, въ разное время помѣщавшихся въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія. Какъ образчикъ труда, академикъ, въ одномъ ихъ засѣданій, читалъ монографію Себастіана Клёновича, польско-латинскаго поэта XVI столѣтія. Въ ней представленъ отчетъ о лучшихъ его произведеніяхъ, и между прочимъ подробно изложено содержаніе его латин-

ской поэмы, подъ заглавіемъ «Русскія Земли». Сверхъ того, въ «Отечественныхъ Запискахъ», академикъ напечаталъ изложеніе автобіографіи Лелевеля, исключительно касающееся дѣятельности его на поприщѣ историческихъ изысканій; а въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»: «О новомъ изслѣдованіи грамматическихъ формъ польскаго языка».

IX.

Въ нынѣшнемъ году первая перемѣна въ составѣ Отдѣленія послѣдовала по случаю назначенія въ званіе сенатора академика И. И. Давыдова, бывшаго предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи. Призванный къ присутствованію по новой должности въ осьмый департаментъ правительствующаго сената, онъ оставилъ здѣшнюю столицу и переѣхалъ на жительство въ Москву.

Другая потеря возвѣщена была Отдѣленію въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Академикъ В. И. Панаевъ, 20-го ноября, скончался въ Харьковѣ на возвратномъ сюда пути съ Кавказа, гдѣ онъ искалъ облегченія отъ долговременной своей болѣзни. Обязанности послѣдней должности его лишали насъ его участія въ занятіяхъ Отдѣленія. Но въ прежніе годы онъ съ любовію занимался отечественной литературой, и эта теплая привязанность къ словесности не покидала его во всю жизнь. Онъ внимательно слѣдовалъ за успѣхами нашей литературы, радовался при появленіи новыхъ талантовъ, и душевно огорчался когда замѣчалъ уклоненія отъ законовъ нашего прекраснаго языка. Первымъ юношескимъ опытомъ его собственной поэзіи были «Идилліи», напечатанныя имъ вскорѣ по прибытіи изъ казанскаго университета на службу въ Петербургъ. Не менѣе замѣчательны были и

послѣдующія сочиненія его въ прозѣ, которую посвящалъ онъ особенно выраженію патріотическихъ чувствъ своихъ. Его похвальное слово князю Кутузову-Смоленскому, Державину, Разсужденіе о воспитаніи, Рѣчь о любви къ отечеству и много другихъ сочиненій свидѣтельствуютъ о постоянной наклонности его къ умственнымъ занятіямъ.

Оканчивая въ краткомъ очеркѣ обозрѣніе годичныхъ трудовъ своихъ, Отдѣленіе позволяетъ себѣ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы выразить благодарность свою г. президенту академіи за самое живое и всегдашнее участіе его во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ. Это сочувствіе и готовность содѣйствія въ дѣлахъ мысли и науки естественно истекаютъ изъ благородныхъ привычекъ жизни, столь неизмѣнно посвящаемой и наукѣ и мысли.

1860.

ОТЧЕТЪ ЗА 1860 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩИМЪ ОТДѢЛЕНІЯ, ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Читанъ имъ въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1859 года.

I.

Общимъ собраніемъ академіи, въ нынѣшнемъ году, избранъ, въ число ординарныхъ академиковъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, членъ-корреспондентъ того жъ Отдѣленія, исправляющій должность ординарнаго профессора русской словесности въ московскомъ университетѣ, Ѳ. И. Буслаевъ. Филологическіе труды по части русскаго языка обратили общее вниманіе на новаго сочлена нашего еще въ 1844 году. Онъ напечаталъ тогда столь извѣстную въ ученой литературѣ книгу свою: «О преподаваніи отечественнаго языка». Этимъ сочиненіемъ онъ указалъ педагогамъ и филологамъ новый и, по убѣжденію его, самый вѣрный путь изслѣдованія законовъ отечественнаго языка. Разнообразіе въ выраженіи однихъ и тѣхъ же понятій и частое видоизмѣненіе грамматическихъ формъ языка, по изслѣдованіямъ автора, не могутъ быть удовлетворительно

объяснены безъ послѣдовательнаго изученія всѣхъ памятниковъ русской литературы, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Только на строгомъ историко-филологическомъ пути могутъ быть открываемы ясныя причины всѣхъ нововведеній, усматриваемыя въ обстоятельствахъ мѣстныхъ, гражданственныхъ, политическихъ, общежительныхъ, и т. п. Для подтвержденія теоріи своей, академикъ Буслаевъ особенно пользовался примѣрами изъ старинныхъ русскихъ лѣтописей и народныхъ пословицъ. По его указаніямъ, многое, что̀ почиталось произволомъ, или ошибкою, вышло явленіемъ логическимъ и законнымъ. Не останавливаясь на первомъ опытѣ, который раскрылъ передъ нимъ обширное поприще, онъ, въ продолженіе послѣдующихъ четырнадцати лѣтъ, ревностно изучалъ все, что относилось къ избранной имъ части. Народная поэзія, народная литература и искусство, самая жизнь, все вошло въ область изслѣдованій его. Число напечатанныхъ имъ сочиненій, то отдѣльными книгами, то въ періодическихъ изданіяхъ, болѣе двадцати. Въ 1858 г., между ними, важнѣйшее появилось подъ заглавіемъ: «Опытъ исторической грамматики русскаго языка». Въ этомъ сочиненіи онъ представилъ выводы изслѣдованій своихъ, сообщивъ имъ систему науки. Странно было бы предполагать, что усиліями одного ученаго уже разрѣшены всѣ недоумѣнія, всѣ вопросы относительно языка нашего, столько же богатаго, сколько и своеобразнаго въ выраженіяхъ понятій и въ грамматическихъ формахъ. Только долговременные и совокупные труды изыскателей на этомъ поприщѣ могутъ приблизить подобное дѣло къ совершенному окончанію. Несомнѣнная заслуга академика Буслаева заключается въ томъ, что своими трудами онъ въ русской филологіи пробудилъ дѣятельность новую и обѣщающую наукѣ плоды несомнѣнные. Теперь, подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки русской на-

родной словесности и искусства», вышло въ двухъ томахъ собраніе сочиненій его, которыя размѣщены были по журналамъ.

II.

Въ нынѣшнемъ же году, въ число членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, съ званіемъ адъюнкта, общее собраніе академіи избрало П. С. Билярскаго, служащаго членомъ учебнаго комитета при штабѣ Его Императорскаго Высочества Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній. Его филологическое изслѣдованіе: «О средне-болгарскомъ вокализмѣ», въ 1847 году, напечатано было академіею наукъ въ томъ отдѣлѣ мемуаровъ ея, гдѣ помѣщаются особенно замѣчательныя сочиненія постороннихъ ученыхъ. Въ 1858 году вышло второе изданіе этого сочиненія съ нѣкоторыми дополненіями. Авторъ умѣлъ здѣсь указать правила употребленія гласныхъ буквъ, изучивъ переводъ лѣтописи Манассіи въ синодальномъ спискѣ XIV вѣка. Выводомъ его изслѣдованія было убѣжденіе, что для славянской филологіи необходимо изученіе языка болгарскихъ рукописей упомянутаго вѣка, и что съ этимъ занятіемъ тѣсно связано изъясненіе судебъ не только болгарскаго, но и церковно-славянскаго языка. Другой, еще болѣе самостоятельный, трудъ адъюнкта Билярскаго есть историко-филологическая оцѣнка разныхъ изысканій о реймскомъ евангеліи и анализъ правописанія его рукописи. Этотъ вполнѣ замѣчательный трудъ вышелъ въ свѣтъ въ 1848 году и удостоенъ академіею наукъ Демидовской награды. Чаще всего являлись сочиненія его въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», гдѣ онъ постоянно завѣдывалъ отдѣлами Исторіи, Критики, Біографіи и Библіографіи. Между прочимъ, тамъ напе-

чатаны его разборы сочиненій Ганки и Миклошича, столь полезные для изслѣдователей славянской литературы. Нельзя также умолчать объ его критической оцѣнкѣ успѣховъ русской грамматики. Это изслѣдованіе помѣщено въ томъ же журналѣ, подъ заглавіемъ: «Сколько главныхъ частей въ предложеніи?» Въ 1853 году онъ представилъ біографію Вильгельма Гумбольдта и внесъ въ нее характеристику ученыхъ трудовъ этого великаго мыслителя. Редакція «Ученыхъ Записокъ» I и III Отдѣленія академіи наукъ, отдавая полную справедливость разнообразію свѣдѣній и основательности сужденій адъюнкта Билярскаго, съ 1853 года начавъ свое изданіе на русскомъ языкѣ, включила его въ число постоянныхъ своихъ сотрудниковъ. Наконецъ въ 1859 году имъ оконченъ и напечатанъ переводъ: «О различіи организма человѣческаго языка». Это первоклассное филологическое сочиненіе Вильгельма Гумбольдта вноситъ въ отечественную литературу нашу цѣлую систему геніальныхъ идей. Оно, по необходимости, должно обратить вниманіе современныхъ филологовъ нашихъ на глубокія основанія ихъ науки, безъ изслѣдованія которыхъ она никогда не поднимется на высоту необходимыхъ человѣческихъ знаній. Вѣрный, точный, гибкій и выразительный языкъ этого перевода болѣе всего свидѣтельствуетъ о талантѣ адъюнкта Билярскаго какъ писателя русскаго.

III.

Между членами корреспондентами Отдѣленія нашего не стало одного, о которомъ всѣ долго будутъ вспоминать и думать. Онъ не былъ академикомъ, потому что природа ему дала не одинъ талантъ, и образованіемъ воспиталъ онъ въ себѣ не одно изъ академическихъ знаній. На каждомъ мѣ-

стѣ, гдѣ онъ становился, умъ его начиналъ постигать ясно, въ чемъ его призваніе. Я говорю объ утраченномъ нами А. С. Хомяковѣ, который 23 сентября такъ внезапно и такъ быстро похищенъ былъ смертію. Есть люди, которые неотступно доискиваются истины въ каждомъ вопросѣ жизни и общества. Безъ яснаго и удовлетворительнаго разрѣшенія, они не покидаютъ предмета. Такимъ образомъ ихъ жизнь есть постоянное пріобрѣтеніе новыхъ знаній. Но посреди своей умственной дѣятельности рѣже всего они склоняются въ мысляхъ на личныя свои выгоды, которыя можно было бы извлечь изъ богатства столькихъ пріобрѣтеній. Между тѣмъ, при первой бесѣдѣ съ ними, при нѣкоторомъ сомнѣніи вашемъ, при высказанномъ вами противорѣчіи, они передаютъ вамъ свои душевныя сокровища. Это люди гражданства, высоко стоящаго надъ мелкимъ самолюбіемъ. Такимъ видѣли и такимъ знали Хомякова. Трудно указать предметъ, который бы въ его живомъ разговорѣ не былъ излагаемъ съ меньшей полнотою, ясностію и увлеченіемъ, какъ въ лучшей книгѣ. По немногимъ литературнымъ опытамъ, которые были изданы въ молодости его, легко видѣть, какою обладалъ онъ силою и независимостію ума, воображенія и вкуса. Въ неизданныхъ его сочиненіяхъ, которыя содержатъ позднѣйшія напечатлѣнія безпрерывной дѣятельности размышленій его, его чтенія и наблюдательной жизни, безъ сомнѣнія, откроется многое, чѣмъ обогатится изящная и ученая литература наша, если близкія къ автору лица дадутъ имъ гласность. Въ 1855 году онъ доставилъ въ «Извѣстія» Отдѣленія русскаго языка и словесности около тысячи русскихъ словъ, которыхъ корни указаны имъ въ санскритскомъ языкѣ. Одинъ такой трудъ показываетъ, какое разнообразіе господствовало въ ученыхъ его занятіяхъ. Ежели подлѣ этихъ филологическихъ изысканій поставить

извѣстныя его сочиненія по части богословія и церковной исторіи, и потомъ перейти къ столь блестящимъ патріотическимъ стихотвореніямъ его, то не будетъ удивительно, отъ чего сочувствіе къ нему такъ было живо и повсемѣстно. Въ послѣдніе годы свои онъ былъ предсѣдателемъ московскаго общества любителей русской словесности. Много лѣтъ это общество существовало передъ симъ только по имени. А. С. Хомяковъ оживилъ дѣятельность сочленовъ своихъ, которые сочувствовали благородное стремленіе его къ общественной пользѣ, и которые, безъ сомнѣнія, сильнѣе всѣхъ чувствуютъ нынѣ важность преждевременной утраты своей.

IV.

Молодое поколѣніе ученыхъ, какъ избранныхъ уже въ составъ посвятившихъ себя исключительно какой либо наукѣ, такъ и приготовляющихся неуклонно идти по ихъ стезямъ, конечно не безъ вниманія выслушаетъ слова, которыя будутъ относиться къ академической дѣятельности нашего сочлена, А. Х. Востокова. Безъ оскорбленія скромности, о немъ можно и должно сказать болѣе, нежели принято говорить въ торжественномъ собраніи, когда и онъ самъ тутъ же присутствуетъ. Ему скоро исполнится 80 лѣтъ. А онъ намъ служитъ еще примѣромъ во всемъ. Какъ же молодому сердцу не запастись на жизнь столь краснорѣчивымъ и столь рѣдкимъ урокомъ? Печатаніе «Церковно-славянскаго Словаря», надъ составленіемъ котораго академикъ Востоковъ трудился болѣе тридцати лѣтъ, выбирая для него матеріалы изъ ста тридцати памятниковъ старинной письменности, безостановочно шло и въ нынѣшнемъ году подъ собственнымъ его наблюденіемъ. Конченный изданіемъ первый томъ его,

въ іюлѣ текущаго года, по настоятельной просьбѣ извѣстнаго французскаго филолога Дюлорье, былъ препровожденъ въ Парижъ для предварительнаго изученія труда, столь высоко цѣнимаго лицемъ, посвятившимъ себя такимъ же изысканіямъ. Занятія по Словарю не только не отвлекли академика нашего отъ другихъ ученыхъ работъ, но видимо помогли ему въ исполненіи предпріятія, облегчаемаго успѣхами въ первомъ. «Грамматика церковно-славянскаго языка» только и возможна была по окончаніи работъ надъ такимъ Словаремъ, какой былъ задуманъ и оконченъ академикомъ Востоковымъ. Онъ и ея составленіе кончилъ нынѣ соотвѣтственно идеѣ и плану своего Словаря. Теперь рукопись этого новаго сочиненія внесена имъ въ Отдѣленіе для соображеній и замѣчаній прочихъ членовъ. Никто неуклончивѣе и точнѣе его не исполняетъ обязанностей по званію академика. Онъ постоянно присутствуетъ въ нашихъ засѣданіяхъ, охотно принимаетъ другія ученыя порученія, и въ теченіе нынѣшняго года внесъ въ Отдѣленіе письменные отзывы о трехъ многотомныхъ сочиненіяхъ, которыя представлены были въ академію на конкурсы. Словесныя въ засѣданіяхъ сужденія свои, исполненныя самыхъ основательныхъ и глубокихъ мыслей, онъ излагаетъ со всею скромностію истиннаго знатока. Можно ли не чувствовать, что въ этомъ есть что-то назидательное для каждаго изъ насъ?

V.

Учеными изслѣдованіями и возможно вѣрнымъ возстановленіемъ подлинности старинныхъ списковъ, этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ первоначальной литературы нашей, по преимуществу занимается между нами академикъ И. И. Срезневскій. Въ 1860 году, на иждивеніи археологиче-

скаго общества. вышло роскошное изданіе приготовленной [illegible] академикомъ къ печати первой книги «Сказаній XI вѣка о Борисѣ и Глѣбѣ». Въ составъ ея вошли: а) полный снимокъ съ сильвестровскаго списка сихъ сказаній, b) описаніе самой редакціи и сочиненія сказаній, принимаемое академикомъ на основаніи сравненія всѣхъ извѣстныхъ ему списковъ. Вторая книга этихъ сказаній, заключающая въ себѣ разныя объясненія, тоже приготовлена имъ къ изданію. Другой вышедшій изъ печати ученый трудъ академика Срезневскаго носитъ названіе: «Изслѣдованіе о юрьевской грамотѣ 1130 года». Въ немъ тщательно опредѣлены изображенія, сохранившіяся на обѣихъ сторонахъ привѣшенной къ грамотѣ печати: время ея написанія; мѣстности, упоминаемыя въ ней: отличительныя черты языка и почерка XII вѣка; даже разсмотрѣны современныя грамоты, пожалованныя тому же монастырю, и прочіе предметы, важные въ археологическомъ отношеніи. Академикъ нашъ еще принялъ на себя обязанность, столько же отвѣтственную, сколько и трудную по новости его воззрѣнія на предметъ. Онъ приступилъ къ чтенію публичныхъ лекцій: «Объ изученіи роднаго языка вообще, и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ». Начало самостоятельнаго и съ увлеченіемъ предлагаемаго многочисленнымъ слушателямъ труда своего, онъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія, которыми продолжаетъ завѣдывать въ званіи редактора. Ему же Второе Отдѣленіе академіи поручило редакцію «Словаря» своего, приготовляемаго къ изданію по новому плану. Въ донесеніи за 1860 годъ о своихъ работахъ по этой части академикъ Срезневскій заявилъ Отдѣленію слѣдующее: «Изъ матеріаловъ, «собираемыхъ мною для Словаря древняго русскаго языка, «отобраны основныя слова древне-славянскаго языка по «русскимъ рукописямъ и приведенныя въ порядокъ, перепи-

«саны для печати. При словахъ основныхъ представлены и «тѣ изъ производныхъ, которыя важны для опредѣленія «смысла словъ основныхъ. Всѣ слова переведены по-латинѣ, «а не общепонятныя для русскихъ и по-русски. Изъ акаде«мическаго Словаря и моихъ матеріаловъ выбраны основныя «слова русскаго современнаго языка и сличены съ древне«славянскими, древне-русскими, чешскими древними и новы«ми, а гдѣ было необходимо, и со словами другихъ славян«скихъ нарѣчій. Все это переписывается».

Въ прошедшее лѣто академикъ Срезневскій командированъ былъ Отдѣленіемъ съ ученою цѣлію за границу. Изъ «Отчета» его о путешествіи видно, что онъ старался ознакомиться съ состояніемъ филологической и вообще литературной дѣятельности западныхъ Славянъ, преимущественно Чеховъ, Сербовъ-Лужичанъ, а равно и съ работами Славистовъ вѣнскихъ. По замѣчанію его, какъ общественно-литературное, такъ и ученое движеніе западныхъ Славянъ, въ послѣднее двадцатилѣтіе, значительно усилилось, поддерживаемое любовію къ наукѣ и довѣренностію къ народному сочувствію. Нѣкоторыя изъ ученыхъ и педагогическихъ предпріятій, по мнѣнію академика, тамъ несравненно выше того, что мы привыкли ставить въ рядъ обыкновенныхъ явленій. Онъ указываетъ на «Исторію Чеховъ» Палацкаго, «Научный Словарь» Ригера, «Грамматику Чешскую» Гатталы, на «Словарь Лужицкій» Пфуля, «Училище и Жизнь», педагогическій журналъ Рѣзача и на многія другія явленія литературной дѣятельности. Путешественникъ нашъ заботился также объ отысканіи новыхъ источниковъ для древностей письма и языка. Въ этомъ отношеніи ему полезно было посѣщеніе Стокгольма, Упсалы, Копенгагена, а также Праги, Вѣны и Парижа. Хотя, въ короткій срокъ путешествія, ему недоставало времени, чтобы воспользоваться

всѣми рукописями, находящимися въ книгохранилищахъ иностранныхъ, однакоже онъ считаетъ пріобрѣтеніями драгоцѣнными: (новое) «Слово о Задонскомъ боѣ», «Записки о путешествіи Василія Познякова въ Африку и въ малую Азію въ 1558 году», и новой списокъ «Слова Даніила-заточника князю Ярославу Владиміровичу», чѣмъ удалось ему пополнить свое собраніе старинныхъ рукописей.

VI.

Изъ напечатанныхъ въ нынѣшнемъ году сочиненій академика Я. К. Грота одно относится къ числу исключительныхъ и постоянныхъ его ученыхъ занятій. Это первая часть составляемой имъ полной біографіи Державина. Другое, подъ заглавіемъ: Литва, или Скандинавія?», явилось въ печати во время возобновленнаго въ нашей литературѣ вопроса о прибытіи въ Россію первыхъ ея князей. Въ нынѣшнемъ же году было имъ напечатано продолженіе: «Изслѣдованія о законахъ ударенія въ русскомъ языкѣ», и именно о переходѣ ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ. Предпринятое Отдѣленіемъ изданіе Державина, которымъ завѣдываетъ академикъ Гротъ, продолжается съ желаемымъ успѣхомъ. Изъ представленнаго, по этому дѣлу, Отчета академика усматривается, что онъ въ нынѣшнемъ году занимался: 1) разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ рукописей, которыхъ совокупность (какъ подробно изложено академикомъ въ особой его Запискѣ, напечатанной въ IX т. «Изв.») безпрерывно возрастаетъ, не только въ количествѣ, но и въ разнообразіи содержанія или предметовъ, излагающихся въ нихъ, что̀ требуетъ каждый разъ новаго перебора, или прибавленія отдѣловъ, необходимыхъ въ подобномъ изданіи; 2) составленіемъ указателей къ рукописямъ, алфа-

витнаго, хронологическаго и особо именнаго для обширной корреспонденціи поэта; 3) собираніемъ матеріаловъ для біографіи Державина и для библіографіи его сочиненій, до окончанія чего нельзя достигнуть, какъ расширяя сношенія съ лицами, знавшими поэта, или спеціально изучившими сочиненія его; 4) разработкою біографическихъ и библіографическихъ матеріаловъ: трудъ самый утомительный изъ кабинетныхъ занятій, потому что связывается не только съ характеристикою каждаго года жизни, но и съ каждою чертою сочиненія, и 5) соображеніями о матеріальныхъ потребностяхъ изданія, которое предположено совершить съ такимъ достоинствомъ и вкусомъ, которые бы вполнѣ соотвѣтствовали значенію геніальнаго поэта.

По назначенію Отдѣленія, академикъ Гротъ нынѣшнимъ лѣтомъ совершилъ поѣздку за границу, и въ числѣ предметовъ, на которые онъ долженъ былъ обратить вниманіе, ему было вмѣнено въ обязанность ознакомиться съ извѣстнѣйшими лицами, занимавшимися лучшими изданіями древнихъ и новыхъ писателей, равно какъ изученіемъ матеріальныхъ принадлежностей самыхъ изданій. Въ «Отчетѣ» академика, представленномъ Отдѣленію, подробно изложены выводы его наблюденій и мнѣнія достойныхъ вниманія лицъ о предпринятомъ нами трудѣ. «Вильменъ (такъ, между прочимъ, говоритъ по этому «случаю академикъ Гротъ), которому я сообщилъ о планѣ «нашего Отдѣленія издавать старинныхъ русскихъ писателей, «замѣтилъ мнѣ, что, по его мнѣнію такое дѣло вполнѣ со«отвѣтствуетъ назначенію академіи и прибавилъ: Вольтеръ «совѣтовалъ французской академіи заняться изданіемъ на«шихъ классиковъ; онъ писалъ къ Дюкло: послѣ изданія «Словаря, я не умѣю представить ничего достойнѣе академіи «и болѣе приносящаго чести литературѣ, какъ изданіе класси«ческихъ писателей нашихъ съ необходимыми примѣчаніями».

VII.

Избравъ между славянскими нарѣчіями польскій языкъ и его литературу спеціальностію своихъ занятій академикъ П. П. Дубровскій и въ нынѣшнемъ году представилъ въ Отдѣленіе нѣсколько историческихъ изслѣдованій. Первое изъ нихъ называется: «О вліяніи чешскаго языка на польскій». Онъ изложилъ въ немъ, какъ первоначально краковская академія, основанная въ 1347 году по образцу пражской, принявъ даже профессоровъ изъ Праги, подчинилась чужеземному вліянію, которое еще болѣе усилилось, когда «Іеронимъ Пражскій», возвратившись изъ Англіи, распространилъ вкусъ къ сочиненіямъ «Виклефа», а съ тѣмъ вмѣстѣ и понятія его о религіи и богослуженіи, излагая свои толкованія на чешскомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ польское юношество охотно стало для образованія своего посѣщать пражскую академію, при которой королева Ядвига для Поляковъ и Литовцевъ основала отдѣльную коллегію. Во время гусситскихъ войнъ, Чехи, на оборотъ, принуждены были пріѣзжать учиться въ Краковъ, и такимъ образомъ въ Польшѣ распространеніе чешскаго языка и изученіе литературы его долго оставались занятіемъ преобладающимъ. Второе изслѣдованіе академика написано подъ заглавіемъ: «О свѣтскомъ краснорѣчіи въ древней Польшѣ». По замѣчанію сочинителя, оно процвѣтало какъ въ публичной, такъ и въ частной жизни, замѣняя даже народную поэзію. Въ третьей Запискѣ представленъ «Взглядъ на польскую литературу XVII столѣтія, въ эпоху Станислава Августа Понятовскаго», когда жили: Красицкій, Нѣмцевичь и процвѣтала преимущественно поэзія. Изъ сочиненій, касающихся формъ стариннаго польскаго языка, одно содержитъ въ себѣ разборъ такъ называемой «Псалтири королевы Маргариты», памят-

ника письменности XIV вѣка, а другое: «Обзоръ старинныхъ и новѣйшихъ польскихъ Грамматикъ», въ которомъ упомянуто, между прочимъ, что въ 1567 году первую польскую Грамматику, по образцу латинской, написалъ иностранецъ, французъ, извѣстный подъ псевдонимомъ «Стоенскаго».

VIII.

Изъ числа членовъ Втораго Отдѣленія академіи, находящихся, по мѣсту ихъ жительства, внѣ здѣшней столицы, академикъ М. П. Погодинъ, въ 1860 году, два раза, 10 и 17 марта, присутствовалъ въ нашихъ засѣданіяхъ, воспользовавшись пріѣздомъ сюда. Въ первое изъ этихъ засѣданій въ Отдѣленіи, онъ прочиталъ сочиненіе свое, сдѣлавшееся столь извѣстнымъ и возбудившее всеобщее сочувствіе: «Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ», описанный по документамъ, вновь открытымъ при изученіи авторомъ эпохи Петра Великаго. Метода историческихъ изслѣдованій академика нашего, какъ постоянныхъ и долголѣтнихъ его занятій отечественною исторіею, уже не требуетъ объясненій, а ясное развитіе самыхъ многосложныхъ событій и ихъ изложеніе языкомъ живописнымъ и въ тоже время сжатымъ, отъ чего зависитъ и сила его, болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ самобытности и литературнаго достоинства. Все это доставило чтенію академика заслуженный успѣхъ. Въ другомъ засѣданіи онъ представилъ еще, въ видѣ новаго способа изученія Исторіи, свое сочиненіе «О житіи преподобнаго Ѳеодосія печерскаго», составленное по «Несторову» повѣствованію. Это одно изъ тѣхъ изслѣдованій, въ которыхъ авторъ, пользуясь содержаніемъ разсматриваемаго памятника и отчасти самыми выраженіями, въ немъ употребленными, сообщаетъ читателямъ замѣчательнѣйшія дан-

ныя о бытѣ и обычаяхъ, понятіяхъ и нравахъ того времени, къ которому относится памятникъ. «Житіе преподобнаго Θеодосія», описанное Несторомъ, содержитъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о частной жизни не только князей, но и бояръ и простыхъ людей. Академикъ Погодинъ обратилъ справедливое вниманіе на эти черты, и внесъ изъ нихъ въ сочиненіе свое много такого, что до него не было замѣчено писавшими о древней Россіи. Въ теченіе прошедшаго лѣта онъ совершилъ поѣздку по Волгѣ, обозрѣлъ Кавказъ и Крымъ. Это обстоятельство даетъ намъ надежду читать современемъ дорожныя Записки о примѣчательностяхъ мѣстностей, осмотрѣнныхъ ученымъ путешественникомъ.

XI.

Академикъ С. П. Шевыревъ, съ высочайшаго разрѣшенія нынѣ отправившійся на два года для поправленія разстроеннаго здоровья въ Италію, доставилъ въ Отдѣленіе критически приготовленный имъ для напечатанія въ «Извѣстіяхъ» текстъ «Слова Авраамія Смоленскаго». Приложивъ къ этому любопытному памятнику старинной письменности нашей особую о немъ «Записку», академикъ говоритъ въ ней, между прочимъ: «Въ Словѣ Авраамія есть замѣчательные «варіанты. Вопросъ о «Кириллахъ» у насъ будетъ безконе«ченъ, потому что ихъ было много. Слова, касавшіяся страш«наго суда и кончины міра, сочиненныя въ XIII вѣкѣ, мо«гли быть измѣняемы переписчиками въ «Сборникахъ» XV «вѣка, когда приближался роковой 1492 годъ, годъ откры«тія Америки и годъ освобожденія отъ ложныхъ у насъ «страховъ, тяготѣвшихъ надъ умами. Эти мѣста всѣ любо«пытно свѣрить. Въ Словѣ «Авраамія» менѣе измѣненій,

«нежели въ другихъ, касательно этого мѣста». Сверхъ сего, академикъ Шевыревъ въ Запискѣ своей приводитъ доказательство того, что «Слово о мытарствахъ» должно быть приписано не Кириллу Туровскому, а именно Авраамію Смоленскому. Въ текущемъ же году академикъ Шевыревъ занимался пересмотромъ прежняго сочиненія своего: «Исторія русской литературы», которое окончено теперь вторымъ изданіемъ исправленное и дополненное.

Равнымъ образомъ, на довершеніе труда, начатаго прежде, обращена была въ нынѣшнемъ году ученая дѣятельность академика, харьковскаго епископа преосвященнаго Макарія. Онъ продолжаетъ свое сочиненіе «Исторія русской церкви», котораго начало принято съ такимъ единодушнымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Но это не препятствуетъ ему заниматься и духовною паствою, постоянно пользующеюся назидательными поученіями его, изъ которыхъ прекрасный образецъ былъ напечатанъ въ «Христіанскомъ Чтеніи».

X.

Отдѣленіе обязанностію считаетъ указать съ уваженіемъ на трудъ посторонняго ученаго. Начало этого труда помѣщено въ IX томѣ «Извѣстій», подъ заглавіемъ: «Описаніе Евангелія, писаннаго для новгородскаго князя Мстислава Владиміровича, въ началѣ XII вѣка». Любители древности обязаны имъ профессору К. И. Невоструеву. Драгоцѣнная рукопись эта, вмѣстѣ съ Остромировскою, передаетъ первоначальный текстъ перевода евангелія на церковно-славянскій языкъ, и тѣмъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе для занимающихся славянской филологіею. Отдѣленіе, приготовляя къ изданію вышеупомянутый трудъ академика И. И. Срезневскаго: «Изслѣдованіе о юрьевской грамотѣ 1130

года», предполагало присоединить къ изданію своему описаніе и снимокъ почерка списка этого евангелія, какъ памятника той же эпохи. Академикъ, высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ, получивъ отношеніе Отдѣленія о сообщеніи академіи наукъ на нѣкоторое время евангелія, писаннаго въ новгородѣ въ XII вѣкѣ, исчислилъ въ письмѣ своемъ на имя г. президента академіи разныя неудобства пересылки такой драгоцѣнности, но въ тоже время самымъ обязательнымъ образомъ распорядился объ удовлетвореніи Отдѣленія по всѣмъ частямъ ученыхъ его предположеній. Это письмо должно войти въ Отчетъ нашъ, какъ самое краснорѣчивое свидѣтельство той заботливости высокопреосвященнаго митрополита, съ которою онъ неизмѣнно охраняетъ святое дѣло отечественной науки, и примѣрной ревности, съ какою профессоръ Невоструевъ исполнилъ порученіе высокочтимаго своего начальника.

Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь!

Второе Отдѣленіе Императорской академіи наукъ, чрезъ своего предсѣдательствующаго, отношеніемъ отъ 19 января 1857 г. № 4, просило меня сообщить академіи, на время, рукопись евангелія, писанную въ XII вѣкѣ для великаго князя Мстислава, хранящуюся нынѣ въ московскомъ архангельскомъ соборѣ. При этомъ Отдѣленіе академіи объяснило, что, намѣревась издать извѣстную грамоту того же великаго князя, какъ древнѣйшую изъ всѣхъ русскихъ грамотъ, доселѣ уцѣлѣвшихъ, оно имѣетъ надобность присоединить къ своему изданію описаніе и снимокъ почерка упомянутаго списка евангелія.

Взять изъ собора на неопредѣленное время и пересылать чрезъ почту Евангеліе, освященное церковнымъ употребленіемъ, по своей древности и своимъ украшеніямъ принадлежащее къ драгоцѣннѣйшимъ памятникамъ отечественнымъ, и по той же древности близкое къ обветшанію и требующее заботливаго охраненія, представлялось неудобнымъ. Но съ другой стороны, принимая во вниманіе, что сей древній списокъ Евангелія можетъ требовать вниманія академіи, я распорядился, чтобы сдѣланы были: 1) точное изображеніе внѣшнихъ украшеній евангелія, 2) снимокъ съ одного изъ находящихся въ немъ изображеній евангелистовъ, и 3) для образца почерка, снимокъ съ перваго листа рукописи. Самый же текстъ евангельскій, по сему списку, я предложилъ изслѣдовать одному изъ занимающихся, по распоряженію святѣйшаго синода, описаніемъ славянскихъ рукописей синодальной библіотеки, профессору Невоструеву.

Изслѣдованіе текста рукописи, и сохранившагося при евангеліи полнаго списка мѣсяцеслова, предпринятое довольно въ обширныхъ размѣрахъ и веденное тщательно, не могло быть скоро окончено.

Нынѣ, по окончаніи всѣхъ работъ (чтобы хотя отчасти ослабить упрекъ, который наименованіе дѣйствительнаго члена дѣлаетъ моей недѣятельности въ отношеніи къ академіи), представляю вашему сіятельству упомянутые снимки внѣшнихъ и внутреннихъ украшеній рукописи и ея почерка, для предложенія Второму Отдѣленію академіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ покорнѣйше прошу ваше сіятельство обратить вниманіе на прилагаемый при семъ трудъ профессора Невоструева.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть покорнѣйшій слуга

Филаретъ, митрополитъ московскій.

XI.

Филологическія занятія академиковъ вызывали въ продолженіе года участіе нѣкоторыхъ членовъ-корреспондентовъ Отдѣленія, сообщавшихъ отзывы свои въ наши «Извѣстія». Записка А. Ѳ. Гильфердинга: «О переводѣ на славянскій языкъ толкованій Іоанна Златоустаго», знакомитъ насъ съ литературною дѣятельностію нашего отечества въ XVI вѣкѣ. Переводомъ занимался въ Москвѣ въ 1524 году, инокъ троицко-сергіевской лавры Селиванъ, а списокъ рукописи его случайно найденъ въ Герцоговинѣ. Кромѣ особенностей тогдашняго языка, тутъ любопытно встрѣтить имена лицъ, вліяніемъ своимъ поддерживавшихъ совершеніе ученаго труда, между которыми дѣятельнѣе всѣхъ является знаменитый Максимъ Грекъ. Издаваемый въ Москвѣ В. И. Далемъ «Русскій Словарь», котораго корректурные листы составитель доставляетъ академикамъ Срезневскому и Гроту, служилъ нерѣдко предметомъ изслѣдованій въ засѣданіяхъ нашихъ. Записка П. А. Лавровскаго: «О полногласіи», которое нѣкогда принимаемо было за одно изъ отличій языка русскаго отъ церковно-славянскаго, представляетъ много новыхъ воззрѣній на этотъ филологическій вопросъ. Его же: «Письма о южныхъ славянахъ» къ г. редактору «Извѣстій», могутъ быть названы обозрѣніемъ современной южно-славянской литературы и ученыхъ дѣйствователей въ тамошнемъ краю.

Преподаватель ново-греческаго языка и византійскихъ древностей въ санктпетербургскомъ университетѣ Г. С. Дестунисъ, сообщающій въ Отдѣленіе «Матеріалы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ», внесъ въ текущемъ году послѣднюю часть труда своего, названную имъ: «О заимствованіи словъ».

Матеріалы его собраны съ особенною тщательностію и подробностію, такъ, что могутъ служить прекраснымъ пособіемъ для окончательной отдѣлки столь занимательнаго для насъ предмета. Докторъ Цейнова, давно участвующій въ изданіяхъ нашего Отдѣленія, доставилъ въ «Извѣстія» 1860 года «Сборникъ основныхъ словъ кашубскаго нарѣчія», который содержитъ въ алфавитномъ порядкѣ болѣе тысячи словъ. Разсмотрѣніе ихъ въ Отдѣленіи привело къ заключенію, что въ кашубскомъ нарѣчіи сохраняется, безъ малѣйшаго измѣненія множество словъ, принадлежащихъ русскому языку, особенно изъ наименованій предметовъ вещественныхъ.

Одна филологія, какъ бы она ни была смотрительна и послѣдовательна, немного вноситъ существенныхъ пріобрѣтеній въ гражданскую жизнь, ежели не сливается она одновременно съ исторіею и объясненіемъ самой жизни народа. Къ счастію повсемѣстные опыты убѣждаютъ, что изслѣдованія первой изъ этихъ наукъ непремѣнно вызываютъ и труды по части исторіи, какъ бы побуждаемой и облегчаемой въ ея поучительномъ ходѣ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности естественно должно было придти къ тому же заключенію, наблюдая девятнадцать лѣтъ надъ явленіями въ ученыхъ трудахъ. Представленная въ Отдѣленіе А. М. Лазаревскимъ «Записка о русскомъ хронографѣ», и напечатанная въ VIII томѣ «Извѣстій» нашихъ, вновь подтверждаетъ истину изложеннаго мнѣнія. Сочинитель, путемъ филологіи, указываетъ мѣсто этому старинному памятнику литературы между сочиненіями XVI вѣка собственно русскими, исключая его изъ числа переводныхъ, какъ прежде думали. Онъ даже усматриваетъ двѣ редакціи этого сочиненія, обращающагося подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ, опредѣливъ своими изслѣдованіями 1512 годъ для первой и

1617 для второй. При обозрѣніи источниковъ, откуда первый составитель хронографа, судя по содержанію его книги, почерпалъ свѣдѣнія, безъ затрудненія становится возможнымъ указать на сношенія государствъ не только дипломатическія, но коммерческія, военныя и по дѣламъ церкви.

XI.

Учрежденіе, подобное Отдѣленію русскаго языка и словесности, пріобрѣтаетъ значеніе и силу не голосомъ и успѣхами одного лица, какъ бы оно ни было знаменательно. Общество достигаетъ указанной ему цѣли только совокупною дѣятельностію, постоянствомъ въ исполненіи предпріятій, открытыми, прямодушными сношеніями какъ въ средѣ своей, такъ и внѣ ея, наконецъ внушеніемъ сочувствія къ трудамъ своимъ и желанія участвовать въ нихъ. На соблюденіе этихъ правилъ особенно обращено вниманіе наше. Представленныя въ нынѣшнемъ «Отчетѣ» показанія свидѣтельствуютъ, въ нѣкоторой степени, о томъ, на сколько мы отстоимъ отъ своей цѣли. Непростительно думать, что есть уже возможность согласить мнѣнія при столь разнообразно-понимаемомъ предметѣ, какъ литература. А въ настоящемъ ея повсюду положеніи еще менѣе. Это, впрочемъ, не можетъ и не должно охлаждать усилій, вызываемыхъ чистою любовью къ общеполезнымъ занятіямъ. Позже, или ранѣе, приблизимся же всѣ къ лицу истины. И обществу легче выжидать этого, потому что ему свойственнѣе безпристрастіе, нежели одному лицу. Достойно уважаемый всѣми поэтъ, академикъ князь П. А. Вяземскій, прекрасно выразилъ необходимость единодушія и взаимнаго уваженія въ трудахъ литературныхъ, когда, въ стихотвореніи своемъ: «Слово примиренія», написалъ между прочимъ:

«Премудрость цѣль намъ положила;
День каждый къ цѣли переходъ;
Во всемъ есть жизненная сила,
И смерть сама есть шагъ впередъ.

Но постепеннаго развитья
Предупреждать намъ не дано;
Но прочны только тѣ событья,
Которыхъ вызрѣло зерно.

Хозяинъ мудрый винограда
Распредѣлилъ часы работъ:
Всѣмъ есть урокъ свой, всѣмъ награда,
Кто раньше, или позднѣй придетъ.

Несите вы свою работу!
Одно различье между насъ:
Мы утромъ вышли на работу,
А вы въ одиннадцатый часъ.

Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука!
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!»

1861.

ОТЧЕТЪ ЗА 1861 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРН. АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

ЧИТАНЪ ИМЪ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ АКАДЕМІИ
29 ДЕКАБРЯ 1861 ГОДА.

Мм. Гг.

Каждый годъ, по установленному порядку, Второе Отдѣленіе академіи предаетъ на благосклонный судъ вашъ, результаты своихъ ученыхъ трудовъ, — и каждый разъ мы могли бы опасаться, что утомляемъ вниманіе ваше однообразіемъ представляемой вамъ картины, еслибы не были увѣрены въ правдивомъ и просвѣщенномъ пониманіи вашемъ, какъ истинныхъ потребностей науки, такъ и способовъ, какими она удовлетворяетъ имъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто знакомъ съ тѣми и другими, тому извѣстно, сколько долговременныхъ, однообразныхъ, повторительныхъ опытовъ и изслѣдованій нужно для рѣшенія одного какого нибудь вопроса науки, — а такихъ вопросовъ много. Вы знаете, милостивые государи, что благоуспѣшный ходъ науки, какъ здоровое и цвѣтущее состояніе живаго организма въ природѣ, достигается непримѣтными, внутри ея совершающимися процессами, что процессы эти не представляютъ ничего поразительнаго и блестящаго, но что однако ими наука живетъ и дѣлается способною къ достиженію возвы-

шеннѣйшихъ своихъ цѣлей. Для людей, лишенныхъ образованія, или исключительно преданныхъ грубымъ эгоистическимъ заботамъ, всегда останется непонятнымъ, какъ можно жертвовать лучшими силами ума и многими существенными интересами жизни, задумываясь долго, съ микроскопомъ въ рукѣ, надъ какою нибудь каплею воды, или съ перомъ надъ древними словами, сохранившимися въ полуистлѣвшей хартіи. Однако это капля становится, такъ сказать, дверью, сквозь которую умъ человѣческій проникаетъ въ обширное царство живыхъ Божіихъ созданій; эти забытыя слова, разлагаемыя посредствомъ лингвистическаго анализа, сближаемыя съ словами другихъ языковъ и нарѣчій, ведутъ къ уразумѣнію великихъ истинъ исторіи, которыя безъ того были бы покрыты для насъ вѣчнымъ мракомъ. Итакъ, къ страницамъ лѣтописи нашей, уже намъ извѣстнымъ, мы присоединяемъ нынѣ новую, не боясь осужденія за то, что на ней вы встрѣтите продолженіе тѣхъ-же скромныхъ дѣяній, какими ознаменованы были прежніе годы въ кругу нашей ученой дѣятельности.

Въ собраніяхъ нашего Отдѣленія постоянно подвергались общему разсмотрѣнію разные предметы по части отечественнаго языковѣдѣнія. Обсуживаніе предметовъ сихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, посредствомъ изустнаго и письменнаго изложенія, и даже пренія о нихъ много содѣйствовали къ поясненію взглядовъ на существеннѣйшія стороны науки, равно какъ и оживленію нашихъ ученыхъ бесѣдъ. Такъ по вопросу о признакахъ спряженій русскихъ глаголовъ, какъ извѣстно, весьма запутанному и доселѣ нерѣшенному удовлетворительно въ грамматикахъ нашихъ, возникли между членами разногласныя мнѣнія, особенно между академиками Я. К. Гротомъ и П. С. Билярскимъ. Мысли, выраженныя ими по сему случаю, напечатаны въ извѣстіяхъ Отдѣ-

ленія. Для спеціалистовъ, преимущественно занимающихся преподаваніемъ отечественнаго языка, мысли эти могутъ послужить поводомъ къ любопытнымъ и полезнымъ соображеніямъ. Къ числу общихъ трудовъ Отдѣленія въ истекающемъ году принадлежитъ также обсуживаніе произведеній, появлявшихся въ свѣтъ, или присылаемыхъ на разсмотрѣніе Отдѣленія посторонними лицами.

Изъ прошлогодняго Отчета нашего вамъ, милостивые государи, извѣстно, что Отдѣленіе предприняло издать сочиненія Державина и возложило всѣ пріуготовительныя работы по этому предмету на ординарнаго академика Я. К. Грота. Это первый шагъ къ осуществленію обширной мысли объ изданіи произведеній замѣчательнѣйшихъ отечественныхъ писателей, предложенной въ 1859 году предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи П. А. Плетневымъ. Мы разумѣли и разумѣемъ не одну перепечатку такихъ произведеній, но въ строгомъ смыслѣ изданія ученыя, т. е. такія, которыя, при возможно совершенной полнотѣ, заключали бы въ себѣ объясненіе всего, что входило въ кругъ литературной дѣятельности писателя, всѣ указанія о его трудахъ и подробности біографическія, какія только можно собрать изъ печатныхъ и письменныхъ источниковъ и даже достовѣрныхъ изустныхъ преданій. Распространяться о пользѣ такихъ изданій, кажется, было бы излишне. Важнѣйшая часть умственнаго достоянія народа заключается въ твореніяхъ писателей — представителей его мысли и слова. Пока это достояніе не приведено въ извѣстность, не пояснено, не очищено въ горнилѣ критики, до тѣхъ поръ невозможна удовлетворительная, настоящая исторія не только литературы, но и вообще движенія народной образованности. Тутъ важны не одни эстетическіе интересы; писатель прошлаго времени, при несомнѣнномъ талантѣ своемъ, можетъ утратить часть своего

блеска предъ судомъ художественной современной критики. Но кромѣ того, что было бы крайне несправедливо судить историческаго дѣятеля по потребностямъ и идеямъ нашего времени, писатель, дѣйствовавшій на умы своей эпохи, важенъ для насъ, какъ представитель ея духа, ея умственныхъ нуждъ и стремленій. Въ такомъ случаѣ для насъ въ высшей степени поучительны самые его недостатки. Все это не можетъ не относиться къ Державину. Бываютъ въ критикѣ направленія, когда стараются унизить созданное нашими предшественниками на поприщѣ литературы или науки, за то, что они дѣйствовали по началамъ и потребностямъ своего вѣка, за то, что они были современными тогда, когда жили, а не современны теперь, когда ихъ нѣтъ. Державинъ со всѣми другими подвергся нынѣ у насъ такому-же жребію. Само собою разумѣется, что при распространеніи подобныхъ воззрѣній были бы невозможны никакое историческое пониманіе и изученіе лицъ и событій. Но какъ легкія, незрѣлыя понятія суть явленія скоропреходящія, какъ наукѣ собственно предстоитъ разсѣевать всякія грубыя заблужденія и возстановлять истинное значеніе вещей, искажаемое неразуміемъ и страстями человѣческими, то мы не сомнѣваемся, что и въ отношеніи къ Державину она сдѣлаетъ свое дѣло успѣшно и оставитъ за нимъ неотъемлемую часть его заслугъ, какъ свойственно ей, ничего не преувеличивая, ничего не скрывая, но ничего изъ принадлежащаго ему не усиливаясь отнять. Для такой-то необходимой оцѣнки, изданіе, предпринятое Отдѣленіемъ, конечно, будетъ важнымъ пособіемъ. Оно, надѣемся, послужитъ образцомъ для другихъ подобныхъ изданій, и слѣдовательно для правильнаго уразумѣнія другихъ лицъ и эпохъ нашей литературы, и тогда исторія послѣдней представится въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, а не въ томъ, какой стараются сообщить ей пристрастіе и легко-

мыслiе. Многiе вопросы касательно сочиненiй Державина обсуживались въ Отдѣленiи по представленiямъ Я. К. Грота, на которомъ лежатъ всѣ тяжелыя работы по изданiю ихъ и который занимается ими съ неутомимою ревностiю, быстро подвигая его къ окончанiю.

Сумма всего, производимаго обществомъ, слагается изъ отдѣльныхъ трудовъ лицъ; къ нему принадлежащихъ. Не утомляя вниманiя вашего, милостивые государи, я постараюсь, сколь возможно, въ сжатомъ очеркѣ представить вамъ главнѣйшiя изъ занятiй нашихъ членовъ. Общiй характеръ трудовъ ихъ не можетъ быть иной, какъ тотъ, какой опредѣляется существенными и многосторонними потребностями науки, предоставленный завѣдыванiю Втораго Отдѣленiя. Каждый изъ нихъ, по возможности, стремился въ своихъ монографiяхъ прояснять основные законы языка, или подвергая анализу факты, извлекать изъ нихъ все нужное къ уразумѣнiю его исторiи и исторiи литературы.

Маститый глава славянской филологiи въ отечествѣ нашемъ, А. Х. Востоковъ довершилъ и напечаталъ свой знаменитый трудъ — «Словарь церковно-славянскаго языка». Занимающiеся филологiей знаютъ, какое высокое значенiе принадлежитъ этому ученому подвигу. Еслибы А. Х. Востоковъ ничего не произвелъ, кромѣ Словаря церковно-славянскаго языка, то и тогда онъ занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ между учеными дѣятелями славянскаго мiра. Въ настоящемъ году печатается также его грамматика тогоже языка. Припомнимъ, что предисловiе, къ ней присоединенное, изданное еще въ 1820 году, сдѣлало переворотъ въ понятiяхъ о языкѣ Славянъ.

Продолжая прежде начатыя историко-филологическiя изслѣдованiя, И. И. Срезневскiй приготовилъ къ печати и издаетъ въ «Извѣстiяхъ» академiи «Общее повременное обо-

зрѣніе памятниковъ древняго русскаго языка и письма». Въ немъ дано мѣсто не только уцѣлѣвшимъ древнимъ памятникамъ въ подлинникѣ или въ спискахъ, но и древнимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о памятникахъ до насъ не дошедшихъ. Располагая ихъ въ порядкѣ времени, академикъ опредѣляль поводы, по которымъ каждый изъ нихъ долженъ быть отнесенъ къ тому или другому году. Къ этому обозрѣнію онъ счелъ нужнымъ приложить, кромѣ дополнительныхъ объясненій, выписки изъ памятниковъ въ видѣ образцовъ письменности и языка. Другой свой трудъ этого-же рода И. И. Срезневскій издаетъ въ Извѣстіяхъ археологическаго общества: это — «Обозрѣніе древнихъ глаголическихъ памятниковъ», съ отдѣльнымъ разсмотрѣніемъ каждаго изъ нихъ, съ выписками и съ палеографическими снимками. Это Обозрѣніе нужно для науки особенно потому, что глаголическіе памятники или извѣстны очень мало, или вовсе неизвѣстны, а влѣдствіе этого и общіе выводы о глаголицѣ частію невозможны, частію же становятся неизбѣжно произвольны. Притомъ нѣкоторые изъ памятниковъ, описанныхъ въ Обозрѣніи нашего академика, явятся тутъ ученому свѣту въ первый разъ.

Недавно нѣкоторыя изъ старинныхъ рукописей западнославянскихъ, именно тѣ, въ которыхъ содержатся древнія чешскія пѣсни, подверглись сомнѣнію въ ихъ подлинности. Основаніе для доказательства поддѣльности этихъ пѣсенъ думали найти въ самомъ составѣ стиховъ и выставляли на видъ, что сей послѣдній есть очевидное подражаніе новымъ сербскимъ пѣснямъ. И. И. Срезневскій въ отдѣльномъ изслѣдованіи представилъ доказательства тому, что и размѣръ новыхъ сербскихъ пѣсенъ не есть новый, исключительно сербскій, а древній обще-славянскій, что вслѣдствіе этого онъ не чуждъ ни одному славянскому народу; въ памятни-

кахъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій можно было получить указанія въ защиту справедливости этого положенія. Не желая придать полемическаго характера своему изслѣдованію, г. Срезневскій счелъ нужнымъ внести въ него свои соображенія объ эпическихъ размѣрахъ славянскихъ пѣсенъ вообще. Здѣсь читатели найдутъ весьма важныя сближенія съ духомъ нашего народнаго стихотворнаго ритма — сближенія, впервые высказанныя нашимъ ученымъ академикомъ на основаніи достовѣрныхъ данныхъ и сравнительной методы, примѣненной къ языку отечественному и соплеменнымъ ему нарѣчіямъ.

Другія изслѣдованія и соображенія о древностяхъ письменности и языка, равно какъ и о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ въ области славянской филологіи г. Срезневскій печаталъ, въ библіографическихъ запискахъ «Извѣстій», которыхъ онъ и въ семъ году продолжалъ быть редакторомъ. Таковы, между прочимъ, мысли его о необходимости общеевропейской точки зрѣнія въ изслѣдованіяхъ нашихъ простонародныхъ духовныхъ стиховъ, о славянскомъ элементѣ въ румынскомъ языкѣ, и другія статьи, читанныя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, готовыя къ печати, но еще не напечатанныя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Срезневскій продолжалъ заниматься важнѣйшимъ трудомъ своимъ — составленіемъ словаря русскаго книжнаго и народнаго языка по древнимъ памятникамъ. Этотъ обширный ученый трудъ будетъ служить однимъ изъ драгоцѣнныхъ пособій при изученіи отечественнаго языка, особенно въ историческомъ отношеніи.

Мы сказали уже, что главнымъ предметомъ занятій Я. К. Грота, было приготовленіе матеріаловъ къ изданію сочиненій Державина. Занятіе это требовало и требуетъ весьма

много вниманія, критической проницательности и соображеній. Но не одно собраніе и оцѣнка матеріаловъ занимали академика. Чтобы подобное изданіе имѣло все ученое достоинство и могло принести ту пользу, во имя которой оно предпринято, необходимо соединить съ нимъ, какъ я имѣлъ честь замѣтить выше, полное, по возможности, изображеніе жизни и характера издаваемаго писателя съ критическою оцѣнкою его твореній, основанною на достовѣрныхъ историческихъ данныхъ. Это уже не простая разработка того, что сдѣлано другими; это самостоятельное твореніе, могущее само по себѣ имѣть важное значеніе въ литературѣ. Я. К. Гротъ обработалъ уже значительную часть біографіи Державина. Въ нынѣшнемъ году онъ прочиталъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и напечаталъ эпизодъ изъ жизни нашего знаменитаго поэта, обнимающій его дѣятельность во время Пугачевскаго бунта, въ подавленіи коего онъ участвовалъ съ блестящимъ успѣхомъ. Если вся біографія Державина будетъ, какъ мы не сомнѣваемся, изложена съ такимъ искусствомъ, съ такимъ историческимъ тактомъ, какъ этотъ эпизодъ, то наша литература обогатится произведеніемъ замѣчательнымъ въ художественномъ отношеніи, а наши свѣдѣнія не только о Державинѣ, но и объ его эпохѣ получать значительное приращеніе.

Капитальный трудъ Я. К. Грота, которому была посвящена значительная часть его времени, не мѣшалъ исполненію прочихъ академическихъ его обязанностей. Онъ дѣятельно занимался въ засѣданіяхъ Отдѣленія со всѣми другими членами разрѣшеніемъ возникавшихъ въ немъ вопросовъ, разсмотрѣлъ вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ внесенное на соисканіе демидовской преміи сочиненіе г. Пекарскаго, подъ заглавіемъ: «Наука и Литература въ Россіи до Петра Великаго», и представилъ въ Отдѣленіе

нѣсколько критическихъ разборовъ вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій.

П. С. Билярскій обратилъ вниманіе Отдѣленія на философскую сторону въ изслѣдованіи языковъ въ приложеніи къ языку отечественному. Прежде еще онъ обогатилъ русскую литературу прекраснымъ переводомъ творенія В. Гумбольдта: «О различіи организма человѣческаго языка». Въ нынѣшнемъ году онъ предположилъ подвергнуть критическому анализу философскія изслѣдованія о языкѣ другаго германскаго ученаго, имѣвшаго обширное вліяніе, и до нынѣ еще не изглаженное, на философское языкоученіе: мы говоримъ о Беккерѣ. Хотя послѣ того, какъ взглядъ Гумбольдта понятъ и объясненъ лучше, авторитетъ Беккера значительно поколебался, однако нашъ критикъ рѣшился разсмотрѣть Беккера именно для того, чтобы содѣйствовать уясненію и распространенію идей Гумбольдта. Такъ какъ любители языкознанія, не усвоившіе новѣйшей филологической методы собственными опытами изслѣдованія легко впадаютъ въ Беккеровскія недоразумѣнія и односторонности даже безъ непосредственнаго вліянія Беккера, и такъ какъ сверхъ того въ педагогической литературѣ явилась попытка возстановить прежнее значеніе его, то разборъ его теоріи нашимъ критикомъ, безъ сомнѣнія, является во время, чтобы предупредить этотъ неблагопріятный возвратъ къ отжившему старому и способствовать къ водворенію еще неукоренившагося новаго въ нашемъ филологическомъ образованіи. — Дѣятельно участвуя въ ученыхъ совѣщаніяхъ Отдѣленія, г. Билярскій охотно предлагалъ свои мнѣнія письменно и нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія; таковы его замѣчанія объ основной формѣ глагола, критическіе отзывы о русской грамматикѣ г. Перевлѣсскаго и о русскомъ переводѣ логики Гегеля, изданномъ

г. Чижовымъ. Важный трудъ просвѣщеннаго дѣятеля на поприщѣ отечественнаго языковѣдѣнія, члена-корреспондента академіи, профессора Невоструева, «Изслѣдованіе о Мстиславовомъ евангеліи», привлекъ къ себѣ живое вниманіе и сочувствіе г. Билярскаго; сдѣланный имъ анализъ одной части сочиненія г. Невоструева, безъ всякихъ притязаній переслѣдовать или переоцѣнивать то, что съ такимъ успѣхомъ выполнено г. Невоструевымъ, имѣетъ цѣлію доставить удобное по своей сжатости пособіе для тѣхъ, кто впредь будетъ продолжать подобныя изслѣдованія по другимъ однороднымъ памятникамъ нашей древней литературы.

Изъ отсутствующихъ членовъ нашего Отдѣленія преосвященный епископъ харьковскій Макарій напечаталъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» сочиненіе: «Русскіе монастыри въ періодъ монгольскій» произнесъ нѣсколько поученій со своей архипастырской каѳедры и встрѣчалъ привѣтственными словами Ихъ Императорскія Величества Государя Императора и Государыню Императрицу во время высочайшаго посѣщенія ими города Харькова. М. П. Погодинъ издалъ «Хронологическій указатель русской исторіи», доведенный до 1140 года вмѣстѣ съ изслѣдованіями, до ней относящимися, которыя напечатаны въ «Запискахъ» академіи, также изслѣдованіе «О поученіи Владиміра Мономаха» и историческій разсказъ: «Кончина царевича Дмитрія въ Угличѣ». Сверхъ того имъ приготовлена къ печати древняя русская исторія до монгольскаго ига.

Съ прискорбіемъ должны мы занести въ нашу лѣтопись за истекающій годъ печальныя событія: это кончина двухъ нашихъ знаменитыхъ членовъ-корреспондентовъ — Ганки и Шафарика. Ни мѣсто, ни время не дозволяютъ намъ заняться изчисленіемъ ихъ высокихъ ученыхъ заслугъ. Со-

отечественники оплакали въ смерти ихъ утрату великихъ гражданъ, посвятившихь всѣ способности своей души и всю жизнь свою возрожденію между ними національной мысли и національнаго чувства: мы чтимъ въ нихъ память доблестныхъ дѣятелей науки, близкой нашему сердцу по собственной высокой цѣнѣ ея и по племенному союзу крови, соединяющему насъ со страною, гдѣ она разцвѣла. Права ихъ на наше воспоминаніе одинаковы, хотя характеры ихъ дѣятельности различны. Ганка стремленіями своими и изслѣдованіями ближе, непосредственнѣе подходилъ къ народней средѣ, нежели Шафарикъ. Ученые труды его простирались на все, что могло пробудить въ ней сознаніе своей умственной силы, что призывало силу эту къ самостоятельнымъ подвигамъ и развитію. Воскрешая древніе памятники словесности своего народа, или занимаясь изслѣдованіями языка его, въ археологическихъ и филологическихъ результатахъ своихъ трудовъ, онъ соединялъ виды науки съ самыми насущными потребностями, съ самыми животрепещущими интересами народной жизни. Въ ясномъ аналитическомъ умѣ его всякая, по видимому, сухая, непривлекательная подробность, историческая или филологическая, разлагалась на ея живыя, стихійныя части, и части эти проникали въ народное сознаніе, какъ капли питательныхъ и укрѣпляющихъ соковъ. Такъ могущественно дѣйствуетъ сила высокой любящей мысли, преданной дѣлу истины и общественнаго добра, куда бы ни направилась она, и такъ отвсюду она умѣетъ извлекать средства для рѣшенія одной и той-же, одушевляющей ее, задачи! Простъ и искрененъ въ своихъ чувствованіяхъ, также какъ и въ своихъ поступкахъ, ученый и патріотъ, Ганка былъ наставникомъ, другомъ своихъ согражданъ, утѣшителемъ ихъ въ дни скорби — и сограждане внесли имя его въ число сво-

ихъ благодѣтелей. Награда высокая для ученаго, который вмѣстѣ былъ и гражданиномъ. — Шафарикъ питалъ ту же безграничную преданность къ дѣлу нравственнаго и умственнаго развитія своего народа; но это былъ по преимуществу умъ науки въ высшемъ и обширнѣйшемъ ея значеніи — умъ парящій и могущественный, соединявшій въ себѣ многія и разнообразныя задачи всеславянскаго міра, разрѣшавшій ихъ съ тою глубокостію анализа, которою надѣлены умы, способные къ строго-ученымъ пріемамъ и изслѣдованіямъ, и съ тою смѣлостію и величіемъ синтезиса, какія свойственны умамъ первостепеннымъ. Шафарикъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ славянскихъ ученыхъ, содѣйствовалъ къ возведенію славянства на степень методическаго, почетнаго знанія и къ сочетанію его съ интересами и призваніемъ всеобщей европейской науки.

И. И. Срезневскій поспѣшилъ отъ лица науки принести памяти Ганки достойную дань уваженія. Въ изданной имъ монографіи представленъ общій очеркъ обширной дѣятельности и характеръ знаменитаго покойника, и въ особенномъ библіографическомъ обозрѣніи исчислены всѣ труды его. Другой нашъ сочленъ, П. П. Дубровскій, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Ганкою еще въ то время, когда завѣдывалъ въ Варшавѣ редакціей журнала «Денница», также напечаталъ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній о немъ и приложилъ къ нимъ нѣсколько его писемъ. Членъ-корреспондентъ нашъ, г. Лавровскій, въ рѣчи своей, произнесенной на актѣ харьковскаго университета, въ краткихъ чертахъ изобразилъ главныя изъ ученыхъ заслугъ Шафарика; но вообще заслуги эти еще ожидаютъ достойной оцѣнки отъ тѣхъ изъ нашихъ ученыхъ и особенно академиковъ, которыхъ дѣятельность совпадаетъ съ дѣятельностію, его прославившею.

Мы изложили здѣсь главное, въ чемъ Отдѣленіе, при небольшомъ числѣ своихъ наличныхъ членовъ — дѣятелей, обремененныхъ притомъ многими служебными занятіями, успѣло проявить свою ученую дѣятельность. Продолжая ее съ неослабѣвающими усиліями, оно надѣется нѣкоторые изъ наиболѣе важныхъ своихъ трудовъ приблизить къ полному и окончательному развитію въ слѣдующемъ году.

1862.

ОТЧЕТЪ ЗА 1862 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРН. АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО

ЧИТАНЪ ИМЪ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ АКАДЕМІИ
29 ДЕКАБРЯ 1862 ГОДА.

Второе Отдѣленіе академіи наукъ въ истекающемъ году продолжало свои изслѣдованія отечественнаго языка и словесности, слѣдуя той же строгой историко-аналитической методѣ, какъ и въ предшествовавшіе годы. Болѣе чѣмъ когда либо, оно сознаетъ необходимость основательнаго ученаго разъясненія всего, что относится къ этимъ важнымъ проявленіямъ нашей народности. Возбуждаемые могущимъ духомъ времени, умы нашей эпохи съ напряженными усиліями стараются взвѣсить, опредѣлить, и обезпечить всевозможные интересы общественной жизни; съ другой стороны возникаютъ ученія, стремящіяся пересоздать и устроить бытъ людей на новыхъ началахъ. Въ этомъ движеніи, охватывающемъ и мысль и волю, чрезвычайно важно знать, въ какой мѣрѣ согласуется оно съ законами осуществимости, коренными основаніями и стихіями быта, куда оно проникаетъ. Кому неизвѣстно, что какъ бы общія начала, относительно разныхъ потребностей народа и способовъ имъ удовлетворять, ни казались раціональными, логически вѣрными, но что начала эти никогда не станутъ въ рядъ великихъ дѣйствующихъ истинъ общества, если не пройдутъ

сквозь дѣйствительное и преобразующее горнило народнаго духа, способностей и нравовъ? Пособій въ этомъ, такъ сказать, искусствѣ переработки и усвоенія общаго своему, идеальнаго дѣйствительному никто и ничто не можетъ оказать, кромѣ науки, и притомъ науки, исключительно посвятившей свои усилія предметамъ отечественной исторіи, нравовъ, языка. Вызванныя ею изъ глубины народнаго сознанія и исторіи, просвѣтленныя и укрѣпленныя ею мысль, чувство, слово дѣлаются настоящими, главными элементами движенія, силами, его направляющими и приводящими къ результатамъ существеннымъ и вѣрнымъ; наука, же удаленная, повидимому, отъ сцены дѣйствій, трудящаяся въ тишинѣ, внѣ треволненій общественныхъ, становится, въ дѣлахъ народныхъ, живымъ дѣятелемъ на пути всякаго разумнаго и прочнаго успѣха. Вотъ почему, милостивые государи, мы теперь, какъ и прежде, не считали недостойными себя никакого труда, какъ бы предметъ его ни казался далекимъ отъ тѣхъ ближайшихъ интересовъ и взглядовъ науки, которые бросаются въ глаза каждому по своей очевидности и непосредственной примѣняемости; мы полагали и полагаемъ, что важность изслѣдованій въ ней зависитъ не столько отъ предмета, сколько отъ духа и методы изслѣдованій, и что когда трудящійся въ наукѣ считаетъ подробности не за послѣднюю цѣль, а за средство къ разработкѣ и рѣшенію общей великой задачи ея, то тутъ уже не можетъ быть рѣчи о незанимательности или неприложимости изысканій. Требовать же отъ науки, чтобы каждымъ моментомъ и каждымъ процессомъ своего развитія она удовлетворила тѣмъ видамъ, коихъ исполненія можно ожидать только отъ совокупной и непрерывной дѣятельности всѣхъ силъ ея, значило бы тоже самое, что ожидать плодовъ не отъ цѣлаго организма растенія, не отъ согласнаго содѣйствія всѣхъ

его частей, а отъ одной какой-нибудь отломленной вѣтви или отдѣльно взятаго процесса.

Засѣданія Отдѣленія, за исключеніемъ каникулярнаго времени, постоянно продолжались, какъ обыкновенно, по два раза въ недѣлю. Въ нихъ обсуживались и разрѣшались разные вопросы по языку и словесности, возбуждаемые то самими членами, то сторонними лицами въ присылаемыхъ ими на разсмотрѣніе сочиненіяхъ, а также были читаны произведенія академиковъ, приготовляемые къ печати. Къ первымъ относятся вопросы по нѣкоторымъ частямъ русской грамматики, которыхъ удовлетворительное разрѣшеніе было бы желательно въ особенности для усовершенствованія отечественнаго языка въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, между прочимъ, было разсуждаемо о правописаніи русскомъ. По поводу его, какъ извѣстно, происходили въ собраніяхъ здѣшнихъ преподавателей совѣщанія, за которыми Отдѣленіе слѣдило съ особеннымъ участіемъ, и конечно участіе это возрасло бы, еслибы намъ былъ извѣстенъ предварительно начертанный планъ, которому слѣдовали лица, желавшія установить правописаніе на твердыхъ и точныхъ началахъ. Потомъ академикомъ И. И. Срезневскимъ былъ возбужденъ вопросъ о составѣ и частяхъ предложенія и значеніи какое приписывается такъ называемой связкѣ — глаголу быть. Предѣлы настоящаго слова не позволяютъ намъ входить въ подробности происходившихъ о томъ сужденій, по свойству предмета, требовавшихъ многихъ весьма сложныхъ соображеній какъ собственно по части лингвистики, такъ и философіи языка. Результаты всѣхъ этихъ и подобныхъ изслѣдованій будутъ въ свое время напечатаны въ «Запискахъ» академіи.

Съ 1852 года Второе Отдѣленіе, подъ редакціей академика И. И. Срезневскаго, издавало свои «Ученыя Записки»

и «Извѣстія»; I и III Отдѣленія обнародовали труды свои отдѣльно въ бюллетеняхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Это удовлетворяло потребности сообщенія академіи съ ученымъ свѣтомъ. Между тѣмъ вслѣдствіе современнаго движенія науки и участія, постепенно возрастающаго къ ней въ отечествѣ нашемъ, становилась ощутительной другая важная потребность — дѣлать изслѣдованія академіи сколь возможно доступными для публики. Академія вполнѣ сознала эту потребность — и какъ въ тоже время, по сложеніи съ себя г. Срезневскимъ званія редактора «Извѣстій» и «Ученыхъ Записокъ» Втораго Отдѣленія, сіе послѣднее рѣшилось прекратить эти изданія, то опредѣлено издавать на русскомъ языкѣ періодически книжками ученые труды всѣхъ трехъ Отдѣленій совокупно. Въ нынѣшнемъ году такихъ книжекъ вышло въ свѣтъ три. Редакція изданія возложена на адъюнкта Отдѣленія П. С. Билярскаго. Само собою разумѣется, что это столь необходимое и полезное сочетаніе во-едино ученыхъ трудовъ академіи не помѣшаетъ Второму Отдѣленію печатать въ особыхъ выпускахъ такія сочиненія изъ круга своей науки, которыя по объему не могутъ войти въ составъ академическихъ «Записокъ», а по содержанію заслуживаютъ общей извѣстности. Такимъ образомъ публика отнынѣ будетъ имѣть возможность постоянно и непрерывно слѣдить за ходомъ дѣятельности высшаго ученаго сословія въ имперіи во всей его органической цѣлости и жизни, а люди спеціальные по всемъ отраслямъ знанія будутъ въ состояніи пользоваться трудами его на отечественномъ языкѣ въ видѣ болѣе доступномъ и непосредственнѣе связанномъ съ движеніемъ и интересами науки въ отечествѣ.

По случаю прекращенія изданія «Извѣстій» и «Записокъ» Отдѣленія да позволено будетъ сему послѣднему выразить

здѣсь во всеуслышаніе признательность сочлену своему И. И. Срезневскому, въ теченіе одиннадцати лѣтъ исполнявшему обязанности редактора по этимъ изданіямъ. Обремененный занятіями по званію академика, профессора университета и по другимъ ученымъ должностямъ, онъ несъ на себѣ этотъ новый, довѣріемъ Отдѣленія на него возложенный трудъ съ тою ревностію и одушевленіемъ, какія могутъ быть внушены только жаркою и честною любовію къ дѣлу. Ему мы обязаны тѣмъ, что въ теченіе десятилѣтія Отдѣленіе могло безостановочно заявлять свою дѣятельность предъ публикою — и онъ былъ не только редакторомъ, но и дѣятельнымъ сотрудникомъ обоихъ изданій. Многія статьи въ нихъ и почти всѣ рецензіи были написаны имъ самимъ.

Изъ прошлогодняго Отчета нашего вамъ, милостивые государи, извѣстно о предпринятомъ Отдѣленіемъ изданіи Державина. Мы съ удовольствіемъ можемъ заявить предъ вами, что это литературное дѣло возбуждаетъ сочувствіе всѣхъ мыслящихъ людей, всѣхъ, кому дорогà не эфемерная и скоропреходящая, но серіозная сторона нашей литературы, сообщающая ей значеніе настоящаго умственнаго богатства націи. Сочувствіе, насъ радующее, выразилось и продолжаетъ выражаться какъ въ письменныхъ отзывахъ многихъ лицъ, такъ и въ живой готовности ихъ доставлять Отдѣленію всевозможныя пособія и матеріалы, небходимые для того, чтобы изданіе явилось вполнѣ ученымъ, достойнымъ академіи, издаваемаго автора и вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Послѣ этого, вамъ, милостивые государи, будутъ понятны заботливость, съ какою Отдѣленіе преслѣдуетъ этотъ трудъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ причины, побуждающія его знакомить публику съ самымъ, такъ сказать, процессомъ дѣла, которое, по свойству своему, не можетъ быть совершено слишкомъ скоро. Изданіе Державина съ каждымъ шагомъ

впередъ принимаетъ размѣры болѣе и болѣе обширные уже и по одному обилію матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ Отдѣленіемъ. Кромѣ отпечатанія текста во всей возможной полнотѣ съ варіантами, двѣ задачи заключаются въ планѣ этого изданія. Первая требуетъ объяснительныхъ примѣчаній къ тексту, которыя тѣмъ необходимѣе и тѣмъ болѣе представляютъ трудностей въ ихъ составленіи, что всѣ почти стихотворенія Державина писаны по какому нибудь поводу, или отношеніямъ поэта къ обстоятельствамъ и лицамъ его времени. Другая задача состоитъ въ изображеніи жизни Державина, которое должно заключать въ себѣ не только все, что касается лица писателя, но и все, что имѣло вліяніе на развитіе его таланта и направленіе дѣятельности. Извѣстно, что Державинъ занималъ значительный постъ въ государствѣ, что онъ былъ близокъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II, находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ со многими достопримѣчательными лицами эпохи и участвовалъ во многихъ важныхъ событіяхъ ея. Все это выводитъ повѣствователя изъ тѣснаго круга жизни біографическаго лица въ общую сферу жизни вѣка, и изъ біографа нѣкоторымъ образомъ дѣлаетъ историкомъ эпохи, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ ея моментовъ. Мы не можемъ не отдать должной справедливости нашему почтенному сочлену, занимающемуся дѣломъ изданія, Я. К. Гроту, неутомимости его изысканій и искусству, съ какимъ онъ пользуется матеріалами столь обширнаго и сложнаго учено-литературнаго предпріятія. Въ нынѣшнемъ году онъ представилъ новые любопытные результаты своихъ изслѣдованій о Пугачевскомъ бунтѣ, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ коего участвовалъ Державинъ. Потомъ онъ читалъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ эпизодъ о П. И. Панинѣ, питавшемъ, по интригамъ нѣкоторыхъ лицъ, непріязнь къ Державину. Неза-

висимо отъ разработки и употребленія доставленныхъ Отдѣленію матеріаловъ, г. Гротъ прошедшимъ лѣтомъ совершилъ поѣздку въ тамбовскую и приволжскія губерніи для отысканія въ тамошнихъ архивахъ и среди частныхъ лицъ слѣдовъ жизни и дѣятельности Державина, проведшаго тамъ часть юности своей, а впослѣдствіи проходившаго и служебное поприще. Академику нашему удалось собрать нѣкоторыя подробности, долженствующія служить пополненіемъ біографіи Державина и увеличить ея значеніе соединеніемъ всего, чѣмъ только могутъ быть обогащаемы подобныя произведенія со стороны обилія, точности и достовѣрности свѣдѣній.

Первый томъ Державина уже печатается.

Изъ числа предметовъ, предстоявшихъ обсуживанію Отдѣленія, по поводу поступившихъ въ него произведеній отъ стороннихъ лицъ, особенное вниманіе его обратилъ на себя представленный г. Морачевскимъ переводъ евангелія на малороссійское нарѣчіе. По предварительномъ тщательномъ разсмотрѣніи этого перевода назначенными для того академиками, Отдѣленіе убѣдилось, что переводчикъ выполнилъ съ блистательнымъ успѣхомъ свою важную задачу, не смотря на трудность ея. Трудность эта болѣе всего заключалась въ томъ, что нарѣчіе малороссійское, обращавшееся въ кругу ежедневныхъ потребностей, или мыслей и чувствованій тѣсно связанныхъ съ бытомъ простонароднымъ, не представляетъ такихъ опытовъ, которые бы могли служить образцами и указаніями для выраженія идей, принадлежащихъ къ высшей умственной средѣ. Переводчикъ однако, такъ сказать, въ самой простотѣ величія божественныхъ истинъ умѣлъ найдти для себя пособіе, а съ другой стороны, какъ глубокій знатокъ малороссійскаго нарѣчія, онъ умѣлъ извлечь изъ него такія выраженія и обороты, которые, при

всей своей общеупотребительности, совершенно согласуются съ возвышеннымъ значеніемъ перелагаемыхъ имъ мыслей. Отдѣленіе, увѣренное въ несомнѣнной духовно-нравственной пользѣ этого перевода для края, для коего онъ назначается, просило своего президента употребить ходатайство предъ свят. синодомъ о дозволеніи напечатать переводъ г. Морачевскаго, если синодъ удостоитъ оный своего святительскаго одобренія. Вслѣдствіе этого рукопись препровождена въ свят. синодъ.

Кромѣ участія въ общихъ засѣданіяхъ Отдѣленія, каждый изъ членовъ посвящалъ свои труды сочиненіямъ или о предметахъ, до науки относящихся, или о предметахъ, имѣющихъ тѣсную связь съ его общественнымъ призваніемъ.

А. Х. Востоковъ представилъ Отдѣленію свой Отчетъ о «хронологическомъ перечнѣ старопечатныхъ книгъ», изданномъ г. Каратаевымъ.

Изъ читанныхъ г. Срезневскимъ въ засѣданіяхъ изслѣдованій и разсужденій по разнымъ вопросамъ языка и исторіи литературы особенное вниманіе обращаютъ на себя два произведенія, находящіяся въ связи между собою — это «Обозрѣніе древнихъ памятниковъ русскаго языка и письма», доведенное до конца XIV столѣтія, и «о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ». Въ «Обозрѣніи» авторъ разсматриваетъ не только письменные памятники, но и всѣ остатки старины, сохраняющіе письменныя обозначенія, стараясь представить ихъ сколь возможно въ большей полнотѣ, точнѣе опредѣлить ихъ время и показать вмѣстѣ съ тѣмъ выражавшіяся въ нихъ измѣненія языка съ палеографическими оттѣнками. Эти изслѣдованія, требующія многочисленныхъ справокъ и большихъ соображеній, должны уяснить многое какъ въ исторіи нашего быта, такъ и языка. Второе изъ названныхъ нами сочиненій есть часть особаго труда, въ которомъ онъ под-

вергаетъ разсмотрѣнію съ другой стороны тѣ-же памятники. Извѣстно, что наши лѣтописи весьма мало передаютъ намъ свѣдѣній о нравахъ и бытѣ нашихъ предковъ. За то не только въ нихъ, но и во всѣхъ другихъ памятникахъ нашей древности, какъ-бы нечаянно разсѣяны черты, которыя подъ наблюденіемъ изслѣдователя могутъ сгруппироваться и составить очерки неполные, конечно, но, за недостаткомъ большаго, весьма любопытные и важные для изученія древняго быта и понятій. Эти-то черты г. Срезневскій, опираясь то на филологическихъ соображеніяхъ, то на фактическихъ данныхъ, предполагалъ извлекать изъ памятниковъ нашей древности, изъ каждаго отдѣльно, и въ читанномъ имъ изслѣдованіи о лѣтописяхъ онъ представилъ еще одинъ образецъ своихъ работъ въ этомъ отношеніи. Другія части его труда были имъ читаны и частью напечатаны прежде.

Въ лѣтописяхъ нашихъ и въ народномъ эпосѣ встрѣчаются извѣстія «о каликахъ перехожихъ», какъ особенныхъ типичныхъ личностяхъ съ чертами то вымышленными, то взятыми изъ дѣйствительности. Въ народномъ понятіи они получили характеръ людей убогихъ, нищихъ, страдающихъ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ. Г. Срезневскій въ особенномъ трактатѣ, напечатанномъ въ академическихъ «Запискахъ», основываясь на данныхъ, почерпнутыхъ въ исторіи нашей древней словесности, ясно показалъ, кто были эти калики перехожіе. Изъ его изслѣдованій открывается, что это были вовсе не убогіе и безсильные люди, а напротивъ силачи, богатыри, странствовавшіе съ благочестивою цѣлію ко святымъ мѣстамъ. Г. Срезневскому принадлежитъ также разсмотрѣніе «Сборника народныхъ пѣсенъ и былинъ», составленнаго г. Рыбниковымъ и изданнаго въ двухъ частяхъ. Академикъ отдалъ полную справедливость тру-

долюбію, знанію и отчетливости, съ какими составленъ этотъ «Сборникъ», внесшій въ нашу народную литературу новый значительный вкладъ обнародованіемъ отчасти еще неизвѣстныхъ былинъ, а отчасти варіантовъ къ прежде изданнымъ.

Я. К. Гротъ, продолжая свои разысканія по поводу біографіи Державина, кромѣ совершенія, какъ я имѣлъ честь сейчасъ сказать, поѣздки въ приволжскія страны, употребилъ значительную часть времени и труда на изслѣдованія въ государственномъ архивѣ и архивѣ военно-топографическаго депо. Тамъ найдены имъ важные документы, проливающіе новый свѣтъ на разныя событія, имѣвшія связь съ дѣятельностію и судьбою Державина. Посреди этихъ работъ, онъ имѣлъ между прочимъ случай прослѣдить занятія Пушкина, когда нашъ геніальный поэтъ намѣревался посвятить перо свое предметамъ отечественной исторіи. Объ этомъ приготовлена г. Гротомъ къ печати особенная статья.

Занимаясь разборомъ бумагъ, доставленныхъ разными лицами и относящихся къ эпохѣ Екатерины II, особенно бумагъ, которыя остались послѣ И. И. Шувалова, г. Гротъ нашелъ много неизвѣстныхъ публикѣ писемъ къ этому вельможѣ Ломоносова и Сумарокова. Изъ нихъ особенно любопытны письма Сумарокова, писанныя въ то время, когда онъ управлялъ зараждавшимся русскимъ театромъ. Въ нихъ сохранились многія черты, служащія къ поясненію какъ біографіи Сумарокова, такъ и исторіи нашего театра. Напечатавъ ихъ въ «Запискахъ» академіи, г. Гротъ присоединилъ къ нимъ въ пояснительной статьѣ весьма вѣрный взглядъ на характеръ и судьбу Сумарокова, который, не смотря на свою заносчивость и раздражительное авторское самолюбіе, заслуживаетъ наше участіе за свою постоянную преданность дѣлу мысли и искусства, посреди самыхъ не-

благопріятныхъ обстоятельствъ, когда общество было еще или враждебно, или равнодушно къ нимъ.

П. С. Билярскій читалъ свои отчеты о порученныхъ ему на разсмотрѣніе «Грамматикѣ» г. Магницкаго и «Грамматическомъ Словарѣ» г. Клевенскаго. Имъ также изложено было мнѣніе о необходимости Словаря къ тексту Несторовой лѣтописи. Это повело къ разъясненію различія словаря справочнаго, полезнаго единственно для того, чтобы узнавать, есть ли какое нибудь слово у Нестора, находящееся также у прочихъ лѣтописцевъ, и другаго словаря, который помогъ бы къ возстановленію подлиннаго значенія словъ, испорченныхъ редакторами текста. Г. Билярскому принадлежитъ еще изслѣдованіе о языкѣ приписываемаго Нестору «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ», доселѣ не подвергавшемся обстоятельному филологическому разбору. Но болѣе всего на г. Билярскомъ лежала важная обязанность по званію редактора академическихъ «Записокъ», требовавшая многихъ усиленныхъ занятій особенно въ первое время, когда надобно было полагать основаніе дѣлу. Имъ составлена была и программа изданія, одобренная академіей.

Труды отсутствующихъ дѣйствительныхъ членовъ совершаемы были каждымъ, соотвѣтственно тому поприщу на коемъ онъ призванъ дѣйствовать. Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ московскій Филаретъ, являя въ маститой старости своей неоскудѣваемую мощь духа, кромѣ обширныхъ занятій своихъ по управленію дѣлами церкви, не переставалъ посвящать свои силы и другимъ подвигамъ своего высокаго призванія. Онъ дѣятельно участвовалъ въ пересмотрѣ перевода на русскій языкъ евангелія и апостола, напечатанныхъ нынѣ по повелѣнію святѣйшаго синода. По случаю совершившагося тысячелѣтія Россіи онъ для молебнаго пѣнія составилъ примѣнительно къ празднованному событію

особую молитву, и особыя же возглашенія послѣ обычныхъ многолѣтій, и еще прежде 19-го августа привѣтствовалъ рѣчью Его Императорское Величество въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, полагая въ основаніе своего краснорѣчиваго слова мысль о предстоявшемъ 8-го сентября великомъ народномъ торжествѣ.

Высокопреосвященный архіепископъ харьковскій Макарій постоянно поучалъ съ архипастырской каѳедры свою паству высшимъ христіанскимъ истинамъ; нѣкоторыя изъ словъ подобнаго содержанія напечатаны. Продолжая въ то же время ревностно заниматься изслѣдованіями по части исторіи древней нашей словесности и языка, онъ написалъ и напечаталъ сочиненіе о русской духовной литературѣ въ періодъ монгольскій и издалъ пятнадцать памятниковъ также изъ періода нашей древней литературы съ своими примѣчаніями.

М. П. Погодинъ изготовлялъ къ печати свою древнюю русскую исторію по монгольское иго въ двухъ томахъ, печаталъ VIII-й томъ своихъ историческихъ изслѣдованій, приготовляетъ также къ изданію вновь найденныя сочиненія Посошкова, которыя составятъ 2-ю часть къ прежде изданнымъ, и написалъ изслѣдованіе о Мономаховомъ поученіи, напечатанное въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія.

С. П. Шевыревъ, находящійся уже довольно долгое время въ Парижѣ, предпринялъ знакомить европейское общество съ русскою литературою, и съ этою цѣлію, между прочимъ, издалъ на итальянскомъ языкѣ ея исторію.

Ѳ. И. Буслаевъ, оказавшій столько услугъ исторіи нашей литературы и языка приведеніемъ явленій ихъ къ утвердившимся основнымъ началамъ современной науки, напечаталъ между прочимъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и продолжаетъ печатать свои изслѣдованія о «Русскомъ богатырскомъ эпосѣ».

Въ заключеніе мы должны упомянуть о выбытіи одного изъ членовъ Отдѣленія, экстраординарнаго академика Дубровскаго, который, по разстроенному здоровью, просилъ уволить его отъ сего званія. За симъ приняты мѣры къ скорѣйшему замѣщенію его новымъ членомъ, котораго участіе, въ дѣятельности Отдѣленія, по причинѣ малаго числа наличныхъ, въ Петербургѣ находящихся членовъ, оказывается необходимымъ.

1863.

ОТЧЕТЪ ЗА 1863 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРН. АКАДЕМИКОМЪ А. В. НИКИТЕНКО.

ЧИТАНЪ ИМЪ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ АКАДЕМІИ
29 ДЕКАБРЯ 1863 ГОДА.

Представляя на благосклонное усмотрѣніе ваше, милостивые государи, обзоръ дѣйствій Отдѣленія русскаго языка и словесности, мы пропускаемъ подробности обычныхъ текущихъ занятій его, извѣстныя уже публикѣ изъ обнародуемыхъ постоянно протоколовъ, и чтобы не утомлять вниманія вашего, ограничимся краткимъ обозначеніемъ только главныхъ трудовъ каждаго изъ нашихъ сочленовъ. А. Х. Востоковъ издалъ отдѣльно свою «Грамматику церковно-славянскаго языка», которая была помѣщена въ VII томѣ «Записокъ» Отдѣленія. Не думая нимало словами нашими увеличить заслуги нашего знаменитаго филолога, давно признанныя и оцѣненныя всѣмъ ученымъ свѣтомъ, мы можемъ сказать одно — что этотъ важный трудъ, плодъ глубокихъ знаній и долголѣтней филологической опытности, останется навсегда необходимымъ и однимъ изъ главныхъ пособій при изученіи церковно-славянскаго языка. Высокое достоинство грамматики, равно какъ и другихъ трудовъ А. Х. Востокова, состоитъ въ томъ, что ищущій занятія можетъ обращаться къ нимъ съ полною довѣренностію, можетъ слѣдовать за нимъ въ самую глубину науки, не опасаясь пре-

ткнуться о какую нибудь гипотезу, или блестящую, но невѣрную теорію, за минутное ученое наслажденіе которыми обыкновенно платятъ горькимъ разочарованіемъ, то есть, сознаніемъ, что и та и другая очень хороши, но что онѣ не наука. Никто изъ славянистовъ, отличавшихся или новостію воззрѣнія на предметъ, или систематикою, не изучалъ церковно-славянскаго языка такъ внимательно и съ такою мудрою осмотрительностію, никто въ такомъ количествѣ не разсмотрѣлъ его памятниковъ, какъ А. Х. Востоковъ. Всѣ выводы его суть послѣдствія тщательно разработанныхъ и зрѣло обсужденныхъ фактовъ. Что принято имъ за законъ языка, то имѣетъ всю правомѣрность и силу закона, потому что его ставятъ на видъ не ученый произволъ, не апріорическое умозрѣніе или увлеченіе школы, а сила вещей, самъ языкъ, раскрытый и выразумѣнный изслѣдователемъ.

Обращаясь къ нашему достопочтенному старѣйшему собрату, мы не можемъ пройти молчаніемъ еще одного обстоятельства, о которомъ, вѣроятно, будетъ пріятно услышать всѣмъ, кто понимаетъ, какъ важно изучать жизнь, человѣка, общество и науку въ опытахъ людей, долго жившихъ и хорошо употребившихъ свою жизнь. Отдѣленіе узнало, что А. Х. Востоковъ велъ свои записки. Оно просило его не только не прекращать этого труда, но по возможности, продолжая его, сохранить вполнѣ для исторіи науки и литературы, коихъ самые процессы развитія такъ долго совершались передъ его глазами и при его дѣятельномъ участіи. Съ обычнымъ своимъ добродушіемъ и сочувствіемъ ко всякому доброму желанію, онъ обѣщалъ намъ исполнить нашу просьбу, и мы увѣрены, что, если записки эти должно будетъ счесть лебединою пѣснію такого дѣятеля нашей науки, какъ Востоковъ, то̀ она будетъ достойна его, и ее услышатъ всѣ съ живѣйшимъ участіемъ.

Къ изслѣдованіямъ И. И. Срезневскаго относилось все, что посредственно или непосредственно можетъ служить къ разъясненію нашего быта, языка и литературы въ древнемъ періодѣ. Сюда входила палеографическая, археологическая и филологическая разработка предмета. Въ прошлогоднемъ нашемъ Отчетѣ мы говорили о составленномъ имъ *обозрѣніи древнихъ памятниковъ русскаго языка и письма съ палеографическими указаніями и выписками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ*, и упоминали какъ о трудностяхъ, такъ и о важности подобной ученой работы. Въ изданной въ нынѣшнемъ году книгѣ заключается обозрѣніе памятниковъ съ X по XIV вѣкъ включительно. Въ нѣсколькихъ изъ нашихъ засѣданій г. Срезневскій читалъ нѣкоторыя мѣста изъ предпринятой имъ и обработываемой нынѣ исторіи русской литературы. Они относились исключительно къ древнему ея періоду. Цѣль этого труда, по словамъ автора, состоитъ въ томъ, чтобы представить очеркъ судебъ нашей литературы, гдѣ нашли бы себѣ мѣсто всѣ замѣчательныя явленія ея, какого бы рода они ни были, лишь бы не выходили изъ круга народной образованности. Изъ этого видно, что авторъ намѣренъ представить полное собраніе матеріаловъ для исторіи русской словесности, уже не отрывочно и отдѣльно, какъ въ упомянутомъ нами выше обозрѣніи, а въ прагматической связи и въ томъ порядкѣ, какъ выработывали ихъ жизнь и общество. Глаголитская письменность, по связи своей не только съ исторіей древней нашей литературы, но и съ исторіей образованности всѣхъ славянъ вообще, составляетъ важный и при томъ во многомъ неразъясненный еще предметъ науки. И. И. Срезневскій окончилъ нынѣ палеографическое описаніе древнихъ глаголитскихъ памятниковъ. Въ его описаніи содержится подробный пересмотръ съ примѣчаніями всѣхъ доселѣ найденныхъ

памятниковъ глаголицы, сравнительно съ кириловскими. Въ числѣ разработанныхъ такимъ образомъ данныхъ глаголицы, находятся нѣкоторыя до сихъ поръ остававшіяся неизвѣстными. Между ними особенно замѣчательны отрывки изъ древней глаголитской литературы — явленіе въ своемъ родѣ пока единственное. Какъ отрывки эти ни малозначительны по своему объему, однако они свидѣтельствуютъ, что у древнихъ глаголитовъ была тоже златоустовская литургія, какъ и у всѣхъ христіанъ православнаго исповѣданія, и въ томъ же переводѣ, какъ и въ кириловскихъ источникахъ, съ небольшими только измѣненіями противъ послѣднихъ и греческаго подлинника. Обращая вниманіе на все, что можетъ содѣйствовать уразумѣнію нашего прошедшаго и слѣдовательно пролагать путь къ объясненію хода и направленія литературы, г. Срезневскій издалъ «Изслѣдованіе о древнихъ изображеніяхъ Бориса и Глѣба и другихъ нашихъ князей», къ чему приложилъ и самыя изображенія, отпечатанныя съ археологическою точностію. Здѣсь, кромѣ указанія на состояніе нашего искусства въ давно-минувшее время, читатель найдетъ положительное и вѣрное свѣдѣніе объ одеждѣ нашихъ предковъ.

Въ семъ году, къ глубокому прискорбію всѣхъ, кому дороги умственные успѣхи человѣчества, скончался Я. Гриммъ, одинъ изъ знаменитыхъ основателей сравнительнаго и историческаго языкоученія, проложившаго совершенно новый путь къ знанію въ области исторіи и филологіи. Заслуги Гримма важны для всегоо бразованнаго міра; его открытія и идеи произвели благодѣтельный переворотъ въ методѣ изученія языка и древностей точно также у насъ, какъ и вездѣ, куда они проникли. Отдѣленіе рѣшилось принести ему дань благодарнаго воспоминанія, и этотъ долгъ выполнилъ

И. И. Срезневскій въ краткомъ, написанномъ имъ обзорѣ дѣятельности и заслугъ великаго ученаго.

Наконецъ И. И. Срезневскому было поручаемо разсмотрѣніе разныхъ произведеній по части лингвистики, поступавшихъ отъ стороннихъ лицъ. Изъ трудовъ этого рода мы упомянемъ здѣсь только о написанномъ имъ разборѣ обширнаго словаря подъ названіемъ «Имясловъ», представленнаго священникомъ Морошкинымъ къ соисканію на уваровскую премію.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ почти всю свою дѣятельность въ истекающемъ году долженъ былъ сосредоточить въ трудахъ по изданію сочиненій Державина и приготовленію къ печатанію перваго тома ихъ. Стремясь, не однимъ употребленіемъ письменныхъ и печатныхъ матеріаловъ, но и мѣстными наблюденіями и изысканіями, достигнуть возможно большаго совершенства въ преднамѣренномъ дѣлѣ, г. Гротъ, въ дополненіе къ прежнимъ поѣздкамъ своимъ, совершилъ въ лѣтнее время путешествіе на Званку, гдѣ Державинъ обыкновенно проводилъ лѣто, и въ Петрозаводскъ, гдѣ отправлялъ онъ должность губернатора. Попытки эти не были напрасны: они доставили академику нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній для біографіи Державина. Во время пребыванія своего въ Петрозаводскѣ, г. Гротъ посѣтилъ отстоящій отъ города въ шестидесяти верстахъ водопадъ Кивачъ, воспѣтый Державинымъ въ извѣстномъ стихотвореніи, чтобы на мѣстѣ прослѣдить и сличить великолѣпныя изображенія поэта съ самимъ явленіемъ природы, которое внушило ихъ.

Результатъ обширныхъ критическихъ изысканій и сопряженныхъ съ подобнымъ дѣломъ многихъ матеріальныхъ трудовъ Я. К. Грота, теперь передъ вами, милостивые государи, — первый томъ стихотвореній Державина отпечатанъ.

Въ этомъ томѣ, между прочимъ, помѣщены тѣ самые виньеты и рисунки, которые находились въ рукописи, поднесенной Державинымъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Они рисованы Оленинымъ, Львовымъ, Егоровымъ и Ивановымъ и должны служить не украшеніемъ только изданія, а однимъ изъ источниковъ для характеристики времени. Въ прежнихъ годичныхъ обозрѣніяхъ нашихъ занятій по Отдѣленію мы должны были входить въ нѣкоторыя подробности и объясненія относительно изданія Державина, въ особенности для того, чтобы, предварительно знакомя публику съ цѣлію и планомъ его, тѣмъ самымъ расположить лица, имѣющія въ рукахъ своихъ какіе нибудь полезные для изданія матеріалы, сообщать ихъ намъ — и наши предположенія въ этомъ случаѣ увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. Теперь нѣтъ надобности ни въ какихъ объясненіяхъ — первый томъ изданъ: пусть дѣло говоритъ само за себя.

П. С. Билярскій, продолжая завѣдывать редакціею «Записокъ» Академіи, коихъ въ нынѣшнемъ году вышли три книжки, а четвертая готова къ выпуску, предположилъ пересмотрѣть акты академическаго архива, чтобы извлечь оттуда матеріалы, касающіеся жизни и ученыхъ заслугъ Ломоносова. До сихъ поръ свѣдѣнія наши о родоначальникѣ нашей науки и литературы ограничиваются общими чертами, почерпнутыми частію изъ его сочиненій, а частію изъ весьма немногихъ обнародованныхъ другихъ источниковъ. Изъ нихъ не могло сложиться ни яснаго образа жизни, ни характера Ломоносова. Немногимъ, что намъ извѣстно, напримѣръ, о его истинно геніальныхъ взглядахъ и наблюденіяхъ по части естественныхъ наукъ, мы обязаны почтенному нашему академику Д. М. Перевощикову, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатавшему свои объ этомъ изысканія. Отдѣленію особенно предстояло воспользоваться богатыми

средствами для дополненія свѣдѣній нашихъ о Ломоносовѣ, заключающимися въ академическомъ архивѣ. Почтенный трудъ сдѣлать доступными для исторіи эти средства выпалъ на долю академика П. С. Билярскаго, который и занялся имъ успѣшно. Собранные имъ доселѣ и читанные въ засѣданіяхъ нашихъ матеріалы удостовѣряютъ, что этимъ путемъ мы дойдемъ до значительныхъ результатовъ, которые не мало будутъ содѣйствовать къ полному, по возможности, изображенію и самого Ломоносова и его эпохи. Мы должны упомянуть о другомъ трудѣ г. Билярскаго — предпринятомъ имъ филологическомъ разборѣ нашихъ писателей, который и начатъ имъ съ Ломоносова. Разборъ этотъ, если онъ будетъ выполненъ, что конечно потребуетъ много времени и усилій, доставитъ значительные матеріалы для высшей грамматики и исторіи развитія нашего литературнаго языка.

Составъ нашего Отдѣленія въ началѣ истекающаго года увеличился присоединеніемъ къ нему, въ качествѣ адъюнкта, новаго члена, П. П. Пекарскаго, извѣстнаго своими прекрасными трудами по части исторіи отечественной литературы. Продолжая свои прежнія изслѣдованія въ этомъ родѣ, онъ отыскалъ и представилъ въ Отдѣленіе донынѣ остававшееся неизвѣстнымъ письмо Лейбница къ Петру Великому, тѣмъ болѣе достойное вниманія, что въ немъ знаменитый германскій мыслитель касается древняго періода изъ исторіи Славянъ. Это обстоятельство дало г. Пекарскому поводъ собрать и напечатать въ «Запискахъ» академіи извѣстія, разбросанныя въ обширной перепискѣ Лейбница объ изслѣдованіяхъ его славянскихъ нарѣчій и древностей. Потомъ г. Пекарскій помѣстилъ тоже въ «Запискахъ» академіи письмо графа Матвѣева, писанное нѣсколько дней спустя послѣ кончины Петра Великаго. Оно любопытно тѣмъ, что выражаетъ, съ какими чувствами народъ услы-

шалъ въ Москвѣ вѣсть о смерти Петра, коего безсмертныя дѣянія онъ инстинктивно признавалъ, не смотря на суровость, нерѣдко ихъ облекавшую. Въ приведенномъ г. Пекарскимъ историческомъ документѣ говорится, что народъ предавался такой горести, какой никогда не видалъ и не слыхалъ авторъ письма, свидѣтель кончины царей Алексѣя Михайловича, Ѳеодора и Іоанна Алексѣевичей. Это свидѣтельство, какъ замѣчаетъ г. Пекарскій, подтверждается и современными извѣстіями иностранныхъ министровъ, находившихся въ Петербургѣ въ 1725 году. Въ «Запискахъ» академіи г. Пекарскій напечаталъ новыя свѣдѣнія о Татищевѣ. Они заимствованы имъ изъ подлинныхъ писемъ русскаго историка къ Петру Великому, Императрицамъ Екатеринѣ I и Елисаветѣ и заключаютъ въ себѣ подробности, которыхъ донынѣ не доставало въ жизнеописаніяхъ Татищева, о сношеніяхъ его съ иностранными учеными и объ источникахъ, которыми онъ пользовался при составленіи своей Россійской Исторіи. Извѣстная журнальная и литературная дѣятельность Императрицы Екатерины II любопытна не съ одной литературной точки зрѣнія, но и потому что въ произведеніяхъ Государыни нерѣдко можно найти разгадку и объясненія ея государственной и политической дѣятельности. Г. Пекарскій, собравъ нѣкоторыя изъ оставшихся въ рукописи юмористическихъ статей Екатерины, а также переписку ея съ княгинею Дашковою, напечаталъ ихъ также, съ примѣчаніями и объясненіями, въ «Запискахъ» академіи.

Мы съ удовольствіемъ спѣшимъ заявить предъ вами, милостивые государи, что академія, въ послѣднемъ своемъ засѣданіи, по предложенію г. непремѣннаго секретаря К. С. Веселовскаго, постановила поручить П. П. Пекарскому составленіе своей исторіи. Побужденіемъ къ этому рѣшенію было не одно желаніе представить дѣятельность академіи

въ полной картинѣ и тѣмъ какъ бы дать обществу отчетъ въ томъ, что ею сдѣлано для отечественнаго образованія въ теченіе почти 140 лѣтъ ея жизни, но и необходимость открыть одинъ изъ важныхъ источниковъ для исторіи этого образованія, которое развивалось при дѣятельномъ участіи академіи. Тогда увидятъ, что намѣренія великаго ея учредителя не остались безъ исполненія, что, не смотря на многочисленныя препятствія, съ которыми надлежало бороться академіи, она сдѣлала для успѣховъ образованія въ Россіи гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ люди, не принимающіе на себя труда изучать вещи прежде, чѣмъ произнесутъ о нихъ свой судъ. Смѣемъ думать, что академія сдѣлала счастливый выборъ лица для преднамѣреннаго труда: прежніе труды г. Пекарскаго, особенно его обширное сочиненіе: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», служатъ ручательствомъ въ успѣхѣ возложеннаго на него дѣла.

Изъ дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія, внѣ Петербурга находящихся, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ московскій Филаретъ въ семъ году напечаталъ рѣчь свою Государю Императору при вступленіи Его Величества въ успенскій соборъ 8-го августа и поученіе московскому обществу любителей духовнаго просвѣщенія, произнесенное въ торжественномъ собраніи этого общества при открытіи его 17-го сентября. Архіепископъ харьковскій Макарій издалъ шесть своихъ поученій и сочиненіе: «Церковное право при Монголахъ». Ординарный академикъ М. П. Погодинъ продолжалъ своими многосторонними изслѣдованіями содѣйствовать успѣхамъ историческаго и историко-литературнаго знанія; онъ напечаталъ 2-ю часть сочиненій Посошкова и присоединилъ къ нимъ нѣсколько свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго человѣка по вновь открытымъ документамъ; издалъ матеріалы для біографіи Ермолова,

изслѣдованія о жизни Кирилла и Меѳодія, составилъ планъ для историческаго атласа своей Древней Русской Исторіи и помѣстилъ въ академическихъ «Запискахъ» три статьи хронологическаго къ ней указателя. По порученію правительства имъ сочинена также историческая надпись къ памятнику надъ могилою Пожарскаго въ Суздалѣ. Ѳ. И. Буслаевъ напечаталъ вторымъ изданіемъ свою историческую грамматику русскаго языка. Авторъ въ этомъ усовершенствованномъ изданіи не только умножилъ число наблюденій надъ языкомъ и сравненій его съ другими, но и воспользовался критическими замѣчаніями, появившимися по поводу выхода въ свѣтъ перваго изданія его книги. Во многихъ мѣстахъ онъ замѣнилъ свои прежнія соображенія и выводы новыми, болѣе вѣрными и болѣе согласными съ современнымъ состояніемъ лингвистическихъ изслѣдованій. Изъ дополненій особенно полезны для читателей, незнакомыхъ съ другими славянскими нарѣчіями, тѣ, которыя касаются сравненія съ ними русскаго языка, тѣ, которыя извлечены изъ древнихъ памятниковъ. Можно надѣяться, что въ слѣдующемъ изданіи количество этихъ послѣднихъ будетъ еще болѣе увеличено, а вмѣстѣ съ тѣмъ показаны будутъ отличія древняго русскаго языка живаго народнаго отъ книжнаго. Г. Буслаевъ прислалъ въ Отдѣленіе также написанную имъ монографію: «Испанскій народный эпосъ о Сидѣ», которая будетъ напечатана въ «Запискахъ» академіи.

Отдѣленіе наше понесло въ истекающемъ году горестныя утраты. Первая и самая прискорбная изъ нихъ есть смерть ординарнаго академика протоіерея Герасима Петровича Павскаго, скончавшагося 7-го апрѣля. Павскій, родившійся въ 1787 году, безъ сомнѣнія, занималъ у насъ одно изъ почетныхъ мѣстъ между первенствующими умами своего времени, какъ служитель церкви, какъ наставникъ, какъ ученый и

человѣкъ. Принявъ на себя, по окончаніи курса въ здѣшней духовной академіи, священническій санъ, онъ преподавалъ въ ней еврейскій языкъ, потомъ богословіе въ с.-петербургскомъ университетѣ и, наконецъ, съ 1842 по 1846 годъ исполнялъ высокую обязанность законоучителя и духовника при Цесаревичѣ Великомъ Князѣ нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ. Академія наукъ въ 1858 году избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Все время, остававшееся у него отъ другихъ занятій, онъ посвящалъ ученымъ трудамъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ перевода на русскій языкъ четырехъ евангелистовъ, изъ коихъ переводъ евангелія отъ Матѳея принадлежитъ ему исключительно, также какъ переводъ съ еврейскаго пяти книгъ Моисея, Судей, Руѳи, первыхъ Книгъ Царствъ и всей Псалтыри, которая была издана отдѣльно. Для слушателей своихъ въ духовной академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка онъ издалъ грамматику его, вмѣстѣ съ христоматіей и составилъ еврейскій лексиконъ, остающійся доселѣ въ рукописи. Плодомъ его обширныхъ филологическихъ изысканій были напечатанныя въ 1842 году и потомъ вторично изданныя въ 1850 году, въ исправленномъ видѣ, его «Наблюденія надъ составомъ русскаго языка». Сочиненіе это явилось въ свѣтъ въ то время, когда у насъ, и то въ кругу немногихъ спеціалистовъ, только что начинала установляться правильная, истинно ученая обработка отечественнаго языка, и потому книга Павскаго, какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ этого направленія науки, возбудила всеобщее къ себѣ участіе, именно своимъ строгимъ анализомъ, основаннымъ на сравнительномъ, хотя и не вездѣ правильно примѣненномъ методѣ, и стремленіемъ доискиваться коренныхъ началъ въ составѣ языка, помимо умозрительныхъ, предварявшихъ вся-

кое наблюденіе ученій, которыя прежде выдавались за философскія изслѣдованія. Каковы бы ни были впослѣдствіи усмотрѣнные недостатки труда Павскаго, трудъ этотъ былъ важнымъ явленіемъ въ области нашей ученой литературы: онъ послужилъ однимъ изъ сильныхъ возбужденій къ болѣе успѣшной ученой обработкѣ лингвистическихъ матеріаловъ. Но ученыя достоинства Павскаго, какъ ни были они многозначительны, недостаточны для того, чтобы опредѣлить вполнѣ эту свѣтлую, возвышенную личность. Богатые дары, которыми надѣлила его природа — глубокомысліе, проницательность, твердую и строгую логику ума, прекрасныя наклонности сердца, знанія, пріобрѣтаемыя мужественнымъ трудомъ науки — все это онъ умѣлъ развить, уравновѣсить, обработать въ себѣ и силою воли, и крѣпостію своихъ христіанско-человѣческихъ убѣжденій, превратить въ характеръ открытый, прямой, неподдающійся никакимъ житейскимъ искушеніямъ, спокойный во всѣхъ треволненіяхъ жизни, вѣрный самому себѣ до конца. Мы можемъ удивляться счастливымъ умственнымъ способностямъ, можемъ съ благодарностію признавать заслуги общеполезнаго труда; но уважать можемъ только людей, которые на чистыхъ, нравственныхъ принципахъ умѣли основать и упрочить всю систему внутренняго своего быта — уважать можемъ только людей съ характеромъ. И чѣмъ рѣже встрѣчаются въ наши дни такія сильныя, самозиждительныя, отчетливо и строго выработанныя личности, тѣмъ онѣ достойнѣе почетной памяти между людьми, потому что человѣка составляютъ не умъ, не отличныя способности, даже не естественное влеченіе къ добру, что все можно приписать къ счастливымъ дарамъ природы, а характеръ, какъ результатъ нашихъ собственныхъ доблестныхъ усилій надъ самими собою. Расплывчистое умоласширеніе нашего

времени, управляемое своего рода нравственнымъ фатализмомъ, едва вѣритъ подобной доктринѣ самообразованія — этой централизаціи внутреннихъ силъ, покоряющей себѣ самообразныя и противорѣчащія движенія нашей природы во имя высшаго ея закона и назначенія. Но что это возможно и что это хорошо, доказывается всею жизнію такихъ людей, какъ Павскій. Я смѣю думать, что вы, милостивые государи, не посѣтуете на меня за невольный порывъ чувства, которое увлекаетъ меня въ эту минуту, въ противоположность обычаямъ академической рѣчи. Я смѣю думать это, во-первыхъ потому, что чувство, вызываемое благородными нравственными качествами человѣка, вовсе не чуждо ученому академическому призванію, котораго главная стихія — истина, а слѣдовательно, и все великое и прекрасное въ человѣческой натурѣ; во-вторыхъ потому, что, если въ моихъ словахъ замѣтно личное увлеченіе, то причина его имѣетъ право на снисхожденіе. Я имѣлъ счастіе быть однимъ изъ учениковъ Павскаго, когда онъ занималъ каѳедру богословія въ здѣшнемъ университетѣ, и не могу произнести имени его безъ глубокаго уваженія и благодарности. Я увѣренъ, что всѣ, подобно мнѣ обязанные Павскому частію своего образованія, всѣ университетскіе его слушатели, до кого достигнетъ это слово, живо воскресятъ въ своей памяти черты, отличавшія духъ его ученія и служившія живымъ отпечаткомъ его ума, знанія и сердца. Курсъ его былъ очень обширенъ и богатъ содержаніемъ: онъ излагалъ исторію развитія религіознаго чувства у главнѣйшихъ народовъ древности до исполненія людямъ Божественнаго Откровенія, при чемъ онъ представлялъ характеръ разныхъ ученій, господствовавшихъ у евреевъ предъ началомъ евангельской проповѣди; послѣ онъ переходилъ къ объясненію главнѣйшихъ книгъ священнаго писанія ветхаго

завѣта, преимущественно пророческихъ и псалтыри, и вводя насъ постепенно историческимъ путемъ въ область христіанства, останавливался болѣе всего на объясненіи евангелія, посланій св. апостола Павла и заключалъ свой курсъ церковною археологіею. Въ чтеніяхъ Павскаго было что-то совершенно своеобразное, ему одному свойственное: важность и почти младенческое добросердечіе, сила и простота, соединенная съ глубокостію воззрѣній и удивительнымъ богатствомъ знанія — и дѣйствіе этихъ чтеній содержало въ себѣ такъ много связующаго душевныя силы слушателей его съ предметомъ ученія, что для нихъ становилось однимъ и тѣмъ же знать, убѣждаться и чувствовать.

Мы лишились еще другаго сочлена, скончавшагося 15-го ноября въ Москвѣ, въ званіи сенатора, Ивана Ивановича Давыдова. Его дѣятельность была весьма разнообразна, что, конечно, говоритъ въ пользу его дарованій. По обилію фактовъ этой дѣятельности, также какъ по недостатку времени, остававшагося для приготовленія этого Отчета со дня полученія прискорбной вѣсти о кончинѣ И. И. Давыдова, мы не въ состояніи представить здѣсь характеристики ученыхъ заслугъ нашего почившаго собрата и должны отложить это до другаго, болѣе удобнаго времени.

Наконецъ и еще похищенъ смертію одинъ изъ дѣятелей отечественной науки, принадлежавшій къ составу нашего Отдѣленія въ качествѣ члена корреспондента, Иванъ Петровичъ Сахаровъ, извѣстный собиратель матеріяловъ отечественной литературы. Важность трудовъ его состоитъ не въ одной массѣ собранныхъ и отчасти открытыхъ имъ матеріаловъ, но въ томъ, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ, обратившихъ свою дѣятельность къ той сторонѣ литературы, гдѣ наиболѣе оно представляетъ значенія для науки и жизни — къ ея народности. Время, въ которое началъ онъ

свое поприще, не представляло еще тѣхъ богатыхъ пособій для обработки и критики литературныхъ памятниковъ, какими снабжаетъ насъ современная наука, и потому было бы совершенно неумѣстнымъ требовать отъ Сахарова сужденій и выводовъ съ тѣмъ вполнѣ ученымъ характеромъ, который составляетъ и преимущество, и обязанность нынѣшнихъ изслѣдователей языка, исторіи и литературы; но то, что сдѣлано имъ, и въ такомъ видѣ какъ есть, вмѣстѣ съ жаркою любовію его къ дѣлу и неутомимымъ трудолюбіемъ, даетъ ему полное право на почетное мѣсто между лицами, занимавшимися у насъ приготовительными работами по части исторіи народной литературы. И. И. Срезневскій, въ краткомъ очеркѣ, читанномъ въ одномъ изъ нашихъ засѣданій, представилъ вѣрное изображеніе достоинства и важности трудовъ покойнаго.

1864.

ОТЧЕТЪ ЗА 1864 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ.

Читанъ имъ въ торжественномъ собраніи академіи 29 декабря 1864 года.

I.

Мм. Гг.!

Истекающій годъ былъ обиленъ утратами для академіи наукъ: смерть, избирая свои жертвы во всѣхъ трехъ Отдѣленіяхъ, не миновала и высшей административной ея сферы. Сегодня мы уже не видимъ въ средѣ своей того, кто еще годъ тому назадъ занималъ здѣсь президентское кресло. Лишась графа Блудова вскорѣ послѣ того *), академія съ довѣріемъ и надеждою встрѣтила дарованнаго ей новаго президента. Давнишнія связи съ нею адмирала Θедора Петровича Литке, въ качествѣ ея корреспондента и почетнаго члена, его извѣстная любовь къ наукѣ и наконецъ долговременная дѣятельность по другому ученому обществу служатъ намъ ручательствомъ, что наука и ученый трудъ найдутъ въ немъ просвѣщеннаго и ревностнаго охранителя. Но

*) Графъ Д. Н. Блудовъ скончался 19 февраля 1864 г.

мы не могли бы внушать довѣрія и уваженія къ нашимъ чувствамъ, еслибъ, въ виду настоящаго, отвращались отъ того, что намъ дорого въ прошедшемъ. Итакъ первое наше публичное слово при новомъ президентѣ да будетъ посвящено воспоминанію о его предшественникѣ. Принести нынѣ дань уваженія памяти графа Блудова есть для всѣхъ насъ еще болѣе потребность сердца, нежели долгъ. Но, желая посвятить этой почтенной памяти часть сегодняшней бесѣды, не могу скрывать отъ себя всю трудность такой задачи. Трудность эту составляетъ главнымъ образомъ не недостатокъ матеріаловъ для краткой біографіи покойнаго: трудность всего болѣе заключается въ обстоятельствѣ совершенно другаго рода, въ общей извѣстности важнѣйшихъ событій жизни графа Блудова. Нелегко сказать о немъ что-либо новое предъ просвѣщенными слушателями. Тотчасъ по кончинѣ его наши періодическіе листы, одинъ послѣ другаго, поспѣшили представить очерки біографіи или характеристику незабвенной личности. Въ лѣтописяхъ нашей общественной жизни едва ли найдется другой примѣръ смерти, которая въ самыхъ разнообразныхъ органахъ печати вызвала бы столько единодушныхъ отзывовъ сожалѣнія, столько согласныхъ между собою сужденій о достоинствѣ отшедшаго *). И эти тѣмъ замѣчательнѣе, что эпоха, въ которую мы утратили графа Блудова, особенно дорожитъ свободою и искренностію слова. Какъ непритворная дань уваженія къ покойному, большая часть этихъ статей были проникнуты теплотой и одушевленіемъ; онѣ нисколько не походили на тѣ холодные возгласы, которые такъ часто слышатся надъ могилами людей, занимавшихъ тѣ или другія

---

*) См. «СПб. Вѣд.» 1864 г. № 43, 44 и 66, «Голосъ» № 53, «Р. Инвалидъ» № 43 и 54, «Совр. Лѣтопись» № 8, «День» № 8. и 9, «Моск. Вѣд.» № 42 «Русскій Архивъ», № 3, и проч.

высоты земнаго поприща. Въ этомъ свидѣтельствѣ, которое подтвердитъ вся читающая публика, заключается конечно величайшая похвала графу Блудову.

Кому неизвѣстны, изъ многочисленныхъ некрологовъ, главныя черты его долговременной жизни? Въ комъ не отразился, по нѣкоторымъ изъ нихъ, образъ этого человѣка, который, принадлежа къ высшему обществу по рожденію и по обстоятельствамъ, встрѣчая на пути своемъ смолоду успѣхи и соблазны всякаго рода, остался во всю жизнь вѣренъ своей благородной природѣ, среди почестей сохранилъ простоту нравовъ, среди обаяній власти выше всего ставилъ законность, среди легкости къ обогащенію не измѣнилъ безкорыстію и умѣренности.

Здѣсь немногія минуты, которыя мы еще вправѣ отдать воспоминанію объ отшедшемъ будутъ, кажется, употреблены надлежащимъ образомъ, если мы бросимъ взглядъ на его значеніе въ области отечественнаго образованія. Способности, воспитаніе, родственныя связи, все соединялось къ тому, чтобъ доставить ему почетное мѣсто на этомъ поприщѣ дѣятельности. По направленію своихъ занятій, по своей начитанности и громадной памяти, по своимъ наклонностямъ, графъ Блудовъ обладалъ многими условіями для того, чтобы самому сдѣлаться писателемъ. И хотя онъ никогда не посвящалъ себя вполнѣ этому званію, однакожъ мы знаемъ, какъ изъ многихъ преданій, такъ и изъ собственныхъ его разсказовъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ литературномъ движеніи блистательной и кипѣвшей новою жизнію эпохи своей молодости. Въ первые два десятилѣтія вѣка мы находимъ его въ рядахъ той фаланги молодыхъ литераторовъ, которая подъ знаменемъ Карамзина ратовала оружіемъ ироніи противъ крайностей школы Шишкова. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, что имя Блудова тѣсно

связано съ происхожденіемъ извѣстнаго арзамасскаго общества, ополчившагося легкой и остроумной шуткой противъ бесѣды, собиравшейся въ домѣ Державина. Поводомъ къ новому литературному союзу было нападеніе, сдѣланное княземъ Шаховскимъ на Жуковскаго въ комедіи «Липецкія воды». Друзья поэта сговорились отомстить за него. Это было въ 1815 году; Блудовъ написалъ шуточноважное «Видѣніе въ нѣкоторой оградѣ», разумѣя подъ словомъ «ограда» Державинскую бесѣду. Потомъ, чтобы дать этой сатирѣ приличную рамку, онъ написалъ письмо отъ «Арзамасскаго» литератора, который будто бы слышалъ, какъ Шаховской декламировалъ «Видѣніе», лежа въ постели въ арзамасской гостинницѣ: имя Арзамаса было выбрано гр. Блудовымъ потому, что близъ этого города находилось его имѣніе, куда онъ незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ. Вновь образовавшееся общество стало собираться то у Д. Н. Блудова, то у С. С. Уварова; но оно, собственно говоря, существовало только года три; однимъ изъ послѣднихъ выбранныхъ въ него членовъ былъ Пушкинъ, принятый въ 1818 году. Проза и стихи, которые Блудовъ писалъ не только на русскомъ, но и на французскомъ языкѣ, всегда однакоже входили только случайно въ его занятія. Рано поступивъ на дипломатическое поприще, онъ ограничивалъ свое участіе въ литературѣ тѣсными сношеніями съ молодыми писателями Карамзинскаго круга, которые, довѣряя его тонкому вкусу, его обширнымъ знаніямъ, нерѣдко обращались къ нему за совѣтами. Но при такомъ отношеніи къ лучшимъ представителямъ нашей тогдашней литературы, онъ конечно и самъ безпрестанно находился подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ этого избраннаго общества. Еслибъ мы имѣли возможность прослѣдить всѣ тѣ внѣшнія вліянія, которыя, независимо отъ его врожденныхъ свойствъ и вос-

питанія попеченіями нѣжной и просвѣщенной матери, помогли графу Блудову сдѣлаться такимъ, какимъ мы его знали, то безъ сомнѣнія мы бы должны были въ исторіи его развитія дать важное мѣсто его раннему общенію съ первостепенными литературными талантами. И вспомнимъ, въ какую эпоху это происходило, вспомнимъ, какова была атмосфера идей, распространившихся въ русскомъ обществѣ, когда оно на престолѣ увидѣло молодаго монарха, оправдывавшаго самыя смѣлыя его надежды. Къ означеннымъ двумъ вліяніямъ присоединилось впослѣдствіи пребываніе графа Блудова, по дипломатической его службѣ, въ Швеціи и въ Англіи, двухъ странахъ, гдѣ общественные нравы проникнуты идеей уваженія къ закону и къ гражданской свободѣ. Литературныя связи, имѣвшія несомнѣнное участіе въ духовномъ его усовершенствованіи, дали вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное направленіе и его служебной карьерѣ. Въ этомъ отношеніи Карамзинъ играетъ особенно важную роль въ судьбѣ его: извѣстно, что исторіографъ незадолго передъ своею смертію указалъ Императору Николаю на Блудова, какъ на человѣка достойнаго быть употребленнымъ въ высшей государственной администраціи *). Рядомъ съ нимъ Карамзинъ наименовалъ своего литературнаго защитника, Дашкова, и оба блистательнымъ образомъ оправдали это засвидѣтельствованіе. Окончательно отвлеченный новыми обязанностями отъ поприща писателя, посвящая перо свое на труды государственные, графъ Блудовъ не успѣлъ исполнить другаго завѣта Карамзина — быть его продолжа-

---

*) Есть извѣстіе, что Карамзинъ же въ 1807 году своею рекомендаціею доставилъ Блудову мѣсто подъ начальствомъ графа Н. П. Румянцова, управлявшаго въ то время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; но это требуетъ еще подтвержденія. Разсказъ о началѣ арзамасскаго общества слышанъ мною отъ самого Дмитрія Николаевича.

телемъ и написать исторію новой Россіи. Но, бывъ от[illegible] отъ этого важнаго предпріятія, къ которому онъ уже серіозно готовился, графъ Блудовъ не переставалъ однако любить литературу и покровительствовать тѣмъ, которые достойно служили ей. Въ домѣ его писатели всегда находили особенно радушный пріемъ, поддержку, совѣтъ. Въ одномъ изъ некрологовъ его было уже упомянуто, что большая часть замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы за нѣсколько десятилѣтій были прочитаны въ домѣ Блудова еще до появленія ихъ въ печати. Изданіемъ послѣдняго тома исторіи Карамзина онъ оказалъ литературѣ услугу, которая конечно не будетъ забыта *). О дѣятельности его въ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, которую онъ занималъ съ 1826 года, когда министерствомъ управлялъ князь Ливенъ говорить не буду; разсмотрѣніе этой дѣятельности требовало бы предварительнаго ознакомленія съ малодоступными матеріалами и можетъ относиться только къ подробной его біографіи. Но не могу пройти совершеннымъ молчаніемъ однороднаго порученія, возложеннаго на него въ позднѣйшую эпоху, когда онъ, назначенный предсѣдателемъ особаго комитета, былъ призванъ къ рѣшенію важныхъ вопросовъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, — къ участію въ пересмотрѣ устройства нашихъ учебныхъ заведеній. Біографу его предлежитъ опредѣлить мѣру услуги, оказанной имъ русскому просвѣщенію какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вообще во всѣхъ обстоятельствахъ, когда онъ, вѣрный убѣжденіямъ своей юности, свято храня въ душѣ уваженіе къ самымъ дорогимъ интересамъ человѣчества, доставлялъ имъ опору своимъ честнымъ и разумнымъ словомъ.

*) Какъ предсѣдатель коммиссіи, составленной изъ кн. Вяземскаго, Плетнева и Никитенко, онъ участвовалъ также въ изданіи посмертныхъ сочиненій Жуковскаго.

ъ этой же отрасли его служенія отечеству относится за-
ута послѣднихъ дней его жизни о судьбѣ нашихъ народ-
ыхъ училищъ.

Въ старости на долю его выпало рѣдкое счастье не только идѣть осуществленіе нѣкоторыхъ изъ надеждъ, озарявшихъ го юность, но и самому участвовать въ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованіяхъ, которыми выполнялись эти надежды. Назначеніе графа Блудова президентомъ академіи наукъ 26 ноября 1855 года было отраднымъ для него признаніемъ той стороны его духовнаго развитія, которою онъ всегда особенно дорожилъ. Какъ нѣкогда онъ дѣлилъ стремленія и начинанія молодыхъ писателей, какъ всю жизнь сочувствовалъ и содѣйствовалъ литературѣ, такъ въ послѣднее свое десятилѣтіе сдѣлался онъ, по довѣрію Монарха, покровителемъ и двигателемъ науки.

Наша академія давно чувствовала потребность разныхъ преобразованій, и въ первый же годъ послѣ назначенія гр. Блудова составленъ былъ, по его распоряженію и при его собственномъ участіи, проектъ новаго устава академіи; но время ея управленія гр. Блудовымъ совпало съ важною для Россіи эпохою, наступившею вслѣдъ за крымскою войною, — эпохою коренныхъ государственныхъ реформъ, слишкомъ неблагопріятною для задуманнаго имъ дѣла. Ему не суждено было дожить до осуществленія любимой его мысли, которая такъ занимала его, что за нѣсколько недѣль передъ кончиною своею онъ, съ высочайшаго разрѣшенія, испрошеннаго г. министромъ народнаго просвѣщенія, опять назначилъ коммиссію для пересмотра того же вопроса. Нынѣ, когда коммиссія эта, при живомъ участіи новаго нашего президента, окончила возложенное на нее порученіе, мы не должны однакожъ забывать, что инииціатива предположенныхъ въ академіи улучшеній принадлежитъ графу Блудову. Но

если президентство его не ознаменовалось въ ней ни какими особенными событіями или преобразованіями, то какъ объяснить, что онъ оставилъ въ академіи столь дорогую по себѣ память? Причина тому, конечно, характеръ его дѣятельности въ нашемъ учрежденіи, характеръ его связи съ академіей. Образъ дѣйствій его въ этой сферѣ не разъ уже былъ гласно заявляемъ и оцѣниваемъ; но въ настоящемъ случаѣ мы не можемъ не высказать еще громко и торжественно глубокой признательности, какую вся академія питаетъ и всегда питать будетъ къ памяти мужа, который, на высотѣ гражданскихъ почестей, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ наукѣ и ея представителямъ, являлъ себя не начальникомъ и не вельможею, а человѣкомъ въ достойнѣйшемъ значеніи этого слова.

II.

8-го февраля скончался старшій изъ членовъ академіи, знаменитый во всемъ славянскомъ мірѣ Востоковъ. Такъ какъ академикомъ Срезневскимъ приготовленъ особый обзоръ ученыхъ трудовъ покойнаго, то я, съ его позволенія, воспользуюсь частію этого обзора *). Но прежде долгомъ считаю заявить, что вдова Востокова къ нынѣшнему собранію принесла въ даръ академіи бюстъ дорогаго усопшаго, который сегодня въ первый разъ украшаетъ эту залу. «Признательно цѣня высокое значеніе Востокова въ академіи, какъ надежнаго сподвижника и совѣтника», говоритъ г. Срезневскій, «съ тѣмъ же чувствомъ признательности мы считаемъ себя въ правѣ глядѣть и указывать на него, какъ на одного изъ тѣхъ русскихъ людей нашего столѣтія,

*) Напечатанъ вполнѣ въ изданіи «Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1864 года» стр. 86—138.

которыхъ трудами обозначились наши первые успѣхи въ области строгой науки и которыхъ вліяніе упрочило эти успѣхи на будущее время.

«Нельзя сказать, чтобы въ ту эпоху, къ которой относятся первые значительные труды Востокова, до 1810 года и послѣ, научныя требованія филологіи были у насъ вовсе неизвѣстны: имъ сочувствовали Мусинъ-Пушкинъ, Оленинъ, преосвященный Евгеній, Карамзинъ, Малиновскій, ихъ знали Тимковскій, Каченовскій, Ермолаевъ. Едвали однако кто нибудь владѣлъ достаточною внутренней силой, чтобы предаться филологіи исключительно. На это рѣшился одинъ Востоковъ! Еще не отрекаясь отъ поэзіи, онъ сталъ увлекаться филологическими трудами все болѣе, работалъ тѣмъ усерднѣе, чѣмъ живѣе чувствовалъ немощь своего научнаго образованія. Свидѣтельствами его первыхъ усилій проникнуть въ тайны знанія и ими воспользоваться остались въ рукописи два обширные словаря: «Русскій этимологическій словарь и Словарь этимологическій сравнительный славянскихъ нарѣчій и другихъ сродныхъ языковъ»; одинъ начатъ до 1806 года, другой около 1812 года. Труды эти, увлекая Востокова, помогли ему выработать въ себѣ пріемы работъ; но не могли его удовлетворить. Съ 1816 года, начавъ службу въ Императорской публичной библіотекѣ, какъ помощникъ хранителя рукописей, онъ занялся изученіемъ памятниковъ съ жаромъ юноши и съ опытностію труженика, давно привыкшаго работать. Ни кѣмъ не предупрежденный, самъ собою напавшій на прямую дорогу, въ то время, когда и на западѣ Европы еще не чуялось свѣжее дыханье новаго историческаго направленія филологіи, Востоковъ сдѣлалъ рядъ открытій, которыя должны были измѣнить понятія, дотолѣ господствовавшія. Этими открытіями объяснились коренные признаки древняго церковно-

славянскаго языка, какъ одного изъ древнѣйшихъ проявленій общаго языка всѣхъ Славянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличительные признаки постепенныхъ видоизмѣненій славянскихъ нарѣчій при ихъ переходѣ отъ строя древняго къ новому. Взглядъ Востокова былъ до такой степени новъ и глубокъ, что не только тогда, когда онъ былъ заявленъ и доказанъ въ первый разъ, въ 1820 году, въ знаменитомъ его «Разсужденіи о славянскомъ языкѣ», но и позже онъ не былъ вполнѣ усвоенъ даже такими представителями славянской филологіи, каковы были Копитаръ и Шафарикъ. Этимъ взглядомъ на судьбы славянскаго языка, сошедшимся съ послѣдовавшими открытіями западно-европейскихъ филологовъ, Востоковъ положилъ прочное основаніе славянской филологіи, какъ самостоятельной отрасли филологическихъ изслѣдованій; всѣ другіе славянскіе филологи должны были сдѣлаться его послѣдователями. Шагъ незабвенный: его одного было бы достаточно, чтобы поставить Востокова въ ряду великихъ подвижниковъ науки.

«Требованія филологіи, особенно въ отношеніи къ сравнительному языкознанію, съ тѣхъ поръ расширились; но не измѣнили значенія ни открытій нашего патріарха славянской филологіи, ни пріемовъ, имъ принятыхъ для своихъ работъ. Смѣю думать, что по пріемамъ, которыхъ держался Востоковъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, онъ остается въ томъ, что имъ написано, незамѣнимымъ руководителемъ. Онъ увлекался мечтою въ поэзіи, но не въ дѣлахъ науки, не въ такихъ произведеніяхъ, каковы его грамматики и словари. Онъ постоянно почерпалъ данныя для соображеній изъ памятниковъ языка, почерпалъ исчерпывая, на сколько гдѣ было нужно, и не позволялъ себѣ никакихъ произвольныхъ домысловъ. Вотъ почему къ его трудамъ можно обращаться какъ къ самымъ источникамъ. Вотъ почему тотъ, кто хо-

четь работать для науки съ такою же пользой, какъ Востоковъ, долженъ работать, какъ работалъ онъ, учиться у него, изучать его.

«Образцомъ для подражанія Востоковъ остается и тѣмъ еще, что не съузилъ обязанностей филолога въ кругѣ исключительно одного языкознанія. Филологъ не можетъ не быть и археологомъ; это понималъ Востоковъ издавна и съ такимъ убѣжденіемъ постоянно обращался къ памятникамъ, которые изслѣдовалъ. Точность, разнообразіе и полнота наблюденій въ его описаніяхъ и изданіяхъ памятниковъ поражаютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе въ нихъ всматриваемся, сравнивая ихъ съ самими памятниками. Кто не знаетъ достоинствъ его изданія Остромирова Евангелія и описанія рукописей румянцовскаго музея? Таковы же и всѣ другіе труды его этого рода, изданные и сохранившіеся въ рукописи. Вездѣ и во всемъ онъ оставался вѣренъ своимъ научнымъ правиламъ. Отъ его наблюдательности не ускользало ни указаніе календарное, ни фактъ хронологическій, ни историческое свидѣтельство, ни голосъ народнаго преданія, ни черта народнаго обычая, ни показаніе сколько-нибудь любопытное въ историко-литературномъ отношеніи, ни особенность палеографическая въ начертаніи ли буквъ, въ употребленіи ли численныхъ знаковъ и знаковъ тайнописи, или въ правописаніи. Кстати сказать слово о его палеографическихъ заслугахъ: въ искусствѣ опредѣлять время и мѣсто написанія памятника письма, во все время, пока только могъ онъ пользоваться зрѣніемъ, онъ оставался во всемъ славянствѣ первымъ знатокомъ, и въ своихъ описаніяхъ памятниковъ далъ палеографическія наставленія, ничѣмъ незамѣненныя. Не менѣе важны въ этомъ отношеніи и письма его къ преосв. Евгенію, канцлеру Румянцову, Добровскому, Калайдовичу, Копитару, Шафарику и другимъ: по счастію многія

изъ нихъ сохранились. Нельзя упустить изъ виду, что Востоковъ, нуждаясь для своихъ археологическихъ изслѣдованій въ сводахъ историческихъ показаній, занимался и ими источникамъ: въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, уцѣлѣли слѣды этихъ работъ и между прочимъ обширный трудъ этого рода касательно исторіи Новгорода до времени его паденія. Замѣчу еще одинъ отдѣлъ его работъ, оставшихся въ рукописи. Извѣстно, какую громаду памятниковъ онъ изслѣдовалъ, какъ много сдѣлалъ наблюденій и открытій: въ бумагахъ Востокова находимъ указанія, какъ онъ приготовлялъ свои труды, находимъ его черновыя подготовки и не можемъ неудивляться его стойкости и умѣнью вести дѣло. Особенно любопытны сличенія разныхъ текстовъ, имъ читанныхъ, и выписки изъ рукописей.

«Не только изданныя произведенія, но и письма и изустныя сообщенія и совѣты Востокова не могли оставаться безъ плодотворныхъ послѣдствій, какъ ни малъ былъ кругъ, на который онъ дѣйствовалъ непосредственно, какъ ни мало было число тѣхъ, которые умѣли пользоваться его проницательнымъ умомъ и ученостью. Открытія его подтвердились другими открытіями; требованія науки, имъ заявленныя, признаны безпрекословно и не могутъ быть отвергнуты; въ трудахъ его навсегда останутся образцы ученой осторожности, проницательности и отдѣлки. Этого слишкомъ довольно чтобы признательность къ Востокову, какъ къ дѣятелю великому, стала общимъ требованіемъ ума и природы».

Затѣмъ перехожу къ другому умершему въ этомъ году сочлену нашему, Шевыреву.

Болѣе нежели въ отношеніи къ кому либо изъ сошедшихъ въ могилу дѣятелей недавняго времени, на насъ лежитъ въ настоящемъ случаѣ забота исполнить святой долгъ справед-

ливости. Въ послѣдніе годы жизни Шевырева обстоятельства ея приняли особенно неблагопріятный для него оборотъ. Вслѣдствіе разныхъ прискорбныхъ случайностей, чуждыхъ литературѣ, всѣ прежнія заслуги его были забыты и — что̀ едвали послужитъ къ чести нашей эпохи — не раздался ни одинъ голосъ въ защиту человѣка, оказавшаго въ свое время существенную пользу наукѣ. Пусть Шевыревъ имѣлъ свои человѣческія слабости: смерть уже бросила на нихъ свой примирительный покровъ, и въ глазахъ потомства ни что не должно заслонять его значенія какъ ученаго и писателя.

Шевыревъ представляетъ одинъ изъ примѣровъ того, что у насъ встрѣчалось и до сихъ поръ встрѣчается нерѣдко: къ дѣятельности, которой онъ окончательно посвятилъ себя по призванію, не былъ онъ заранѣе подготовленъ спеціальнымъ университетскимъ ученіемъ. Но по вступленіи его въ свѣтъ благопріятная судьба доставила ему всѣ средства пополнить свои свѣдѣнія и явиться съ честью на избранномъ поприщѣ. Притомъ заведеніе, гдѣ онъ кончилъ курсъ наукъ, способно было положить хорошее начало ученому образованію. Это былъ московскій университетскій благородный пансіонъ съ своимъ достопамятнымъ начальникомъ, Прокоповичемъ-Антонскимъ. Туда поступилъ Шевыревъ 12 лѣтъ, родясь въ 1806 году въ Саратовѣ, въ образованномъ дворянскомъ семействѣ. Это училище, тогда уже богатое преданіями и славными именами въ спискахъ своихъ бывшихъ питомцевъ, особенно Жуковскаго, много способствовало къ развитію въ Шевыревѣ страсти къ литературѣ. По выпускѣ оттуда въ 1822 году онъ, хотя и могъ бы тотчасъ же поступить на службу, однакоже продолжалъ заниматься науками, съ тѣмъ, чтобы, не записываясь въ студенты, выдержать въ университетѣ экзаменъ прямо на степень кан-

дидата; но, не получивъ на это разрѣшенія, онъ опредѣлился въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ того онъ выступилъ на поприще литературы и сталъ печатать много, особенно въ журналахъ и альманахахъ. Въ тогдашнихъ опытахъ его замѣтно уже двоякое направленіе: съ одной стороны легкая литература, стихи оригинальные и переводные, съ другой — труды, болѣе или менѣе входившіе въ область науки: это были по большей части переводы то съ нѣмецкаго, то съ французскаго, то съ древнихъ языковъ, которыми Шевыревъ продолжалъ заниматься. Такая разнородность юношеской его дѣятельности была возбуждаема двоякимъ характеромъ литературныхъ его связей: съ одной стороны Раичъ, Ознобишинъ, Веневитиновъ, Пушкинъ, съ другой Мерзляковъ, Калайдовичъ, Погодинъ. Послѣдній съ 1828 г. началъ издавать журналъ «Московскій Вѣстникъ», возникшій изъ дружнаго соединенія нѣсколькихъ молодыхъ литераторовъ. Между ними былъ и Пушкинъ; онъ съ большимъ уваженіемъ сталъ смотрѣть на Шевырева, незадолго передъ тѣмъ ему представленнаго какъ на молодаго человѣка, который, превосходя его самого въ филологическомъ образованіи, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ въ его глазахъ признаки поэтическаго таланта. Послѣ двухлѣтняго дѣятельнаго участія въ этомъ журналѣ Шевыревъ отправился за границу съ княгиней Зинаидой Волконской, въ качествѣ наставника ея сына. Княгиня сама занималась литературой, авторствомъ, имѣла значительную библіотеку; и легко понять, какія благопріятныя условія успѣховъ умственнаго развитія соединились для Шевырева въ этомъ путешествіи, которое доставило ему возможность прожить довольно долго въ Германіи, въ Римѣ, въ Швейцаріи. Однимъ изъ плодовъ этого періода его жизни было изученіе италіанской литературы.

Между тѣмъ въ московскомъ университетѣ, по смерти Мерзлякова и поступленіи на его каѳедру Давыдова, открылась вакансія адъюнкта словесности. Возвратясь изъ-за границы, Шевыревъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, который и предложилъ ему названное мѣсто. Шевыревъ принялъ съ радостію это предложеніе, какъ осуществленіе мечты, которой онъ не смѣлъ предаваться, не имѣя ученой степени. Однакожъ, прежде нежели окончательно рѣшилась его участь, онъ, по опредѣленію факультета, долженъ былъ приготовить диссертацію. Представленное имъ изслѣдованіе: «Дантъ и его вѣкъ» было одобрено, такъ же какъ и прочитанная имъ пробная лекція на заданную тему. Въ сентябрѣ 1833 года Шевыревъ поступилъ въ университетъ адъюнктомъ и вскорѣ открылъ лекціи по исторіи всеобщей словесности. Званія ординарнаго профессора онъ достигъ осенью 1800 г., а въ слѣдующемъ избранъ въ члены вновь учрежденнаго въ академіи наукъ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Сужденіе о практической дѣятельности Шевырева, какъ университетскаго преподавателя, принадлежитъ его сослуживцамъ и слушателямъ; позволю себѣ только указать на тѣ черты этой дѣятельности, которыя сдѣлались извѣстными далеко за стѣнами московскаго университета. Шевыревъ не щадилъ трудовъ для пользы молодежи: устроивъ для своихъ слушателей библіотеку, чтобъ они могли заниматься литературой по источникамъ и учились самостоятельно трудиться, онъ совѣстливо исправлялъ ихъ письменныя работы, вообще всегда былъ готовъ помогать студентамъ не только совѣтами, но и дѣломъ, охотно ссужалъ ихъ книгами, а неимущимъ доставлялъ не разъ и матеріальную поддержку: это засвидѣтельствуютъ многіе изъ бывшихъ учениковъ Шевырева.

Главная дѣятельность его, какъ писателя, распадается на ученую въ собственномъ смыслѣ и критическую. Въ первомъ отношеніи замѣчательны, какъ единственныя въ своемъ родѣ на русскомъ языкѣ, его сочиненія: «Исторія поэзіи», которой впрочемъ вышла только одна часть, и «Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ». Капитальный трудъ Шевырева — «Исторія русской словесности, преимущественно древней». Это сочиненіе особенно важно, какъ первое подробное, систематическое изложеніе исторіи нашей древней литературы, основанное на изученіи источниковъ. Что̀ бы ни говорили о нѣкоторыхъ любимыхъ взглядахъ автора, составляющихъ слабую сторону этой книги, нельзя однакожъ отрицать ни того богатства положительныхъ свѣдѣній, которое она распространила, ни того вліянія, какое она имѣла на усиленіе разработки обнимаемаго ею періода нашей письменности. Она сдѣлалась необходимымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося въ какой бы ни было степени исторіею русской литературы, начиная отъ студента до профессора и академика. Шевыреву должна быть вообще отдана справедливость въ томъ, что онъ своими трудами много способствовалъ къ утвержденію у насъ *историческаго* направленія въ изученіи и преподаваніи литературы.

Профессорская должность не ослабила участія Шевырева въ періодической литературѣ. Просматривая журналы и другіе сборники, гдѣ онъ помѣщалъ труды свои, невольно изумляешься многочисленности и разнообразію статей, подписанныхъ его именемъ. Это относится особенно къ двумъ журналамъ, въ которыхъ онъ, послѣ перваго своего путешествія, былъ постояннымъ сотрудникомъ и преимущественно наполнялъ критическій отдѣлъ, именно къ «Московскому Наблюдателю» въ 1835 году и къ «Москвитянину»

въ сороковыхъ годахъ. Какъ критикъ, Шевыревъ, безъ сомнѣнія, иногда ошибался или слишкомъ далеко увлекался во взглядахъ на нѣкоторыя явленія современной литературы; но нельзя не признать за нимъ той заслуги, что онъ всегда открыто и смѣло высказывалъ свои мнѣнія, чѣмъ и навлекъ на себя вражду бо́льшей части журналовъ. При частныхъ ошибкахъ, въ которыя впадалъ Шевыревъ, надобно однакожъ замѣтить, что всѣ крупныя явленія литературы, что такіе таланты, какъ напримѣръ Лермонтовъ и Гоголь, такія произведенія, какъ «Герой нашего времени» и «Мертвыя души» или, въ противоположномъ смыслѣ, баронъ Брамбеусъ съ его «Библіотекой для Чтенія» были имъ оцѣниваемы вѣрно и мѣтко. Въ нашемъ немногочисленномъ до сихъ поръ ряду русскихъ критиковъ онъ конечно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ; между тѣми еще болѣе рѣдкими, которые въ основаніе своихъ сужденій полагали строгую науку, точное знаніе и добросовѣстное изученіе, онъ по размѣрамъ своей дѣятельности занимаетъ весьма видное мѣсто.

Въ послѣднее десятилѣтіе жизни Шевырева выдаются особенно его труды по поводу столѣтняго юбилея московскаго университета: изъ нихъ всего важнѣе составленная въ первый разъ исторія этого учрежденія, основанная на подлинныхъ документахъ. Въ 1860 году болѣзнь и другія обстоятельства заставили его покинуть университетъ, которому онъ съ горячею любовью посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Но и на чужбинѣ, и съ разстроенными силами духа и тѣла онъ не измѣнилъ привычнымъ занятіямъ: въ 1862 г. издалъ онъ во Флоренціи, вмѣстѣ съ г. Рубини, бывшимъ лекторомъ московскаго университета, исторію русской литературы на италіянскомъ языкѣ; позднѣе же читалъ въ Парижѣ для Русскихъ публичныя лекціи по тому же предмету.

Тамъ вскорѣ послѣ того, 8-го мая нынѣшняго года, смерть положила конецъ страданіямъ этого, въ свое время неутомимаго и полезнаго дѣятеля.

Равнодушно было принято въ Россіи извѣстіе о его кончинѣ. Только одинъ некрологъ прервалъ общее молчаніе: ученикъ Шевырева, членъ-корреспондентъ нашего Отдѣленія, г. Тихонравовъ въ немногихъ, но безпристрастныхъ строкахъ *) оцѣнилъ дѣятельность покойнаго. Не пора ли уже теперь воздать памяти Шевырева ту долю чести, которой она требуетъ во имя истины?

III.

Въ лѣтописяхъ нашего Отдѣленія за нынѣшній годъ выдается одно явленіе, которое можетъ быть названо не совсѣмъ обыкновеннымъ, уже по рѣдкости самого обстоятельства, подавшаго къ нему поводъ: въ этомъ году совершилось пятьдесятъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности академика П. М. Строева, принадлежащаго къ Отдѣленію съ самаго его учрежденія. Цѣня важныя услуги, какія онъ оказалъ русской исторіи открытіемъ и критическимъ изданіемъ множества актовъ, а также и другими замѣчательными трудами, вся академія пожелала выразить ему свое уваженіе и признательность. Однимъ изъ знаковъ этого сочувствія къ дѣятельности почтеннаго сочлена былъ поздравительный адресъ, въ мартѣ мѣсяцѣ отправленный къ г. Строеву въ Москву, за подписью академиковъ всѣхъ трехъ Отдѣленій и во главѣ ихъ г. президента Ѳ. П. Литке, только что вступившаго тогда въ эту должность. Очеркъ заслугъ Строева, составленный г. Срезневскимъ, напечатанъ въ академическихъ «Запискахъ».

*) «Московскія Вѣдомости» 1864, № 107.

Приступая къ обычному обзору дѣятельности Отдѣленія, начну съ академиковъ, находящихся внѣ Петербурга или вообще не принимающихъ непосредственнаго участія въ занятіяхъ Отдѣленія.

Высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій, увеличилъ рядъ произведеній своего архипастырскаго слова двумя новыми рѣчами. Одна изъ нихъ была произнесена 15-го августа, въ храмовой праздникъ Успенія Божіей Матери, во срѣтеніе Государя Императора при вступленіи Его Величества съ Августѣйшими дѣтьми въ Успенскій соборъ, въ первый разъ послѣ знаменательныхъ событій 1863 года. Другая рѣчь была сказана 1-го октября въ московской духовной академіи, при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея ея, и призывала благословеніе Божіе на будущую дѣятельность этого учрежденія.

Академикъ А. С. Норовъ издалъ, какъ членъ и предсѣдатель археографической коммиссіи, трудъ важный для исторіи древней русской литературы, именно «Путешествіе игумена Даніила». Этотъ современникъ лѣтописца Нестора, вѣроятно черниговскій уроженецъ, посѣтилъ Палестину въ началѣ XII вѣка и оставилъ подробное описаніе своего утпи по святымъ мѣстамъ. Его сочиненіе было уже напечатано покойнымъ Сахаровымъ, но безъ надлежащей ученой разработки, и теперь въ первый разъ является въ критическомъ изданіи, составленномъ съ помощію 31-й рукописи. Особенное достоинство сообщаютъ изданію превосходныя примѣчанія къ тексту, требовавшія весьма многихъ, рѣдко встрѣчающихся вмѣстѣ условій: кромѣ основательной учености, нужно было непосредственное знакомство съ описываемыми мѣстами, а къ этому еще присоединилось необыкновенное богатство принадлежащей издателю библіотеки по предмету разработаннаго имъ памятника. Сверхъ при-

мѣчаній, изданіе представляетъ варіанты и разныя приложенія, между прочимъ прекрасную карту Палестины, планъ Іерусалима и снимки лучшихъ изъ рукописей. Для западноевропейскихъ ученыхъ «Путешествіе Даніила» издано одновременно на французскомъ языкѣ, съ сохраненіемъ однакоже и русскаго текста, и съ нѣкоторыми новыми дополненіями въ приложеніяхъ. Оба изданія равно удовлетворяютъ ученымъ требованіямъ, равно изящны со стороны внѣшней. Въ настоящее время А. С. Норовъ приготовляетъ къ печати вторую часть другаго ученаго труда своего — изданія «Новаго завѣта» на славянскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ греческимъ текстомъ: 1-я часть, появившаяся въ 1861 году, обнимаетъ четыре евангелія. Къ тому же роду трудовъ относится напечатанный академикомъ Норовымъ въ Парижѣ томъ неизданныхъ сочиненій Марка Ефесскаго на греческомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ.

Академикъ Погодинъ напечаталъ собранные имъ матеріалы для біографіи Ермолова и сборникъ статей, посвященныхъ воспоминанію о покойномъ архіепископѣ херсонкомъ и таврическомъ, Иннокентіи. По поводу остроумныхъ изслѣдованій г. Гедеонова о варяжскомъ вопросѣ, г. Погодинъ напечаталъ новыя замѣчанія, которыя, съ своей стороны, также не мало способствуютъ къ разъясненію спорнаго предмета. Сверхъ того, г. Погодинъ приготовляетъ къ печати воспоминанія объ умершихъ академикахъ Давыдовѣ и Шевыревѣ и біографію Карамзина; нынѣ онъ занимается изслѣдованіемъ о дѣятельности священника Сильвестра въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Преосвященный Макарій, архіепископъ харьковскій, издалъ особою книгой «Слова и рѣчи», сказанныя имъ въ епархіи, и помѣстилъ нѣсколько другихъ словъ и рѣчей въ духовныхъ журналахъ, издающихся въ Харьковѣ. Кромѣ

того, онъ окончилъ монгольскій періодъ издаваемой имъ Исторій русской церкви, который займетъ 4-й и 5-й томы этого сочиненія.

Академикъ Буслаевъ, продолжая заниматься преимущественно памятниками эпической поэзіи, напечаталъ обширное изслѣдованіе: «Испанскій народный эпосъ о Сидѣ». Проживъ бо̀льшую часть года за границею, онъ изучалъ особенно исторію искусства, а два мѣсяца, проведенные во Флоренціи, посвятилъ на пополненіе своихъ свѣдѣній по италіянской литературѣ. Случайное обстоятельство очень благопріятствовало тому: въ это самое время вся Италія, и особенно Тоскана, готовилась къ празднованію, весною будущаго года, шестисотлѣтняго юбилея Данта, и потому являлось множество новыхъ замѣчательныхъ сочиненій объ этомъ писателѣ и его времени. О нѣкоторыхъ изъ нихъ г. Буслаевъ сообщилъ уже извѣстія въ печати.

IV.

Мнѣ остается обозрѣть занятія тѣхъ членовъ Отдѣленія, которые образуютъ собственно академическій, внутренній составъ его.

Академикъ Срезневскій, продолжая работы по древнимъ памятникамъ русскимъ и западно-славянскимъ и представляя особенныя изслѣдованія о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія, занимался подборомъ и разработкою матеріяловъ по тремъ трудамъ бо̀льшаго размѣра:

1) Къ напечатанному въ прошломъ году обозрѣнію и сборнику древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка, приготовлены и отпечатаны снимки съ 35-ти памятниковъ и сдѣланы дополненія о 19-ти памятникахъ, частію неизвѣстныхъ. Къ тетради этихъ дополненій будетъ приложенъ

приготовленный г. Срезневскимъ мѣсяцесловъ, извлеченный изъ древнихъ памятниковъ русскихъ: для этого мѣсяцеслова онъ пользовался не только такими памятниками, въ которыхъ календарныя показанія внесены въ видѣ сборниковъ, но и лѣтописями, записками, грамотами и т. п. Для продолженія этого сборника г. Срезневскій составилъ обозрѣніе русскихъ памятниковъ XV вѣка.

2) Хронологическое обозрѣніе древнихъ памятниковъ письма и языка юго-западныхъ Славянъ доведено академикомъ Срезневскимъ пока до конца XIII вѣка, при чемъ онъ обращалъ одинаковое вниманіе на памятники письма кирилловскаго, глагольскаго и латинскаго.

3) Собраніе и разработка матеріаловъ по древне-русскому словарю были продолжаемы г. Срезневскимъ постоянно.

Академикъ Никитенко, трудясь въ особенности надъ разработкою новаго, послѣ-петровскаго періода русской словесности, началъ въ засѣданіяхъ рядъ чтеній по этому предмету и изложилъ понятіе о литературѣ вообще, какъ выраженіи высшихъ стремленій человѣческаго духа. Сверхъ того, въ засѣданіи общаго собранія, 6-го марта, бывшемъ въ первый разъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Ѳ. П. Литке, г. Никитенко произнесъ рѣчь, посвященную воспоминанію о покойномъ президентѣ Академіи, графѣ Блудовѣ. Эта рѣчь тогда же была напечатана.

Академикъ Билярскій, жертвуя значительною частію своего времени на труды по редакціи «Записокъ» Академіи, издаваемыхъ отъ всѣхъ трехъ Отдѣленій, успѣлъ напечатать еще книгу въ 50 листовъ, именно «Матеріалы для біографіи Ломоносова». Эти матеріалы, которые г. Билярскій началъ собирать еще въ 1840-хъ годахъ, состоятъ главнымъ образомъ въ неизданныхъ доселѣ офиціальныхъ документахъ и письмахъ, и почерпнуты изъ трехъ источни-

ковъ: изъ академическихъ архивовъ, изъ такъ называемаго *портфеля Ломоносова* и изъ писемъ, сообщенныхъ г. Тихоправовымъ. Что касается до портфеля Ломоносова, отчасти уже извѣстнаго по выпискамъ, напечатаннымъ изъ него г. Вельтманомъ, то составляющая его коллекція подлинныхъ бумагъ доставлена была въ Отдѣленіе, при посредствѣ П. И. Бартенева, владѣльцемъ этихъ драгоцѣнныхъ документовъ, потомкомъ Ломоносова, Н. М. Орловымъ. Почти все до сихъ поръ напечатанное о Ломоносовѣ давало матеріалы для характеристики, а не для біографіи его, для характеристики идеальной, отвлеченной и не вполнѣ убѣдительной, потому что для повѣрки ея недоставало фактовъ. Этотъ недостатокъ обильно восполняется настоящимъ собраніемъ: въ немъ документы о жизни Ломоносова, начинаясь съ возвращенія его въ 1741 г. изъ чужихъ краевъ, идутъ непрерывно не только изъ года въ годъ, но изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Чтобы не утомлять вниманія вашего, милостивые государи, приведу только одинъ изъ многихъ фактовъ, раскрываемыхъ въ первый разъ г. Билярскимъ. Въ 1749 г. академія наукъ хотѣла отпраздновать свое возрожденіе торжественнымъ актомъ, для котораго рѣчи поручено было написать Ломоносову и исторіографу Миллеру. Какъ извѣстно, рѣчь Миллера о происхожденіи имени и народа русскаго не была произнесена; виновникомъ тому считали до сихъ поръ, основываясь только на темныхъ преданіяхъ, Ломоносова, который будто бы происками своими отстранилъ чтеніе рѣчи, оскорбительной въ глазахъ его для чести русскаго народа, потому что Миллеръ выводитъ первыхъ русскихъ князей изъ Скандинавіи. На основаніи отысканныхъ г. Билярскимъ документовъ *), событіе это

*) Слѣдующее за симъ извлечено изъ составленной г. Билярскимъ записки о содержаніи собранныхъ имъ матеріаловъ.

теряетъ свой мрачный для Ломоносова характеръ, и память его освобождается отъ тяжелыхъ упрековъ, которыхъ доселѣ не могло заглушить все наше уваженіе къ его заслугамъ. Въ характерѣ рѣчи Миллера открываются новыя стороны, и Ломоносовъ въ ея осужденіи является совершенно правымъ; но при взаимномъ личномъ нерасположеніи онъ не позаботился о томъ, чтобы остаться безукоризненнымъ и въ самомъ способѣ изложенія своего взгляда. И въ наше время, и во всякое другое, и въ какой угодно странѣ подобная рѣчь была бы признана несоотвѣтствующею своему назначенію, но ея устраненіе произошло бы безъ обидъ и неудовольствій. Да и въ то время дѣло могло, даже должно было бы остановиться въ самомъ началѣ, еслибъ Миллеръ, въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія не вызвалъ на себя бурю, которую потомъ уже трудно было унять. Ломоносовъ принималъ въ этомъ дѣлѣ участіе не по собственному побужденію, а по офиціальному призыву. Онъ могъ бы смягчить свои возраженія, но не могъ безъ основательныхъ опасеній за академію измѣнить ихъ смысла и отказаться отъ ихъ значенія.

Академикъ Пекарскій, предпринявшій по порученію общаго собранія академіи составленіе ея исторіи, посвящалъ большую часть своихъ занятій приготовительнымъ работамъ къ этому обширному труду, который составитъ какъ бы продолженіе сочиненія его «Наука и литература при Петрѣ Великомъ». Строго сознавая принятую на себя обязанность, г. Пекарскій внесъ въ Отдѣленіе подробный отчетъ о ходѣ своихъ работъ. Этотъ отчетъ будетъ напечатанъ; здѣсь представляется изъ него только извлеченіе.

Собравъ напередъ всѣ печатные источники, г. Пекарскій обратился и къ рукописнымъ матеріаламъ, которые хранятся въ обоихъ архивахъ академіи и такъ обильны,

что, вѣроятно, потребуется нѣсколько лѣтъ для ихъ разработки. Изъ нѣкоторыхъ нашъ сочленъ успѣлъ уже сдѣлать для себя выписки, замѣтки и переводы.

Между разобранными имъ документами особенно любопытенъ сборникъ бумагъ съ біографіями президента Блюментроста, Шумахера, и свѣдѣніями о воспитаніи и службѣ нѣкоторыхъ академиковъ. Здѣсь, между прочимъ, нашлось жизнеописаніе знаменитаго Эйлера, писанное сыномъ его, которое г. Пекарскій поспѣшилъ напечатать. Въ томъ же сборникѣ хранится любопытная автобіографія Байера, послужившая г. Пекарскому главнымъ матеріаломъ для составленія жизнеописанія этого академика, памятнаго для насъ тѣмъ, что онъ первый приступилъ къ ученой разработкѣ вопросовъ по древней русской исторіи. Автобіографія Байера дала г. Пекарскому возможность напечатать замѣтку подъ заглавіемъ «Извѣстія о русскомъ переводѣ одной лютеранской книги во времена Петра Великаго». Вниманія заслуживаетъ также фоліантъ съ разными представленіями и письмами астронома Делиля. Для біографіи его г. Пекарскій получилъ сверхъ того рукопись Географическаго общества, заключающую въ себѣ описаніе путешествія Делиля въ Березовъ, въ 1840 г., и письма его оттуда къ женѣ, графу Остерману, Волынскому и другимъ лицамъ. Въ этой рукописи сохранилось не мало свѣдѣній о тогдашней эпохѣ и лицахъ, игравшихъ въ ней видныя роли; поэтому г. Пекарскій составилъ новое описаніе поѣздки Делиля въ Березовъ, которое нынѣ печатается. Особенно поражаетъ здѣсь то радушіе, какое встрѣчала ученая экспедиція въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи, за сто слишкомъ лѣтъ до нашего времени. Представители нашего высшаго духовенства въ Тобольскѣ, Казани и Нижнемъ-Новгородѣ оказывали Делилю содѣйствіе въ его разысканіяхъ и живо

интересовались его наблюденіями. Бароны Строгоновы, владѣнія которыхъ, по замѣчанію путешественника, равнялись самой большой изъ французскихъ провинцій, сдѣлали ему барскій пріемъ; въ имѣніяхъ ихъ Делиль съ спутниками своими не только пользовался столомъ, помѣщеніемъ и прислугою отъ владѣльцевъ, но даже обсерваторія и судно, на которомъ отправилась экспедиція по Камѣ и Волгѣ до Казани, были устроены на счетъ бароновъ Строгоновыхъ. Потомъ г. Пекарскій занялся хранящимися въ архивѣ конференціи письмами, которыя и пересмотрѣны имъ за 50 лѣтъ, начиная съ 1715 г. Недостатокъ ученыхъ журналовъ и изданій въ XVII и XVIII столѣтіяхъ восполнялся обширною и постоянною перепискою ученыхъ между собою. Съ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка возникаетъ подобная переписка съ нашею академіею, и здѣсь можно встрѣтить всѣ европейскія знаменитости XVIII вѣка. Въ особенности архивъ конференціи обиленъ матеріалами для исторіи физико-математическихъ наукъ, которыя процвѣтали въ академіи съ самыхъ первыхъ годовъ ея учрежденія. Но сверхъ того, въ просмотрѣнныхъ г. Пекарскимъ бумагахъ нашлись любопытныя подробности о Русскихъ, получавшихъ сначала воспитаніе при академіи наукъ, а потомъ посланныхъ для окончанія своего образованія за границу. Не говоря о Ломоносовѣ, Виноградовѣ и Райзерѣ, о которыхъ извѣстія отчасти уже напечатаны, укажемъ здѣсь на Котельникова и Румовскаго, любимыхъ учениковъ Эйлера; Протасова, котораго Ломоносовъ рекомендовалъ Лакондамину; на Мотониса и Козицкаго, памятныхъ въ исторіи русской литературы XVIII вѣка и которыхъ такъ выхвалялъ лейпцигскій профессоръ Гейнзіусъ. Изъ письма извѣстнаго автора описанія Камчатки, академика Крашенинникова, оказывается, что первый ботаникъ изъ русскихъ

велъ ученую переписку съ Линнеемъ. При этомъ нельзя умолчать о перепискѣ Шумахера съ Татищевымъ. Всѣ только что выходившія изъ академической типографіи книги, брошюры и даже листки тотчасъ же препровождались то въ Уфу, то въ Оренбургъ, то въ Астрахань къ Татищеву, и этотъ страстный любитель наукъ доставлялъ въ отвѣтахъ свои замѣчанія, сообщалъ объ успѣхахъ своихъ разысканій, примѣшивая нерѣдко личные взгляды и сужденія. Въ одномъ изъ его писемъ къ Шумахеру есть разсказъ, прямо относящійся къ исторіи академіи. Татищевъ говоритъ, что когда онъ представлялся Петру Великому передъ отъѣздомъ своимъ въ Швецію, то присутствовавшій при аудіенціи лейбъ-медикъ Блюментростъ совѣтовалъ ему поискать ученыхъ, которые бы согласились пріѣхать въ Россію. Татищевъ отвѣчалъ, что напрасно искать сѣмянъ, когда земля еще не приготовлена для посѣва. Тогда Петръ Великій, услышавъ о чемъ идетъ рѣчь, сказалъ Татищеву слѣдующее: «Нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, но не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно началъ, по согласію оныхъ, копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привесть не могъ, но дѣти, сожалѣя положеннаго иждивенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили»...

Если къ исчисленнымъ трудамъ Отдѣленія присоединить отпечатанный недавно II томъ сочиненій Державина, то этимъ будетъ законченъ обзоръ нашей дѣятельности за 1864 годъ.

1865.

ОТЧЕТЪ ЗА 1865 ГОДЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ Я. К. ГРОТОМЪ

КЪ ТОРЖЕСТВЕННОМУ СОБРАНІЮ АКАДЕМІИ 29-ГО ДЕКАБРЯ 1865 ГОДА.

Въ лѣтописяхъ Академіи Наукъ за истекающій годъ самымъ виднымъ событіемъ представляется празднованіе столѣтней годовщины смерти Ломоносова.

Мысль о памятованіи этого дня занимала Отдѣленіе русскаго языка и словесности еще въ 1864 году. По возбужденному имъ вопросу о томъ и по предложенію г. президента, адмирала Ѳ. П. Литке, общее собраніе назначило изъ среды всѣхъ трехъ Отдѣленій коммиссію для разсмотрѣнія, въ какой формѣ приличнѣе всего могло бы быть выражено академіею уваженіе къ памяти знаменитаго члена ея. Согласное съ мнѣніемъ этой коммиссіи заключеніе общаго собранія удостоилось Высочайшаго утвержденія и было приведено въ исполненіе торжественнымъ собраніемъ Академіи 6-го апрѣля сего года. На этомъ собраніи, въ присутствіи многочисленной и разнообразной публики, прочитаны были: академикомъ Гротомъ *очеркъ академической дѣятельности Ломоносова* и академикомъ Никитенко — рѣчь *о значеніи Ломоносова въ отношеніи къ изящной русской словесности.* Оба чтенія тогда же были изданы.

Сверхъ торжественнаго памятованія Ломоносова, Отдѣленіе положило ходатайствовать объ учрежденіи при академіи, по этому случаю, преміи и о выбитіи медали въ честь славнаго русскаго ученаго. Полное развитіе первой изъ этихъ двухъ мыслей было предупреждено представленіемъ самого г. президента объ установленіи ломоносовской преміи для раздачи за важныя изобрѣтенія и открытія, сдѣланныя въ Россіи и обѣщающія особенно полезныя примѣненія въ промышленности и техническихъ производствахъ. Вслѣдствіе того, г. министромъ народнаго просвѣщенія исходатайствовано было Всемилостивѣйшее соизволеніе на учрежденіе при академіи ежегодной преміи въ 1,000 руб. на основаніяхъ, которыхъ обсужденіе въ подробности было предоставлено самой академіи и которыя впослѣдствіи утверждены г. министромъ.

Предположеніе Отдѣленія о выбитіи ломоносовской медали получило дальнѣйшій ходъ въ назначенной общимъ собраніемъ на этотъ конецъ особой коммиссіи; изготовленіе Высочайше одобренной на этомъ основаніи медали поручено академику Брусницыну и приближается нынѣ къ окончанію.

Въ связи съ празднованіемъ академіею столѣтней памяти Ломоносова долженъ быть упомянутъ трудъ академика Билярскаго, окончательно отпечатанный ко дню этого празднества и выпущенный въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Матеріалы для біографіи Ломоносова *)».

Это собраніе документовъ, обставленное собственными примѣчаніями редактора, дополняется, съ одной стороны, двумя томами, изданными при историко-филологическомъ Отдѣленіи академикомъ Куникомъ, подъ заглавіемъ: «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ», а съ другой—трудомъ посторонняго ученаго, пре-

*) См. выше стр. 422.

доставленнымъ въ распоряженіе нашего Отдѣленія. Г. Пономаревъ, преподаватель русской словесности въ петровскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Полтавѣ, доставилъ въ академію, ко дню ломоносовскаго торжества, рукопись, содержащую собраніе библіографическихъ указаній къ сочиненіямъ знаменитаго академика. Отдѣленіе, признательно принявъ этотъ полезный трудъ, выполненный съ замѣчательною добросовѣстностью и со всею полнотой, какой только можно было достигнуть въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ центровъ образованія, вошло съ почтеннымъ доставителемъ въ сношенія о способахъ дать его работѣ оконченность и сдѣлать ее со временемъ доступною публикѣ. Впослѣдствіи Отдѣленіе получило также отъ Г. Н. Геннади, въ рукописи, составленный имъ «Указатель печатныхъ свѣдѣній о М. В. Ломоносовѣ». Этотъ трудъ принятъ равномѣрно съ благодарностью и будетъ употребленъ сообразно съ его назначеніемъ. Къ этимъ матеріаламъ присоединился еще списокъ первоначальныхъ изданій нѣкоторыхъ мелкихъ сочиненій Ломоносова, составленный А. А. Куникомъ по экземплярамъ ихъ, находящимся въ академической библіотекѣ.

Упомянувъ о трудахъ, предпринятыхъ въ связи съ празднованіемъ памяти Ломоносова, перехожу къ обозрѣнію ученой дѣятельности отдѣльныхъ академиковъ.

Труды высокопреосвященнаго Филарета московскаго были слѣдующіе: 1) всеподданнѣйшее привѣтственное письмо къ Государю Императору предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій соборъ 15-го августа; 2) всеподданнѣйшее привѣтственное письмо къ Государю Императору въ день тезоименитства Его Величества, 30-го августа; 3) рѣчь, произнесенная въ Свято-троицкой Сергіевской Лаврѣ при встрѣчѣ Его Императорскаго Величества 19-го августа; 4) изъясненіе на слова книги Бытія 3, 22: *Се Адамъ*

быть яко единъ отъ насъ. Сверхъ этихъ произведеній, представляющихъ отрадное доказательство неслабѣющей и въ преклонныхъ лѣтахъ дѣятельности знаменитаго первосвятителя нашего, въ нынѣшнемъ году появились въ печати еще два прежніе труда его высокопреосвященства: 1) писанные въ 1825 году «Отвѣты на нѣсколько возраженій противъ православной церкви» (сдѣланныхъ въ одной французской книгѣ на книгу: «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной каѳолической церкви»), и 2) «Нѣчто о древнемъ образѣ крестнаго знамени», статья, написанная по поводу напечатанной въ 1846 году замѣтки объ этомъ предметѣ.

Съ чувствомъ глубокой признательности мы должны здѣсь присовокупить, что Отдѣленіе, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, имѣло случай убѣдиться въ живомъ и просвѣщенномъ участіи, какое маститый архипастырь не перестаетъ принимать въ дѣятельности академіи. Когда, минувшимъ лѣтомъ, академикъ Срезневскій, по порученію Отдѣленія, посѣтилъ Москву для археологическихъ розысканій, то высокопреосвященный Филаретъ, по ходатайству г. президента, оказалъ самое благосклонное вниманіе къ предпріятію нашего сочлена и особымъ распоряженіемъ открылъ ему свободный доступъ ко всѣмъ хранилищамъ рукописей, состоящимъ какъ въ вѣдѣніи московской синодальной конторы, такъ и въ московскомъ епархіальномъ вѣдомствѣ. Вслѣдствіе того, И. И. Срезневскій, по возвращеніи изъ своего путешествія, могъ представить Отдѣленію богатое и важное для изученія русской старины собраніе рисунковъ и снимковъ, снятыхъ имъ въ синодальной библіотекѣ и ризницѣ, въ ризницѣ и библіотекѣ Чудова монастыря, въ библіотекѣ синодальной типографіи, въ библіотекѣ и ризницѣ Троицкой Лавры, также въ библіотекѣ духовной академіи, какъ прежней, такъ и

присоединенной къ ней волоколамской. Разсмотрѣвъ, сверхъ того, рукописи Оружейной палаты, Румянцовскаго музея и частныхъ собраній Подключникова, Сорокина и Лобкова, г. Срезневскій успѣлъ открыть нѣсколько новыхъ памятниковъ древней письменности, между прочимъ такъ-названную имъ «Саввину книгу», которую, по его мнѣнію, слѣдуетъ отнести къ XI вѣку и которая нынѣ уже печатается. Подробный отчетъ о результатахъ этого путешествія будетъ также изданъ.

Изъ трудовъ, прежде оконченныхъ академикомъ Срезневскимъ, были въ этомъ году напечатаны:

1) «Сводъ и продолженіе свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ русской и славянской древности». Важнѣе другихъ въ числѣ этихъ памятниковъ: а) древній глаголическій списокъ поученій Ефрема Сирина; б) галицкій списокъ тѣхъ же поученій конца XIII вѣка (1288 года), съ признаками чисто-русскаго правописанія, представляющій данныя, очень важныя для рѣшенія вопроса о южно-русскомъ нарѣчіи, и отчасти его отличія отъ нарѣчія сѣверно-русскаго въ древности; в) поученіе черноризца Георгія, XIII вѣка, давшее поводъ, между прочимъ, къ изслѣдованіямъ о монастырѣ Зарубскомъ, находившемся на югъ отъ Кіева, близъ перевоза черезъ Днѣпръ къ Переяславлю.

2) «Обозрѣніе древнѣйшихъ памятниковъ письма и языка югозападныхъ Славянъ», извлеченіе изъ большаго труда, представленнаго Отдѣленію въ рукописи: «Древніе памятники письма и языка югозападныхъ Славянъ». Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ хронологическое обозрѣніе всѣхъ доселѣ открытыхъ памятниковъ кирилловскихъ, глаголическихъ и латинскихъ славянскаго языка, какъ онъ былъ употребляемъ югозападными Славянами, именно: книгъ, запи-

сей въ книгахъ, на стѣнахъ и вещахъ, надписей на крестахъ, монетахъ и проч., до конца XIII вѣка. Кромѣ памятниковъ, сохранившихся въ подлинникѣ или въ древнихъ спискахъ, въ этотъ сборникъ вошли и указанія памятниковъ, не сохранившихся или еще не найденныхъ. Памятники приведены въ порядокъ хронологическій, по свидѣтельствамъ и соображеніямъ историческимъ и палеографическимъ, и представлены въ дословныхъ чтеніяхъ, частію по древнимъ спискамъ, на сколько возможно, сравнительно. Они будутъ напечатаны, съ приложеніемъ снимковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

3) Замѣчанія о фрейзингенскихъ статьяхъ и о житіи св. Вячеслава чешскаго, въ видѣ прибавленій къ «Филологическимъ наблюденіямъ» академика Востокова.

Подъ этимъ послѣднимъ заглавіемъ напечатано въ настоящемъ году академикомъ Срезневскимъ, по порученію Отдѣленія, собраніе филологическихъ статей покойнаго нашего ученаго, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ.

4) Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова, между прочимъ и неизданныхъ.

Академикъ Погодинъ издалъ, по порученію общества любителей русской словесности, въ память о совершившемся тысячелѣтіи славянской письменности и русскаго христіанства, «Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ», гдѣ помѣстилъ и нѣкоторыя собственныя свои статьи. Сверхъ того онъ составилъ и приготовилъ къ печати біографію Карамзина по его письмамъ, сочиненіямъ и по запискамъ современниковъ.

Академикъ, преосвященный Макарій харьковскій напечаталъ два новые тома (4-й и 5-й) своей «Исторіи Русской церкви», обнимающіе монгольскій періодъ и заключающіе въ себѣ множество драгоцѣнныхъ новыхъ свѣдѣній, добытыхъ самостоятельными изслѣдованіями автора и основыва-

ющихся на рукописныхъ памятникахъ, еще не бывшихъ въ печати. Онъ же помѣстилъ въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ въ Харьковѣ, нѣсколько произнесенныхъ имъ словъ и рѣчей.

Академикъ Никитенко занимался составленіемъ біографіи извѣстнаго въ исторіи русской науки и литературы профессора Галича. Трудъ этотъ будетъ изданъ.

Академикъ Гротъ напечаталъ съ своими примѣчаніями 3-й томъ критическаго изданія сочиненій Державина, содержащій въ себѣ, между прочимъ, большое число неизвѣстныхъ доселѣ стихотвореній нашего лирика. Сверхъ того, онъ приготовилъ для чтенія въ годичномъ торжественномъ собраніи академіи *характеристику Державина, какъ поэта.*

Академикъ Билярскій въ первые мѣсяцы года оканчивалъ печатаніе своего сборника «Матеріаловъ для біографіи Ломонсова». Знакомство его съ документами по этому предмету, хранящимися въ архивахъ академіи, относится еще къ 40-мъ годамъ: многіе изъ нихъ онъ тогда же и выписалъ; ихъ важности нельзя было не видѣть; но ни тогдашнее положеніе русской литературы, ни ученые интересы собирателя не вызывали его на предпріятіе издать ихъ. Онъ имѣлъ ихъ въ виду на будущее время, особенно на случай собственной надобности. Эта надобность обнаружилась для него въ 1863 году, когда онъ обдумывалъ способъ разбора языка Ломоносова. Чтобы оцѣнить постепенные успѣхи языка у этого писателя, необходимо было не только привести его сочиненія въ строгій хронологическій порядокъ, но и ознакомиться ближе съ обстоятельствами, при которыхъ они были предприняты и выполнены: нужно было знать, въ какой мѣрѣ обстоятельства благопріятствовали литературному ихъ достоинству. Для этой цѣли никакая подробность свѣдѣній не могла казаться лишнею, и изъ *библіографиче-*

скаго предпріятія само собой должно было возникнуть собраніе матеріаловъ для біографіи Ломоносова и даже для исторіи нашего образованія. Источники этихъ матеріаловъ и система ихъ размѣщенія объяснены въ предисловіи къ упомянутому выше сборнику. Вскорѣ по изданіи этого труда, г. Билярскій, получивъ каѳедру русской словесности въ новороссійскомъ университетѣ, переселился на жительство въ Одессу; вслѣдствіе того прекратилась и дѣятельность его по редакціи «Записокъ» академіи.

Академикъ Пекарскій, продолжая работы по составленію исторіи академіи наукъ, разсмотрѣлъ и описалъ находящееся въ Императорской публичной библіотекѣ собраніе бумагъ Штелина. Описаніе это, вмѣстѣ съ извлеченіями изъ болѣе примѣчательныхъ писемъ къ этому академику, напечатано.

Затѣмъ онъ обратился къ бумагамъ исторіографа Миллера въ архивѣ академической конференціи. Онѣ составляли часть собранія, которое было пріобрѣтено императрицею Екатериною II для московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, съ выдачею Миллеру 20,000 руб. Въ 1830 году академикъ Гамель довелъ до свѣдѣнія тогдашняго президента академіи наукъ о существованіи въ помянутомъ архивѣ множества рукописей Миллера, относящихся частію къ ученому его путешествію по Сибири, частію же къ исторіи академіи. По ходатайству С. С. Уварова, министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ обращался къ вице-канцлеру съ просьбой о передачѣ въ собственность академіи помянутыхъ бумагъ. Графъ К. В. Нессельроде входилъ о томъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, на который 9-го марта 1831 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ, однако, чтобы 1) изъ бумагъ, которыя окажутся вдвойнѣ, оставлено было въ московскомъ Главномъ архивѣ

министерства иностранныхъ дѣлъ по одному экземпляру; 2) чтобы списанные въ разныхъ сибирскихъ городахъ старинные акты, изъ коихъ многіе внесены и напечатаны уже съ обозначеніемъ принадлежности ихъ архиву въ изданныхъ тогда четырехъ частяхъ «Государственныхъ грамотъ и договоровъ», оставлены были въ библіотекѣ архива, равно историческія свѣдѣнія, собранныя Миллеромъ, и вообще всѣ тѣ бумаги, которыя не относятся собственно до академіи.

Поступившія этимъ путемъ въ академію бумаги изъ собранія Миллера, въ 95 портфеляхъ, заключаютъ въ себѣ всю обширную переписку, веденную имъ со времени возвращенія его изъ Сибири, а также множество черновыхъ бумагъ, записокъ и представленій по академическимъ дѣламъ. Здѣсь письма къ Миллеру отъ Леонарда Эйлера, Палласа, Георги, Гмелина младшаго, Соймонова, Рычкова и др. заслуживаютъ особеннаго вниманія изслѣдователя по богатству и разнообразію своего содержанія, а записки, представленія и пр. по академическимъ дѣламъ писаны по большей части рукою самого Миллера и особенно важны для исторіи академіи, въ которой онъ около сорока лѣтъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ. Кромѣ пользованія этими матеріалами для исторіи собственно академіи, П. П. Пекарскій, при помощи ихъ, а также небывшей до сихъ поръ въ виду изслѣдователей переписки академическаго совѣтника Шумахера, собралъ рядъ новыхъ свѣдѣній о Ломоносовѣ и вообще объ отношеніяхъ бывшихъ до него и при немъ академиковъ къ академической канцеляріи, у которой тогда были они въ полной подчиненности. Эти свѣдѣнія также напечатаны.

Миллеровское же собраніе дало г. Пекарскому возможность приступить къ составленію обстоятельнаго жизнеописанія П. И. Рычкова, перваго изъ русскихъ члена-корреспондента академіи. Извлеченіе изъ этого труда въ формѣ

рѣчи приготовлено авторомъ къ чтенію въ торжественномъ собраніи академіи наукъ 29-го декабря 1865 года *).

Наконецъ г. Пекарскій, по порученію академіи, занимался разсмотрѣніемъ сочиненія профессора петербургской духовной академіи г. Чистовича, подъ заглавіемъ «Ѳеофанъ Прокоповичъ», которое представлялось на соисканіе Демидовскихъ премій. Подробное изложеніе результатовъ этого разсмотрѣнія печатается.

Между трудами постороннихъ ученыхъ, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Отдѣленіемъ, должны быть упомянуты два, которыхъ изданіе оно взяло на себя:

1) Составляемое архимандритомъ Амфилохіемъ «Палеографическое описаніе памятниковъ византійской письменности съ IX вѣка по конецъ XVII», находящихся въ московской синодальной библіотекѣ, въ собраніяхъ гг. Севастьянова, Норова и другихъ. Трудомъ этимъ ученый архимандритъ занимается уже нѣсколько лѣтъ. Собравъ множество матеріаловъ, снимковъ и выписокъ, онъ предпринялъ обработку ихъ по строго-обдуманному плану и рѣшился издать ихъ съ приложеніемъ выписокъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ славянскомъ переводѣ. По представленію академика Срезневскаго, Отдѣленіе, находя, что предпріятіе извѣстнаго уже академіи ученаго обѣщаетъ неоспоримую пользу для изслѣдованія древнѣйшей славянской письменности, опредѣлило: трудъ этотъ, по мѣрѣ изготовленія его, печатать при Отдѣленіи.

2) Составленный г. Носовичемъ «Бѣлорусскій Словарь», который на послѣднемъ Демидовскомъ конкурсѣ заслужилъ половинную премію и представляетъ весьма важный мате-

*) Теперь оно уже напечатано («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1866 г., № 5 и 7).

ріалъ для изученія русскаго языка въ его нарѣчіяхъ, печатается при Отдѣленіи, подъ надзоромъ академика Срезневскаго.

Заключая Отчетъ о трудахъ Отдѣленія, я долженъ исполнить еще и другую, печальную обязанность лѣтописца его — заявленіемъ о понесенныхъ имъ утратахъ *). Въ концѣ года оно лишилось двухъ изъ старѣйшихъ членовъ своихъ: Арсеньева и Плетнева.

Въ обстоятельствахъ жизни обоихъ было много сходнаго. Тотъ и другой происходили изъ духовнаго званія, воспитывались въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, занимали каѳедры въ петербургскомъ университетѣ, участвовали въ воспитаніи нынѣ царствующаго Государя Императора и, наконецъ, сдѣлались въ одно время членами академіи наукъ.

Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ былъ тремя годами старше Плетнева: онъ родился 12-го октября 1789 года, въ Костромской губерніи; отецъ его былъ сельскимъ священникомъ и послалъ сына учиться въ костромскую семинарію, откуда даровитый молодой человѣкъ поступилъ въ педагогическій институтъ. Любопытно, какъ онъ впослѣдствіи самъ отзывался о полученномъ имъ первоначальномъ воспитаніи: «Постоянство въ занятіяхъ, трудолюбіе, основательность въ изученіи, терпѣливость въ трудахъ суть отличительныя качества воспитанниковъ духовныхъ училищъ... Какое благодѣтельное вліяніе (говоритъ онъ далѣе) можетъ имѣть просвѣщенный и благонамѣренный священникъ на

*) Этотъ послѣдній отдѣлъ Отчета приготовленъ былъ къ чтенію въ другомъ видѣ. Онъ измѣненъ, вслѣдствіе полученнаго 30-го декабря извѣстія о кончинѣ П. А. Плетнева. Некрологъ его см. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1866 г., № 1, также въ «Соврем. Лѣтописи» № 2, въ «Сѣверн. Почтѣ» № 16 и въ сборникѣ «Утро». Некрологъ К. И. Арсеньева — въ «Спб. же Вѣдомостяхъ» 1865 г., № 318, и въ «Сѣверной Почтѣ» 1865 г., № 263.

умы простолюдства! Итакъ, совершенство духовныхъ училищъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ попеченія правительства. Многіе знаменитые политики справедливо утверждаютъ, что опредѣлять священниковъ безъ познаній совершенно противно благосостоянію государства». Строки эти взяты изъ его «Начертанія статистики россійскаго государства», напечатаннаго въ 1818 году. Это было первое сочиненіе, которое онъ издалъ по окончаніи, въ 1811 году, курса наукъ въ Педагогическомъ институтѣ и по опредѣленіи въ 1817 г. адъюнктъ-профессоромъ при здѣшнемъ университетѣ. Въ этой замѣчательной книгѣ виденъ уже человѣкъ, стоящій на высотѣ передовыхъ дѣятелей науки и смѣло высказывающій новыя для современнаго общества истины. На долю Арсеньева выпала честь сдѣлаться предметомъ гоненій со стороны извѣстныхъ обскурантовъ: Магницкаго и Рунича. Первый подалъ доносъ на его книгу, стараясь представить ее опасною для спокойствія государства, а второй, по должности попечителя петербургскаго учебнаго округа, подвергъ Арсеньева, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами, отвѣтственности за его лекціи и записки. Вслѣдствіе произведеннаго надъ нимъ суда, Арсеньевъ въ 1824 г. долженъ былъ оставить университетъ; но, къ счастью, онъ имѣлъ уже сильныхъ покровителей. Будучи также преподавателемъ въ артиллерійскомъ училищѣ и въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, онъ былъ лично извѣстенъ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, по представленіямъ которыхъ и удостоился уже въ 1825 и 1826 г получить высочайшее благоволеніе и два подарка: послѣдній изъ нихъ былъ наградою за новое его сочиненіе: «Исторія народовъ и республикъ древней Греціи».

По воцареніи императора Николая, Арсеньевъ былъ приглашенъ въ число наставниковъ Наслѣдника престола для

преподаванія Его Высочеству русской исторіи и статистики, и какъ пособіе при этихъ занятіяхъ онъ издалъ «Статистику Россійской Имперіи». Съ 1835 года ему, по Высочайшему повелѣнію, открытъ былъ доступъ въ Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ для извлеченія матеріаловъ по русской исторіи XVIII столѣтія, которую онъ въ то время преподавалъ нынѣ царствующему Государю Императору. Арсеньевъ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Наслѣдника Цесаревича, въ 1837 г., въ путешествіи по Россіи и заблаговременно приготовилъ, по возложенному на него порученію, рядъ историческихъ и статистическихъ замѣчаній о мѣстахъ, лежавшихъ на пути Его Императорскаго Высочества. Послѣднимъ трудомъ его по части статистики были изданные имъ въ 1848 году и посвященные Августѣйшему ученику его «Статистическіе очерки Россіи». Они представляютъ отчасти дальнѣйшее развитіе мыслей и свѣдѣній, изложенныхъ имъ въ первомъ сочиненіи его, появившемся 30-ю годами ранѣе. Изъ предисловія къ «Статистическимъ очеркамъ» видно, что онъ считалъ эту книгу только началомъ разнообразныхъ работъ по тому же предмету, которыя однакожъ, къ сожалѣнію, не явились въ печати.

Арсеньевъ былъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. Въ 1826 году онъ былъ избранъ корреспондентомъ академіи наукъ; въ 1836 г. (14-го марта) сдѣлался членомъ россійской академіи, а съ 1841 года принадлежалъ къ составу академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Главная дѣятельность его, какъ академика, заключалась въ изслѣдованіяхъ, относившихся къ русской исторіи. Они указаны, какъ и другіе многочисленные труды его по географіи и статистикѣ, въ статьѣ нашего сочлена, П. П. Пекарскаго *), пользовавшагося при составленіи ея всѣми имѣ-

*) «Энциклоп. Словарь», т. V, Спб. 1862.

ющимися покуда въ виду источниками для біографіи покойнаго, почему тѣ обстоятельства, которыя у него развиты довольно подробно, здѣсь только обозначены мною. Нужнымъ считаю, однакожъ, указать еще на одну услугу, оказанную Арсеньевымъ новѣйшей русской исторіи. Онъ первый отыскалъ и спасъ отъ забвенія записку Карамзина «О древней и новой Россіи», которая считалась потерянною *). Въ началѣ 1824 года, незадолго до увольненія изъ университета, Арсеньевъ вступилъ на поприще гражданской службы: онъ былъ опредѣленъ редакторомъ въ коммиссію составленія законовъ, а по преобразованіи ея черезъ два года во II отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, оставленъ былъ здѣсь въ званіи старшаго чиновника. Награды, которыя онъ получалъ въ послѣдующіе годы одну за другою, показываютъ, какъ цѣнились его труды и въ этомъ кругѣ дѣйствія. Въ 1835 году учреждено было по его мысли, при совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, статистическое отдѣленіе, имѣвшее цѣлью упрочить въ Россіи успѣхи статистики и распространить изученіе отечества въ этомъ отношеніи **). Арсеньеву, назначенному членомъ этого отдѣленія (впослѣдствіи статистическаго комитета), вмѣстѣ съ тѣмъ поручено

---

*) Слышано отъ графа Д. Н. Блудова, который разсказывалъ: «По кончинѣ императора Александра, я не нашелъ въ бумагахъ его этой записки, но она отыскана вскорѣ послѣ смерти Аракчеева. Однажды приходитъ ко мнѣ К. И. Арсеньевъ и спрашиваетъ, знаю ли я записку Карамзина о древней и новой Россіи. — Знаю про нее, но не читалъ. — «Могу вамъ ее доставить, но не требуйте, чтобъ я вамъ сказалъ, откуда я ее имѣю». Вѣроятно, — прибавилъ графъ Блудовъ, — она нашлась въ бумагахъ Аракчеева: Государь, получивъ ее въ Твери отъ Екатерины Павловны, отправился оттуда прямо въ Грузино, и тамъ могъ оставить ее своему любимцу.

**) Изъ его же «Начертанія статистики» (стр. XIV) видно, что первоначально подобное статистическое отдѣленіе основано было министромъ полиціи А. Д. Балашевымъ, при подвѣдомственномъ ему министерствѣ.

было управлять его дѣлами. Къ занятіямъ нашего ученаго по этой должности относятся и частыя командировки его въ разныя губерніи; одну изъ такихъ поѣздокъ, въ 1852 году, онъ совершилъ, какъ членъ особой коммиссіи, съ историческою цѣлью — для точнѣйшаго опредѣленія мѣста погребенія князя Пожарскаго. Съ 1856 года Арсеньевъ принадлежалъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ только въ званіи члена его совѣта.

Въ 1861 году тяжкая болѣзнь нанесла тѣлеснымъ и умственнымъ силамъ его ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Разбитый параличемъ, онъ провелъ послѣднее время жизни въ Петрозаводскѣ, городѣ, знакомомъ ему по воспоминаніямъ молодости: оставшись, по окончаніи курса наукъ, при педагогическомъ институтѣ въ качествѣ преподавателя, онъ, во время нашествія Наполеона, отправленъ былъ туда съ студентами этого заведенія и прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ концѣ 1812 и началѣ 1813 годовъ. Въ Петрозаводскѣ же онъ и умеръ, 29-го ноября 1865 года, въ домѣ сына своего, Юлія Константиновича, начальника Олонецкой губерніи, и похороненъ въ одной изъ городскихъ церквей *).

Арсеньевъ былъ, какъ на ученомъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, однимъ изъ самыхъ честныхъ, добросовѣстныхъ и неутомимыхъ русскихъ дѣятелей; онъ передалъ своему потомству чистое, безукоризненное имя, которымъ русская наука можетъ, по справедливости, гордиться.

*) Отдѣленіе, желая пополнить свои матеріалы для біографіи уважаемаго сочлена, обращалось къ Юлію Константиновичу съ покорнѣйшею просьбой о сообщеніи оставшихся послѣ отца его, какъ слышно было, записокъ; но изъ отвѣта его превосходительства съ сожалѣніемъ узнало, что въ бумагахъ Константина Ивановича остались «только бѣглыя замѣтки о его частной, такъ-сказать, семейной жизни, и то доведенныя только до 1825 года, которыя не могутъ войти въ его біографію, ибо чужды ученой и административной дѣятельности умершаго».

Кончина П. А. Плетнева послѣдовала въ самый день, къ которому приготовленъ былъ настоящій отчетъ, и потому здѣсь можетъ быть представлена только краткая біографическая о немъ замѣтка. Онъ родился 10-го августа 1792 года, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, и получилъ первое образованіе въ тверской семинаріи. Въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ окончилъ онъ курсъ въ 1814 году и поступилъ учителемъ словесности сперва въ Екатерининскій институтъ, находившійся подъ управленіемъ императрицы Маріи Өеодоровны, а потомъ въ институтъ Патріотическій, бывшій подъ вѣдѣніемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны. Съ 1816 г. началась служба его при военно-учебныхъ заведеніяхъ, именно при Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ; въ послѣдствіи онъ преподавалъ также въ пажескомъ корпусѣ и въ юнкерской школѣ. Въ 1828 г. онъ назначенъ былъ инспекторомъ классовъ въ Патріотическомъ институтѣ; въ 1830 г. оставилъ службу при Екатерининскомъ. Занятія его съ Наслѣдникомъ престола начались уже въ январѣ 1828 г., когда Его Высочеству не совершилось еще и 10-ти лѣтъ отъ роду. Вскорѣ затѣмъ ему поручены были уроки великимъ княжнамъ Маріи и Ольгѣ Николаевнамъ, а позднѣе — Маріи и Елизаветѣ Михаиловнамъ. Почетная извѣстность, пріобрѣтенная Плетневымъ на поприщѣ преподаванія и литературы, была поводомъ къ тому, что министерство народнаго просвѣщенія въ 1832 году вызвало его на каѳедру русской словесности въ петербургскомъ университетѣ и Главномъ Педагогическомъ институтѣ, съ званіемъ ординарнаго профессора, вслѣдствіе чего и оставлена имъ служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1837 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники за службу при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, а въ февралѣ 1840 г. избранъ университетскимъ совѣтомъ въ должность ректора на четыре

года. Вскорѣ послѣ того, въ іюнѣ мѣсяцѣ, финляндскій университетъ праздновалъ 200-лѣтній юбилей своего существованія, и Плетневъ, отправленный въ Гельсингфорсъ депутатомъ отъ петербургскаго университета, былъ возведенъ тамъ въ званіе почетнаго доктора философіи. Еще два раза возобновлялось избраніе его въ ректоры. Когда же въ 1849 году русскіе университеты лишились этого права, то Плетневъ былъ утвержденъ въ прежнемъ званіи правительствомъ и оставался ректоромъ петербургскаго университета до прекращенія въ немъ лекцій, вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ, осенью 1861 года. Въ продолженіе почти 22-хъ лѣтняго занятія этой должности онъ, во время отсутствія попечителей, нѣсколько разъ управлялъ округомъ и предсѣдательствовалъ въ цензурномъ комитетѣ. Въ 1841 году Плетневъ приглашенъ былъ въ члены возникшаго тогда въ академіи наукъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, а въ 1859 году, по выбытіи И. И. Давыдова изъ должности предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, назначенъ былъ, по установленному порядку, на два года въ эту должность, въ которой былъ утверждаемъ и послѣ еще два раза, такъ что она оставалась за нимъ до марта 1865 года. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни онъ, никогда не бывавши прежде за границей, ѣздилъ три раза въ чужіе краи и жилъ тамъ по большей части въ Парижѣ; въ третій разъ онъ оставилъ Россію въ августѣ мѣсяцѣ 1863 года, вслѣдствіе образовавшейся у него въ лѣвомъ ребрѣ раны и сопряженнаго съ тѣмъ общаго разстройства здоровья. Крѣпкое отъ природы сложеніе, при помощи умѣреннаго климата, дало ему возможность прожить съ этою изнурительною болѣзнію еще два съ половиною года. Наконецъ, однакожъ, силы его истощились: 24-го декабря прошлаго года онъ слегъ и почувствовалъ приближеніе смерти. Послѣдніе четыре дня его

жизни, въ которые онъ почти до конца сохранялъ полное сознаніе, оправдали давно извѣстное всѣмъ близкимъ къ нему высокое его духовное развитіе. Онъ угасъ спокойно въ 5-мъ часу утра, 29-го декабря.

Отлагая до другаго времени болѣе подробную характеристику его замѣчательной личности, вмѣстѣ съ полнымъ исчисленіемъ и обзоромъ литературныхъ трудовъ его, позволю себѣ здѣсь лишь нѣсколько бѣглыхъ указаній. Плетневъ никогда не былъ въ полномъ смыслѣ ученымъ; въ природѣ его недоставало нѣкоторыхъ условій, необходимыхъ для постоянной чисто-научной дѣятельности. Въ ту эпоху, когда онъ избранъ былъ сперва въ профессоры, а потомъ въ академики, требованіе строго-ученаго характера въ разработкѣ знаній о литературѣ не обозначилось у насъ еще такъ опредѣлительно, какъ теперь. Притомъ, тогда Плетневъ давно уже пользовался заслуженною извѣстностью въ той области литературы, которая можетъ процвѣтать не иначе, какъ на почвѣ науки. Я разумѣю область критики. На это поприще онъ вступилъ уже лѣтъ 30-ти отъ роду, почти въ то же время, когда началъ печатать стихи. Какъ членъ Вольнаго общества любит. росс. словесности, издававшаго журналъ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», онъ еще въ 1821 г. читалъ въ одномъ изъ засѣданій общества *краткое обозрѣніе русскихъ писателей.* Вскорѣ послѣ того начинается въ этомъ журналѣ рядъ критическихъ статей его, предметомъ которыхъ были многія изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній тогдашней литературы, напр. идиллія Гнѣдича «Рыбаки», «Шильйонскій узникъ» и «Орлеанская Дѣва» Жуковскаго, «Кавказскій плѣнникъ» Пушкина. Иногда же онъ обращался къ русскимъ писателямъ XVIII-го столѣтія. Большая часть этихъ критическихъ статей должны были останавливать на себѣ вниманіе лучшихъ современныхъ ли-

тераторовъ, потому что обнаруживали рѣдкое знакомство съ дѣломъ, глубоко-развитое эстетическое чувство и высокую степень критическаго дара. Среди другихъ литературныхъ разборовъ того времени, представляющихъ много страннаго по нынѣшнимъ понятіямъ, рецензіи Плетнева еще и теперь поражаютъ насъ не только свѣжестью нисколько не устарѣвшаго языка, но и вѣрностью мыслей, отчасти новыхъ для того времени, наприм. о превосходствѣ народной поэзіи, о неестественности требованія трехъ единствъ въ драмѣ, объ употребленіи 5-ти-стопнаго ямба въ этомъ родѣ поэзіи, о слабыхъ сторонахъ «Кавказскаго Плѣнника», о подражаніяхъ Пушкина Байрону и т. п. Зрѣлость тогдашнихъ критическихъ статей Плетнева должна быть цѣнима тѣмъ выше, что наша литература почти не представляла ему образцовъ въ этомъ родѣ. Сверхъ теоретическаго своего значенія, его статьи имѣютъ еще и ту цѣну, что могутъ служить очень полезными матеріалами для исторіи литературы своего времени. Кромѣ «Соревнователя», критическіе труды Плетнева являлись также въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и другихъ альманахахъ и журналахъ, потомъ въ «Литературной газетѣ» Дельвига, въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», и наконецъ въ «Современникѣ», который онъ издавалъ въ теченіе 8 лѣтъ (1838 — 1846) и гдѣ, между многими слишкомъ краткими и нѣсколько уклончивыми отзывами о явленіяхъ тогдашней литературы, попадаются однакоже и подробныя критики, обличающія тонкаго знатока литературы и человѣка, искусившагося въ опытахъ жизни; здѣсь можно указать на его разборъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя, «Тарантаса» графа Соллогуба, стихотвореній Баратынскаго и «Опыта исторіи русской литературы» А. В. Никитенко.

Что касается до стихотвореній Плетнева, печатавшихся

въ 1820 годахъ, то на первый случай упомяну только, что они пользовались уваженіемъ въ кругу первоклассныхъ поэтовъ того времени — не только сверстниковъ его, но и людей прежняго поколѣнія. Дарованіе, обнаруживавшееся въ двоякихъ трудахъ Плетнева, объясняетъ намъ то почетное положеніе, которое онъ занялъ въ литературѣ и о которомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ посвященіе ему Пушкинымъ «Евгенія Онѣгина». Въ этомъ посланіи говорится также о *прекрасной душѣ*, *исполненной святой мечты*, *высокихъ думъ и простоты*, и въ этихъ словахъ мы находимъ указаніе на другую сторону существа Плетнева, которая должна была доставлять ему сочувствіе всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ и умѣвшихъ цѣнить въ писателѣ *человѣка*.

Если Плетневъ не издавалъ чисто-ученыхъ трудовъ, то не надобно однакожъ думать, чтобы онъ остался чуждъ внимательнаго изученія своего предмета. Не говоря объ обширной начитанности, пріобрѣтенной имъ еще въ молодости, замѣтимъ, что онъ, немедленно по предложеніи ему каѳедры, приступилъ къ составленію записокъ по исторіи русской литературы. Онѣ были доведены имъ до временъ Петра Великаго, и хотя не представляютъ самостоятельныхъ изслѣдованій, однакожъ показываютъ прилежное ознакомленіе со всѣми имѣвшимися тогда по этой части печатными источниками. Здѣсь мѣсто упомянуть также о небольшой книжкѣ, напечатанной имъ въ 1835 году по преподаванію исторіи русской литературы Наслѣднику Цесаревичу. Всѣ занимавшіеся съ Его Высочествомъ преподаватели получили тогда вызовъ напечатать употреблявшіяся ими при этихъ занятіяхъ пособія, и вслѣдствіе того, въ то же время какъ Арсеньевъ издалъ свою «Статистику», Плетневъ напечаталъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, свой «Хроно-

логическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ», книжку, о которой недавно съ уваженіемъ было упомянуто въ печати лицомъ, желавшимъ узнать имя не названнаго при ней автора.

Отчеты Плетнева по с.-петербургскому университету и по Отдѣленію русскаго языка и словесности, хотя и не избѣгли нѣкоторыхъ обыкновенныхъ недостатковъ этого рода сочиненій, всегда сохранятъ однакожъ значеніе необходимаго пособія для будущаго историка русскаго просвѣщенія въ періодъ, ими обнимаемый (1840—1860). Отчеты Плетнева по Отдѣленію до 1851 года включительно изданы были особою книжкою еще въ 1852 году, подъ надзоромъ самого составителя ихъ; собраніе отчетовъ за послѣдующіе годы, отчасти писанныхъ другими, печатается въ настоящее время.

Отдѣльно напечатаны еще слѣдующіе труды Плетнева: 1) «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова», 1847 года; 2) «О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго», 1853 года; 3) «Памяти графа С. С. Уварова, президента Императорской академіи наукъ», 1855 года *).

*) Остались ли послѣ Плетнева какія-либо важныя бумаги, намъ еще не извѣстно. Достовѣрно то, что у множества лицъ должно быть разсѣяно большое число писемъ Петра Александровича, который всегда отличался исправностью въ корреспонденціи, и мы считаемъ долгомъ заявить, что всякое его письмо, имѣющее значеніе или интересъ, будетъ принято нами съ благодарностью и съ обязательствомъ возвратить доставленный намъ документъ, куда будетъ указано.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ЗАПИСКА

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ П. С. БИЛЯРСКАГО, СОСТАВЛЕННАЯ П. П. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Императорской академіи наукъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, при открывшейся въ немъ вакансіи адъюнкта, озабочено было пріобрѣсти новымъ своимъ выборомъ не только члена академіи, достойнаго этого званія по отличнымъ свѣдѣніямъ въ отечественномъ языкѣ и его литературѣ, но и дѣйствительнаго сотрудника въ постоянномъ исполненіи обязанностей, возложенныхъ Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ на членовъ Отдѣленія. Академіи извѣстно, что по Отдѣленію русскаго языка и словесности, гдѣ двадцать академиковъ должны бы совокупно трудиться, едва четвертая часть находитъ возможность отвѣчать ожиданіямъ Отдѣленія. Отличенные отъ прочихъ академиковъ почетнымъ характеромъ своей безмездной должности, они пользуются правомъ безотвѣтственной обязанности своей и посвящаютъ время другимъ должностямъ, на нихъ возлагаемымъ государственною службою.

Дѣйствительно трудящіеся для Отдѣленія члены его давно внимательно всматривались въ характеръ ученыхъ занятій г. Билярскаго, члена учебнаго комитета при военно-учеб-

ныхъ заведеніяхъ. Усматривая въ постоянномъ ихъ выборѣ, направленіи и достоинствахъ по преимуществу тѣ качества, которыя такъ важны въ трудахъ Отдѣленія, они наиболѣе получили сочувствія къ нимъ, когда узнали, что г. Билярскій находился въ качествѣ соучастника въ трудахъ I-го и III-го Отдѣленій академіи съ 1853 до 1856 года при изданіи на русскомъ языкѣ «Ученыхъ Записокъ» означенныхъ Отдѣленій. Самые разнообразные изъ ученыхъ трудовъ г. Билярскаго помѣщаемы были въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», гдѣ онъ постоянно завѣдывалъ критикою, исторіею, библіографіею и біографіей. Филологическія сочиненія Ганки и Миклошича встрѣтили въ русскомъ критикѣ судью вполнѣ свѣдущаго и безпристрастнаго, который, воздавъ достойное уваженіе славянскимъ корифеямъ, не уклонился отъ законныхъ возраженій на ихъ слабыя стороны или вкравшіяся ошибки.

Одинъ изъ болѣе замѣчательныхъ трудовъ его по части филологіи явился въ Мемуарахъ академіи нашей въ Отдѣленіи сочиненій постороннихъ ученыхъ, напечатанный въ 1847 году, и съ нѣкоторыми дополненіями вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1858 г. Онъ носитъ заглавіе: «О Средне-Болгарскомъ вокализмѣ». Авторъ здѣсь съ особеннымъ знаніемъ дѣла и съ необходимымъ для того вниманіемъ разсмотрѣлъ правила употребленія гласныхъ буквъ въ переводѣ Лѣтописи Манассіи по Синодальному списку XIV вѣка. Это изученіе привело его къ важному убѣжденію, въ какой степени, для успѣховъ славянской филологіи, необходимо ученое изслѣдованіе языка болгарскихъ рукописей упомянутаго вѣка, и въ какой мѣрѣ съ этимъ занятіемъ связано изъясненіе судебъ не только болгарскаго, но и церковно-славянскаго языка. Другой, еще болѣе самостоятельный, трудъ г. Билярскаго содержитъ въ себѣ историко-критическую оцѣнку

изысканій о [illegible] Евангеліи, и анализъ правописанія этой рукописи. Онъ былъ напечатанъ въ [illegible] году, и удостоенъ академіею [illegible] и прочее.

Въ 1[illegible] году г. Билярскій [illegible] печатные переводы своего [illegible] философскаго сочиненія Вильгельма Гумбольдта: «О различіи [illegible] человѣческаго языка». Этимъ трудомъ нашъ ученый внесъ въ область русской литературы [illegible] систему [illegible] идей и обратилъ вниманіе современныхъ филологовъ [illegible] на глубокія изслѣдованія въ науки, безъ изслѣдованія которыхъ она никогда не подымется на высоту необходимыхъ общечеловѣческихъ знаній. Вѣрный, точный, гибкій и выразительный языкъ этого перевода болѣе всего свидѣтельствуетъ о талантѣ г. Билярскаго какъ отличнаго русскаго писателя. Замѣчательно, что еще въ 1853 году онъ представилъ необыкновенно тщательно обработанную біографію Вильгельма Гумбольдта и внесъ въ нее характеристику ученыхъ трудовъ этого великаго писателя.

Нельзя также умолчать объ его критической оцѣнкѣ успѣховъ русской грамматики. Это изслѣдованіе напечатано въ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, подъ названіемъ: «Сколько главныхъ частей въ предложеніи?»

Основываясь на успѣхахъ его какъ ученаго и какъ литератора, Второе Отдѣленіе, по желанію Предсѣдательствующаго своего и академиковъ И. И. Срезневскаго и Я. К. Грота, съ согласія г. Президента академіи опредѣлило подвергнуть его баллотированію въ адъюнкты.

ЗАПИСКА

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ П. П. ПЕКАРСКАГО, СОСТАВЛЕННАЯ И. И. СРЕЗНЕВСКИМЪ *).

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, съ одобренія г. Президента Академіи, въ засѣданіи 24-го ноября сего 1862 года, единогласно избрало въ число своихъ членовъ, въ званіе адъюнкта, Петра Петровича Пекарскаго, коллежскаго совѣтника, старшаго архиваріуса Государственнаго архива, члена Археологическаго общества, занимающаго въ немъ должность секретаря по отдѣленію русской и славянской археологіи.

При избраніи г. Пекарскаго своимъ членомъ, второе Отдѣленіе Академіи имѣло въ виду, съ одной стороны, необходимость имѣть въ средѣ своей ученаго, основательно знающаго старую русскую литературу и занятаго изслѣдованіями о ней въ связи съ народнымъ и общественнымъ бытомъ и образованностью, съ другой стороны увѣренность, что г. Пекарскій, и безъ того постоянно и прилежно занимавшійся учеными работами, будетъ членомъ дѣятельнымъ, участникомъ усерднымъ въ трудахъ Отдѣленія.

*) См. выше стр. 389.

[illegible]

Въ [illegible] Отечественныхъ [illegible] въ [illegible]

[illegible] г.

«[illegible] XVIII [illegible] въ [illegible] № [illegible]

«[illegible] библіографическихъ [illegible] въ [illegible] № [illegible]

[illegible] г.

«[illegible] литературы Екатерининскаго времени»: въ Отечественныхъ Запискахъ № 4.

«[illegible] въ [illegible] году»: въ Современникѣ № 4.

[illegible] г.

«Мистеріи и [illegible] театръ въ Россіи»: въ Современникѣ и отдѣльной брошюрой.

Разборъ сочиненій: «Исторія петербургской академіи художествъ» и «Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца»: въ Современникѣ.

1858 г.

«Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ»: въ Современникѣ № 2.

«Кондратовичъ, русскій писатель XVIII вѣка»: въ Современникѣ № 6.

«Новые матеріалы для біографій Ломоносова, Сумарокова, И. И. Шувалова, Поповскаго и кн. А. Кантемира»: Библіографическія записки, т. I, стр. 489 и слѣд.

«Походъ Русскихъ въ Пруссію въ 1757 году»: въ Военномъ Сборникѣ т. III, от. II.

«Царица Мареа Матвѣевна, супруга царя Θеодора Алексѣевича»: въ изданіи: Россійскій царственный домъ.

1859 г.

«Студенческія воспоминанія о Д. И. Мейерѣ, профессорѣ казанскаго университета»: въ сборникѣ «Братчина».

1860 г.

Разборъ VI тома «Исторіи Петра Великаго» академика Устрялова: въ Современникѣ № 1.

«Петербургская старина»: въ Современникѣ №№ 5, 6 и 10.

«Баронъ Гюйсенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства при Петрѣ Великомъ»: въ Отеч. Запискахъ.

1861 г.

«Извѣстія объ одной брошюрѣ, напечатанной въ Кіевѣ въ 1632 г.»: въ Извѣстіяхъ Археологическаго общества т. III, стр. 198.

«О Русскихъ книгахъ, напечатанныхъ въ Галле, въ 1735 г.»: въ Библіографическихъ запискахъ № 2, «Замѣтка о русскомъ стихотворцѣ изъ крѣпостныхъ въ XVIII вѣкѣ»: тамъ же № 3.

1862 г.

«Представители Кіевской учености въ половинѣ XVII вѣка»: три статьи въ Отеч. Запискахъ №№ 2, 3 и 5.

«Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ»: переводъ до сихъ поръ находившихся въ рукописи

депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ и кромѣ того біографія де-ла-Шетарди и обширныя примѣчанія и дополненія (XXII и 638 страницъ въ 12-ю долю листа). Въ этой книгѣ заключаются подробности о послѣднемъ годѣ царствованія Императрицы Анны, регентствахъ Бирона и Анны Леопольдовны и наконецъ о восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы.

Кромѣ того г. Пекарскій помѣстилъ статьи въ «Энциклопедическомъ Словарѣ», изд. въ 1861—62 годахъ:

Аврамовъ, директоръ петербургской типографіи при Петрѣ Великомъ.

Агафья, царица, первая супруга Ѳеодора Алексѣевича.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ.

Академіи духовныя: Кіевская, Московская и Петербургская.

Анна Іоанновна, Императрица.

Анна Петровна, дочь Петра Великаго.

Анастасевичъ, русскій библіографъ.

Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ Ростовскій.

Арсеньевъ, академикъ.

Апраксины.

Архивъ Государственный.

Издавая частныя изслѣдованія и очерки о XVII и XVIII вѣкѣ, г. Пекарскій готовилъ съ тѣмъ вмѣстѣ въ продолженіе шести лѣтъ обширный трудъ о «наукѣ и литературѣ при Петрѣ Великомъ». Трудъ этотъ былъ представленъ Академіи на соисканіе Демидовской награды и, какъ всѣмъ очень памятно, единогласно удостоенъ былъ большой преміи. Трудъ этотъ теперь печатается съ дополненіями по новымъ изслѣдованіямъ автора: первый томъ уже отпечатанъ и изданъ (578 стр. въ большую осьмушку); второй печатается (займетъ болѣе 45 листовъ, изъ которыхъ отпечатано 30).

Люди знакомые съ дѣломъ, конечно, такъ же единогласно засвидѣтельствуютъ, что почти при всѣхъ своихъ трудахъ г. Пекарскій, не довольствуясь общедоступными изданными матеріалами, искалъ прилежно новыхъ, неизвѣстныхъ, и счастливо умѣлъ ихъ находить и освѣщать ими предметы своихъ изслѣдованій.

Не менѣе того, изъ трудовъ г. Пекарскаго видно, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ литературныхъ дѣятелей нашего времени, въ которыхъ съ даровитостью, образованностью, любовію къ наукѣ, начитанностью и трудолюбіемъ соединяется стойкость въ веденіи каждаго предпринятаго труда и въ исполненіи его по требованіямъ науки, а вмѣстѣ и постоянство въ занятіяхъ по разъ избранному кругу вопросовъ.

ЗАПИСКА

ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ А. Ѳ. БЫЧКОВА, СОСТАВЛЕННАЯ И. И. СРЕЗНЕВСКИМЪ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности давно сознаетъ потребность имѣть въ своей средѣ ученаго, который бы съ общимъ филолого-историческимъ знаніемъ русскаго языка и словесности и приготовленностью къ строго-научнымъ изслѣдованіямъ соединялъ въ себѣ особенное знаніе языка и словесности средняго періода (XV—XVII вѣка), менѣе другихъ изслѣдованнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ представляющаго въ огромной массѣ памятниковъ очень многое для объясненія не только состоянія времени, къ которому они относятся, но и періода древняго (до XV вѣка) и болѣе позднихъ явленій. Само собою разумѣется, что желаемое знаніе средняго періода предполагаетъ близкое знакомство съ памятниками его, между прочимъ и палеографическое и археологическое, съ памятниками въ подлинникахъ или въ старыхъ спискахъ, потому что изъ памятниковъ этого періода изданы очень немногіе и притомъ изданы большею частію неудовлетворительно.

Въ числѣ весьма немногихъ нашихъ ученыхъ, имѣвшихъ случай и охоту близко и основательно ознакомиться съ этими памятниками, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ зани-

маетъ хранитель рукописей Императорской публичной библіотеки, членъ-редакторъ археографической коммиссіи А. Ѳ. Бычковъ.

Общее уваженіе всѣхъ занимающихся русскою древностью и стариною г. Бычковъ пріобрѣлъ издавна. Одни не могли не почтить его, какъ *изслѣдователя* и *издателя* памятниковъ, другіе — какъ знатока дѣла, полезнаго указаніями и совѣтами.

Изъ *изданій* г. Бычкова съ особенною признательностью должно вспомнить:

— Четыре тома Дворцовыхъ разрядовъ XVII вѣка, напечатанные съ прекраснымъ указателемъ въ 1850—1856 г.

— Два тома Путевыхъ и походныхъ журналовъ Петра Великаго, 1695—1726 г., съ примѣчаніями, напечатанные въ 1853—1855 г.

— Четыре тома Полнаго собранія лѣтописей VII—IX и XV вѣка, заключающіе въ себѣ лѣтопись Воскресенскую, часть Никоновской и лѣтопись Тверскую, напечатанные въ 1857—1863 г.

Какъ г. Бычковъ понимаетъ и исполняетъ обязанности издателя памятниковъ, особенно видно изъ этого послѣдняго труда. Изданіе русскихъ лѣтописей, особенно тѣхъ, которыя не сохранились въ древнихъ спискахъ, представляетъ значительныя трудности. Объ изданіи палеографическомъ едва ли и думать можно; списковъ много, въ каждомъ есть значительныя ошибки переписчиковъ и въ каждомъ есть свои достоинства. Естественно придти къ мысли объ изданіи, такъ сказать, эклектическомъ, въ которомъ бы явился текстъ, исправленный посредствомъ сличенія списковъ. Но такое изданіе допускаетъ въ издателѣ личный произволъ и болѣе или менѣе случайныя измѣненія подлинника. Г. Быч-

ковъ вступилъ при изданіи Воскресенской лѣтописи на другой путь, гораздо болѣе удовлетворяющій общимъ требованіямъ.

Изучивши внимательно списки лѣтописи, онъ нашелъ списокъ Парижскій самымъ удовлетворительнымъ и взялъ его какъ основный. При изданіи его онъ рѣшился сохранить всѣ его особенности синтаксическія и орѳографическія. Но въ отношеніи къ содержанію нельзя было довольствоваться Парижскимъ спискомъ, нельзя было оставить неисправленными его разныхъ описокъ, и чтобы сдѣлать чтеніе лѣтописи для всѣхъ удобнымъ, нельзя было обозначать исправленія только въ примѣчаніяхъ; напротивъ того, надо было исправляемое замѣнять болѣе правильнымъ въ самомъ текстѣ; а чтобы не смѣшать этихъ измѣненій съ тѣмъ, что осталось, какъ было въ спискѣ, всѣ измѣненія обозначены въ особыхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ такъ, что съ помощію ихъ можно возстановить чтеніе Парижскаго списка. Другаго лучшаго пути для изданія лѣтописей, подобныхъ Воскресенской, кажется, нѣтъ, и онъ при господствовавшихъ не только въ началѣ 30-хъ годовъ, но еще и позже пріемахъ науки заслуживаетъ особеннаго вниманія. Тѣхъ же основныхъ правилъ держался г. Бычковъ и при изданіи другихъ лѣтописей, и вообще памятниковъ, имъ изданныхъ.

Изслѣдованія г. Бычкова были помѣщаемы въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, между прочимъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ Извѣстіяхъ академіи, въ Трудахъ и Извѣстіяхъ археологическаго общества. Каждое изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ первыхъ опытовъ его, изложено съ осторожностью и опредѣлительностью знанія и критическаго такта. Для примѣра можно вспомнить о разборѣ написи на серебряной, открытой имъ, чарѣ князя Владиміра Давидовича, окончательно опредѣлившемъ время,

къ которому принадлежитъ этотъ любопытный остатокъ XII вѣка. Не менѣе любопытно изслѣдованіе Кипріяновскаго отзыва о Евангеліи XI вѣка.

Въ числѣ заслугъ г. Бычкова нельзя опустить труда, хотя еще и неизданнаго, но знакомаго многимъ изъ пользовавшихся рукописями публичной библіотеки. Это обширное описаніе славянскихъ и русскихъ ея рукописей, въ которомъ изложено и ихъ содержаніе. Образецъ подобнаго труда былъ данъ еще Востоковымъ въ его «Описаніи рукописей Румянцовскаго музея». Давно настояла надобность въ такомъ же описаніи несравненно важнѣйшихъ сокровищъ Императорской публичной библіотеки. Но дѣло это представляло гораздо болѣе трудностей какъ по богатству хранилища, такъ и по разнообразію находящихся въ немъ рукописей. Съ самаго того времени, какъ г. Бычковъ въ 1849 г. принялъ этотъ отдѣлъ библіотеки въ свое завѣдываніе, онъ болѣе и болѣе знакомился съ содержаніемъ его и составилъ обширный *каталогъ* рукописей, давно извѣстный тѣмъ, которые пользовались этимъ отдѣломъ библіотеки. Впослѣдствіи приступивъ къ *описанію* его богатствъ, онъ началъ свой трудъ не съ тѣхъ рукописей, надъ которыми выполненіе задачи было бы всего легче, а съ многочисленныхъ сборниковъ, имѣющихъ разныхъ составителей, относящихся къ разнымъ эпохамъ и весьма разнообразныхъ какъ по содержанію, такъ и по языку. Такое предпріятіе не могло быть осилено безъ долговременныхъ предварительныхъ работъ палеографическихъ, историческихъ, филологическихъ и литературныхъ, которыми г. Бычковъ дѣйствительно занимался съ 1841 года. Отпечатанные уже 10 первыхъ листовъ этого обширнаго труда позволяемъ себѣ приложить къ настоящей запискѣ. Судя по этому началу, описаніе г. Бычкова составитъ одно изъ важнѣйшихъ ученыхъ пособій

этого рода; довершенное съ такимъ же тщаніемъ и знаніемъ дѣла, оно обогатитъ науку русской исторіи и литературы неисчислимымъ новымъ матеріяломъ и значительно расширитъ нашъ историческій кругозоръ.

Имѣя въ виду, что Отдѣленію русскаго языка и словесности, по кончинѣ Востокова и выбытіи г. Билярскаго, необходимо усилить свой составъ дѣятелями, хорошо подготовленными для предстоящихъ разнообразныхъ лексикографическихъ и историко-литературныхъ трудовъ, и что г. Бычковъ между немногими русскими учеными въ этой области занимаетъ по общему признанію почетное мѣсто, что его основательныя и обширныя познанія въ славяно-русской письменности, его научное образованіе и рѣдкое трудолюбіе высоко цѣнятся всѣми знатоками, мы считаемъ своею обязанностію предложить его въ экстраординарные академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности, въ полной увѣренности, что онъ своею ученою дѣятельностью оправдаетъ выборъ академіи.

СПИСОКЪ

ОТДѢЛЬНЫХЪ ТРУДОВЪ Г. БЫЧКОВА.

1. Разборы Остромірова евангелія, изданнаго Востоковымъ, и Мухамеданской нумизматики Савельева (въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія).
2. Разборъ сочиненія Погодина: «Несторъ» (тамъ же).
3. О среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи (тамъ же).
4. Описаніе серебряной чары XII вѣка, принадлежавшей черниговскому князу Владиміру Давидовичу (въ Запискахъ археол. общества).
5. Историческія замѣтки о неизвѣстномъ Новгородскомъ посадникѣ Михаилѣ Моторицинѣ (въ Чтеніяхъ Моск. общ. истор.).
6. Разборъ описанія рукописей Румянцовскаго музеума (въ Москвитянинѣ).
7. Разборъ сочиненія Устрялова «Именитые люди Строгановы» (въ Маякѣ).
8. Дополнительныя статьи къ судебнику Іоанна IV Васильевича (Архивъ истор. юридич. Калачова).
9. Путешествіе казацкихъ атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Елычева въ Китай, 1567 года (во 2-мъ томѣ Сказаній Русскаго народа, Сахарова).
10. О неизвѣстныхъ библіографамъ изданіяхъ, вышедшихъ изъ литографіи въ Долгомъ полѣ (въ Библ. запискахъ).

11. О шведскомъ переводѣ Котошихина, исправляющемъ ошибки изданнаго русскаго текста (въ Протоколахъ археол. коммиссіи, напечатанныхъ въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія).
12. Два новые матеріала для біографіи Котошихина (въ Архивѣ Калачова).
13. Наказъ, данный 5-го ноября 1771 года Императрицею Екатериною II генералъ-аншефу князю М. Н. Волконскому, въ введеніи къ которому сообщены новыя свѣдѣнія о моровой язвѣ 1771 года въ Москвѣ (тамъ же).
14. Новыя свѣдѣнія объ Остроміровомъ евангеліи (въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ).
15. Поправки къ статьѣ о грузинской царевнѣ Тамарѣ (тамъ же).
16. Обзоръ хода изданія лѣтописей въ Россіи въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія.
17. Авраамій Палицынъ (въ Энцикл. Словарѣ).
18. Отрывки евангелія XI вѣка (въ Извѣстіяхъ археолог. общества).
19. Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго, Домострой Каріона Истомина, краткій лѣтописецъ Троицко-Сергіевы лавры (въ Лѣтописи занятій Археол. коммиссіи).

Походные журналы Петра Великаго, 1695—1725 годовъ, снабженные многочисленными историческими и географическими примѣчаніями.

Кромѣ того г. Бычковъ собралъ и привелъ въ порядокъ матеріалы для четырехъ послѣднихъ томовъ (10—13) Полнаго собранія сочиненій Жуковскаго, печатаніе и редакція которыхъ были возложены на него графомъ Блудовымъ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

ЧЛЕНОВЪ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СО ВРЕМЕНИ ЕГО ОСНОВАНІЯ ДО 1866 ГОДА *).

1841. О. А. Высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ.

— О. А. Высокопреосвященный архіепископъ харьковскій, впослѣдствіи херсонскій и таврическій Иннокентій † 1857.

— О. А. Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ † 1865.

— О. А. Петръ Григорьевичъ Бутковъ † 1857.

— О. А. Александръ Христофоровичъ Востоковъ † 1864.

— О. А. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

— О. А. Иванъ Ивановичъ Давыдовъ: съ 1851 г. до 1859 предсѣдательствующій † 1863.

— О. А. Василій Андреевичъ Жуковскій † 1852.

— О. А. Михаилъ Андреевичъ Каченовскій † 1842.

— О. А. Иванъ Андреевичъ Крыловъ † 1844.

— О. А. Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій † 1848.

— О. А. Владиміръ Ивановичъ Панаевъ † 1859.

---

*) Въ этомъ спискѣ показаны не только академики ординарные (О. А.), экстраординарные (Э. А.) и адъюнкты (А.) Втораго Отдѣленія академіи, но и почетные члены Отдѣленія (П. Ч.) и корреспонденты (К.) академіи по Второму Отдѣленію.

1841. О. А. Петръ Александровичъ Плетневъ: съ 1859 до марта 1865 г. предсѣдателствующій † 1865 г.
— О. А. Михаилъ Петровичъ Погодинъ.
— О. А. Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ: съ 1841 до 1850 предсѣдательствующій † 1853.
— О. А. Дмитрій Ивановичъ Языковъ † 1845.
— А., 1845: Э. А., 1847: О. А. Яковъ Ивановичъ Бередниковъ † 1854.
— А., 1849: Э. А. Михаилъ Петровичъ Розбергъ.
— А., 1847: Э. А., 1849: О. А. Павелъ Михайловичъ Строевъ.
— А., 1847: Э. А., 1852: О. А. Степанъ Петровичъ Шевыревъ † 1864.
— П. Ч. Высокопреосвященный митрополитъ новгородскій Серафимъ † 1843.
— П. Ч. Высокопреосвященный архіепископъ казанскій Григорій † 1860.
— П. Ч. Высокопреосвященный митрополитъ кіевскій Филаретъ † 1857.
— П. Ч. Протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ.
— П. Ч. Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ † 1848.
— П. Ч. Василій Ивановичъ Григоровичъ † 1865.
— П. Ч. Иванъ Александровичъ Гульяновъ † 1841.
— П. Ч. Яковъ Александровичъ Дружининъ † 1849.
— П. Ч. Петръ Андреевичъ Загорскій † 1846.
— П. Ч. Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ † 1852.
— П. Ч. Александръ Васильевичъ Казадаевъ † 1854.
— П. Ч. Павелъ Александровичъ Катенинъ † 1853.
— П. Ч. Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ † 1844.

1841. П. Ч., 1846: О. А. Протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ † 1854.
— П. Ч. Алексадръ Ивановичъ Красовскій † 1857.
— П. Ч., 1845: О. А. Михаилъ Евстафіевичъ Лобановъ † 1846.
— П. Ч. Өедоръ Петровичъ Лубяновскій.
— П. Ч. Протоіерей Алексѣй Ивановичъ Маловъ † 1855.
— П. Ч. Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ † 1851.
— П. Ч. Андрей Наколаевичъ Муравьевъ.
— П. Ч. Протоіерей П. И. Мысловскій † 1846.
— П. Ч. Степанъ Яковлевичъ Нечаевъ † 1863.
— П. Ч., 1851: О. А. Авраамъ Сергѣеевичъ Норовъ.
— П. Ч. Василій Матвѣевичъ Перевощиковъ † 1851.
— П. Ч. Александръ Александровичъ Писаревъ † 1848.
— П. Ч. Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій † 1848.
— П. Ч. Степанъ Васильевичъ Руссовъ † 1842.
— П. Ч. Константинъ Степановичъ Сербиновичъ.
— П. Ч. Дмитрій Ивановичъ Соколовъ † 1852.
— П. Ч. Михаилъ Өедоровичъ Соловьевъ † 1856.
— П. Ч. Борисъ Михайловочъ Федоровъ.
— П. Ч. Дмитрій Семеновичъ Чижовъ † 1852.
— П. Ч. Князь Александръ Александровичъ Шаховской † 1846.
— П. Ч. Иванъ Петровичъ Шульгинъ.
— К. Николай Ивановичъ Гречъ, съ 1827 корреспондентъ академіи наукъ.
— К. Владиміръ Ивановичъ Даль, съ 1833 г. корреспондентъ академіи. Съ 1863 почетный членъ академіи наукъ.

1841. К. Павелъ Павловичъ Шафарикъ, съ 1839 корреспондентъ академіи † 1861.
— К. Вячеславъ Вячеславичъ Ганка, съ 1840 корреспондентъ академіи † 1861.
— К. В. Копитаръ † 1844.
1842. О. А. Василій Алексѣевичъ Полѣновъ, почетный членъ академіи. Въ 1850—1851: предсѣдательствующій † 1851.
— К. Модестъ Дмитріевичъ Резвый † 1853.
1847. А., 1851: Э. А. Михаилъ Андреевичъ Коркуновъ † 1858.
1849. А., 1851: Э. А., 1854: О. А. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.
1851. К. Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.
— К. Вукъ Стефановичъ Караджичь † 1863.
1852. К., О. А., 1862: Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.
— К., 1855: А., 1856: Э. А., 1857: О. А. Яковъ Карловичъ Гротъ.
1853. К. Константинъ Алексѣевичъ Неволинъ † 1855.
— К., 1852: О. А. Александръ Васильевичъ Никитенко.
— К. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.
— К., 1855: А., 1857: Э. А. Петръ Павловичъ Дубровскій. Выбылъ и остался корреспондентомъ отдѣленія 1862.
1854. О. А. Преосвященный епископъ винницкій Макарій.
— К. Иванъ Михайловичъ Снегиревъ.
— К. Іосифъ Максимовичъ Бодянскій.
— К. Александръ Ѳомичъ Вельтманъ.
— К. Иванъ Петровичъ Сахаровъ † 1863.
1855. К., 1866: Э. А. Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.
— К. Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ.

1855. К. Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ.
— К. Діонисій Зубрицкій † 1861.
— К. Иванъ Кукулевичъ-Сакцинскій.
1856. К. Егоръ Петровичъ Ковалевскій.
— К. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.
— К. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ † 1861.
— К. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ † 1860.
— К. Вацлавъ Александровичъ Мацеіовскій.
— К. Петръ Алексѣевичъ Лавровскій.
— К. Александръ Θедоровичъ Гильфердингъ.
— К. Миклошичъ.
— К. Эрбенъ.
1857. К. Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ.
— К Александръ Васильевичъ Горскій.
1858. О. А. Герасимъ Петровичъ Павскій † 1863.
1860. А., 1862: Э. А. Петръ Спиридоновичъ Билярскій.
— К. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
— К. Иванъ Александровичъ Гончаровъ.
1861. К. Дмитрій Васильевичъ Полѣновъ.
— К. Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ.
1863. А., 1864: Э. А. Петръ Петровичъ Пекарскій.
— К. Николай Саввичъ Тихонравовъ.
— К. Алексѣй Николаевичъ Островскій.
— К. Гаттала.
— К. Юрій Даничичъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

*) Записка о трудахъ академика Грота, составленная П. А. Плетневымъ, напечатана въ «Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія академіи наукъ» (T. V).

